

Р.Г. Магомедов

ГИНЧИНСКАЯ КУЛЬТУРА

г. Махачкала

Посвящается светлой памяти моих родителей - Гаджи и Патимат
Автор

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
DAGHESTAN SCIENTIFIC CENTRE
INSTITUTE OF HISTORY, ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

Rabadan G. Magomedov

THE GINCHI CULTURE

Mountains of Daghestan and Chechnya
in the Middle Bronze Age

Editor-in-Chief
Prof. Magomed G. Gadzhiev,
Doctor of History

instituteofhistory.ru

Makhachkala
RAS Daghestan Scientific Centre Publishing House
1998

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Р.Г. Магомедов

ГИНЧИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Горы Дагестана и Чечни
в эпоху средней бронзы

Ответственный редактор
доктор исторических наук
проф. М.Г. Гаджиев

Махачкала

Издательство ДНЦ РАН

1998

ББК 63. 4 (Даг.)
М 12

instituteofhistory.ru

РЕЦЕНЗЕНТЫ :

доктор исторических наук О.М. Давудов
доктор исторических наук, профессор А.Р. Магомедов
кандидат исторических наук М.С. Гаджиев

Данная монография представляет собой одну из первых в кавказоведении обобщающих работ по гинчинской культуре, объединяющей древности горной части Северо-Восточного Кавказа эпохи средней бронзы (конец III - первая половина II тыс. до н. э.). На широком фоне сопоставлений с древностями сопредельных областей исследуются проблемы генезиса, ареала распространения, периодизации и хронологии, локальных вариантов, а также этнического содержания гинчинской культуры.

Книга рассчитана на специалистов-кавказоведов (археологов, лингвистов, антропологов и др.), работников и преподавателей высших и средних учебных заведений, школ, музеев, органов культуры и охраны памятников, а также студентов, школьников и всех интересующихся историей родного края.

Спонсор издания: АО «Дагтекстиль»
(президент М.А. Мирзабеков)

Магомедов Р.Г.
М 12 ГИНЧИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы.
- Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1998. - 378 с.

© Магомедов Р.Г., 1998

© Институт ИАЭ ДНЦ РАН, 1998

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Уважаемый читатель! Книга «Гинчинская культура», написанная нами в отделе археологии Института истории, языка и литературы Дагестанского научного центра АН СССР (ныне - Институт истории, археологии и этнографии и Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН), была завершена в целом к 1988 г. По основным разделам работы нами были сделаны доклады и сообщения на заседаниях отдела неолита и бронзы Института археологии АН СССР (Москва), отдела археологии ИИЯЛ ДНЦ АН СССР, на региональных конференциях по археологии Северного Кавказа («Крупновские чтения»). В 1993 г. на основе данной работы нами была защищена кандидатская диссертация [Магомедов Р.Г., 1992 а].

К сожалению, издание книги сильно затянулось из-за отсутствия на это финансовых средств. Естественно, за прошедшие годы вокруг изучения памятников эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа произошли изменения. Например, практически полностью опубликованы материалы таких основополагающих памятников Чечни, как Малохарсенойский [Марковин В.И., 1995] и Бельтинский [Хашегульгов Б.М., 1988] могильники. Материалы раскопок этих объектов были в полной мере учтены нами, правда, в основном по отчетной документации, - поэтому последующие их публикации не вызвали особых изменений в аналитической части нашей работы. Особо следует отметить выход из печати очередного тома «Археологии», посвященного эпохе ранней и средней бронзы Кавказа, где В.И. Марковиным дан обобщающий очерк древностей бронзового века Северо-Восточного Кавказа [Марковин В.И., 1994 в, с. 287-334]. Однако работа В.И. Марковина, как нам кажется, все же не снимает актуальности издания сводного труда по изучению памятников эпохи средней бронзы горной части региона, так как не в полной мере отражает многократно увеличившуюся за последние десятилетия источниковую базу проблемы и основана на прежних концептуальных схемах автора.

В заключение хочется выразить благодарность: В.И. Марковину, М.Н. Погребовой, С. Н. Корневскому, В. И. Мельнику, О. М. Давудову, А.Р. Магомедову, М.С. Гаджиеву и Л.Б. Гмыре - моим строгим, но вместе с тем доброжелательным оппонентам и рецензентам на всех стадиях подготовки рукописи; М.Г. Гаджиеву - научному руководителю диссертации и редактору монографии за ценные советы и предоставление неопубликованных материалов своих раскопок, фото, рисунков и чертежей; М. А. Мирзабекову - президенту АО «Дагтекстиль», А.С. Сулейманову - начальнику ГУВД г. Буйнакск, оказавшим моральное содействие и финансовую поддержку в издании работы, и, наконец, своей жене Зинаиде Магомедовой, техническому редактору книги, вынесшей многое для того, чтобы последняя увидела свет.

Автор

Более 20 лет прошло с того времени, когда была выделена новая археологическая культура эпохи средней бронзы (1-я половина II тыс. до н. э.), распространенная на территории Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни - Ичкерии. По первому и наиболее изученному памятнику - могильнику Гинчи в Горном Дагестане она была названа гинчинской¹. Выделение данной культуры было встречено следователями бронзового века Кавказа неоднозначно. За истекший период высказано немало противоречивых, нередко взаимоисключающих, мнений о правомочности и критериях выделения гинчинской культуры, ее названии, происхождении, хронологии, ареале, локальных вариантах, этнической принадлежности ее носителей и др.² Вокруг вопроса о культурной интерпретации памятников эпохи средней бронзы горной зоны Северо-Восточного Кавказа сложилась весьма острая проблемная ситуация.

Выход из нее видится в упорядочении источниковой базы и понятийного аппарата. Возникла настоятельная необходимость проведения строгого типологического анализа археологических материалов, вычленения в них культуuroобразующих признаков и на этой основе выработки объективных критериев для решения вопросов выделения археологической культуры на надежной источниковой базе.

Данная монография посвящена именно этим вопросам. По существу она является работой культурологического характера и основное внимание в ней уделено упорядочению источниковой базы, сравнительно-типологическому анализу археологических комплексов, выявлению культуuroопределяющих признаков гинчинской культуры. Поэтому в ней, вполне естественно, уделяется мало внимания проблемам экономического и социального развития общества.

В работе обоснована правомочность выделения гинчинской культуры, распространенной в эпоху средней бронзы в Юго-Восточной Чечне - Ичкерии и в горной зоне Северо-Западного Дагестана. Показано, что данная культура не отличается строгим единством на всей территории ее распространения и состоит в основном из двух локальных вариантов (ичкерийский и койсугский, в котором, в свою очередь, намечается еще одна узколокальная группа в Ирганайской долине). Автором показан генезис дан-

---

¹ Гаджиев М.Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 11-28.

² Об истории изучения и интерпретации памятников гинчинской культуры и соответствующую литературу см.: на с. 11-53 данной книги.

ной культуры в результате трансформации раннебронзовой куро-аракской культуры под влиянием различных факторов, в особенности сложных процессов взаимодействия ее носителей со степным миром. В развитии самой культуры выделено два хронологических пласта. Показаны роль гинчинской культуры как одного из источников формирования на Северо-Восточном Кавказе в эпоху поздней бронзы каякентско-хорочоевской культуры, ее связи и культурно-хронологическое соотношение с другими культурами Северо-Восточного Кавказа и сопредельных областей Кавказа. Исследование Р.Г. Магомедова имеет большое значение для понимания сложных процессов этнокультурного развития Восточного Кавказа, в особенности происхождения и ранних этапов этнической истории нахско-дагестанских народов.

Издание этой книги имеет еще один немаловажный аспект. Дело в том, что археологические коллекции, хранившиеся в Краеведческом музее и в фондах НИИ гуманитарных наук Чеченской Республики, полностью уничтожены в ходе боевых действий в Грозном и безвозвратно потеряны для науки. Данная работа, на наш взгляд, послужит заметным вкладом в дело изучения и сохранения культурного наследия народов Северо-Восточного Кавказа.

Проф. М. Г. Гаджиев

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ВВЕДЕНИЕ

«... Причины в истории, как и в любой другой области, нельзя постулировать. Их надо искать...».

Марк Блок. *Апология истории*

Северо-Восточный Кавказ является составной частью единой геоморфологической области Большого Кавказа и занимает северный склон его восточного крыла. Естественными границами его служат с северо-запада - Аргуно-Ассинское междуречье, с севера - Терско-Сулакская низменность, с востока - береговая линия Каспия, а с юга и юго-запада - отроги Главного Кавказского хребта. Таким образом Северо-Восточный Кавказ в основном включает в себя административные территории, занятые Дагестаном и Чечней, а также северо-восточную часть Азербайджана (Хачмассо-Кубинская зона). Этот регион с чрезвычайно сложным рисунком рельефа, разнообразием физико-географических зон, относительно богатым миром флоры и фауны, издревле связывал культуры и цивилизации Восточной Европы и Передней Азии. Однако роль своеобразного коридора, по которому систематически осуществлялись международные контакты и связи, вовсе не обделила Северо-Восточный Кавказ в его культурно-историческом своеобразии. Здесь очень рано, уже в VI-м тыс. до н. э. зарождается производящее хозяйство. Формируется раннеземледельческая культура, которая в целом стабильно развивается в неолите, энеолите и ранней бронзе, в течение почти четырех тысячелетий (VI-III тыс. до н. э.). В изучении этих эпох древней истории Северо-Восточного Кавказа большой вклад внесли исследования А.П. Круглова, Е.И. Крупнова, Р.М. Мунчаева, В.И. Марковина, В.Г. Котовича, В.М. Котович, М.Г. Гаджиева, Х.А. Амирханова и других археологов.

На заключительной фазе эпохи ранней бронзы (вторая половина III тыс. до н. э.) относительно стабильное, поступательное развитие культуры раннеземледельческих племен Северо-Восточного Кавказа оказывается нарушенным. Археологические источники свидетельствуют о кардинальных изменениях во всех сферах материальной культуры: в строительном деле и архитектуре, погребальном обряде и металлообработке и т. д. Чем вызваны эти перемены, какие причины легли в их основу? Каковы их глубина, масштабность и последствия? Изменилось ли этническое лицо местного населения? Ответы на эти и многие другие подобные вопросы невозможны без тщательного изучения памятников эпохи средней бронзы.

В эпоху средней бронзы на Северо-Восточном Кавказе уже не наблюдается то поразительное единство материальной культуры, которое было характерно для предшествующего времени. Складываются локальные культурные образования, среди которых уже выделяются гинчинская культура, манасская, присулакская и великентская группы памятников [Гаджиев М.Г., 1974, с. 13-28; Магомедов Р.Г., 1985 в, с. 221-223]. Впрочем, между различными локальными вариантами культуры эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа остается еще столь много общего, что В.И. Марковин [1980, с. 44] предлагает объединить их под понятием «восточнокавказская культурно-историческая область (общность)».

Несмотря на широкие полевые работы в 50-80 гг., наличие большого количества специальных статей и публикаций, среди которых есть и монографические исследования отдельных памятников [Марковин В.И., 1963б; Котович В.М., 1965; Гаджиев М.Г., 1969б], среднебронзовые древности Северо-Восточного Кавказа все еще остаются недостаточно изученными. Слабое состояние источниковой и источниковедческой базы, отсутствие обобщающих работ вызывают споры и дискуссии среди специалистов по поводу тех или иных проблем в изучении данной эпохи. Острая проблемная ситуация сложилась, например, вокруг т. н. гинчинской культуры, объединяющей памятники горной части Дагестана и Юго-Восточной Чечни. Высказано немало мнений, порою самых противоречивых и спорных, о правомочности существования этой культуры, критериях ее выделения, ее генезисе, хронологии и ареале распространения [Гаджиев М.Г., 1974, с. 11-28; Марковин В.И., Мужухоев М.Б., 1979, с. 9-11; Марковин В.И., 1980, с. 44; Виноградов В.Б., 1979, с. 94-95; он же, 1982а, с. 29-31; Виноградов В.Б. и др., 1985, с. 29-34; Ошаев М.Х., 1983, с. 40-41; История Чечено-Ингушской АССР, 1983, с. 7-8; Магомедов Р.Г., 1987а, с. 25-29; Хашегульгов Б.М., 1988, с. 20-21; он же, 1990, с. 9; Ростунов В.Л., Хашегульгов Б.М., 1990, с. 6-7 и др.].

Слабая разработка истории горной части Северо-Восточного Кавказа в эпоху средней бронзы отрицательно сказывается и на изучении каякентско-хорочоевской культуры, племена-носители которой имели самые непосредственные этногенетические отношения с населением предшествующего времени.

Настоящая монография ставит своими целями обобщение материалов по археологии Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни эпохи средней бронзы, обоснование выделения гинчинской культуры, исследование проблем ее генезиса и становления, хронологии и периодизации, ареала распространения и локальных вариантов, а также преемственности с последующей по времени каякентско-хорочоевской культуры.

Источниковую базу работы преимущественно составляют многочисленные коллекции археологических находок из раскопок Гинчинского (М.И. Пикуль, 1959 г.; Д.М. Атаев, 1959-1960 гг.; М.Г. Гаджиев, 1961-1963 гг.), Ирганайского (Д.М. Атаев, М.Н. Погребова, М.Г. Гаджиев, 1958-1960 гг.), Галгалатлинского (М.Г. Гаджиев, 1968, 1970 гг.) могильников, Верхнегунибского (В.М. Котович, 1958-1959, 1963-1964 гг.) и Ирганайского (Д.М. Атаев, М.Н. Погребова, М.Г. Гаджиева 1958-1960 гг.) поселений в горном Дагестане. Заметное место в работе занимают обширные материалы 1986-1991 гг. из раскопок памятников средней бронзы (поселение и могильник)* у сел. Ирганай (Унцукульский район РД) в зоне затопления Ирганайской ГЭС, произведенных автором в составе Горной археологической экспедиции (с 1988 г. - Ирганайской новостроечной археологической экспедиции; далее - ИНАЭ) ИИЯЛ (нач. эксп. - д. и. н. М.Г. Гаджиев). Активно использованы автором и отчетные материалы** по упомянутым памятникам, а также по памятникам, расположенным в Чечне (отчеты В.И. Марковина за 1956, 1967 гг. о раскопках Гатынкалинского и Малохарсеннойского могильников, отчеты В.А. Петренко за 1979 г. и В.Б. Виноградова за 1981-1985 гг. о раскопках Бельтинского могильника). В меньшей степени по сравнению с археологическими материалами, но в то же время определенную роль в монографии играют данные других смежных наук: антропологии, этнографии, языкознания, палеозоологии, металлографии.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

* Археологические коллекции из раскопок этих и вышеперечисленных памятников хранятся в основном в фондах ИИАЭ, Дагестанского государственного краеведческого музея и Дагестанского музея изобразительных искусств.

** Отчеты о полевых исследованиях рассмотрены в Рукописном фонде ИИАЭ и Архиве Института археологии РАН в г. Москве.

І. К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ

«Всякая книга по истории, достойная этого названия, должна была бы содержать главу или, если угодно, ряд параграфов, включенных в самые важные места и озаглавленных примерно так: «Каким образом я смог узнать то, о чем буду говорить?»

Марк Блок. Апология истории

В изучении древностей эпохи средней бронзы в горной части Северо-Восточного Кавказа*, нами выделяются следующие этапы: 1-й этап - XIX век - 1937 г.; 2-й этап - с 1937 г. до 1954 г. в Горном Дагестане и до 1957 г. в Юго-Восточной Чечне; 3-й этап - 1954 (Горный Дагестан) - 1957 гг. (Юго-Восточная Чечня) до 1974 г.; 4-й этап - с 1974 г. до начала 90-х гг. Как видим, этапы исследования эпохи средней бронзы в двух интересующих нас районах Северо-Восточного Кавказа примерно совпадают, за исключением рубежа 2-го и 3-го этапов.

Для первого этапа (XIX в. - 1937 г.) характерны спорадические, случайные археологические раскопки отдельных памятников, сбор различных древних вещей, как правило, имеющих явную художественную ценность, а также издания описаний раскопок и отчетных материалов и отсутствие каких-либо сводных, обобщающих работ с осмыслением находок. Горные районы Северо-Восточного Кавказа привлекали меньшее внимание приезжих исследователей и местных краеведов, по сравнению с равнинными и отчасти, предгорными зонами региона. Археологические работы, развернувшиеся на Кавказе в связи с проведением V археологического

* Вопросы источниковедения и историографии археологического изучения Северо-Восточного Кавказа в эпоху бронзового века получили довольно широкое освещение. В этой связи следует назвать, в первую очередь, специальные работы Р.М. Мунчаева, В.Г. Котовича, Н.Б. Шейхова, Е.И. Крупнова, В.И. Марковина, В.Б. Виноградова, М.Г. Гаджиева и др. [Мунчаев Р.М., 1959, с. 9-20; Котович В.Г., Шейхов Н.Б., 1960, с. 322-364; Крупнов Е.И., 1961; он же, 1969, с. 7-20; Марковин В.И., 1960а, с. 280-284; Марковин В.И., Мужухоев М.Б., 1979, с. 5-23; Виноградов В.Б. и др., 1963, с. 15-56; Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966, с. 7-24; Виноградов В.Б., 1991, с. 21; он же, 1996, 35-38; Гаджиев М.Г., 1985а, с. 3-9], где рассматривается история археологических раскопок памятников всех эпох, в том числе и средней бронзы, дается критико-библиографический обзор литературы. Существенное место занимают эти проблемы и в историографических разделах известных монографий [В.И. Марковин, 1960б, с. 15-29; он же, 1969а, с. 9-14; Мунчаев Р.М., 1961а, с. 9-19; Котович В.М., 1965, с. 4-12; Котович В.Г., 1982, с. 114-119; Гаджиев М.Г., 1969б, с. 4-11]. Эти и некоторые другие работы облегчают нашу задачу в составлении источниковедческого и историографического обзора изучения эпохи средней бронзы в Горном Дагестане и Юго-Восточной Чечне.

съезда (Тифлис, 1881 г.) практически не коснулись гор Северо-Восточного Кавказа. Усилиями В.Ф. Штейна, А.В. Комарова были обследованы некоторые пещеры, которые не дали результатов, и было раскопано небольшое количество ограбленных могил. Сразу после съезда в 1882 г. по заданию Московского и Петербургского археологических и Русского географического обществ Дагестан посетил известный русский ученый академик Д. Н. Анучин с целью выявления следов культуры первобытного человека. Он обследовал около 20 пещер и грот, но не обнаружил в них следов каменного века, после чего пришел к мнению о позднем, уже в эпоху металла, заселении человеком Дагестана [Анучин Д.Н., 1884, с. 449]. Такое мнение авторитетного ученого, несмотря на возражение А.С. Уварова, а также то, что выборочные раскопки не дали яркого материала, заметно поубавили интерес исследователей к древностям горных районов Дагестана и Чечни. Новые памятники практически не раскапывались.

Среди коллекций разнородных археологических находок, собранных в дореволюционное время и хранящихся ныне в Государственном Эрмитаже (ГЭ), Государственном историческом музее (ГИМ), Государственном музее Грузии (ГМГ) и других музеях, есть вещи, несомненно, относящиеся к эпохе средней бронзы. Таковы, например, бронзовая булава с навершием в виде полукруга (с отверстием в середине и опущенными вниз краями) из могильника близ сел. Никар Тляратинского района (ГМГ, собр. П.Н. Галкина, 1909 г., инв. № 38-09/1-3); полусферическая орнаментированная бляха (ГЭ, собр. А.Л. Млокосевич, 1914 г., инв. № 1741-17) из сел. Согратль Гунибского района [Иессен А.А., 1935, с. 100] - в Дагестане; бронзовая булава с множеством молоточков (ГЭ, коллекция Н.С. Семенова, 1897 г.) из «каменной гробницы» у сел. Курен-Беной Ножайюртовского района [Марковин В.И., 1960а, с. 67, рис. 15₂₁]; бронзовая двуволютная булава, каменный орнаментированный топор, булава и др. предметы (ГИМ, сборы В.И. Долбежева, 1902 г., инв. № 43927) из сел. Мескеты Ножайюртовского района [Марковин В.И., 1960а, рис. 15₂₀; он же, 1966, с. 121, рис. 2_{2,6}; Каменский А.Г., 1989, с. 80]; глиняный сосуд (ГЭ, коллекция Н. В. Орла, 1912 г.), происходящий из могильника у сел. Гуни Веденского района [Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966, с. 107; Марковин В.И., 1966, с. 121]; конусовидные орнаментированные и без орнамента колпачки, обломки лопастной подвески в 1,5 оборота, бородавчатые бусы, пастовый бисер, бусы из раковины и кремневые наконечники стрел с выемкой в основании (ГЭ, коллекция Н.В. Орла, инв. № 177-1-10), вероятно, также происходящие «из погребений, раскопанных около с. Гуни и в других местах Веденского округа Терской области» [Каменский А.Г., 1989, с. 80]; сосуды и наконечники стрел (ГЭ, коллекция Н.В. Орла, 1913 г.) из сел.

Ведено; бронзовые браслеты, бляшки, подвески, колпачки, каменные стрелы, листовидные ножи и кинжалы (ГЭ и Музей антропологии и этнографии, коллекции А.А. Бобринского, Н.В. Орла и др.) из бывших Ножарюртовского и Веденского округов [Марковин В.И., 1966, с. 121] - в Чечне.

После революции 1917 г., хотя на Северо-Восточном Кавказе и отмечается небывалое оживление краеведческой работы и архивно-музейной деятельности, в течение десяти лет горы еще оставались вне поля зрения исследователей и краеведов. Перелом в исследованиях горной части Дагестана наступает с 1933 г., когда Дагестан посетил А. А. Иессен в связи с планами строительства Сулакского каскада ГЭС и оросительной системы в Терско-Сулакской низменности. В 1935 г. вышла его статья «Работы на Сулаке», посвященная археологическим разведкам в районе селений Старый и Новый Чиркей [Иессен А.А., 1935]. Эта небольшая, но обстоятельная статья, является по существу первой обобщающей работой по древностям бассейна р. Сулак. В ней даны довольно полная сводка известных к началу 30-х гг. памятников и случайных находок с данной территории, по возможности их культурно-хронологическое определение. К эпохе бронзы можно отнести лишь незначительное количество из этих памятников. Нас в данном случае интересует упоминание согратлинской находки полусферической бляхи и «сомнительного случая находки у Гуниба будто бы обработанных кремней» [Иессен А.А., 1935, с. 37], сведения о которых А.А. Иессен взял у Д.Н. Анучина [см.: Анучин Д.Н., 1884, с. 435].

По-настоящему планомерные стационарные исследования археологических памятников в горной части Северо-Восточного Кавказа начинаются лишь во втором этапе (с 1937 г. до 1954-1957 гг.). В 1937-1939 гг. Северокавказская экспедиция под руководством А.П. Круглова развернула работы не только на равнине и предгорье, но и в горах. Здесь были выявлены и исследованы целый ряд могильников (Гагатлинский - в Дагестане, Хорчоевский, Белгатоевский и др. - в Восточной Чечне), относящиеся к эпохе поздней бронзы. К более раннему времени относится и небольшое поселение, открытое у сел. Анди. Обобщению результатов археологических исследований на Северо-Восточном Кавказе, проведенных в 1937-1939 гг. посвящена кандидатская диссертация А.П. Круглова, опубликованная после его смерти [Круглов А.П., 1958]. В ней памятники эпохи бронзы были разделены на три условные хронологические периоды. К первому периоду («медный век») отнесено известное Каякентское поселение, ко второму («эпоха ранней бронзы») - Джемикентское поселение и ряд курганов Приморского Дагестана, а третий период («эпоха поздней бронзы») представлен многочисленными могильниками, объединенных позднее Е.И. Крупновым в отдельную каякентско-хорчоевскую культуру [Крупнов Е.И.,

1940]. Несмотря на то, что абсолютная хронология как конкретных памятников, так и археологических периодов, данная А.П. Кругловым, была впоследствии в значительной степени пересмотрена, его работа «Северо-Восточный Кавказ во II - I тысячелетиях до н. э.» имеет непреходящее значение. Она является первой крупной обобщающей работой по эпохе бронзы Северо-Восточного Кавказа, в ней в целом правильно обрисована картина относительной последовательности наиболее известных археологических памятников региона. Очень важно также для нас указание А.П. Круглова, сделанное им в связи с исследованием поселения Анди, «на наличие в горных районах Дагестана особого варианта» культуры эпохи бронзы [Круглов А.П., 1958, с. 94].

Северокавказская экспедиция (под рук. Е.И. Крупнова) возобновила археологические исследования на Северо-Восточном Кавказе в 1947 г. Работы экспедиции в 1947-1951 гг. в Дагестане были ограничены в основном в пределах равнинной и предгорной зон. Раскопки Карабудахкентского, Манасского могильников и Карабудахкентского поселения [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1959, с. 147-170, 173-175; они же, 1956] имеют непосредственное отношение и к изучению древностей горной зоны. Важно, что на материалах раскопок указанных памятников Р.М. Мунчаеву и К.Ф. Смирнову впервые удалось выделить этап эпохи средней бронзы в Дагестане [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, с. 203].

В 1951 г. исследования памятников эпохи средней бронзы в Дагестане проводятся уже силами археологической экспедиции ИИЯЛ им. Г. Цадасы ДФ АН СССР. В Чечено-Ингушетии же Северокавказская археологическая экспедиция ИА АН СССР продолжала исследования практически до самой смерти (1970 г.) ее бессменного (с 1947 г.) руководителя Е.И. Крупнова.

Наиболее широкомасштабные исследования памятников эпохи средней бронзы в горных районах Северо-Восточного Кавказа приходится на третий этап (с 1954-1957 гг. до 1974 г.). В Дагестане Р.М. Мунчаев в 1954 г. исследовал ограбленные могильники у селений Чох и Муги. Чохский могильник характеризуется коллективными захоронениями в склепах (всего выявлено 4) прямоугольной и круглоплановой форм [Мунчаев Р.М., 1954]; в последующем он был включен автором раскопок в круг памятников каякентско-хорочоевской культуры и датирован рубежом II-I тыс. до н. э. [Мунчаев Р.М., 1958, с. 41-49].

На Мугинском могильнике, открытом в урочище Гургенчала-Хаб, обнаружено 4 склепа, 2 из которых оказались разрушенными при строительных работах, а остальные - основательно ограблены [Мунчаев Р.М., 1954]. Склепы представляют собой каменные сооружения, перекрытые массив-

ными плитами. Р.М. Мунчаев в 1958 г. предположительно отнес памятники к эпохе бронзы [Мунчаев Р.М., 1958, с. 49]; позднее на основе близости характера керамики и ее орнаментации он же сопоставил Мугинский могильник с нижним слоем Сигитминского поселения эпохи ранней бронзы [Мунчаев Р.М., 1961, с. 26].

Для понимания проблемы генезиса погребального обряда племен Горного Дагестана в эпоху средней бронзы важное значение имеет 4-камерное погребальное сооружение прямоугольного плана, исследованное В.Г. Котовичем в 1955-1956 гг. у хутора Гоно неподалеку от сел. Тидиб Шамилевского района РД и датированное им рубежом III-II тыс. до н. э. [Котович В.Г., 1956; 1957; 1961, с. 25-36, рис. 13-20]. В последующем М.Г. Гаджиев, давая свой анализ и новую интерпретацию материалов этого могильника, отнес Гоно к памятникам эпохи ранней бронзы [Гаджиев М.Г., 1986б, с. 25-28].

В 1956 г. В. Г. Котович зафиксировал разрушенный круглоплановый склеп эпохи средней бронзы недалеко от ругуджинского хутора Хабада (Гунибский район) [Котович В.Г., 1957, л. 53-54]. 2 сосуда этого комплекса опубликованы [Котович В.Г., 1961, с. 36-37, рис. 21_{1,2}].

Важнейшим памятником для изучения эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа и одним из наиболее полно исследованных является могильник Гинчи, открытый в окрестностях хутора Гинчи к востоку от сел. Тидиб. В 1956 г. незначительные работы на могильнике провела М.И. Пиккуль [1957]. В 1959-1960 гг. раскопками памятника руководил Д.М. Атаев, с 1961 по 1963 гг. - М.Г. Гаджиев [1962б; 1962в; 1963]. Материалы раскопок нашли отражение в нескольких статьях М.Г. Гаджиева [1962а; 1964а; 1964б и др.], а в 1969 г. были изданы отдельной монографией [Гаджиев М.Г., 1969а]. Всего на могильнике вскрыто 15 круглоплановых и прямоугольных склепов с коллективными захоронениями, 2 детские гробницы и 15 кувшинных детских погребений.

В 1957 г. 2-й горный отряд ДАЭ (работы Д.М. Атаева и В.М. Котович) обнаружил и разведочно обследовал три поселения у селений Ингердах и Местерух Ахвахского района, а также у сел. Кучраб Чародинского района [Атаев Д.М., Котович В.М., 1958], которые В.М. Котович по подъемному материалу были отнесены к рубежу III-II тыс. до н. э. [Котович В.М., 1963, л. 38-39]. На наш взгляд, поселение Местерух по характеру керамики выпадает из этих памятников, и, скорее всего, относится к эпохе ранней бронзы. К сожалению, Ингердахское, Местерухское и Кучрабское поселения так и не подверглись стационарным раскопкам.

В том же году I-й горный отряд ДАЭ (нач. отряда В.Г. Котович) открыл и внешне осмотрел поселение, расположенное в северо-западной части Гунибского плато [Котович В.Г., 1958]. В 1958, 1963 и 1964 гг. широкие

стационарные исследования на поселении произвела В.М. Котович. Материалы первых двух годов раскопок были изданы в монографии В.М. Котович [1965]. На Верхнегунибском поселении открыты остатки оборонительных стен, монументальных каменных жилищ прямоугольного плана, найдена исключительно богатая и многообразная коллекция предметов материальной культуры, в том числе бронзовых изделий. Поселение имеет три культурных слоя, и, по мнению автора, жизнь на нем существовала в течение почти тысячелетия (от последних веков III тыс. до н. э. до XIII-XII вв. до н. э. [Котович В.М., 1965, с. 250].

В том же 1957 г. 2-м Горным отрядом ДАЭ [Д.М. Атаев, В.М. Котович, 1958] открыты еще два памятника эпохи средней бронзы (поселение и могильник), расположенные недалеко друг от друга на правом берегу р. Аварское Койсу в 5-6 км к юго-западу от сел. Ирганай Унцукульского района. На могильнике Д.М. Атаев, М.Н. Погребова и М.Г. Гаджиев в 1958 и 1960 гг. исследовали четыре склепа, подвергшихся ранее ограблениям и разрушениям [Атаев Д.М., Погребова М.Н., 1959; Атаев Д.М. и др., 1961]. М. Н. Погребова опубликовала материалы одного, наиболее сохранившегося склепа № 1, датировав их, как и могильник в целом, серединой II тыс. до н. э. [Погребова М. Н., 1961, с. 28-36]. Ирганайское поселение I исследовалось в 1958-1960 гг. [Атаев Д. М., Погребова М. Н., 1959; Атаев Д. М. и др., 1960; они же, 1961]. Стационарные раскопки выявили остатки жилой и хозяйственной архитектуры, дали большой археологический материал, позволившие Д. М. Атаеву и М. Н. Погребовой охарактеризовать памятник как оседлоземледельческое поселение горно-долинного типа середины - второй половины II тыс. до н. э. [Атаев Д. М., Погребова М.Н., 1973, с. 28-34].

В Ирганайской долине в 1959 г. обнаружено еще два поселения (II, III), которые судя по обломкам керамики с поверхности, а также из разведочного шурфа, были отнесены к тому же времени, что и Ирганайское поселение I [Атаев Д.М. и др., 1960, с. 36-38].

Результаты обширных археологических работ, проведенных в Дагестане в первой половине 50-х гг. по исследованию памятников эпохи бронзы, нашли отражение, правда, с излишним уклоном в сторону социально-экономической схематизации материала, в 1-м томе «Очерков истории Дагестана» [1957, с. 8-19].

В 1959 и 1961 гг. вышли два первых тома «Материалов по археологии Дагестана» (МАД). В первом из них [1959] содержатся статьи В.И. Канивца, В.И. Канивца и С.С. Березанской, а также И.П. Костюченко, в которых публикуются результаты раскопок 1955 г. на Миатлинском курганном поле, в зоне строительства Чирюртовской ГЭС, важные для сравнительного анализа одновременных памятников Горного Дагестана. Во втором томе

МАД [1961] в статьях В.Г. Котовича, В.М. Котович и М.Н. Погребовой нашли отражение итоги раскопок могильников Гоно, Ругуджа, Ирганай и Верхнегунибское поселения, относящихся большей частью в эпохе средней бронзы, или же представляющих значение для поиска генетических корней среднебронзовой культуры (Гоно). Надо заметить, что данный том МАД по существу представляет собой материалы научной сессии ИИЯЛ ДФ АН СССР, посвященной археологии Дагестана и прошедшей в г. Махачкале с 11 по 18 мая 1959 г. В резолюции сессии отмечалось, что раскопки Верхнегунибского поселения, Чохского, Гонобского, Гинчинского и Ирганайского могильников наряду с другими памятниками равнинной и предгорной зон существенно восполнили пробелы в изучении бронзового века Дагестана [МАД, 1961, с. 299-300].

В 1964 г. вышла статья М.Г. Гаджиева «О бронзовых булавках Дагестана эпохи бронзы», где на основе всестороннего анализа металлических украшений (булавок) могильника Гинчи сделаны выводы о возможности древней культурной общности племен Горного Дагестана и Чечено-Ингушетии, а также «о наличии ... (в Дагестане - Р.М.) еще задолго до сложения каякентско-хорочоевской культуры поздней бронзы местного очага металлургии и металлообработки» [Гаджиев М.Г., 1964а, с. 189].

В этом же году в сел. Гонода Гунибского района найден ряд украшений из бронзы и камня, которые можно отнести к эпохе средней бронзы [Гаджиев М.Г., 1965, л. 21-23; 1969б, с. 169].

1964 г. ознаменовался выходом также монографии В.М. Котович «Верхнегунибское поселение - памятник эпохи бронзы горного Дагестана», в которой анализированы в основном материалы раскопок Верхнегунибского поселения в 1958-1959 гг.; из итогов раскопок 1963-1964 гг. «использовались лишь те из новых наблюдений и материалов, которые не были представлены в результатах раскопок 1958-1959 гг.». [Котович В.М., 1965, с. 27]. Автору удалось стратифицировать огромную коллекцию артефактов и многочисленных строительных построек поселения на три последовательных слоя, которые на широком сравнительном фоне соотнесены соответственно с памятниками т. н. карабудахкентско-гонобского (конец III - начало II тыс. до н. э.), манасско-гинчинского (1700-1400 гг. до н. э.) и ранней фазы каякентско-хорочоевского (XIV-XIII вв. до н. э.) этапов бронзового века Дагестана. В целом Верхнегунибское поселение отнесено к т. н. дагестанской культуре эпохи средней бронзы, которая, по мнению В.М. Котович, «обнимает... довольно значительную группу близкородственных племен, населявших в основном территорию собственно Дагестана и уже достаточно обособившихся внутри общекавказского единства» [Котович В.М., 1965, с. 252]. Таким образом, В.М. Котович удалось обрисовать до-

вольно цельную картину истории дагестанских племен конца III-II тыс. до н. э. В рецензии В.И. Марковина данная работа была оценена высоко, поддержаны основные положения автора, касающиеся историко-культурной и хронологической интерпретации памятника, и в то же время были высказаны сомнения в некоторых частных моментах [Марковин В.И., 1968, с. 312-314]*. Монография В.М. Котович и сегодня остается одной из важнейших работ для изучения эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа.

В 1964-1967 гг. в Горном Дагестане памятники средней бронзы не раскапывались. В предгорье же в 1965-1966 гг. велись интенсивные исследования в зоне строительства Чиркейской ГЭС, в частности, обширного Чиркейского курганного поля [Гаджиев М.Г. и др., 1966, л. 65-110; они же, 1967, л. 52-71]. Многие комплексы этого памятника относятся к эпохе средней бронзы и имеют немаловажное значение для решения многих вопросов, связанных с культурой горных районов Дагестана. До сих пор опубликована лишь незначительная часть результатов раскопок чиркейских курганов [Атаев Г.Д., 1987, с. 145-157].

В 1966 г. вышла книга М.И. Исакова «Археологические памятники Дагестана: (Материалы к археологической карте)», в которой нашли отражение и памятники средней бронзы, расположенные в горной части Дагестана (Верхнегунибское, Ирганайское, Мугинское, Усишинское, Ингердахское и др. поселения, Мугинский, Чохский, Ругуджинский, Гинчинский, Ирганайский и др. могильники). Большая часть этих памятников была открыта и исследована до выхода книги М.И. Исакова (в информации об этих памятниках, приводимой автором, очень много неточностей и ошибок; например, для могильника Гинчи дана дата - «середина и 2-я треть II тыс. до н. э.» - см.: с. 82) - но есть и некоторые, сведения о которых, даны впервые (Мугинское поселение и др.).

В 1-м томе «Истории Дагестана», вышедшем в свет в 1967 г., эпоха Дагестана нашла первое и наиболее полное обобщение, в котором была учтена многократно увеличившаяся за 60-е гг. база источников [История Дагестана, 1967, с. 42-85]. Сама эпоха бронзы, фигурирующая в работе под названием «медно-бронзовый век», разделена авторами на период древней бронзы и собственно сам бронзовый век. В последнем из них, в свою оче-

---

* Так, например, В.И. Марковин не согласился с тезисом В.М. Котович о специфичности для Дагестана создания поселков на нескольких холмах в предгорных районах; посчитал излишней строгость автора в хронологическом расчленении некоторых типов вещей (кремневых наконечников стрел и т.п.); не признал правомочным говорить о влиянии северной степной круглодонной посуды на появление аналогичной местной, как это делает В.М. Котович; указал на спорность утверждения автора о существовании местной рудной базы для бронзолитейного производства; предложил несколько иную хронологическую позицию Верхнегунибского поселения, по сравнению с той, которую мы находим в книге В.М. Котович. Все эти замечания В.И. Марковина, на наш взгляд, справедливы.

редь, были выделены три последовательных этапа: 1) карабудахкентско-гонобский (2100-1700 гг. до н. э.), 2) манасско-гинчинский (1700-1400 гг. до н. э.) и 3) каякентско-хорочоевский (1400-1100 гг. до н. э.) [История Дагестана, 1967, с. 54]. Такая периодизация эпохи бронзы была своего рода данью стремлению В.Г. Котовича и др. дагестанских археологов, избегая термина «археологическая культура», разделить единый исторический процесс развития нахско-дагестанского этнического массива на отдельные этапы. Обратной стороной такой тенденции отождествления археологической культуры и этнической ее сути стала попытка выделения на Восточном Кавказе своеобразной культуры «обмазанной керамики» с широким хронологическим диапазоном (от конца V-IV тыс. до н. э. вплоть до раннего железа) [История Дагестана, 1967, с. 84-85]. Культура «обмазанной керамики» в дальнейшем не нашла своих сторонников, хотя В.И. Марковин не раз высказывался если не в поддержку такой точки зрения, то за ее понимание [Марковин В.И., 1982а, с. 28; 1994в, с. 333; 1996, с. 7]. Разделение бронзового века Дагестана на три сменяющихся этапа, названных по эпонимным памятникам, также было в последующем заменено выделением отдельных культур и других культурных образований.

В 1968 и 1970 гг. I-й Горный отряд ДАЭ (рук. М.Г. Гаджиев) открыл и исследовал поселение Галгалатли II и одноименный могильник у сел. Гагатль Ботлихского района, относящиеся к эпохе средней бронзы [Гаджиев М.Г., 1970, л. 26-36; Гаджиев М.Г., Абакаров А.И., 1971, л. 24-25]. Материалы этих памятников, один из которых является сезонным лагерем скотоводов, а другой - могильником, для которого характерны круглоплановые каменные склепы с коллективными захоронениями, практически полностью опубликованы [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985, с. 81-100; см. также: Гаджиев М.Г., 1976, с. 13-14]. Могильник Галгалатли примечателен тем, что он занимает промежуточное положение между двумя локальными вариантами гинчинской культуры [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985, с. 90].

В 1969 г. была издана книга, также имеющая исключительно важное значение для изучения эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа - монография М.Г. Гаджиева «Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы». В ней введены в научный оборот богатые погребальные комплексы могильника Гинчи, анализированные на широком сравнительном фоне древностей бронзового века всего Кавказа. Могильник был датирован достаточно широким диапазоном времени - от XIX-XVIII до XII вв. до н. э. и отнесен к своеобразному варианту дагестанской культуры эпохи средней бронзы, сложившемуся на базе местной культуры эпохи ранней бронзы и сосуществовавшему на позднем этапе с каякентско-хорочоевской культурой как ее горный вариант [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 173]. К сожалению, в кни-

ге слабо акцентировано внимание на общность археологической культуры эпохи средней бронзы в Горном Дагестане и Юго-Восточной Чечне, хотя сам автор, как уже говорилось выше, еще в 1964 г. указывал на возможность существования такой общности [Гаджиев М.Г., 1964а, с. 189]. Позднее на это указал В.И. Марковин в своей рецензии на книгу М.Г. Гаджиева [Марковин В.И., 1972., с. 289].

В том же 1969 г. вышла в свет монография В.И. Марковина «Дагестан и Горная Чечня в древности». Хотя она целиком и посвящена обобщению материалов по каякентско-хорочоевской культуре эпохи поздней бронзы, но небезынтересна для нас тем, что автор на основе всестороннего анализа «погребального обряда памятников культуры, основного археологического материала» приходит к выводу, «что всем своим развитием каякентско-хорочоевская культура действительно связана с предшествующими эпохами» - с памятниками типа Великентское, Каякентское и Верхнегунибское поселения, могильники Гоно, Миатлы, Гинчи, Гатын-Кале [Марковин В.И., 1969, с. 79]. Преемственность гинчинской и каякентско-хорочоевской культур настолько тесная и плавно переходящая, что некоторые памятники, попавшие у В.И. Марковина в реестр каякентско-хорочоевской культуры (поселения Анди, Карабудахкент, могильник Чох - в Дагестане; Курчалоевский зольник, могильники Согунты, Гуни - в Чечне), на наш взгляд, могут быть отнесены к эпохе средней и даже ранней бронзы (Анди).

После 1970 г. памятники средней бронзы Горного Дагестана надолго (вплоть до середины 80-х гг.) остались в стороне от стационарных раскопок.

В равнинном и предгорном Дагестане в 1970-1971 гг. были случайно обнаружены и исследованы полуразрушенные комплексы конца III - начала II тыс. до н. э. - Манасская катакомба [Федоров Г.С., 1977, с. 22-25], могильник Гентал [Магомедов М.Г., 1977, с. 14-21], Утамышские курганы [Котович В.Г. и др., 1980, с. 43-60]. Все эти памятники содержат материалы, имеющие несомненные параллели в гинчинской культуре.

В Горной Чечне 3-й период в изучении средней бронзы можно связать с открытием (1956 г.) и дальнейшими (1957-1959 гг.) интенсивными исследованиями В.М. Марковина одного из ключевых памятников бронзового века Северо-Восточного Кавказа - могильника Гатын-Кале, расположенного у сел. Асланбек-Шерипово (бывшее Гатын-Кале) Советского района. Материалы Гатын-Кале полностью опубликованы в целом ряде работ В.И. Марковина [Марковин В. И., 1960б, с. 64-66, рис. 27-28; 1961, с. 50-54; 1962, с. 46-50; 1963б, с. 49-137 и др.]. Всего здесь изучено 37 погребений в ямах, склепах и сооружениях типа каменных ящиков (обнаружены также могилы-кенотафы).

Одновременно (1957-1959 гг.) с могильником Гатын-Кале В.И. Марковиным было открыто и исследовано поселение бронзового века, расположенное недалеко. Здесь был вскрыт сгоревший жилой комплекс в виде турлучной постройки почти квадратной формы [Марковин В.И., 1961, с. 49-50; 1962, с. 45-46; 1965б, с. 40-41], датированный автором ориентировочно серединой или второй половиной II тыс. до н. э.

В 1960 г. вышла из печати монография В.И. Марковина «Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. (II тыс. до н. э.)». В этой работе, обобщившей обширные материалы по эпохе средней бронзы Северного Кавказа, и не потерявшей научное значение до сих пор, уделено достаточно внимания и региону Северо-Восточного Кавказа [Марковин В.И., 1960б, с. 46-48, 62-67, 81-84]. Автор всесторонне рассмотрел т. н. северокавказскую культуру, восточный вариант которой, по его мнению, занимал территорию Чечено-Ингушетии и северную часть Дагестана [Марковин В.И., 1960б, с. 130, рис. 49]. Характерными чертами восточного локального варианта северокавказской культуры В.И. Марковин считал преобладание ям и склепов в погребальном обряде, сохранение архаических традиций в керамике, наличие черт керамики каякентско-хорочоевской культуры, бедная орнаментация посуды, редкое применение шнурового узора при этом и т. д. [Марковин В.И., 1960б, с. 130]. Восточный вариант, аналогично другим локальным вариантам северокавказской культуры, был разделен автором на три этапа; при этом отмечалось, что в горных районах Чечено-Ингушетии на его основе возникает восточный же вариант кобанской культуры, а на территории Северного Дагестана третий этап не известен [Марковин В.И., 1960б, с. 130]. Несмотря на то, что в книге постоянно проводилась мысль о влиянии дагестанской культуры бронзового века на генезис и развитие памятников восточного варианта, последние оказались в основной массе включенными в северокавказскую культуру, в ущерб их связям с Дагестаном. Похоже, это слабое место в построениях В.И. Марковина заметил и Е.И. Крупнов, который в предисловии к анализируемой книге писал: «...Далеко не все положения автора могут быть приняты безоговорочно. Некоторые требуют дополнительной аргументации и другого решения, например, вопрос о роли северокавказской культуры в формировании древних культур Дагестана» [Марковин В.И., 1960б, с. 6].

В 1961 г. В.И. Марковин (руководя Аргунским отрядом Северокавказской археологической экспедиции) начал, а в 1964 г. продолжил исследования мощного зольника (до 3 м) на северной окраине сел. Курчалой Шалинского района. Многочисленные находки из зольника, особенно фрагменты лощеной и обмазанной керамики, В.И. Марковин неоднократно сопоставлял с инвентарем каякентско-хорочоевской культуры [Марковин

В.И., 1963а, с. 67; 1966, с. 123; 1969а, с. 15]. Однако, если первоначально он подчеркивал при этом, что «вероятно, Курчалоевское поселение предшествует памятникам этой культуры и генетически связано с ними» [Марковин В.И., 1966, с. 67], то в последующем отнес зольник к кругу каякентско-хорочоевских памятников [Марковин В.И., 1969а, с. 85].

В 1961 г. в сел. Согунты Ножайюртовского района случайно был обнаружен грунтовый могильник со скорченными костяками [Марковин В.И., 1963а, с. 67]. В.И. Марковину был передан 1 сосуд из этого могильника, опубликованный им уже неоднократно [Марковин В.И., 1963а, рис. 23₁₃; 1969а, рис. 3₁]. Марковин В.И. отнес могильник к 1-му этапу (1300-1100 гг. до н. э.) каякентско-хорочоевской культуры [Марковин В.И., 1969а, с. 85], хотя не раз обращал внимание на архаичность сосуда из Согунты по сравнению с каякентско-хорочоевской посудой [Марковин В.И., 1966, с. 121; 1969а, с. 81].

Первые итоги изучения (после 1957 г.) разновременных памятников, в том числе эпохи средней бронзы, на территории Чечено-Ингушетии Северокавказской экспедицией были подведены в сборнике статей «Древности Чечено-Ингушетии», вышедшем в 1963 г. Особое место в сборнике занимает статья В.И. Марковина «Новые памятники эпохи бронзы в Горной Чечне», которая по своему объему и уровню обобщения материалов вполне может считаться монографическим трудом. В ней автор полностью опубликовал погребальные комплексы Гатын-Кале, расчленив их хронологически на три периода: 1) время ок. 1700 г. до н. э.; 2) примерно с 1700 по 1500 г. до н. э.; и 3) начало второй пол. II тыс. до н. э. - примерно 1400 г. до н. э. [Марковин В.И., 1963б, с. 133]. По культурному облику памятник был отнесен, как уже отмечалось выше, к северокавказской культуре, хотя обращалось при этом внимание и на близкие ему дагестанские параллели.

В 1963 г. в сел. Зонах Советского района «в срезе дороги были обнаружены обрушившиеся склеповые сооружения эпохи бронзы» [Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966, с. 80]. Были найдены ладьевидная зернотерка и обломки керамики.

В 1964 г. жителем сел. Дуба-юрт Шалинского района найдены в каменном ящике-гробнице 4 сосуда и каменный топор, позднее (1966 г.) переданные В.Б. Виноградову [Виноградов В.Б., Рунич А.П., 1969, с. 97-98, рис. 6₁₋₄]. М.Х. Ошаев характеризует данное погребальное сооружение как «склепообразная гробница, в которой лежал костяк в скорченном положении», и «стены которой были сооружены из камней речного булыжника, уложенных плашмя» [Ошаев М.Х., 1969, с. 23]. В 1968 г. М.Х. Ошаев изучил на могильнике еще один склеп со скорченным захоронением [Ошаев М.Х., 1969, с. 23-24]. Найдено несколько фрагментов керамики. В.Б. Ви-

ноградов и А.П. Рунич датировали дубаюртовский материал примерно серединой II тыс. до н. э. и отнесли его к кругу памятников северокавказской культуры [Виноградов В.Б., Рунич А.П., 1969, с. 98]. М.Х. Ошаев [1969, с. 24] определил могильник временем эпохи развитой бронзы, близкий к памятникам как центральной части Северного Кавказа, так и Северо-Восточного Кавказа (типа Харсеной, Гатын-Кале и др.).

Примерно одинаковые темпы в изучении древностей средней бронзы в двух областях Северо-Восточного Кавказа и некоторая параллельность в их исследованиях, подчеркивается выходом в 1966 г. в Чечено-Ингушетии (одновременно с аналогичной работой М.И. Исакова в Дагестане) материалов к археологической карте [Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966]. В этой работе дан перечень около 700 археологических памятников, правда, интересующих нас объектов среди них очень мало (№№ 338, 340, 353, 419, 487-488 и некоторые др.). К сожалению, картография памятников в работе дана очень скудно и схематично.

1966 г. выдался очень продуктивным и на археологические раскопки среднебронзовых памятников на территории Чечено-Ингушетии. У сел. Малый Харсеной Советского района В.И. Марковин исследовал грунтовый могильник, в котором захоронения совершены в ямах, вырытых в галечнике [Марковин В.И., 1967, л. 36-64]. Всего вскрыто было 18 погребений, содержавшие большое количество инвентаря. Материалы этих раскопок практически полностью опубликованы [Марковин В.И., Мужухоев М.Б., 1979, с. 10-11, рис. 1; Марковин В.И., 1994в, с. 312-314, табл. 98; он же, 1995, с. 29-47]. Надо сказать, что небольшие работы на могильнике проводились и ранее. Сам могильник был обнаружен в 1964 г. во время дорожных работ; тогда же в Республиканский музей были доставлены некоторые вещи из разрушенных погребений [Марковин В.И., 1995, с. 28]. В следующем году 4-й отряд СКАЭ (нач. В.Б. Виноградов) расчистил здесь одно погребение, обложенное по кругу камнями. План этого погребения и находки из него позднее были изданы В.Б. Виноградовым [1968, с. 211-212, рис. 7]. По его мнению, эти материалы, проявляющие заметное сходство с находками Гатын-Кале, позволяют датировать памятник серединой II тыс. до н. э. и уверенно отнести его к северокавказской культуре. Близость могильников Гатын-Кале и Малый Харсеной отмечал и В.И. Марковин [Марковин В.И., Мужухоев М.Б., 1979, с. 9].

В том же 1966 г. у сел. Эгикал Назранского района Ингушетии М.Х. Ошаевым был обнаружен склеповый могильник, имеющий важное значение для осмысления культуры эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа. В.И. Марковин раскопал здесь два склепа прямоугольного плана с боковыми входами и перекрытиями из мощных плит и датировал их се-

рединой - началом второй половины II тыс. до н. э. [Марковин В.И., 1970, с. 83-94]. Позднее им же был опубликован еще один склеп, расчищенный М.Б. Мужухоевым в 1976 г. [Марковин В.И., 1982б, с. 27-31].

На юго-западной окраине сел. Дай Советского района Чечни С.Ц. Умаров в 1967 г. открыл могильник, где им была расчищена «могильная яма, стены которой были укреплены двумя-тремя каменными плитами, поставленными на ребро» [Ошаев М. Х., 1976, с. 21-25, рис. 1]. В 1969 г. М.Х. Багаев раскопал на могильнике склеп прямоугольной формы и каменный ящик. Инвентарь этих погребений также введен в научный оборот М.Х. Ошаевым [1982, с. 40-41, рис. 1₂]. По мнению последнего, Дайский могильник «по характеру своей культуры идентичен Гатынкалинскому некрополю» [Ошаев М.Х., 1982, с. 40-41, рис. 1₂].

Начиная с 70-х гг. основные археологические работы, связанные с изучением памятников эпохи бронзы на территории Чечено-Ингушетии, стали проводиться в основном экспедициями ЧИГУ им. В.И. Ленина и ЧИНИИИЯЛ при Совмине ЧИАССР. Из первых самостоятельных работ местных археологов следует назвать исследования М.Х. Ошаевым в 1970 и 1974 гг. двухслойного поселения Харбузи-Дук III недалеко от сел. Курчалой, нижний слой которого связывается с культурой эпохи средней бронзы, а верхний - с каякентско-хорочоевской культурой [Ошаев М.Х., 1971, с. 72-73; 1975, с. 17-18]; двух грунтовых могильников (№№ 2, 4) в окрестностях сел. Бачи-юрт Шалинского района, инвентарь которых (из 13 большей частью разрушенных погребений), в особенности керамика, имеет много общего с памятниками типа Гатын-Кале, Миатлы, Гинчи и др. [Ошаев М.Х., 1979, с. 50-74]. Здесь же надо упомянуть и одно из бачиюртовских поселений, открытых и исследованных в эти же годы М.Х. Ошаевым, которое, судя по особенностям керамики, сближается с дагестанскими памятниками типа Гинчи, Миатлы и др. и датируется серединой II тыс. до н. э. [Ошаев М.Х., 1975, с. 18].

Четвертый этап (1974 г. - начало 90-х гг.) в истории изучения эпохи средней бронзы в Горном Дагестане можно разделить примерно на два отрезка: первый с 1974 г. по 1985 г. включительно и второй после 1986 г. За первое десятилетие данного этапа в горах Дагестана раскопки памятников эпохи средней бронзы совершенно не проводились. Полевые исследования сосредоточились в равнинной части Дагестана. В то же время это десятилетие выдалось очень результативным в плане обобщения накопившейся к этому времени базы источников по эпохе средней бронзы, их публикации, изучения различных сторон хозяйства и быта древнего населения. Почти каждый год в ИИЯЛ начали выходить тематические сборники по археологии Дагестана и Северного Кавказа - в них можно найти и много статей по

интересующим нас проблемам. Безусловно, самым примечательным из этих сборников является сборник «Древности Дагестана» (Махачкала, 1974), который положил начало выпускам подобных трудов в ИИЯЛ, хотя еще и сохраняя гриф «Материалов по археологии Дагестана» (т. IV). Статья М.Г. Гаджиева «Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы» из этого сборника стала своего рода событием, с которым мы связываем начало 4-го этапа исследований памятников средней бронзы Северо-Восточного Кавказа. В статье указывается на необходимость включения могильника Гатын-Кале и др. подобных памятников эпохи средней бронзы Восточной Чечни не в северокавказскую культуру, а в т. н. **гинчинскую культуру**, объединяющей памятники средней бронзы горной зоны, выделены дифференцирующие признаки новой культуры (каменные склепы с коллективными захоронениями, грунтовые ямы, отсутствие строгой ориентации покойников, наличие детских погребальных конструкций и т. п. - в погребальном обряде; общие формы сосудов типа банок-ведерок, сосудов со вздутым туловом и с ручками на выпуклой части, мисок и чаш, преобладание налепного узора в орнаментации, обмазка поверхности сосудов и т. д. - в керамике; одинаковые типы бронзовых украшений - булавки с дисковидными головками, спиральные браслеты, пластинчатые височные подвески в 1,5 оборота, полусферические колпачки и т. п.), очерчен примерный ареал распространения, в тезисном порядке затронут вопрос о ее генезисе и дальнейших исторических судьбах. Наряду с гинчинской культурой на Северо-Восточном Кавказе в эпоху средней бронзы М.Г. Гаджиев различает еще две «отдельные группы памятников»: первая «присулакская» - в Северном Дагестане (бассейн среднего Сулака), а вторая - «манаская» - в Приморском Дагестане. По существу, статья М.Г. Гаджиева положила основу новому уровню теоретического осмысления памятников эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа, установлению их исторического места в кругу синхронных культур сопредельных областей.

В этом же сборнике заслуживает внимания еще две статьи. В одной из них [Гаджиев А.Г., 1974, с. 50-63] дается интересное сопоставление антропологического материала из могильников Гинчи и Гатын-Кале, при этом последний отнесен автором сперва к гинчинской [там же, с. 52] культуре, а на соседней странице согласен с В.И. Марковиным в его включении в северокавказскую культуру [там же, с. 53]. В другой статье, принадлежащей С.М. Магомедову [1974, с. 64-80], исследуется вопрос о культурных связях племен Дагестана с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы. Для этого автором проделана работа по систематизации некоторых типов бронзовых орудий труда и предметов вооружения (клинки, топоры и долота), а также украшений (височные под-

вески в 1,5 оборота и очковидные подвески) из Дагестана и поиску им северных степных аналогий. В конечном счете, автор приходит к выводу «о посреднической роли дагестанского населения в распространении подобного рода изделий, шедших, по-видимому, из закавказского металлургического центра» на север - к племенам предкавказского варианта катакомбной культуры и какой-то части северокавказских племен, и далее через них к племенам - носителям полтавкинской, срубной, катакомбной и даже среднеднепровской культур [Магомедов С.М., 1974, с. 71, 79 и др.]. Не отрицая некоторые удачные наблюдения автора, все же приходится говорить об излишней механичности в подборе аналогий вещам и их трактовке. В работе практически игнорируется хронологический критерий в сопоставлении памятников, не допускается мысли о других, кроме дагестанской, путях культурных контактов населения Закавказья с населением Северного Кавказа и Юго-Восточной Европы, отрицается возможность местного изготовления артефактов из той же кавказской руды или же металлического лома.

В 1975 г. в г. Махачкала прошли V «Крупновские чтения» по археологии Кавказа. Ряд докладов [Гаджиев М.Г., 1975, с. 24-26; Ошаев М.Х., 1975, с. 17-18; Магомедов С.М., 1975, с. 26-28; Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В., 1975, с. 32] на этой конференции был посвящен тематике средней бронзы Северо-Восточного Кавказа. Из них особо следует остановиться на докладе Л.Г. Нечаевой и В.В. Кривицкого «Ирганайские гробницы эпохи бронзы и составные дольмены Северного Кавказа». В нем утверждалось о близости ирганайских склепов к склепам с боковыми входами из Чечено-Ингушетии (Эгикал), Карачая, а через них и к составным дольменам Западного Кавказа; далее проводилась мысль о принадлежности всех этих памятников одному народу - строителю дольменов и его миграции из «эпицентра» на юго-восток. Здесь налицо полная путаница в применении тех или иных терминов, обозначающих типы погребальных конструкций, а также отождествление диффузии культурных явлений и этнических перемещений. Теория Л.Г. Нечаевой и В.В. Кривицкого, получившая отражение и в других их работах [Нечаева Л. Г., 1971, с. 65-67], неоднократно критиковалась В. И. Марковиным [1978, с. 331; 1982б, с. 25-27, 30-31; 1984, с. 6-7; 1985, с. 10-11; 1994в, с. 327-328].

Некоторые находки из Верхнегунибского поселения (кремневые наконечники стрел, бронзовый штык, глиняные рельефы, остатки печи - «кора» и др.) стали объектами изучения в аналитических статьях Р.Н. Мирзоева [1978, с. 32, 36-38, рис. 21-26, 34, 37, 44], С.Н. Корневского [1978, с. 40, 44, рис. 2₃], В.М. Котович [1980, с. 35-36, рис. 2₁₋₂], Т.А. Белоглазовой [1981, с. 47-48], помещенных в тематических сборниках ИИЯЛ. В более широком плане материалы эпохи средней бронзы Горного Дагеста-

на использованы в статьях В.Г. Котовича «К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры» [1978б, с. 46-76] и М.Г. Гаджиева «Древнее земледелие и скотоводство Дагестана» [1980а, с. 7-14]. Указанная статья В.Г. Котовича позднее вошла составной частью в его монографию «Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана» [см.: Котович В.Г., 1982, с. 47-71], изданную посмертно. Всесторонне анализируя каякентско-хорочоевскую культуру, автор приходит к мнению, что она полностью вырастает из культур предшествующих этапов, и склонен считать это «не как некое изолированное, специфическое явление, а как совершенно необходимое связующее звено в преемственности, эволюционном развитии местной материальной культуры» [Котович В.Г., 1982, с. 118]. Наиболее наглядно этот тезис автором продемонстрирован в предлагаемой им схеме периодизации и хронологии памятников медно-бронзового и железного веков Дагестана [Котович В.Г., 1982, с. 117], где эпоха средней бронзы разделена на 3 последовательных этапа: 1. Миатлинский этап (XX-XVIII вв. до н. э.); 2. Гинчинско-гатынкалинский этап (XVII-XVI вв. до н. э.); и 3. Каякентско-хорочоевский этап (XV-XIV вв. до н. э.). Однако В.Г. Котович, отказываясь признавать термин «археологическая культура» в приложении к бронзовому веку Дагестана, в то же время применяет его, часто в качестве эквивалента своеобразного термина «этническая общность» [Котович В.Г., 1982, с. 51-53], что методологически неверно. Видное место в монографии В. Г. Котовича занимают проблемы изучения хозяйства у населения древнего Дагестана [Котович В.Г., 1982, с. 120-183], и они, на наш взгляд, решены лучше, чем проблемы культурно-исторического развития населения Дагестана, которые занимают первую часть работы. Автором широко использованы результаты раскопок памятников эпохи средней бронзы Горного Дагестана, в особенности Верхнегунибского и Ирганайского I-го поселения [Котович В.Г., 1982, с. 126, 141, 143, 145, 149-150 и др.].

В 1985 г. вышла публикация материалов старых раскопок, проведенных на поселении Галгалатли II и одноименном могильнике [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985, с. 81-100].

В 1986 г. возобновились широкомасштабные раскопки в Ирганайской долине. Проведение больших археологических работ здесь было связано с угрозой уничтожения ряда памятников эпохи средней бронзы в ходе строительства Ирганайской ГЭС и затопления долины водохранилищем. За 1986-1991 гг.* Горной археологической экспедицией ИИЯЛ (а с 1989 г. - Ирганайской новостроечной археологической экспедицией; нач. эксп. -

* В 1993 г. ИНАЭ проводила исследование разрушающегося в ходе земляных работ средневекового могильника.

М.Г. Гаджиев) выполнен очень большой объем спасательных работ на известных памятниках средней бронзы - Ирганайском поселении I и Ирганайском склеповом могильнике, а также на синхронном им Ирганайском поселении II [Магомедов Р.Г., 1987б; он же, 1988; он же, 1989; он же, 1992 в; Атаев Г.Д., 1991], нашедший пока слабое отражение в литературе [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1988, с. 3-4; они же, 1990, с. 3-4; они же, 1992, с. 6; Магомедов Р.Г., Хангишиев Г.Дж., 1988, с. 9-11; Магомедов Р.Г., 1990, 44-49; он же, 1992в, с. 3; Атаев Г.Д., 1990, с. 4; он же, 1992, с. 4; Атаев Г.Д., Малагитинов М.М., 1992, с. 5].

В 1987 г. была опубликована наша статья «К изучению этнокультурной ситуации на Северо-Восточном Кавказе в эпоху средней бронзы», где была сделана попытка обобщения проблемной ситуации, сложившейся вокруг изучения гинчинской культуры, а также выдвижения собственной концепции понимания данной археологической культуры в контексте этнокультурной ситуации в регионе и сопредельных территориях.

Х.А. Амирханов в монографии «Чохское поселение» [1987], вышедшей в том же году, ссылается «на наличие перекрывающего неолитический слой С маловыраженного культурного горизонта С₁ эпохи бронзы» [Амирханов Х.А., 1987, с. 155]. На основании некоторых стратиграфических наблюдений, характера двустороннеобработанных кремневых изделий, а также наличия поблизости известного Чохского склепового могильника эпохи средней бронзы, Х.А. Амирханов относит горизонт С₁ также к эпохе средней бронзы [Амирханов Х.А., 1987, с. 156-157].

1974-1985 гг. в Горной Чечне, в отличие от Дагестана, выдались весьма результативными на полевые исследования уже известных (работы М.Х. Ошаева в 1974 г. на поселении Харбузи-дук III и Бачиюртовских могильниках №№ 2 и 4) и вновь выявленных памятников эпохи средней бронзы. Прежде чем рассмотреть один из наиболее интересных памятников, открытый и изученный в эти годы - Бельтинский могильник, необходимо остановиться на некоторых, прозвучавших в печати, возражениях В.И. Марковина против выделения гинчинской культуры [Марковин В.И., Мужухоев М.Б., 1979, с. 8-11; Марковин В.И., 1980, с. 44]. В принципе согласившись с невозможностью отнесения Гатын-Кале, Харсеноя и им подобных памятников Чечни к северокавказской культуре, он в то же время против их объединения с памятниками Горного Дагестана в отдельную гинчинскую культуру. «Представляется, - пишет В.И. Марковин, - что такие могильники как Гатын-Кале, Харсеноя и др., примыкающие в определенной степени к памятникам эпохи развитой бронзы Дагестана, могут отражать наличие особой восточнокавказской культурно-исторической области этого времени с отдельными внутрилокальными группами» [Марковин

В.И., Мужухоев М.Б., 1979, с. 11]. Остается неясным: включает ли в себя «Восточнокавказская культурно-историческая область» весь регион Северо-Восточного Кавказа или же она распространяется только на горную зону. На наш взгляд, В.И. Марковин за объединение древностей эпохи средней бронзы Юго-Восточной Чечни и Горного Дагестана в некую археологическую общность, которую он склонен трактовать не как «археологическую культуру», а как «культурно-историческую область или же общность». Заметим здесь, что аналогичную позицию в данном вопросе разделяет и М.Х. Ошаев [Ошаев М.Х., 1982, с. 40-41]. Дальнейшее развитие взглядов В.И. Марковина о правомочности выделения гинчинской культуры и других культурных образований Северо-Восточного Кавказа эпохи средней бронзы можно проследить по его многочисленным публикациям последнего времени [Марковин В.И., 1994в, с. 321, 326-327; 1995, с. 43, 46; 1996, с. 7-8 и др.].

В 1978 г. при прокладке дороги у сел. Бельты Ножайюртовского района был случайно обнаружен обширный могильник. В результате широкомасштабных раскопок, произведенных в 1978 г. В.А. Петренко и К.З. Ерзункаевой [Петренко В.А., Ерзункаева К.З., 1979, с. 141-142; Петренко В.А., 1979], а в 1980-1983 гг. В.Б. Виноградовым [1981а, с. 98-99; 1983б, с. 11; 1984а, с. 11-112; 1985б, с. 110-111; отчеты 1981б; 1982б; 1983а], Бельтинский могильник ныне является одним из основных базовых памятников при изучении эпохи средней бронзы и первой фазы эпохи поздней бронзы Северо-Восточного Кавказа. Всего за эти годы на могильнике исследовано 54 погребения, среди которых встречаются склепы с коллективными захоронениями, индивидуальные каменные ящики и грунтовые могилы, накоплена чрезвычайно богатая и разнообразная коллекция инвентаря. Первая публикация, обобщающая предварительные результаты раскопок памятника, появилась в 1979 г. [Ерзункаева К.З., 1979, с. 13-18]. В этой небольшой статье опубликованы планы и профили стен трех из 12 погребений, вскрытых в 1978 г., кратко анализированы особенности погребального обряда и на основе аналогий на могильнике Гатын-Кале, а также многих памятниках средней бронзы Горного Дагестана (Гинчи, Ирганай и др.), Бельтинский могильник предварительно был датирован в рамках второй четверти - последних веков II тыс. до н. э. По мнению К.З. Ерзункаевой, «Бельтинский могильник приобретает характер недостающего промежуточного звена в гнезде древностей бронзового века» [Ерзункаева К.З., 1979, с. 17]. Надо сказать, Бельтинскому могильнику не очень везет с культурным и хронологическим определением. Так, В.Б. Виноградов первоначально был склонен оценить Бельты как памятник, который «обосновывает преемственность и плавный переход так называемой «гинчинской»

археологической культуры эпохи ранней бронзы, бытовавшей в Горном Дагестане и Чечне вплоть до реки Аргуна на западе, с древностями конца эпохи бронзы, так называемого «каякентско-хорочоевского типа ...» [Виноградов В.Б., 1978]. Как видим, В.Б. Виноградов здесь практически допускает существование гинчинской культуры. В 1979 г. он признает, что тезис В.И. Марковина о «северокавказской» культурной принадлежности всех памятников (Чечни - Р.М.) II-го тыс. до н. э. опровергнут исследованиями М.Г. Гаджиева» [Виноградов В.Б., 1979, с. 94-95]. Однако, уже в 1982 г. В.Б. Виноградов присоединяется к мнению В.И. Марковина о невозможности отнесения памятников типа Гатын-Кале к гинчинской культуре, и в то же время готов рассматривать их как «отдельная этнолокальная группа внутри восточнокавказской прадагестанской культурно-исторической области» [Виноградов В.Б., 1982а, с. 30-31]. И, наконец, в 1985 г. В.Б. Виноградов совместно с С.Л. Дударевым и Х.З. Бакаевым опубликовал тезисы доклада, где признается «сложившееся культурно-историческое единство племен горной части Дагестана и Чечни (Гинчи, Бельты, Гатын-Кале, Харсеной и др.) в эпоху средней бронзы» [Виноградов В.Б. и др., 1985, с. 31] и допускаются для его обозначения как равнозначные термины «гинчинская культура» (по М.Г. Гаджиеву) и «восточнокавказская культурно-историческая общность» (по В.И. Марковину). В 1986 г. вышла статья В.Б. Виноградова и Б.М. Хашегульгова «Бельтинский могильник эпохи бронзы (вопросы хронологии)», где на основе анализа металлического инвентаря была предложена дата могильника в пределах 1600-1400 гг. до н. э. [Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., с. 6-24]. Такую же дату Бельты мы находим и в небольшой статье Б.М. Хашегульгова [1988, с. 18-22], в которой он, также отвергая выделение гинчинской культуры (по М.Г. Гаджиеву), склоняется в пользу мнения В.И. Марковина о существовании восточнокавказской к.и.о. с ярко выраженными локальными особенностями [Хашегульгов Б.М., 1988, с. 20-21]. Правда, в чем выражаются эти особенности на примере могильника Бельты в статье не объяснено, тогда как приводимые ему аналогии большей частью привязаны к памятникам типа Гатын-Кале, Гинчи, Ирганай и т.п. В 1988 г. вышла еще одна статья, посвященная публикации материалов раскопок Бельты в 1978, 1980 гг. [Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1988, с. 78-98], где авторы придерживаются датировки некрополя в рамках 1600-1400 гг. до н. э.

В 1980 г. у сел. Комсомольское (Саади-Котар) Урус-Мартановского района М.Х. Багаевым обнаружен и исследован грунтовый могильник эпо-

---

* При этом обращает на себя внимание заимствование К.З. Ерзункаевой некоторых фрагментов текста из монографии М.Г. Гаджиева (ср.: [Ерзункаева К.З., 1979, с. 14] и [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 109-110]).

хи средней бронзы с одиночным захоронением и большим количеством инвентаря [Багаев М.Х., 1981, с. 96]. Здесь же поблизости выявлено и поселение, возможно того же времени, что и могильник. Инвентарь двух расчищенных погребений и подъемный материал с поселения опубликованы М.Х. Багаевым [1986, с. 66-74].

После раскопок Бельтинского могильника полевые исследования памятников эпохи бронзы в горной части Чечни практически больше не проводились. Основное внимание археологов из ЧИГУ и ЧИНИИ переключается на изучение древностей предгорной и равнинной зон республики. Здесь в 1986-1990 гг. развернулись большие спасательные раскопки памятников, которым угрожали разрушения в ходе хозяйственной деятельности; среди них особое место занимают подкурганые погребальные комплексы ранней и средней бронзы, важные для понимания этнокультурных реалий горных районов Северо-Восточного Кавказа [см.: Виноградов В.Б., 1991, 21; он же, 1996, с. 36; Бурков С.В., 1990а, с. 8-10; он же, 1990б, с. 4-6; он же, 1991, с. 4-5 и др.]

В Горной Ингушетии возобновились раскопки Эгикальского могильника, давшие совершенно неожиданный материал [Ростунов В.Л., Хашегульгов Б.М., 1990, с. 6-7; Хашегульгов Б.М., 1990, с. 8-9; он же, 1991, с. 6-7] по сравнению с тем, что был накоплен в ходе исследований данного памятника в предыдущие годы [см.: В.И. Марковин, 1970; 1982б]. В 1988 г. в ходе спасательных работ на могильнике было открыто 8 новых погребальных сооружений (1 полуподземный склеп и 2 каменные гробницы с коллективными захоронениями, 2 каменных ящика и 3 миниатюрных каменных ящика с одиночными захоронениями), причем только три из них автор раскопок относит к эпохе средней бронзы [Хашегульгов Б.М., 1991, с. 6]. Остальные, исходя из аналогий в грузинских материалах, связываются с куро-аракской культурой и посткуроаракскими культурными традициями. К сожалению, материалы новых раскопок Эгикальского могильника не отражены в полноценных публикациях, поэтому нам трудно судить насколько прав раскопщик в их историко-культурной интерпретации.

Заметной вехой в кавказоведении стал выход в 1988 г. «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века». В ней имеется специальный раздел «Племена Горной Чечни и Дагестана» (глава III), посвященный гинчинской культуре, хотя такого названия культуры в тексте и нет (оно заменено указанием на «памятники типа Гинчи-Гатын-Кале») [История народов, 1988, с. 56-58, карта 2].

В монографии М.М. Маммаева «Декоративно-прикладное искусство Дагестана», вышедшей в 1989 г., использованы очень многие художественные предметы из раскопок памятников Дагестана эпохи средней брон-

зы для выяснения истоков художественной обработки металла, керамического искусства, резьбы по камню и дереву местного населения [Маммаев М.М., 1989, с. 18-20, 56-57, 81-83, 110-112, 133-134, рис. 2-5, 83-87, 127, 186, 231-232].

С 1991 г. после распада СССР и начала экономических реформ в России настали времена, не особенно благоприятные для проведения стационарных археологических исследований. В Дагестане прервались многолетние широкомасштабные раскопки памятников средней бронзы в зоне строительства Ирганайской ГЭС. В ИИАЭ ДНЦ РАН перестали выходить систематические сборники статей по актуальным проблемам археологии Северо-Восточного Кавказа. Наиболее тяжелыми последние годы выпали для археологии Чечни и Ингушетии. Вследствие известных событий практически распались все археологические коллективы в Грозном, многие специалисты или уехали из республики или переквалифицировались; ни о каких полевых работах в эти годы здесь, разумеется, говорить не приходится. После обострения «чеченского» конфликта и взятия гор. Грозного федеральными войсками для археологии Чечни вовсе настали черные дни: стерты с лица земли ВУЗы, НИИ, музеи, сгорели дотла или расхищены музейные и библиотечные фонды, навсегда исчезли богатейшие коллекции раскопок археологических памятников, в т.ч. и относящихся к эпохе средней бронзы.

Но тем не менее последнее пятилетие ознаменовалось выходом целого ряда больших обобщающих работ по археологии Кавказа, в которых тема изучения памятников эпохи средней бронзы, в том числе и гинчинской культуры, занимает заметное место. Среди таких работ, в первую очередь, следует назвать монографию М.Г. Гаджиева [1991], посвященную истории становления и дальнейшего развития раннеземледельческой культуры племен Северо-Восточного Кавказа в эпоху раннего металла (V-III тыс. до н. э.), определению ее исторического места в ряду древних культур Кавказа и сопредельных территорий. Автор на основе анализа большого количества источников показал процесс распада во второй половине III тыс. до н. э. дагестанского варианта куро-аракского культурного единства и складывания в регионе множества культурных образований эпохи средней бронзы, среди которых названы гинчинская культура, присулакская, манасская группы памятников и великентская культура [Гаджиев М.Г., 1991, с. 150, 164-165, 176, 212-213, 236-239, 244, рис. 66].

Важным событием в дагестанской науке стало издание новой археологической карты Дагестана [Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993]. В отличие от аналогичной работы, изданной в свое время М.И. Исаковым, авторы новой карты не ограничились одним реестром памятников, а большое внимание уделили истории археологического изучения и обзору археологиче-

ских культур Дагестана. Находим здесь мы и сжатую характеристику гинчинской культуры [Абакаров А.И., Давудов О.М., с. 45-46, рис. 14-15], которую авторы наряду с присулакской, приморской* и великентской группами памятников считают возможной объединить «в одну историко-культурную область» [Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993, с. 48].

В 1994 г. вышел из печати задолго до этого подготовленный очередной том «Археологии», посвященный эпохе ранней и средней бронзы Кавказа, где дан обобщающий очерк древностей бронзового века Северо-Восточного Кавказа. Данный раздел тома, подготовленный В.И. Марковиным в виде 4-ой главы («Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы») и обозначенный им как «схематический очерк, требующий тщательных уточнений» [Марковин В.И., 1994в, с. 287-334], включает в себя аналитический обзор различных археологических комплексов региона, хронологически укладываемых между классическими памятниками куро-аракской и каякентско-хорочоевской культур. Надо сказать, что данный раздел несколько выпадает из общей структурной схемы тома, так как материал в нем подобран и изложен не в пределах конкретных археологических культур, как это сделано, допустим, по отношению к Закавказью или же Северному Кавказу, а исходя из географического принципа**. Обзор состоит из множества мелких этюдов, посвященных отдельным, наиболее ярким и значимым памятникам региона (Джемикент, Верхний Гуниб, Карабудахкент, Гоно, Утамыш, Манас, Гинчи, Великент, Гатын-Кале, Малый Харсенной, Ирганай и др.), скрепленных между собой логическими, хронологическими или же пространственными связками, и сопровождается большим количеством хорошо подобранных таблиц с иллюстрациями материалов. В.И. Марковин достаточно полно раскрывает характер дискуссий вокруг выделения археологических культур эпохи средней бронзы на Северо-Восточном Кавказе, в том числе и гинчинской культуры, но при этом остается верен своим старым концептуальным построениям по этой проблеме.

Среди работ последнего времени по кавказоведению можно отметить небольшой сборник статей «Алародии», изданный при финансовой поддержке РГНФ. В нем помещен ряд статей лингвистов [Дьяконов И.М., 1995, с. 3-13; Старостин С.А., 1995, с. 42-64; см. также: Магомедов А.Г., Га-

* Так авторы карты переименовали манасскую группу памятников эпохи средней бронзы.

** Это обусловило, по всей видимости, некоторые логические неувязки между различными разделами тома: например, куро-аракская культура, характерная для Северо-Восточного Кавказа не в меньшей степени, чем для закавказского региона, и относящаяся к эпохе ранней бронзы, практически как бы не попадает в обзор главы, носящей название «Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы», за исключением небольших пассажей, связанных с поселениями Тад-Шоб и Сигитма [см.: Марковин В.И., 1994в, с. 291]; так же обстоит дело и с каякентско-хорочоевской культурой: она отнесена к периоду поздней бронзы [Марковин В.И., 1994в, с. 334] и также как бы «выпадает» из эпохи бронзы...

джиев М.Г., 1995, с. 66-81], археолога [Гаджиев М.Г., 1995, с. 14-27], антропологов [Герасимова М.М., Тихонов А.Г., 1995, с. 82-99; Шепель Е.А., 1995, с. 100-116] и этнографа [Агларов М.А., с. 117-125], представляющих несомненный интерес для разработки проблем этнокультурной интерпретации древностей Северо-Восточного Кавказа эпохи средней бронзы.

Несмотря на трудности, испытываемые академической наукой за последнюю пятилетку, в регионе и за его пределами прошел ряд научных форумов, посвященных актуальным проблемам северокавказской археологии. Здесь, в первую очередь, необходимо упомянуть Всесоюзную научную конференцию «Проблемы происхождения нахских народов», которая прошла в Чечне (Шатой) в 1991 г. Ряд докладов, заявленных для участия на конференции (В.П. Алексеев [1991, с. 3-4], Р.М. Мунчаев [1991, с. 4-7], В.И. Марковин [1991, с. 7-9], М.Х. Багаев [1991, с. 18-20], М.Г. Гаджиев и А.Г. Магомедов [1991, с. 20-22]), прямо или косвенно затронул и проблематику древностей эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа, в т. ч. и гинчинской культуры. Недавно материалы конференции были изданы в Махачкале, при этом некоторые авторы существенно переработали свои доклады [см.: Марковин В.И., 1996, с. 5-12; Гаджиев М.Г., Магомедов А.Г., 1996, с. 44-61; Багаев М.Х., 1996, с. 145-156].

Автор данной книги выступил с докладами по проблематике гинчинской культуры на XIII и XVIII Крупновских чтениях, проходивших в Майкопе [Магомедов Р.Г., 1992б, с. 84] и Кисловодске [Магомедов Р.Г., 1994, с. 16-18], а также на республиканской научной конференции [Магомедов Р.Г., 1993, с. 6-7].

Особое место в изучении гинчинской культуры составляют вопросы, связанные с изучением металлургии и металлообработки местных племен. Некоторые работы нами уже упоминались. Так как во многих работах по этой проблеме обобщены материалы разных регионов, мы здесь рассмотрим еще некоторые труды вне отдельных периодов и локальных вариантов гинчинской культуры. Е.Н. Черных предварительно исследовал материал (19 вещей) могильника Гатын-Кале [Черных Е.Н., 1963, с. 136-138]. В сравнительном плане металл могильников Гатын-Кале и Гинчи изучал С.Н. Корневский [1982, с. 22-24; 1986а, с. 5-15]. На основании разницы «микрoконцентрации олова в составе предметов, изготовленных с повышенными примесями мышьяка в сериях из Гинчи и Гатын-Кале», С.Н. Корневский считает возможным ставить вопрос о двух различных локальных участках (условно «приаргунский» и «верхнесулакский») обработки металлов [Корневский С.Н., 1986а, с. 14]. Большую серию бронзовых изделий ряда памятников эпохи бронзы Горного Дагестана (Верхний Гуниб, Гинчи, Чох, Усиша) подверг спектральному анализу И.Р. Селимханов

[см.: Кашкай М.А., Селимханов И.Р., 1973, с. 85, 87-88, 116, 124-125 и др.]. Очень продуктивно в деле изучения металла эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа при помощи спектрального и структурного анализов работает в последние годы А.Г. Каменский [1988, с. 42-43; 1989, с. 79-81; 1990а, с. 83-93; 1990б]. В последней работе, посвященной металлу Бельтинского могильника, дана дробная типологическая классификация изделий и рассмотрены некоторые вопросы, связанные с их химическим составом. Как предполагает автор, материалы Бельтинского могильника составляют «локальный участок» металлообработки, который вместе с аналогичными «участками» Гинчи и Гатын-Кале позволит «составить самостоятельный очаг металлообработки Северо-Восточного Кавказа эпохи средней бронзы, дифференцированный на ряд племенных центров с несколько различными культурными традициями в обработке металла» [Каменский А.Г., 1990а, с. 94].

Изучению металлургии и металлообработки племен Северо-Восточного Кавказа в эпоху бронзы, в том числе ее среднего этапа, посвятил несколько работ и М.Г. Гаджиев [Гаджиев М.Г., 1986а, с. 32-49; он же 1987а, с. 6-13; Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984, с. 7-27].

Древности эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа до сих пор мало привлекают внимания со стороны зарубежных археологов, не в пример, допустим, майкопской, куро-аракской, северокавказской, дольменной и др. археологических культур бронзового века. Это объясняется, во-первых, слабой изученностью этого региона по сравнению с другими регионами Кавказа; во-вторых, тем, что гинчинская культура и другие археологические образования, за исключением, пожалуй, великентской группы памятников, не обладают тем блеском, внешним эффектом богатых комплексов всех вышеперечисленных культур. Считаю необходимым упомянуть здесь две работы известного польского археолога Я. Махника [Machnik J., 1972-1973; 1973] об определяющем значении Кавказа для генезиса раннебронзовых культур Карпатского бассейна. Несмотря на некоторые передержки и методические упущения в подборе сравнительного материала и его трактовке статьи Я. Махника представляли для своего времени «смелое и интересное построение по территориальному охвату культурных контактов», которое «весьма близко подходит к понятию «циркумпонтийская зона» [Мерперт Н.Я., 1988, с. 17]. При сопоставлении карпатских материалов эпохи бронзы с кавказскими древностями Махник, наряду с памятниками Закавказья, относящимися, по его мнению, к ранней фазе куро-аракской культуры, привлекает также целый ряд памятников средней бронзы Северо-Восточного Кавказа (Гатын-Кале, Малый Харсеной, Гинчи, Верхний

Гуниб, Галгалатли). Оспаривая отнесение В.И. Марковиным многих из них к северокавказской культуре эпохи средней бронзы, автор отмечает, что они «составляют северную провинцию куро-аракской культуры и в известной мере ее хронологическое продолжение» как возможный результат прямой колонизации с юга. К сожалению, при этом бесспорно куро-аракские памятники Дагестана и Чечни остались вне поля зрения Махника, что не могло не сказаться на уровне осмысления материалов этого региона на общем фоне кавказско-карпатских культурных связей.

Подводя итоги источниковедческому и историографическому обзору, надо сказать, что картография (рис. 1) выявленных памятников эпохи средней бронзы свидетельствует о неравномерном изучении территории региона. Слабо исследована высокогорная зона; практически ни одного памятника данного времени неизвестно и в горной части Южного Кавказа.

Известные на сегодняшний день памятники неравнозначны по своему характеру и степени изученности. Большинство памятников - это могильники. Среди них наиболее полно изучены такие могильники, как Гатын-Кале, Малый Харсеной и Бельты - в Горной Чечне, Гинчи, Ирганай - в Горном Дагестане. Материалы раскопок всех этих некрополей, за исключением Ирганая, неплохо введены в научный оборот. По бытовым памятникам особо выделяются масштабностью вскрытия культурного слоя и ясностью стратиграфии Верхнегунибское и Ирганайское поселения. Опять же обобщение данных стационарного изучения Ирганайского поселения - дело ближайшего будущего. К сожалению, в Чечне пока отсутствуют бытовые памятники такого уровня изученности. Это создает определенные трудности в сравнительном изучении памятников двух локальных вариантов гинчинской культуры и бесспорно искажает критерии идентификации самой культуры.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

II. ПОСЕЛЕНИЯ

«Исследование в 'антропогеографии' сосредоточивается на типе связей, общих для большого числа социальных феноменов; она изучает общества в их связи с природной средой - разумеется, двусторонней, когда люди непрерывно воздействуют на окружающий мир и одновременно подвергаются его воздействию».

Марк Блок. Апология истории

§ 1. Общая характеристика поселений. Топография. Планировка

Долгое время в исторической литературе существовала точка зрения о позднем заселении человеком горной части Северо-Восточного Кавказа. Еще Д.Н. Анучин, как уже говорилось выше, обследовав в 1882 г. некоторые пещеры и гроты в горах Дагестана и не найдя в них никаких признаков каменного века, пришел к выводу, что «Кавказ был заселен позднее других азиатских местностей и племенами, уже знакомыми с употреблением не только бронзы, но и железа» [Анучин Д.Н., 1884, с. 449]. За позднее заселение горной части Северо-Восточного Кавказа высказывались уже в советское время также А.А. Миллер [1935, с. 41-51] и А.П. Круглов, - правда, последний делал большие оговорки «на слабую изученность данной территории» [Круглов А.П., 1958, с. 92].

В настоящее время в предгорной и горной зонах Северо-Восточного Кавказа известны памятники, относящиеся практически ко всем эпохам археологической периодизации, начиная с палеолита [Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993, с. 19-36 и далее]. Таким образом, глубокая древность обживания этого региона человеком не вызывает сомнения. Другое дело, что известные археологические памятники распределены крайне неравномерно по историческим периодам, а также по физико-географическим зонам региона, что объясняется все еще начальным периодом накопления фактов и их осмысления в дагестанской археологии.

В отличие от некоторых других археологических культур, известных преобладанием той или иной категории памятников (поселения или могильники), как, например, куро-аракская или каякентско-хорочоевская культуры, культура эпохи средней бронзы горной части Северо-Восточно-

го Кавказа характеризуется примерно равным количеством выявленных поселений и могильников. Всего в настоящее время нам известно 17 поселений (рис. 1), из них 7 поселений открыто в Восточной Чечне (Саади-Котар, Гатын-Кале I и II, Сержень-юрт, Курчалой, Харбузи-Дук III, Бачи-юрт), остальные - на территории бассейна четырех притоков (койсу) Сулака в Дагестане (Галгалатли II, Ирганай I и II, Гинчи II, Верхний Гуниб, Чох II, Кучраб, Муги, Усиша, Вачи)*.

Важный вопрос в проблеме изучения бытовых памятников - это их **классификация**. Р.М. Мунчаев делит все дагестанские поселения эпохи ранней бронзы в зависимости от их топографического местонахождения на *горные* и *равнинные* [Мунчаев Р.М., 1961; с. 32, 46; 1975, с. 176]. Почти подобного разделения придерживается и В.М. Котович [1964, с. 183; 1965, с. 81, 83]. Такая классификация не очень подходит к памятникам горной зоны Северо-Восточного Кавказа. В этом плане интерес вызывает классификация поселений эпохи бронзы Горного Дагестана, данная М.Г. Гаджиевым, в которой, в первую очередь, внимание уделяется социально-экономическому фактору и поселения делятся на *постоянные* и *сезонные* [Гаджиев М.Г., 1980а, с. 10-12; 1980б, с. 5-27; 1983б, с. 38-40]. Первые характеризуются оседлостью функционирования, фундаментальными жилыми и хозяйственными постройками, мощными культурными слоями. Наиболее яркими памятниками такого типа в эпоху средней бронзы в Горном Дагестане являются Верхнегунибское и Ирганайское I поселения. Хозяйственный уклад жителей постоянных поселений был основан в равной мере на земледелии и скотоводстве. Сезонные же поселения обязаны своим происхождением и функционированием специфике ведения скотоводческого хозяйства в условиях горных районов Северо-Восточного Кавказа [Гаджиев М.Г., 1980а, с. 12-13]. Такой тип поселений возник еще в энеолите (т.н. Ругуджинские стоянки, Чинна) и получил дальнейшее развитие в эпоху ранней (Чинна, Чирката, Ашали II) и средней (Галгалатли II) бронзы [Гаджиев М.Г., 1980б, с. 18-23, 26; он же, 1983б, с. 38, 40; он же, 1991б, с. 151-152; Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985, с. 81-83, рис. 1]. Типология поселений с разделением их на селение («основной тип поселения, где живет главная масса населения») и хутор («небольшой населенный пункт, который частично носит сезонный характер») встречается и в работах дагестанских этнографов [см.: Современная культура, 1971, с. 73].

По *топографическим условиям* расположения различаются поселения *скальные* и *горно-долинные*. Первые - это те поселения, которые распо-

* Поселения перечислены по возрастанию их нумерации на карте-схеме памятников гинчинской культуры (см.: рис. 1). Поселение Местерух, также помещенное на карту (№ 27), по всей видимости, относится к эпохе ранней бронзы.

ложены на крутых склонах гор, на скальных кряжах, на вершинах горных отрогов, - словом, в местах труднодоступных, самой природой превращенных в естественные крепости. Подавляющее большинство известных поселений конца III - первой половины II тыс. до н.э. горной зоны Дагестана относится именно к такому типу (Верхнегунибское, Усишинское [Котович В.Г., 1960, л. 64], Кучрабское [Атаев Д.М., Котович В.Г., 1958, л. 98], Ингердахское [Котович В.М., 1963, л. 39] и другие поселения). Считается, что оборонительный фактор был превалирующим при выборе места для поселений данного типа, хотя не менее важны при этом и такие моменты, как наличие поблизости площадей для террасного земледелия, пастбищ, источников воды, строительных материалов (камня, леса, глины и т.д.). При выборе места для поселения, как правило, учитывалась и южная его экспозиция. Всем этим требованиям полностью отвечает, например, топография Верхнегунибского поселения (рис. 2-3) [Котович В.М., 1965, с. 15-20]. Поселение расположено в северо-восточной части Гунибского плато (на высоте свыше 2000 м над у.м.) и занимает труднодоступный крутой (местами достигающий 45°) склон у самого гребня скалы. С трех сторон поселение ограждено природой - отвесным карнизом скального обрыва высотой более 20 м (с севера) и глубокими ущельями (с запада и востока). Относительно более доступная южная сторона, как показали исследования В.М. Котович, была укреплена мощной оборонительной стеной (рис. 3). «На Гунибском плато можно найти много других мест, более удобных и благоприятных для жизни человека. Но, очевидно, древние обитатели поселения не столько заботились о бытовых удобствах, сколько стремились обеспечить безопасность своих жилищ» [Котович В.М., 1994, с. 28]. По мнению В.М. Котович, для поселений более ранних и более поздних по отношению к Верхнегунибскому поселению, оборонительный фактор не имел такого важного значения, и ссылается она при этом на Мекегинское и Ирганайское поселения, приводя их даты «III тыс. до н.э.» и «середина II тыс. до н.э.» соответственно [Котович В.М., 1965, с. 20]. Согласиться с такой постановкой вопроса трудно. Мекегинское поселение куро-аракской культуры находится у края очень глубокого скального каньона и занимает вершину и один из склонов холмообразного, естественно-укрепленного возвышения [Гаджиев М.Г., 1983б, с. 6, рис. 2]. О том, что оборонительный фактор учитывался не только в эпоху средней бронзы, но и в предшествующее время, свидетельствуют топографические особенности и других поселений эпохи ранней бронзы Горного Дагестана (Тад-Шоб, Галгалатли I, Сигитма и другие) [Гаджиев М.Г., 1983б, с. 15-16, 24, 32].

Что касается Ирганайского поселения, которого упоминает также В.М. Котович, то тут скорее важен не хронологический аспект этого проти-

вопоставления. Дело в том, что данное поселение относится ко второму типу поселений (*горно-долинные*) эпохи средней бронзы. Расположено оно в 5,5 км к юго-западу от сел. Ирганай на участке первой надпойменной террасы правобережья р. Аварское Койсу, ограниченной, с одной стороны, глубоким ущельем, по которому протекает небольшая речушка - приток Койсу, с другой - скальной грядой (рис. 7-8). Участок этот имеет в плане вытянутую (по линии север-юг) конфигурацию; поверхность его равномерно покатая в сторону речной долины (рис. 9). Аналогичное местоположение характерно и для двух других ирганайских бытовых памятников эпохи бронзы - поселениям II [Атаев Г.Д., 1990, с. 4] и II*. К горно-долинным поселениям можно также причислить и Гинчи III, памятник почти неизученный и малоизвестный [Гаджиев М.Г., 1962в, л. 56]. Как видим, топография поселений второго типа обеспечивает минимум требований оборонительного характера, обычно предъявляемых к поселениям. Возможно, здесь применялись и специальные фортификационные сооружения. Почти у каждого упомянутого выше памятника и в настоящее время функционируют родники. В непосредственной близости от поселений имеются практически неограниченные запасы строительных материалов (камень-плитняк, голыши, галька, глина).

Иногда исследователи классифицируют бытовые памятники по их *размерам*. Возможно, это правомочно к тем регионам, где имеется достаточно большая выборка памятников, изученных полностью, или же в такой степени, что реконструируется их план. Северо-Восточный Кавказ не относится пока что к таким регионам. Из поселений более или менее изучены только Верхнегунибское и Ирганайское I. Что касается Верхнегунибского поселения, то «площадь участка, на котором прослеживаются культурные напластования и строительные остатки, приближается к 1 га (9 600 кв. м)» [Котович В.М., 1965, с. 20]. Д.М. Атаев и М.Н. Погребова оценивали площадь Ирганайского поселения I примерно в 0,3 га (50 x 70 м) [Атаев Д.М., Погребова М.Н., 1973, с. 28]. Наши исследования этого поселения, проведенные в 1986-1990 гг., позволили уточнить размеры поселения. Выяснилось, что общая площадь участка террасы, на котором расположено поселение (границы памятника хорошо «читаются» по обнажениям обрывистого края у дороги и распространению обломков керамики и других остатков материальной деятельности человека), равна примерно 2 га (рис. 9). Большинство других поселений эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа, судя по публикациям, значительно уступает по размерам Верхнегунибскому и Ирганайскому поселениям.

---

* Ирганайское поселение III расположено на участке надпойменной террасы правого берега р. Аварское Койсу напротив сел. Зирани. Наше разведочное обследование поселения показало, что оно по характеру керамики скорее всего относится к памятникам эпохи поздней бронзы.

Итак, мы рассмотрели несколько возможных вариантов классификации бытовых памятников. Надо сказать, что слабая изученность этих памятников не позволяет в полной мере произвести эту необходимую исследовательскую операцию. По этой же причине очень мало сведений у нас о внутренней планировке поселений, характере улиц, дворов, площадей, общественных и культовых постройках. В этом плане в наиболее лучшем положении находится Верхнегунибское поселение (рис. 4-5). Здесь стены широтного направления, расположенные на крутом склоне одна над другой, и стены, спускающиеся ступенчато по склону, образуя прямоугольные камеры различной величины, придают тем самым всему памятнику террасообразную планировку [Котович В.М., 1965, с. 21], столь характерную для современных дагестанских аулов в горной местности [Современная культура, 1971, с. 75]. Интересно, что в центре Верхнегунибского поселения имеется значительная незастроенная часть, которая, возможно, использовалась для общественных сходок или же загона скота в случае внешней опасности [Котович В.М., 1965, с. 21]. Аналогичные свободные площади имелись и на поселениях Амиранис-гора [Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970, с. 97-98], Мешоко [Столяр А.Д., 1961, с. 96] и Константиновское [Кияшко В.Я., 1973, с. 15]. О том, что это не изолированное явление, свойственное только для древних поселений, видно на примере дагестанских аулов XIX - начала XX вв. Как отмечают этнографы, «даже в тех селениях, где не имелось и метра незастроенной земли, где дома, налезая друг на друга, образовывали шести-семиэтажные ансамбли, в центре аула обычно оставалось относительно ровное незастраиваемое место», которое играло роль общественной площади [Современная культура, 1971, с. 76].

Планировка Верхнегунибского поселения «с присущей ей компактностью и ступенчатым расположением рядов построек по склону... определялась, - считает В.М. Котович, - с одной стороны патриархально-родовой организацией оставившего его общества, а с другой - особенностями его топографии ...» [Котович В.М., 1965, с. 24]. По мнению же А.И. Джавахишвили, типичные черты планировки Верхнегунибского поселения - «органическое объединение жилищ, расположенных вокруг центрального двора в один большой дом, - обусловлены больше экономическими факторами - одинаковым удельным весом земледелия и скотоводства, нежели его положением на крутом склоне скалистой горы и террасообразностью» [Джавахишвили А.И., 1973, с. 112]. На наш взгляд, точки зрения В.М. Котович и А.И. Джавахишвили скорее дополняют друг друга, чем противоречат. Что же касается центрального двора, вокруг которого, по А.И. Джавахишвили, объединены жилища в один большой дом, то здесь требуются некоторые разъяснения. Как пишет В.М. Котович, «при более глубоком ознакомлении с планировкой Верхнегунибского поселения бросается в глаза отсутст-

вие в исследованных жилищах и образованных ими комплексах внутренних двориков...» [Котович В.М., 1965, с. 223]. По всей видимости, А.И. Джавахишвили имеет в виду под центральным двором то свободное, незастроенное пространство внутри поселения, о котором уже говорилось выше. Но это нереально, ибо тогда придется признать, что все строительные остатки, вскрытые на памятнике, составляли некогда «один большой дом».

На поселениях горно-долинного типа планировка вряд ли существенно отличалась от планировки «скальных поселений», что объясняется не только малоземельем, но и подбором участка для заселения с учетом хотя бы минимальных требований к его оборонительным возможностям. Это хорошо видно при анализе планировки Ирганайского поселения I (рис. 10-16). Как показывают наши раскопки 1986-1990 гг., вся территория поселения была сплошь застроена, за исключением небольшой полосы в центральной части террасы, где работы 1990 г. выявили отсутствие культурного слоя. Но если на Верхнегунибском поселении такая незастроенная площадь, по всей видимости, использовалась для общественных сходок или загона скота, то на Ирганайском поселении она была вызвана, в первую очередь, тем, что в этом месте располагается конус выноса дождевых и селевых потоков с ближайшего крутого склона горы. Южный склон участка террасы, на котором располагается Ирганайское поселение I, судя по выходам остатков каменных стен и подъемному материалу, также был плотно застроен. Есть все основания считать, что постройки хозяйственного и жилого назначения на поселении размещались с учетом пологости верхней площадки террасы: возведением поперечных стен создавались своеобразные горизонтальные плоскости, к которым уже привязывались различные строительные комплексы (рис. 15-16). Вскрытие культурных напластований по западному обрывистому краю поселения показало, что в этой части территории располагались исключительно хозяйственные постройки. Причем последние находятся не изолированно друг от друга, а в тесной компактной взаимосвязанности (рис. 12-14).

Рассмотрим вопрос о времени возникновения поселений с постоянным, оседлым бытом и сезонного характера с точки зрения топографической классификации памятников. Поселения горно-долинного типа возникают уже на заре неолита. Связано это с зарождением и становлением у местного населения производящих форм хозяйства. Наиболее ранним оседлоземледельческим поселением, на котором открыта жилая каменная архитектура, является Чохское поселение [Амирханов Х.А., 1983, с. 52-57]. Эпоха энеолита представлена известным поселением Гинчи I, также расположенном в нагорном Дагестане [Гаджиев М.Г., 1980б, с. 8-13]. Количество известных памятников подобного типа в последующее время заметно увеличивается.

По вопросу о причинах и времени возникновения скальных поселений имеются несколько различных мнений. В.М. Котович считала, что «основные элементы горского поселения с характерным ступенчатым расположением прямоугольных каменных жилищ сложились к началу эпохи ранней бронзы» [Котович В.М., 1965, с. 99], т.е. по хронологической схеме, которой придерживалась В.М. Котович, к концу III - началу II тыс. до н.э. Правда, В.М. Котович допускала, что «истоки их (основных элементов горского поселения - Р.М.), вероятно, восходят к энеолитической эпохе, быть может даже позднеолитической» [Котович В.М., 1965, с. 99]. Одну из главных причин возникновения скальных поселений она видит в резком обострении межплеменных столкновений на рубеже III-II тыс. до н.э. и усилении внимания древних людей оборонительному фактору [Котович В.М., 1965, с. 10, 20, 90].

Другая точка зрения принадлежит В.Г. Котовичу, который утверждал, что основная причина возникновения высокогорных поселений кроется в экономике древнего населения, имея в виду аграрный кризис, который будто сложился вследствие полного освоения речных долин Дагестана где-то во второй половине III тыс. до н.э., и относительной перенаселенности края. Выход из создавшегося положения мог быть в земледельческом освоении высокогорных районов и возникновении оседлых поселений [Котович В.Г., 1967, л. 158 и далее; 1982, с. 144-145, 148-153].

В 1969 г. точку зрения В.Г. Котовича поддержал М.Г. Гаджиев, указав, однако, что начало прочного заселения высокогорий, т.е. возникновение высокогорных оседлых бытовых памятников, относится к несколько более раннему времени, чем вторая половина III тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., 1969в, л. 28]. Такая позиция нашла дальнейшее плодотворное развитие в многочисленных последующих работах М.Г. Гаджиева [1966, с. 55-61; 1980а, с. 7-14; 1980б, с. 5-27; 1983б, с. 6-42; 1985б, с. 10-26; 1991, с. 6-8].

§2. Строительное дело и архитектура

Изучение строительного дела и архитектуры - один из стержневых вопросов в исследовании бытовых памятников. К сожалению, в нашем распоряжении имеется довольно ограниченный круг источников для исследования этой проблемы в рамках всей культуры, объединяющей памятники эпохи средней бронзы горной части Северо-Восточного Кавказа. Материалы раскопок Верхнегунибского и Ирганайского I-го поселений позволяют в целом обрисовать примерную картину строительного дела и архитектуры в Горном Дагестане. Что же касается Чечни, то там дело обстоит сложнее. О характере жилищ, их интерьере, особенностях строительной техники и т.п. нам приходится судить по разрозненным и часто

косвенным данным разведочного обследования памятников.

Актуальность обращения вновь к проблеме изучения строительного дела и архитектуры в горной зоне Северо-Восточного Кавказа в эпоху средней бронзы очевидна. Она диктуется не только слабой источниковой базой проблемы, но и нерешенностью на современном уровне достижений первобытной археологии Дагестана вопросов, касающихся генезиса строительной традиции эпохи средней бронзы, характера и причин возникновения инноваций в строительном деле и архитектуре в конце III тыс. до н.э.

Несколько слов о **строительной традиции на Северо-Восточном Кавказе в предшествующее время**. Как свидетельствуют материалы, между поселениями куро-аракской культуры Приморского Дагестана и Горного Дагестана существуют явные различия в строительном деле, типах и характере жилищ, внутренней планировке. Для поселений Приморской низменности (Великент I, Геме-тюбе I и II), характерна следующая эволюционная линия развития жилища: от наиболее ранних полуземлянок и землянок округлых форм к наземным круглоплановым сооружениям из камня или в виде каркасно-плетенчатых конструкций, обмазанных глиной, возможно, на каменном фундаменте или цоколе; для всех форм жилищ были свойственны центральные круглые очаги. Заключительная фаза развития строительной традиции на приморских поселениях, выходящая за рамки ранней бронзы, отличалась прямоугольными сооружениями типа глубоких землянок в культурном слое с обкладкой стенок сырцовым кирпичом (Геме-тюбе I) или же многокамерных построек с использованием плетня, сырцового кирпича и камня (Великент I) [Гаджиев М.Г., 1991б, с. 164-65, 167]*. На поселениях эпохи ранней бронзы в горной части Дагестана картина домостроительства несколько другая [Гаджиев М.Г., 1983б, с. 8-41; 1991б, с. 152-163]. Здесь господствует строительная техника с широким использованием камня. Судя по строительным остаткам поселений Мекеги, Галгалатли I и Тад-Шоб, жилища имели устойчивую форму и конструкцию в виде наземной круглоплановой постройки из камня с плоской крышей, опиравшейся на столб. Органическими элементами таких жилищ являются пристройки-коридоры (со стороны входа) различных очертаний, контрфорсы, своеобразные лежанки вдоль стен, центральные углубленные в пол круглые очаги, множество хозяйственных ям и т.д.

Как видим, **круглоплановая форма жилищ имеет в эпоху ранней бронзы очень широкое распространение в Дагестане, независимо от геогра-**

---

* Раскопки Великентского поселения II, одного из самых ранних памятников куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе, проведенные Дагестано-Американской экспедицией в 1995, 1997 - 1998 гг., внесли некоторую неожиданность в эту типологическую схему: в самом нижнем культурном слое памятника открыто круглоплановое наземное сооружение диаметром 6 м из сырцового кирпича.

фического положения памятников, от преобладания ресурсов тех или иных строительных материалов. Округлый план имели также некоторые погребальные конструкции этого времени (склепы Щебоха; ранние катакомбы Великента; грунтовые ямы Карабудахкента) [Гаджиев М.Г., 19916, с. 168-71, рис. 58-59]. Нам придется уделить некоторое внимание вопросу о генезисе круглоплановой архитектурной традиции в Дагестане, так как это имеет прямое отношение к предмету нашего исследования. Круглоплановая архитектура традиционно связывалась с куро-аракской культурой. Так, например, Р.М. Мунчаев считал, что элементы куро-аракской культуры, в том числе круглоплановая архитектура, привнесены в Дагестан в результате вторжения на Северо-Восточный Кавказ племен-носителей этой культуры где-то в середине III тыс. до н.э. [Мунчаев Р.М., 1963, с. 60; 1975, с. 176-177]. Примерно такую же точку зрения о происхождении круглоплановой строительной традиции в Дагестане высказывали в свое время В.М. Котович [1965, с. 96-98] и М.Г. Гаджиев (1969б, с. 107-109). Исследования М.Г. Гаджиева 70-80 гг. показали, что «Северо-Восточный Кавказ входил в первичный ареал формирования и длительного развития куро-аракской культуры» [Гаджиев М.Г., 1985б, с. 21]. Естественно при этом возникли и новые перспективы для решения проблемы возникновения в Дагестане круглоплановой архитектуры. Еще в 1971 г. Т.Н. Чубинишвили высказался, что круглоплановые жилища приморской полосы Дагестана, возможно, имеют свои прототипы в местной энеолитической среде [Чубинишвили Т.Н., 1971, с. 151]. Так оно и оказалось. Подтверждением глубоких местных корней круглопланового домостроительства в Дагестане служит открытие подобных жилищ на поселениях Гинчи (энеолит) [Гаджиев М.Г., 1980б, с. 11-13; 19916, с. 39-40, рис. 3-4] и Чох (неолит) [Амирханов Х.А., 1983, с. 52-57; он же, 1987, с. 95-113, рис. 23-24]. Таким образом, нет оснований связывать появление в Дагестане круглоплановой строительной традиции только с вторжением в этот регион племен-носителей куро-аракской культуры.

На поздней стадии эпохи ранней бронзы (вторая половина III тыс. до н.э.) прежнее культурное единство местных племен, которое отмечается во всех географических зонах Северо-Восточного Кавказа, оказывается нарушенным. Складываются новые археологические образования. Инновации фиксируются и в области домостроительства: появляется новая строительная-архитектурная традиция, выразившаяся, в первую очередь, в смене круглоплановых построек прямоугольными. Первые симптомы новой традиции мы замечаем на поселениях Геметюбе I и Джемикентское. Имеются в виду землянки прямоугольной формы со сглаженными углами, которые представляют самый поздний строительный горизонт на

первом из этих памятников [Гаджиев М.Г., 1980, с. 101; 1991б, с. 164-65, рис. 52], и полуземлянки подобной формы, открытые А.А. Русовым [1882, с. 595-601] и А.П. Кругловым [1958, с. 32-34] на Джемикентском поселении. Аналогичный процесс фиксируется и на Сигитминском поселении, «где в домостроительстве уже прямоугольного плана сохраняются некоторые черты древней традиции круглоплановой архитектуры (закругленные углы четырехугольных в плане жилищ, сохранение однокомнатного дома с передней - двориком, центрального круглого в плане углубленного в пол очага и др.)» [Гаджиев М.Г., 1983б, с. 40].

Наиболее ранний памятник эпохи средней бронзы, на котором мы впервые обнаруживаем действительно прямоугольные постройки - это Верхнегунибское поселение. Здесь раскопаны строительные остатки (рис. 5), позволяющие реконструировать многокамерные прямоугольные жилища с плоской крышей. Самый нижний слой Верхнегунибского поселения автор раскопок датировала последними веками III тыс. до н.э. [Котович В.М., 1965, с. 241-246]. Сигитминское же поселение М.Г. Гаджиев относит ко второй половине, ближе к последней четверти III тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., 1983б, с. 42]. Значит, процесс смены круглоплановой строительной традиции прямоугольной происходил примерно в пределах последней четверти III-го тыс. до н.э.

Интересно, что инновации в строительном деле коснулись и такого консервативного элемента культуры, как погребальный обряд. Появляются склепы прямоугольной формы. Самые ранние из них зафиксированы на Гонобском могильнике [Котович В.Г., 1961, с. 25-36; Гаджиев М.Г., 1986б, с. 25-28]. Однако, не сразу погребальные конструкции прямоугольной формы получили повсеместное распространение. Круглоплановые склепы встречаются в Горном Дагестане и в первой половине II тыс. до н.э. (Чох, Гинчи, Ругуджа, Галгалатли) [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 102-109].

Очень сложен вопрос о генезисе **прямоугольной строительной традиции**. Первоначально В.М. Котович [1965, с. 97-99], М.Г. Гаджиев [1969б, с. 107-108] и некоторые другие исследователи считали ее исконно местной, характерной для местного этнического субстрата в противовес круглоплановой строительной традиции, которую целиком связывали, как уже указывалось, с пришлыми из Закавказья этническими элементами. Подспорьем для подобных взглядов служили упоминания в литературе о прямоугольных каменных жилищах на энеолитическом поселении Гинчи [Гаджиев М.Г., 1965, с. 55-56; Мунчаев Р.М., 1975, с. 110]. В итоге получалась эволюция древней дагестанской строительной традиции от прямоугольной архитектуры к круглоплановой и вновь к прямоугольной.

«Устанавливаемый ... факт более глубокой древности прямоугольной ступенчатой горской архитектуры по сравнению с круглоплановой, - писа-

ла В.М. Котович, - исключает всякую возможность для предположения о возможности привнесения прямоугольных каменных жилищ в Горный Дагестан откуда-либо извне в готовом виде к началу эпохи ранней (ныне средней - Р.М.) бронзы» [Котович В.М., 1965, с. 97]. Тысячелетний разрыв в развитии прямоугольной местной строительной традиции В.М. Котович объясняла всего лишь «крайне слабой изученностью ... поселений горного Дагестана» IV-III тыс. до н.э.: «наряду с известными жилищами полуземляночного типа, в IV-III тыс. до н.э. на территории горного Дагестана, очевидно, существовал и развивался еще один тип древнего жилища, а именно: горское каменное жилище с прямоугольной ступенчатой планировкой» [Котович В.М., 1965, с. 97]. Но, надо сказать, что подобное жилище этого времени до сих пор здесь не обнаружено. Наоборот, сейчас ставится под сомнение существование прямоугольных жилищ на неолитическом поселении Гинчи [Гаджиев М.Г., 1980б, с. 11; см. также: Гаджиев М.Г., 1991б, с. 38-40]. О глубоких местных корнях круглоплановой архитектуры в Дагестане наиболее ярко свидетельствует открытие круглоплановых жилищ в неолитическом слое известного поселения Чох, о которых говорилось выше.

Возникает естественный вопрос: каковы же причины появления новой прямоугольной строительной традиции в Дагестане в конце III тыс. до н.э.? С чем этот процесс связан? Примечательно, что именно для второй половины III тыс. до н.э. и рубежа III- II тыс. до н.э. на Северо-Восточном Кавказе многие исследования отмечают необычное оживление культурных контактов и связей местного населения с племенами-носителями майкопской [Магомедов Р.Г., 1991б, с. 13-38], алазано-беденской [Магомедов Р.Г., 1984, с. 35-36], северокавказской [Марковин В.И., 1994г, с. 285-286] и катакомбной [Мунчаев Р.М., 1965, с. 92-99] культур. Некоторые считают, что дело не ограничивалось просто контактами, а происходили проникновения иноэтнических групп в равнинную и предгорную зоны Северо-Восточного Кавказа. Однако, анализ археологических, лингвистических и антропологических данных показывает, что коренная ломка традиций материальной культуры у племен Северо-Восточного Кавказа, фиксируемая в конце III тыс. до н.э., не сопровождается сменой местного населения, - идет главным образом процесс дифференциации внутри некогда единого этнического массива. Отсюда вряд ли можно заключить, что этнические процессы не имели отношение к эволюции строительной традиции. Разумеется, имели, но только не в виде полной смены одного этноса другим, когда последний и приносит свои инновации в строительное дело и архитектуру, а скорее типа взаимовлияний и даже столкновений субстратных и суперстратных элементов в строительной традиции.

Вопрос о взаимоотношениях прямоугольных и круглоплановых жилищ на Кавказе наиболее полно исследован в монографии А.И. Джавахиш-

вили [1973, с. 199-344]. Как показывает автор, в эпоху существования этнополитической культуры на Южном Кавказе (конец VI - начало IV тыс. до н.э.) господствовала традиция сооружения круглоплановых сырцовых построек ульеобразной формы (поселения Шому-тепе, Шулавери, Кюль-Тепе I, Элар, Гарни, Имирис-Гора и др.). С «вступлением» куро-аракской культуры в эпоху ранней бронзы в строительном деле происходят важные изменения. В южных районах Закавказья, хотя и сохраняются круглоплановые жилища, но уже появляются симптомы новой архитектуры [Джавахишвили А.И., 1973, с. 232-234]. На поселении Шенгавит, характеризующем финальный этап куро-аракской культуры, мы видим уже подавляющее преобладание четырехугольных построек над круглоплановыми; последние, возможно, существовали как святилища большесемейных общин. В центральных областях Южного Кавказа, преимущественно на территории Южной и Восточной Грузии, Западного Азербайджана уже господствуют не круглоплановые сооружения, а четырехугольные, чаще всего со сглаженными углами (поселения Хизанаант-гора, Квацхелеби, Гудабертка-Цихиагора, Чочети, Амиранис-гора, Мингечаури) [Джавахишвили А.И., 1973, с. 224-231]. Что касается строительного материала, то предпочтение отдают уже дереву и камню, а не сырцовым кирпичам, как было ранее.

Как видим, и в Закавказье произошел процесс смены круглоплановой архитектуры прямоугольной, только растянулся он на более длительный исторический период по сравнению с аналогичными явлениями на Северо-Восточном Кавказе. А.И. Джавахишвили задается вопросом: «могут ли быть признаны прямоугольные каменные постройки Верхнегунибского поселения... показателем проникновения данной формы постройки на Северо-Восточный Кавказ из Закавказья?» [Джавахишвили А.И., 1973, с. 237], но сомневается в этом. Сомневаемся и мы, так как нет пока убедительных оснований отрицать конвергенции происхождения прямоугольной архитектуры и в Закавказье и в Дагестане.

Перемены в архитектуре - следствие множества причин, среди которых большую роль играли и социально-экономические. Е.В. Антонова согласна с американским археологом К. Флэннери в том, что «переход к строительству прямоугольных домов был вызван упрочением семьи, обособлением ее как хозяйственной ячейки и формированием многосемейных общин. Для их проживания были удобны дома именно такой планировки, так как их легко в отличие от круглых расширять, достраивать, разгораживать и пр.» [см.: Мелларт Дж., 1982, с. 129-130 (комментарий Е.В. Антоновой)]. Как тут не вспомнить многокомплексные прямоугольные жилища Верхнегунибского поселения, состоящих из множества смежных помещений (рис. 5). Кстати, вот что пишет на этот счет В.М. Котович: «особен-

ности планировки... комплексов, образующих систему последовательно пристроенных друг к другу смежных жилищ помещений, позволяют полагать, что эти жилища сооружались по мере разрастания и сегментации обитавших в ней семей. Данное обстоятельство может служить подтверждением реальности существования в горном Дагестане в бронзовом веке большесемейных общин и патронимии» [Котович В.М., 1965, с. 22-23]. М.Г. Гаджиев на основе изучения склепов могильника Гинчи с коллективными захоронениями также говорит о больших семьях и патронимии в социальной структуре населения горного Дагестана в эпоху средней бронзы [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 164-168]. Как видим, мнения В.М. Котович и М.Г. Гаджиева в целом соответствуют точке зрения Е.В. Антоновой, и в конечном счете К. Флэннери. Подытоживая: в смене круглоплановой строительной традиции прямоугольной «повинен» целый комплекс причин, среди которых можно указать социально-экономические явления (тесно связанные с институтом семьи), этнокультурные изменения, контакты и т.д.

Мы уделили большое внимание проблеме генезиса прямоугольной строительной традиции на Северо-Восточном Кавказе, но не можем претендовать на окончательные ответы на поставленные вопросы, так как уровень изученности бытовых памятников эпохи средней бронзы оставляет желать лучшего. Для более полного представления о строительном деле и архитектуре изучаемого региона даем краткую характеристику строительных остатков, выявленных на некоторых памятниках. Начнем с **Верхнегунибского поселения**. Оно, как уже говорилось, расположено на чрезвычайно крутом южном склоне скальной гряды Гунибского плато (рис. 2). Для устройства жилищ и других построек древним насельникам пришлось выбирать скальный грунт и делать более или менее горизонтальные площадки на склоне (рис. 6_{2,4,5}). Основной строительный материал - камень, который имеется в достаточном количестве на месте и поблизости от поселения. Кладка стен произведена очень аккуратно, но без применения скрепляющего раствора. Нет ни внутренней, ни внешней штукатурки стен помещений, вследствие чего, жилища изнутри имели, наверное, очень неудобный вид. Верхнегунибские жилища имеют множество смежных помещений, которые сообщаются между собой дверными проемами. Последние, как правило, сделаны в стенах, спускающихся по склону. По предположению В.М. Котович, двери помещений были деревянными. Удалось восстановить конструкцию кровли. Она состояла из продольной балки, на которую были уложены поперечные балки. Концы балок опирались, с одной стороны, на верх фасадной стены, а с другой - на верх задней глухой стены. Поверх балок шли слои хвороста, каменных плиток и утрамбованной земли. В помещении имелся и центральный столб, подпиравший кровлю. Все конструктивные особенности верхнегунибских жилищ удивительным образом

напоминают архитектуру дагестанских аулов этнографической действительности. Не противоречит этому и внутренний интерьер верхнегунибских помещений. В первую очередь, бросается в глаза ступенчатость пола, что является следствием затруднений в создании на крутом склоне горизонтальных площадок достаточной ширины. Пол обмазывался глиной. Верхняя площадка пола, на которую не выходит дверной проем, служила в качестве своеобразной лежанки. О хозяйственном назначении нижней части жилищ свидетельствует наличие здесь остатков двухчастной печи «кор» [Котович В.М., 1965, рис. 13]. Дым из помещений выводился, по всей видимости, через дымоходы, о чем «свидетельствует обилие в развалах печей и поблизости от них обломков закопченной изнутри глиняной обмазки» [Котович В.М., 1965, с. 77]. Свет в комнаты поступал через специальные проемы на южных фасадных стенах.

Таковы в целом конструктивные особенности верхнегунибских жилищ, их внешний вид и внутренний интерьер. Очень близок в этом отношении Верхнегунибскому Сигитминское поселение, расположенное на границе предгорий и степей [Гаджиев М.Г., 1983б, с. 24-25, 27]. Здесь открыта такая же ступенчатая планировка жилищ. Последние имели подковообразную форму с закругленными углами. Как и на Верхнегунибском поселении, жилища углублены в скалу. Сигитминские жилища возводились из камня сухой кладкой, имели плоскую кровлю, лежанки вдоль стен, найдены и двухчастные печи. От старой строительной традиции остались такие черты, как центральные углубленные в пол очаги, тип планировки в виде отдельно стоящего дома и т.д. Смежные двух-трехкамерные постройки возникают на поселении уже на последнем этапе его функционирования [Гаджиев М.Г., 1983б, с. 27].

На Ирганайском поселении I, памятнике горно-долинного типа, в 1958-1960 гг. были расчищены остатки каменной прямоугольной постройки общей площадью ок. 100 кв. м (рис. 10-11) [Атаев Д.М., Погребова М.Н., 1973, с. 29-34, рис. 2-6]. Здесь отмечены признаки поздних перепланировок. По мнению раскопщиков, эта часть поселения на заключительной стадии его функционирования была заброшена и использовалась уже в хозяйственных целях. Подтверждают это, на наш взгляд, и дальнейшие исследования памятника, проводившиеся здесь в 1986-1991 гг. [Магомедов Р.Г., 1987; 1988; 1989; 1992г; Атаев Г.Д., 1991]. Многолетние раскопки западного обрывистого края поселения (рис. 8), вскрывшие большой участок культурного слоя - средняя толщина (1,0-1,5 м) и выявившие остатки различных построек, так и не дали полноценных жилых строительных комплексов. Многочисленные стены, расчищенные здесь (рис. 12-16), большей частью имеют отношение к хозяйственным помещениям, оградкам дворов, иногда, по-видимому, служили подпорками невысоких террас,

проходов между домами. На различных уровнях заполнения межстенных пространств зафиксировано множество кострищ открытого типа. Лишь в одном случае на раскопе IV (1989 г.) найдены остатки стационарного печного устройства типа «кор» (рис. 17). Примечательно, что между стенами на уровне пола выявлено большое количество ям самых разных размеров и форм. В некоторых случаях в расположении ямок чувствуется закономерность; например, на раскопе II (1986 г.) ямки идут вдоль каменных стен двумя параллельными рядами (рис. 13). Возможно, здесь мы имеем дело с длинными лавками вдоль стен. Несколько параллельных рядов ям с остатками плиточных обкладок оснований некогда использовавшихся деревянных столбов удалось расчистить на раскопе IV (1988-1989 гг.) - (рис. 14). На этом же раскопе были выявлены и крупные ямы (одна из ям имела верхний диаметр 0,9-1,0 м и глубину до 0,7 м), предназначенные для хозяйственных нужд (для накопления золы, мусора, хранения зерна и т.д.). Обнаружено на поселении и несколько глиняных сосудов больших размеров, закопанных в ямы на полу. Стены поселения сохранились местами до высоты 1,0-1,2 м. Сложены они всухую из сланцевого плитняка, в изобилии встречающегося поблизости от поселения. Особенность сланца - это раскалывание на ровные куски правильных форм, не требующие дополнительной обработки. Применялся при кладке стен и речной голыш обкатанной формы. Иногда в кладке, особенно в нижних ярусах, использован известняк, более прочный по сравнению со сланцем. Как правило, камни уложены в стену плашмя; у фундамента плиты часто клали и на ребро. Стены одно-двухрядные. В большинстве случаев стены - однолицевые, что говорит об их использовании для подпорных целей. Только в одном случае зафиксировано устройство угла между стенами в «замок». В целом стены имеют крайне небрежный, неаккуратный вид, особенно бросающийся в глаза при сравнении их со стенами склепов Ирганайского могильника. При раскопках Ирганайского поселения, как и на Верхнегунибском поселении, не удалось зафиксировать случаи нанесения внешней или внутренней штукатурки. Возможно, все эти факты говорят о том, что постройки бесспорно жилого назначения на Ирганайском поселении I расположены в центральном, еще не вскрытом раскопками, участке террасы. В исследованной же части поселения преимущественно находились хозяйственные постройки. О смене приоритетов в конкретном использовании некоторых построек свидетельствуют такие факты, как перекрытие многочисленных ям на полу культурными наслоениями, на уровне которых фиксируются кострища, другие очажные пятна, промежуточные глинобитные полы (рис. 14), дополнительные каменные стены и т.п. Важно при этом заметить, что основные каменные стены, фундамент которых покоится на уровне материка, не разобраны, верхние площадки их обнаружива-

ются практически с началом культурного слоя на площади раскопов (рис. 12-13). О первоначальной высоте этих стен, и, естественно, о высоте самих помещений, можно судить по мощности тех завалов камней, которые мы обнаруживаем на уровне верхних ярусов стен. С учетом этого обстоятельства стены первоначально, по всей вероятности, достигали около 2 м высоты. Итак, для Ирганайского поселения I мы можем констатировать каменную архитектурную традицию в виде многокамерных прямоугольных построек с плоскими крышами, возводившихся компактно на тщательно выровненных с помощью подпорных стен горизонтальных площадках террасы.

На поселении Галгалатли II в 1968 г. были расчищены два смежные помещения полуземляночного типа [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985, с. 81-82, рис. 1а] (рис. 18). Возведены они на общей горизонтальной площадке, вырытой на крутом склоне горы. Стены помещений состоят местами из материкового среза, а большей частью из каменной сухой кладки. Пол помещений земляной. Небрежность планировки и сооружения помещений, их полуземляночный характер, отсутствие каких-либо деталей внутренней обстановки (лежанки, сидения, печи и т.д.) - все это свойственно для сезонных, временных памятников, каким и является поселение Галгалатли II.

До сих пор мы практически не касались строительного дела и архитектуры на синхронных памятниках Юго-Восточной Чечни. Выше уже говорилось о чрезвычайно слабом уровне изученности бытовых памятников этой территории. Выявлено всего 7 поселений, только на некоторых из них произведены разведочные раскопки. На Курчалоевском поселении (зольнике) строительные остатки не обнаружены [Марковин В.И., 1963, с. 64-67]. На поселении Гатын-Кале I в 1957, 1959 гг. В.И. Марковиным была выявлена конструкция жилища. Учитывая малочисленность строительных построек эпохи средней бронзы в Юго-Восточной Чечне, а также своеобразие гатынкалинского жилища, мы позволим себе привести почти полностью его описание, данное автором раскопок [Марковин В.И., 1962, с. 45-46; 1965, с. 40-41]: «эта турлучная постройка (с деревянным плетеным каркасом, обмазанным глиной) была почти квадратной (более 5 x 5 м) и несколько углублена в грунт ... Неровности материка, на котором стояло сооружение, - пишет В.И. Марковин, - были подправлены каменной вымосткой, поверх которой, возможно, для тепла, был положен мелкий хворост (на камнях найдены угольки), обильно обмазанный глиной. Жилище в передней (южной) части перегороджено каменной стеной на две половины; в западной части располагался очаг в виде неглубокой ямы, выложенной по дну камнями... С северо-восточной стороны жилища, вероятно, был устроен навес длиной 3 м и шириной около 1,5 м, от которого сохранились три каменных упора-глыбы... Жилище сгорело».

Гатынкалинское жилище сближается с вышеупомянутыми дагестанскими постройками четырехугольным планом, многокамерностью и плоской кровлей. На этом поселении при возведении жилищ предпочтение отдано не камню, хотя и он используется при перегораживании помещения, а каркасно-плетенчатым конструкциям, обмазанным глиной. Кстати, подобный строительный прием зафиксирован в Чечне и в более ранние времена. Речь идет о серженьюртовских двух поселениях эпохи ранней бронзы, на которых реконструируемые жилища «представляли собой легкие плетеные постройки, обмазанные глиной» [Мунчаев Р.М., 1975, с. 345]. Пока у нас мало данных о генетической связи между строительными традициями среднебронзовых памятников и памятников предшествующего времени в Чечне. На серженьюртовских поселениях не установлена форма жилищ*. На Луговом поселении этого же времени, расположенном в Ингушетии, выявлено «круглоплановое легкое плетеное строение турлучного типа» [Мунчаев Р.М., 1975, с. 345]. Отсюда мы можем допускать, что и для памятников территории Чечни в эпоху ранней бронзы была характерна круглоплановая архитектура. В таком случае, и в этой части Северо-Восточного Кавказа явно наблюдается процесс смены круглоплановой строительной традиции прямоугольной.

Заключая главу, еще раз подчеркнем, что на рубеже эпох ранней и средней бронзы на Северо-Восточном Кавказе взамен старой круглоплановой архитектуры приходит новая строительная традиция. Смена строительных традиций - следствие сложных социально-экономических и этнокультурных перемен в жизни местных племен, природа которых нам в настоящее время ясна не полностью. Планировка поселений, характер жилищ и других построек зависят от типа поселений, топографических условий, и главное - от особенностей хозяйственного уклада местного населения. Основой планировки поселений всех типов становятся наземные многокамерные жилища прямоугольной формы с плоской кровлей. Строительный материал - преимущественно камень (в особенности в Горном Дагестане), дерево, а также каркасно-плетенчатые конструкции с глиняной обмазкой. Таким образом, генетические корни современной горской ступенчатой каменной архитектуры с прямоугольным планом построек, как об этом свидетельствуют археологические данные, уходят в глубокую древность, исчисляемую многими тысячелетиями.

* Правда, на одном из серженьюртовских поселений в 1960 г. была открыта оригинальная постройка прямоугольной формы, возможно, имеющая культовое назначение [Мунчаев Р.М., 1975, с. 345-346].

III. МОГИЛЬНИКИ

«Я полагаю, что исследователь доисторических времен столь же неспособен из-за отсутствия письменных данных восстановить религиозные обряды каменного века, как и палеонтолог - железы внутренней секреции палеозавра, от которого сохранился лишь скелет».

Марк Блок. Апология истории

Практически половина известных памятников эпохи средней бронзы Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни - это могильники. Их всего около 20, причем, распространены они в горных зонах Чечни (Саади-Котар, Малый Харсеной, Дуба-Юрт, Гатын-Кале, Дай, Бачи-Юрт, Бельты, Согунты, Гуни, Зонах) и Дагестане (Галгалатли, Ирганай, Гинчи, Ругуджа, Чох, Хаджалмахи, Муги, Кули) почти поровну (рис. 1). Интересно, что во многих случаях поселение и могильник составляют однокультурный синхронный комплекс памятников. Таковы, например, поселение Гатын-Кале I и могильник Гатын-Кале - в Чечне, поселение Галгалатли II и одноименный могильник, Ирганайское поселение I и Ирганайский могильник, поселение Гинчи II и могильник Гинчи - в Горном Дагестане.

Не все могильники равноценно изучены. Наиболее хорошо исследованы могильники Гатын-Кале, Малый Харсеной и Бельты в Чечне, могильники Гинчи и Ирганайский в Горном Дагестане. Материалы раскопок могильников Гатын-Кале и Гинчи опубликованы В.И. Марковиным [1963] и М.Г. Гаджиевым [1969б] на монографическом уровне. Работы В.И. Марковина и М.Г. Гаджиева выходят далеко за рамки характеристики и анализа материалов указанных могильников; в них по существу обобщены все данные о погребальном обряде племен Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни в изучаемое время. Погребальный обряд нашел отражение и в обобщающей статье М.Г. Гаджиева, посвященной сравнительному анализу археологических материалов эпохи средней бронзы, происходящего из памятников Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни [Гаджиев М.Г., 1974]. Вот и, пожалуй, все обобщающие работы по интересующей нас проблеме.

Как правило, могильники лишены внешних признаков. Однако, наблюдения за планировкой могильников подводят к мысли, что древние люди хорошо представляли себе их структуру, местоположение каждого из погребальных сооружений. О том, что погребения имели свои обозначения

на древней дневной поверхности может свидетельствовать, например, планировка могильника Гатын-Кале (рис. 52): погребения расположены по четырем параллельным рядам, вытянутым с северо-востока на юго-запад [Марковин В.И., 1963б, с. 104, рис. 3]. На Чохском могильнике склепы сооружены на древнеземледельческих террасах в один ряд по линии восток(запад и «обнаруживаются легко, благодаря наличию небольших каменных насыпей и массивных плит-перекрытий, обычно выступающих одним концом из-под насыпи» [Мунчаев Р.М., 1958, с. 44].

Мугинские склепы также имели перекрытия из массивных плит, верх которых отмечены насыпи высотой 0,5-1,0 м, состоящие из земли, щебенки и камней [Мунчаев Р.М., 1958, с. 48]. Каменные кольца-кромлехи, верхняя поверхность которых как бы перекрывает верхний край склепов, расчищены и на могильнике Гинчи [Гаджиев М.Г., 1969б, рис.2, 17]. Исследования, проведенные в последние годы на Ирганайском могильнике позволяют по-новому взглянуть на характер насыпей чохских и мугинских склепов. Дело в том, что на Ирганайском могильнике изучен курган, одиноко выделяющийся на ровной поверхности террасы (рис. 45). Насыпь (диаметр - 19-21 м, высота (более 1,0 м) его состояла из сплошного завала крупных и средних камней. Под насыпью на уровне дневной поверхности открыты каменный ящик (сильно разрушенный и ограбленный) и склеп (ограбленный). Остальные погребальные комплексы Ирганайского могильника, изученные в разные годы (склепы №№ 1-6), как свидетельствуют данные, также имели насыпи выше верхних плит склеповых конструкций. Чаще всего насыпи имели вид своеобразных широких колец или кромлехов, опоясывающих склепы. Камни составляли основу насыпи и в какой-то мере сдерживали расползание самой насыпи под уклон рельефа. В последующем, после прекращения функционирования могильника, курганы, за исключением одного, оказались перекрыты селевыми наслоениями.

До сих пор курганы, обычно считающиеся одним из безусловных элементов культуры степных племен, были известны лишь в равнинной и предгорной зонах Дагестана. В этом плане наиболее «продвинутыми» в сторону гор были многочисленные курганы Миатлинского и, в особенности, Чиркейского могильников эпох средней и поздней бронзы. Открытие курганного обряда в эпоху бронзы во Внутреннем Дагестане имеет большое научное значение. Возникшие при этом новые аспекты изучения культурных взаимоотношений населения степей и гор более подробно будут рассмотрены в соответствующей главе работы, посвященной историко-культурной характеристике памятников гинчинской культуры. Здесь же отметим, что курганы более ранние, по сравнению с ирганайскими, в горных районах Дагестана пока неизвестны. Могильники эпохи ранней бронзы Го-

но и Шебоха были устроены на крутых склонах и не имели курганных насыпей [Котович В.Г., 1961а, с. 25; Гаджиев М.Г., 1986б, с. 23, 25]. На наш взгляд, курганный обряд проник в горные районы Дагестана где-то в конце III тыс. до н.э. в результате активного проникновения туда культурного воздействия степных племен.

Несколько слов об особенностях планировки могильника Бельты. По словам К.З. Ерзункаевой, здесь выделяются два участка, «отражающие ход развития некрополя» - на одном из них открыты каменные гробницы, а на другом - каменные ящики [Ерзункаева К.З., 1979, с. 13-14]. Есть данные о том, что некоторые из бельтинских погребений имели оградки из камня, а среди навала камней над погребением № 42 «выделялся один в виде столбика. Высота его 0,50 м. Сечение подпрямоугольное... Не исключено, - отмечает В.Б. Виноградов, - что в древности он являлся надмогильным камнем» [Виноградов В.Б., 1983а, с. 17, табл. 471]. Подобного типа каменная стела была найдена и при погребении № 17 могильника Гатын-Кале [Марковин В.И., 1963б, с. 78].

Замеченные некоторые закономерности в взаиморасположении погребальных сооружений на могильниках эпохи средней бронзы горной зоны Северо-Восточного Кавказа не являются чем-то исключительным. Подобные моменты неоднократно отмечались исследователями для погребальных памятников, например, каякентско-хорочоевской культуры [Марковин В.И., 1969а, с. 35-36].

Обычно принято считать, что для горных районов Северо-Восточного Кавказа наиболее характерны в изучаемое время каменные склепы различной формы, предназначенные для коллективных захоронений. Но одними склепами многообразие погребальных конструкций не ограничивается. Для примера напомним, что В.И. Марковин на могильнике Гатын-Кале выделил «погребения в ямах, склепах, в сооружениях типа каменных ящиков и, наконец, могилы-кенотафы» [Марковин В.И., 1963б, с. 105]. На могильнике Гинчи обнаружены склепы (рис. 21-29), грунтовая яма, детские каменные гробницы (рис. 30-31, 34) и кувшинные погребения (рис. 32-34) [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 102], а на могильнике Бельты - склепы (рис. 60, 62), каменные ящики (рис. 59), детские гробницы, грунтовые ямы и кенотафы [Виноградов В.Б., 1963б, с. 110; 1984, с. 111]. При классификации всех учтенных погребений выбранного круга памятников по типам погребальных конструкций, получается следующая картина:

Таблица 1

Классификация погребальных сооружений гинчинской культуры

№	Памятник	склеп		камен. ящик	грун- тов. яма	детская гробн.	кувш. погр.	кено- таф	всего по- греб.
		кругл.	прямо- уг.						
1	Саади-Котар	0	0	0	2	0	0	0	2
2	М. Харсеной	0	0	0	19	0	0	0	19
3	Дуба - юрт	0	2	0	0	0	0	0	2
4	Гатын-Кале	0	13	0	14	7	0	3	37
5	Дай	0	1	1	0	0	0	0	2
6	Бачи-юрт II	0	0	0	4	0	0	0	4
7	Бачи-юрт IV	0	0	0	9	0	0	0	9
8	Согунты	0	0	0	?	0	0	0	?
9	Бельты	0	20	23	9	0	0	1	53
10	Гуни	?	?	?	?	?	?	?	?
11	Зонах	0	1	0	0	0	0	0	1
12	Галгалатли	2	0	0	0	0	0	0	2
13	Ирганай	0	6	1	0	1	0	0	38
14	Гинчи	9	5	0	1	2	15	0	32
15	Ругуджа	1	0	0	0	0	0	0	1
16	Чох	3	1	0	0	0	0	0	4
17	Хаджалмахи	1	0	0	0	0	0	0	1
18	Муги	0	4	0	0	0	0	0	4
19	Кули	?	0	0	0	0	0	0	?
Итого:		16	53	25	56	10	15	4	179
(%)		8,9	29,6	13,9	31	5,6	8,4	2,2	100

Пояснения к таблице: 0 - отсутствие признака;
? - отсутствие данных

Всего учтена выборка из 179 погребений и они делятся на следующие группы: 1) каменные склепы, 2) каменные ящики, 3) каменные гробницы (детские), 4) грунтовые ямы, 5) кувшинные захоронения и, наконец, 6) кенотафы. Надо заметить, что не все группы отвечают в полной мере принципу, положенному в основу данной классификации. Так, например, каменные детские гробницы и кенотафы скорее носят функциональное определение, чем конструктивное. Строго говоря, среди детских гробниц встречаются и миниатюрные склепообразные сооружения и каменные ящики. Но, учитывая специфический облик этих погребений, мы решили вслед за В.И. Марковиным, М.Г. Гаджиевым, В.Б. Виноградовым и др. выделять и рассматривать их отдельно.

Как видно, наиболее распространенный тип погребальной конструкции - это **склепы** (38,5 % из общего количества учтенных погребальных конструкций). Сам термин «склеп» до сих пор не получил в археологической литературе однозначного, устойчивого определения. В кавказоведении в принципе уже есть определенная практика называть склепами «могильные сооружения, сложенные кладкой камней в несколько рядов, независимо от того, имеют ли они вход...» [Марковин В.И., 1978, с. 284]. Как правило, склепы использовались для многократных, повторных захоронений покойников. Разумеется, классические склепы обычно имеют специальный боковой вход. Именно с этих позиций, по-видимому, писала в свое время Л.Г. Нечаева, что «название «склеп» получили ... могилы эпохи бронзы, сложенные из битого камня (Гатын-Кале). Они не имеют лаза, покойник опускался в могилу сверху ... Склеп же - небольшие домики, имеющие окошко (лаз), через которое вносили умерших внутрь и укладывали на полки ...» [Нечаева Л.Г., 1968, с. 67-68; 1972, с. 278]. В 1976 г. мнение Л.Г. Нечаевой поддержал М.Х. Ошаев, определив склеп у сел. Верхний Дай (рис. 58_{3,4}), как каменную гробницу [Ошаев М.Х., 1976, с. 26]. На наш взгляд, теоретические построения Л.Г. Нечаевой немного надуманы, так как долговременное функционирование погребальных сооружений типа гатынкалинских или же гинчинских склепов в качестве коллективных усыпальниц вряд ли возможно без специально оформленных входных отверстий. Другое дело, что последние в этом случае были устроены сверху и их трудно реконструировать, так как археологи чаще всего сталкиваются с рухнувшими перекрытиями склепов.

Но, есть среди могильников эпохи средней бронзы Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни и такие, которым свойственны *склепы с боковым входом*. Это, в первую очередь, могильник Ирганайский (рис. 35-44, 46-47). Один склеп (№ 23) с боковым входом известен на могильнике Бельты [Виноградов В.Б., 1982б, рис. 520]. Такую же конструктивную особенность имели эгикальские склепы из Ингушетии, очень близкие к традициям гинчинской культуры (Марковин В.И., 1970, с. 83-84; 1982б, с. 25-32) (рис. 63). Казалось бы, эгикальские и ирганайские погребальные сооружения стопроцентно отвечают требованиям термина «склеп», - однако Л.Г. Нечаева и В.В. Кривицкий сближают их, как ни странно, с составными дольменами (?) Северного Кавказа и строят на этой основе гипотезу о продвижении племен-строителей дольменов с северо-запада на юго-восток Кавказа «в силу тех или иных причин» [Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В., 1975, с. 32]. Как верно заметила М.П. Абрамова, «наличие различных терминов для определения одного типа погребальных сооружений вносит путаницу и приводит к неверным выводам» [Абрамова М.П., 1982, с. 9].

По особенностям плана склепы подразделяются на два типа: 1) круглоплановые и 2) четырехугольные. *Круглоплановые склепы* в Горном Дагестане впервые были обнаружены, по данным В.Г. Котовича, еще до революции в сел. Кули [Котович В.Г., 1961а, с. 37]. В последующем подобные склепы стали известны на целом ряде могильников (Чох - рис. 50, Ругуджа, Гинчи - рис. 21, Галгалатли - рис. 48, Хаджалмахи).

Наиболее хорошо круглоплановые склепы представлены на могильнике Гинчи (№№ 1-3, 5, 7, 8, 10, 12, 14), где они составляют почти 60 % склепов. Еще один из склепов (№ 9), имея в нижней части круглый план, а в верхней - прямоугольную форму, занимает как бы промежуточное положение (рис. 34₁). План склепов данного типа варьируется от почти правильного круга (склепы №№ 2, 5, 15 - диаметры 3,4 x 3,70 м, 2,40 x 2,60 м и 1,90 м) к овальным (№№ 1, 8 - диаметры 1,80 x 2,20 м, 1,40 x 1,75 м) и овально-вытянутым (№ 14 - диаметр 0,50-0,60 x 1,40 м) формам, а склеп № 3 имел сегментовидную форму - диаметр - 1,85 x 1,65 м в верхней части (рис. 22). Высота стен склепов колеблется в пределах 0,60-1,65 м, а общая глубина склепа № 9, сочетающего оба типа плана, составляет 1,70-1,80 м. Необычно крупными размерами отличается склеп № 2, имеющего диаметр 3,40-3,70 м, что в 1,5-2 раза превышает размеры остальных круглоплановых склепов (рис. 20).

На Северо-Восточном Кавказе круглоплановые каменные склепы характерны только для территории Дагестана. В Чечне с ними могут быть сопоставлены по конструкции гатынкалинские могилы-кенотафы №№ 20-22 [Марковин В.И., 1963б, с. 80-81] (рис. 52). Аналогичные овальные ямы, обложенные вокруг камнями, в пережиточной форме отмечены и на памятнике каякентско-хорочоевской культуры - Хорочое (Круглов А.П., 1958, с. 49).

Прямоугольные склепы соседствуют с круглоплановыми на могильниках Чох -рис. 51) и Гинчи (склепы №№ 4, 6, 11, 13 - рис. 20, 28-29). В Горном Дагестане прямоугольные склепы найдены еще на могильниках Ирганай (рис. 35-43), Муги (рис. 49). В Юго-Восточной Чечне подобные склепы широко известны на могильниках Гатын-Кале (13 склепов - рис. 52-55), Бельты (20 склепов - рис. 60, 62); такая форма склепов характерна и для других памятников этой территории - Дай (рис. 58_{3,4}), Дуба-Юрт, Зонах. Близкие по форме склепы изучены и в Ингушетии (Эгикал - рис. 102). По пропорциям длины и ширины камеры склепов с прямоугольным планом можно разделить на две группы: 1) *склепы с подквадратной или квадратной формой плана* и 2) *склепы с вытянутой формой*. К первой группе относятся немногочисленные склепы Гинчи (рис. 29), Чох (рис. 51) - в

Дагестане, Дай (рис. 58_{3,4}), Бельты (рис. 58₁) в Чечне. Размеры некоторых склепов Гинчи: склеп № 4 - 2,20 x 2,30 м, глубина сохр. - 0,70 м; склеп № 11 - 1,5 x 1,6 м, глубина 0,8 м; склеп № 13 - 2,2-2,4 x 2,6 м, глубина 1,5-1,6 м. Наиболее многочисленны склепы второй группы - могильники Ирганай (рис. 35-41; 43), Муги (рис. 49) в Дагестане, Гатын-Кале (рис. 52, 53_{3,7}, 54, 55_{7,9}), Бельты (рис. 62) в Чечне, а также Эгикал (рис. 63_{2,4}) в Ингушетии. Гатынкалинские склепы, выступающие наиболее выразительными образцами подобных погребальных сооружений, имели размеры 0,67-1,67 x 1,25-2,2 м, глубину - от 0,65 до 1,5 м [Марковин В.И., 1963б, с. 107].

Склепы эпохи средней бронзы, найденные в Горном Дагестане и Юго-Восточной Чечне, представляют собой *подземные сооружения*. Обычно для их устройства в материковом грунте рылись специальные ямы, которые затем обкладывались каменными стенками. На могильнике Гинчи склепы оказались впущенными в культурный слой одноименного энеолитического поселения [Гаджиев М.Г., 1963б, с. 102]. Кладка стен склепов производилась без связующего раствора с использованием каменных плит, положенных плашмя. Часто основания стен, а иногда и полностью стены, оформлялись каменными плитами, поставленными на ребро (Гинчи, Ирганай, Муги, Чох, Бельты и др.).

Кладка производилась обычно по ярусам, выравнивая используемые плиты путем подкладывания под них маленьких плиток и камней. В ряде могильников отмечены *ниши в стенах*. Так, например, склеп № 1 Чохского могильника [Мунчаев Р.М., 1958, с. 44] имел две ниши в южной и западной частях камеры - в одном случае прямо под плитой перекрытия (размеры ниши: 0,55 x 9,17 м, глубина 0,25 м), а в другом - немного ниже перекрытия (размеры: 0,28 x 0,17 x 0,45 м соответственно). Аналогичная ниша была открыта в западной стенке склепа № 3 этого же могильника, - в ней, по словам местных жителей, предварительно «обследовавших» погребальную конструкцию, стоял глиняный сосуд, в котором лежали серьги и бусы [Мунчаев Р.М., 1958, с. 44]. О другом способе использования ниш сообщает М.Г. Гаджиев. По его мнению, небольшие прямоугольные ниши, сделанные в стенках склепов №№ 5 и 13 на одинаковом уровне от пола, «очевидно, служили для опоры деревянных балок, подстилавших плиты перекрытия» [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 103]. Для склепа № 5 даже удастся реконструировать невысокий ложный свод, центральная часть которого, возможно, и поддерживалась столбами, опиравшимися в упомянутые ниши.

Интересен вопрос о *способах перекрытия склепов*. Он напрямую связан с устройством верхнего лаза в камеры. В тех случаях, когда захоронения производили сверху, перекрытия или не сохранились вовсе, как на Гатын-

Кале [Марковин В.И., 1963б, с. 107], или же оказываются внутри склепов в виде завала плит, что видно на примере Гинчи [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 103].

На Чохском и Мугинском могильниках склепы перекрывались одной или несколькими массивными плитами [Мунчаев В.И., 1958, с. 44, 49]. А если вспомнить, что данные склепы имели насыпи из камней, щебня и земли, то остается неясным, как же происходил неоднократный процесс захоронений в них? Напомним здесь, что в склепах №№ 1 и 3 Чоха, судя по черепам, было погребено не менее 15 и 13 человек соответственно. Трудно представить, что в каждый раз при погребении покойников разгребались насыпи и поднимались массивные плиты перекрытия. Скорее всего, чохские и мугинские склепы имели боковые входные лазы, не выявленные из-за плохой сохранности конструкций. В пользу этого, на наш взгляд, говорит, указание на то, что в одном из чохских склепов (№ 1) «находился порог в могилу» [Мунчаев Р.М., 1958, с. 44]. Такие пороги перед боковыми входами-лазами в камеру были выявлены, например, в нескольких ирганайских склепах.

В этом отношении определенный интерес представляет *склеп № 5*, исследованный нами в 1986 г. [Магомедов Р.Г., 1987б, рис. 36-45]. Он имел подпрямоугольную удлиненную форму плана, ориентированную длинной осью по линии СВ-ЮЗ. Внутренние размеры камеры: длина - 2,2 м, ширина - 1,4 м, высота (до плиты перекрытия) - 1,15-1,30 м. Стены склепа (рис. 42₁) возведены всухую из мелких и крупных сланцевых плит, - причем основания стен образованы большими плитами, поставленными на ребро, поверх которых стена наращена кладкой плит плашмя. Перекрыт склеп был несколькими массивными плитами (толщиной 0,10-0,20 м), одна из которых сохранилась над северо-восточной частью склепа - рис. 38), остальные провисли или же рухнули вовнутрь склепа при последующих ограблениях его содержимого (рис. 39). В юго-западной торцовой стене открыт входной боковой лаз в камеру (ширина его - 0,70 м, высота - 0,30-0,35 м) - рис. 41. Снаружи лаз был оформлен в виде коридора-дромоса из удлиненных плит и небольших каменных блоков. Длина дромоса - 1,15-1,20 м. Внутри камеры прямо под проемом входного лаза обнаружен порог-ступенька (рис. 38-39 - разрез А-Б) высотой 0,35-0,40 м и шириной 0,90 м. Сложена ступенька из плит, поставленных на ребро, поверх которых идет кладка в 1-2 яруса из более мелких камней. До расчистки проем лаза был забит камнями (рис. 39). Полom склепа служил утрамбованный материковый горизонт. На уровне дневной поверхности склеп был окружен широкой лентой кромлеха (диаметр 8-9 м) из речных гольшей (рис. 38, 40-41). На опыте дальнейших раскопок (1987-1991 гг.) на Ирганайском могильни-

ке можно уверенно сказать, что этот кромлех представляет собою остатки невысокой курганной насыпи, расползшейся в последующем*.

Все выявленные на сегодня склепы Ирганайского могильника ориентированы по линии СВ-ЮЗ, а лазы выведены в ЮЗ сторону. В этом отношении они обособлены от гинчинских прямоугольных склепов, которые большей частью ориентированы по странам света (склеп № 11 - по линии СЗ-ЮВ). Склеп № 1 Чохского могильника (рис. 51) и склеп № 2 Муги (рис. 49) также имеют подобную ориентировку, а склеп № 1 Муги - СЗ-ЮВ. Впрочем, такой же разнотой в ориентировке камер склепов наблюдается и в Чечне. Например, на могильнике Гатын-Кале одни склеповые погребения (№ 3) ориентированы с запада на восток, другие (№№ 5, 7-9, 25, 26, 30, 36) - с северо-запада на юго-восток, третьи (№№ 14, 24) - с северо-востока на юго-запад, а погр. № 21 - с севера на юг [Марковин В.И., 1963б, с. 107].

Вопрос о времени появления на Северо-Восточном Кавказе склепов как погребальных сооружений, а также хронологическом и культурном соотношении двух типов склепов тесно связан с проблемой смены строительной традиции в этом регионе во второй половине III тыс. до н.э. Надо сказать, что первоначально, после открытия четырехугольных склепов могильника Гоно, датируемого обычно в пределах второй половины III тыс. до н.э., древность прямоугольных склепов по сравнению с круглоплановыми особых сомнений не вызывала [Котович В.М., 1965, с. 97]. Это находилось в полном соответствии с взглядами В.М. Котович [1965, с. 92-97], М.Г. Гаджиева [1969б, с. 107-108] и других ученых об архаичности прямоугольной архитектуры, о глубоких местных корнях ее генезиса. Позднее, исходя из стратиграфических наблюдений на могильнике Гинчи (рис. 25), появилась возможность говорить о большей древности круглоплановых склепов [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 105]. В настоящее время, на основе исследования большого количества памятников и нового обобщения всего имеющегося материала, считается установленным, что традиция круглоплановой архитектуры имеет в Дагестане очень глубокие корни, восходящие по крайней мере к эпохе неолита (VI - первая половина V тыс. до н.э.) [Гаджиев М.Г., 1982, с. 3]. Так как погребальные сооружения часто отражают форму и планировку жилых построек, то можно сказать о более раннем возникновении круглоплановых склепов, нежели прямоугольных. Правильность такого заключения подтверждается открытием М.Г. Гаджиевым в 1968 г. на могильнике куро-аракской культуры Шебоха (Ботлихский район) круглопланового склепа с коллективными захоронениями

* К сожалению, у нас нет возможности рассматривать в работе подробно материалы раскопок кургана и склепа № 6 данного могильника. По своим конструктивным особенностям подкурганный склеп и склеп № 6 близки к склепу № 5, но сохранились несравненно лучше.

[Гаджиев М.Г., 1969а; 1986б; Мунчаев Р.М., 1975, с. 190-191). В настоящее время Щебоха является наиболее ранним некрополем в Горном Дагестане, вынесенным за пределы поселения. Прямоугольные склепы возникают на завершающем этапе развития куро-аракской культуры (Гоно) почти одновременно с появлением жилищ с аналогичным планом. Таким образом, старая точка зрения В.И. Марковина о возможности (вслед за Р.М. Мунчаевым) «относить появление склеповых сооружений в Дагестане ко времени не раньше начала II тыс. до н.э.», а также его мысль о том, что «именно от племен Северного Кавказа через территорию Чечни проник в древний Дагестан обычай хоронить умерших в склепах и ящиках» [Марковин В.И., 1963б, с. 109] не подтвердились дальнейшим накоплением источниковой базы.

Что касается каменных ящиков, то они не очень характерны для эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа, хотя спорадически и встречаются на некоторых памятниках. На Ирганайском могильнике открыт один миниатюрный каменный ящик, впущенный в насыпь кургана, а также известно еще одно погребальное сооружение, напоминающее каменный ящик [Атаев Д.М., Гаджиев М.Г., Погребова М.Н., 1961, л. 31]. Последнее имело миниатюрные размеры (толщина плиты перекрытия - 0,25 м, ширина стен - 0,20-0,45 м, высота - 0,95 м, длина - 0,30 м, ширина - 0,70 м) и было предназначено скорее всего для детского захоронения. От классических каменных ящиков ирганайское погребение (в отчетной документации - «склеп» № 3) отличается тем, что одна из его стенок образована не отдельной плитой, а каменной кладкой. Подобное сооружение смешанного типа, сочетающее признаки склепов и каменных ящиков, известны и на Бельтинском могильнике. На последнем 23 погребальных сооружения можно назвать каменными ящиками (рис. 59). Подавляющее их большинство имело маленькие размеры и содержало индивидуальные детские захоронения. По наблюдениям авторов раскопок, каменные ящики были расположены в основном в верхней западной части могильника, в то время как каменные склепы - «гробницы» - по отчетам и публикациям) - в нижней восточной части. Как отмечает К.З. Ерзункаева, - «это позволяет данные участки могильника воспринимать как отражающие ход развития некрополя» [Ерзункаева К.З., 1979, с. 13-14]. Правда, в таком случае появляется вопрос: почему же на участке, который хронологически «моложе» другой части некрополя, сосредоточены в основном детские захоронения? На наш взгляд, скорее мы здесь имеем дело с возрастной дифференциацией покойных. На могильнике Гатын-Кале В.И. Марковиным выделена небольшая группа из 5 погребений - «это могилы в ямах, облицованных камнями таким образом, что они напоминают каменные ящики» [Марковин

В.И., 1963б, с. 108]. Знаменательно, что и они меньше других погребений могильника по своим размерам и предназначались для детских индивидуальных захоронений. Для полноты картины упомянем также, что на Дайском могильнике в 1967 г. была найдена «могильная яма, стены которой были укреплены двумя-тремя каменными плитами, поставленными на ребро» [Ошаев М.Х., 1976, с. 22]. Большинство из этой группы погребений имело маленькие размеры (например, гатынкалинские образцы имели длину в пределах 1,0-1,4 м, ширину - 0,4-0,95 м, глубину - до 0,65 м) и, как правило, содержали одиночные детские костяки. По мнению К.З. Ерзункаевой, по особенностям конструкции они еще не соответствуют «канонам» классического каменного ящика каякентско-хорочоевской культуры, да и инвентарь более архаичен и характерен скорее для эпохи средней бронзы [Ерзункаева К.З., 1976, с. 14]. На наш взгляд, такую точку зрения можно принять.

Третий тип погребений на изучаемых памятниках - это **грунтовые ямы**. Всего зафиксировано 56 подобных погребений (31 % от общего количества учтенных погребений). Из них только одно приходится на Горный Дагестан. Имеется в виду «яма округло-продолговатой формы» (длина - 1,40 м, ширина - 0,50-0,60 м) на могильнике Гинчи, расчищенная под каменным завалом, и названная условно «склепом № 14» [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 86-87]. В Юго-Восточной Чечне грунтовые погребения, наоборот, встречаются довольно часто (см.: табл. 1). Например, такие могильники как Саади-Котар (рис. 58_{5,6}), Малый Харсеной (рис. 57, 58_{1,2}), Бачи-Юрт II и IV, Согунты являются полностью грунтовыми. Наиболее известен из них Малохарсенойский могильник, на котором в 1965-1966 гг. вскрыто 19 грунтовых погребений [Крупнов Е.И. и др., 1967, с. 58; Марковин В.И., Мужухоев М.Б., 1979, с. 9; Марковин В.И., 1995, с. 28]. На могильнике Гатын-Кале грунтовые ямы (рис. 53_{1-2,4-5}) составляют наиболее преобладающий тип (14 погребений из 37) погребений (длина - до 2,1 м, глубина - 0,65-1,7 м); некоторые из них «обрамлены по краям одиночными камнями» [Марковин В.И., 1963б, с. 105]. На Бельтинском могильнике исследовано 9 грунтовых погребений. При анализе грунтовых погребений всех названных могильников вычленяются некоторые общие черты: 1) обкладка края могилы камнями (можно предположить, что они имели отношение к перекрытию); 2) индивидуальные захоронения, как правило, скорченные с преобладающей ориентировкой покойного головой на южный или восточный сектора. По форме плана ямы делятся на две группы: 1) прямоугольные (рис. 58_{5,6}) и 2) округлые (рис. 57₃, 58₁). Большой процент исследованных грунтовых погребений имеет очень неопределенную форму в силу их плохой сохранности.

Хронологическое соотношение грунтовых ям с другими типами погребальных сооружений не совсем ясно. По инвентарю они очень схожи со склеповыми погребениями. По стратиграфическим наблюдениям и данным сравнительного анализа инвентаря В.И. Марковин датировал практически все грунтовые погребения могильника Гатын-Кале временем 1700-1500 гг. до н.э., т.е. отнес их ко второму этапу периодизации северокавказской культуры [Марковин В.И., 1963б, с. 133]. С точки зрения относительной хронологии В.И. Марковина, «склеповые захоронения представляются несколько более поздними по сравнению с могилами-ямами» [Марковин В.И., 1963б, с. 108]. Грунтовые погребения бачиюртовских могильников II и IV М.Х. Ошаев охарактеризовал как относящихся к каякентско-хорочоевской культуре, хотя и был вынужден особо отметить, что «грунтовые ямы», как тип погребальной конструкции необычны для памятников» данной культуры [Ошаев М.Х., 1976, с. 55]. По нашему мнению, инвентарь этих погребений скорее можно отнести к средней бронзе, нежели к поздней. К вопросу датировки и историко-культурной интерпретации материалов бачиюртовских могильников мы еще вернемся.

Гинчинский могильник - единственный памятник Северо-Восточного Кавказа, на котором зафиксированы кувшинные захоронения (рис. 32, 33, 34₃₋₆). Хотя надо отметить, что в одном из погребений Берикейского могильника (каякентско-хорочоевской культура) было в свое время найдено одно кувшинное захоронение ребенка [Марковин В.И., 1972, с. 289]. Но, в целом высказывание М.Г. Гаджиева о том, что сам обряд погребения в сосудах ни в более ранние периоды, ни в последующем в Дагестане не известен» [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 117], и теперь остается верным. В монографической публикации материалов могильника Гинчи хорошо дан сравнительный культурно-хронологический анализ кувшинных погребений [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 116-117] и поэтому у нас нет необходимости возвращаться к этому вопросу. Единственно, напомним вывод М.Г. Гаджиева о том, что «кувшинные погребения соответствуют по времени захоронениям в склепах» [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 116].

Рассмотрим основные черты погребального обряда местных племен. Каждый выделенный нами тип погребений имеет и свой определенный набор признаков погребальной обрядности. Так, характерной особенностью погребального обряда в склепах является *коллективность захоронений*. Она результат не одновременного акта, а отражает использование данных склепов в течение длительного времени в качестве своего рода родственных усыпальниц. В некоторых склепах могильника Гатын-Кале (№№ 7, 30 и др.) зафиксированы останки более чем десяти человек [Мар-

ковин В.И., 1963б, с. 106-107] (рис. 54). В отдельных склепах могильника Бельты [Виноградов В.Б., 1982б, с. 29] количество погребенных составляет 12 и более человек (рис. 60, 62). В Горном Дагестане коллективные захоронения известны в склепах могильников Гинчи - здесь в 6 склепах из 15-ти было от 12 до 51 человек [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 162], Чох - 13-15 погребенных [Мунчаев Р.М., 1958, с. 41 и далее], Галгалатли (склеп 1) - не менее 9 погребенных [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985, с. 83] и др. На разных некрополях процесс заполнения склепов погребенными, возможно, шел по-разному в зависимости от размеров и формы самого погребального сооружения, особенностей погребального обряда. На могильнике Гинчи, например, удалось установить, что в большинстве случаев склепы заполнялись в течение длительного времени захоронениями поярусно [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 109, 164]. Последние отделялись друг от друга прослойками земли, иногда каменными плитами. При этом часто удается проследить труположение костяков. Зафиксированы позы в сидячем, скорченном и вытянутом положениях, причем, при сравнении скелетов между собой практически не улавливаются какие-либо общие закономерности [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 111-112]. Костяки имеют также самые различные ориентации, но все же, по словам М.Г. Гаджиева, - «наблюдается определенное стремление класть покойников головами на восток с отклонением на север или юг» [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 112]. На могильнике Галгалатли (рис. 48), судя по отдельным кистям рук и ног скелетов, зафиксированным в малоповрежденном состоянии в склепе № 1, можно предположить, что покойников хоронили в сильно скорченном положении вдоль стенки склепа [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1984, с. 83]. В ирганайских склепах, за исключением склепа № 4, о котором речь пойдет особо, кости погребенных расчищены в анатомическом беспорядке и хаосе (рис. 43).

На могильнике Гатын-Кале в склепах имеются как *скорченные*, так и *вытянутые* костяки, которых, как правило, укладывали вдоль стенок погребения. При заполнении камеры погребенных, по-видимому, сдвигали вместе с инвентарем, а на освободившееся место располагали последнего покойника. Отсюда и полное нарушение анатомического порядка костей многих скелетов. В.И. Марковин дает такое объяснение смещению костей в склепах № 7 (рис. 54) и 30, но в некоторых других склепах он готов видеть результаты т.н. *обрядов вторичных захоронений* [Марковин В.И., 1963б, с. 107-108]. Как известно, о существовании в Дагестане в эпоху бронзы и последующее время подобного обряда высказывались Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов [1958, с. 149], В.Г. Котович [1961, с. 25-31], М.Н. По-

гребова [1961, с. 119] и многие другие. «Вторичные (расчлененные) захоронения» находит в склепах могильника Бельты в Ичкерии и В.Б. Виноградов [1985, с. 110]. Всесторонне вопрос о толковании вторичного погребального обряда в эпоху бронзы в степях юга России, на Кавказе и Ближнем Востоке с использованием широких этнографических параллелей рассмотрел Ю.Ю. Пиотровский [1988, с. 6-18]. В существовании обряда вторичных захоронений в склепах эпохи бронзы Горного Дагестана сомневается М.Г. Гаджиев. Так, рассматривая характер трупоположения в гинчинских склепах, он пишет, что «некоторое беспорядочное положение костей отдельных скелетов является результатом их потревоженности в процессе последующих захоронений» [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 111]. Впрочем, это обычное явление для склеповых погребальных сооружений.

Для склепов всех видов обеих областей характерно *использование огня* в погребальном обряде. На Гинчинском могильнике выявлены специальные очажные ямы рядом со склепами, посыпка скелетов угольками, а также сосуды, наполненные золой и угольками [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 113]. Все погребения Гатын-Кале также сопровождались угольками [Марковин В.И., 1963б, с. 110].

Между тем, в погребальном обряде склепов на изучаемых памятниках удивительно мало использована *охра*. В Дагестане она в виде желтоокрашенных следов отмечена в склепе № 2 Гинчи [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 114], в Чечне зафиксирована незначительно на Гатын-Кале [Марковин В.И., 1963б, с. 110]. В склепах Чохского, Ирганайского и др. могильников охра не использовалась. В Ирганеае помимо угольков очень часто в заполнении склепов и на дне камеры попадаются кусочки *мела* и *извести*. Положение костяков в таких погребениях преимущественно скорченное, на правом или левом боку.

На Малохарсенойском грунтовом могильнике все костяки скорченные, большинство из них уложено головой на юг (рис. 57) или юго-восток на правом или левом боку (одинаковое число). Кисти рук, как правило, направлены к лицу. В ряде погребений (№№ 4, 6, 9) В.И. Марковин отмечает случаи *искусственной деформации черепов* [Марковин В.И., 1967, л. 40, 45, 51; 1995, с. 31 и др.], что в целом не характерно для древностей горной части Северо-Восточного Кавказа. Практически во всех погребениях этого могильника попадались угольки, разрозненные кости овцы, барана и, редко, коровы (зубы), иногда помещенные внутри глиняных сосудов. В погр. № 13 выяснено, что голова покойного и голени ног покоились на каменных плитах, - аналогичный случай был зафиксирован и в одном из склепов (№ 7) Гатын-Кале (рис. 54₅).

Спорадически в грунтовых ямах встречается и *вытянутое трупоположение*, как например, в погр. № 33 Гатын-Кале (рис. 53₄) или на Саади-Котаре (рис. 58₅). Интересно, что Б.М. Хашегульгов попытался подобные вытянутые костяки в ямах, да и в других типах погребений, встреченные на ряде памятников Северо-Восточного Кавказа (Гинчи, Миатлы, Гатын-Кале и др.) эпохи средней бронзы генетически связать с миграциями т.н. волго-днепровских племен на восток и юго-восток [Хашегульгов Б.М., 1985, с. 35-37; 1986, с. 45-55]. Возражения против такой трактовки этой группы погребений были высказаны нами [Магомедов Р.Г., 1987а, с. 30-32].

Захоронения в кувшинах, также как и в каменных ящиках и грунтовых могилах, были *одиночными*. Удалось выяснить, что покойных клали в сосуды в скорченном положении на боку, головой к горловине погребального сосуда [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 115]. Как считает Т.И. Голубкина, специально изучавшая мингечаурские керамические оссуарии, «глиняный кувшин-пифос, в который укладывают умершего в сильно скорченном положении, головой к горловине, символизирует матку» [Голубкина Т.И., 1985, с. 30]. М.А. Богданова также говорит о «представлениях, отождествлявших амфору (с детскими захоронениями - Р.М.) с материнским лоном» [Богданова М.А., 1982, с. 33].

Итак, в Горном Дагестане и Юго-Восточной Чечне в эпоху средней бронзы встречаются следующие основные типы погребальных сооружений: 1) каменные склепы круглой и прямоугольной формы, 2) грунтовые ямы. Кроме того, известны еще несколько других типов погребений, но о них необходимо сказать особо. Например, *кувшинный* - обнаружен только на одном единственном памятнике (Гинчи) и в силу этого не может считаться характерным для всей культуры. Сами погребальные урны и сопутствующий керамический инвентарь целиком вписываются в общий культурный облик могильника Гинчи, поэтому кувшинные захоронения в настоящее время представляются специфической особенностью Гинчи. Возможно, в будущем удастся открыть новые кувшинные захоронения в этом регионе. Что касается *детских гробниц и кенотафов*, мы отмечаем, что в основе их выделения лежит скорее функциональный принцип, чем конструктивный. По характеру распространения различных типов погребальных конструкций Горный Дагестан и Юго-Восточная Чечня выступают как две локальные области. В Горном Дагестане, как мы видим, наибольшее распространение получили *каменные склепы круглоплановой и прямоугольной форм с коллективными захоронениями*, остальные типы погребений представлены очень мало. Юго-Восточной Чечне в одинаковой степени свойственны *прямоугольные каменные склепы с коллективными захоронениями и грунтовые могилы с одиночными захоронениями*. При

этом, последние более характерны для предгорной части Чечни, в то время как в горных памятниках встречаются оба типа, но преобладают все-таки склепы. На ряде могильников обнаружены специальные детские погребения (Гатын-Кале, Дай, Бельты) и кенотафы (Гатын-Кале, Бельты). Гинчинская культура не единственная археологическая культура, которой свойственно такое обилие различных типов погребальных сооружений. Для примера можно взять известную куро-аракскую культуру, для которой также присуще «разнообразие как погребальных сооружений, так и способов захоронения» - подкурганые погребения, грунтовые захоронения, погребения в сырцовых могилах округлой формы и т.д. [Мунчаев Р.М., 1975, с. 170-171]. Аналогично обстоит дело и с северокавказской к.и.о. [Марковин В.И., 1963б, с. 16].

Коллективные захоронения в каменных склепах - доминирующая черта погребального обряда племен горной части Северо-Восточного Кавказа в эпоху средней бронзы. Они органически сочетаются с *индивидуальными захоронениями в грунтовых ямах и детских гробницах*. В основе такого разнообразия погребальных сооружений в целом лежат причины локальных своеобразий памятников, а также ряд половозрастных и социальных факторов. Но это все не означает, что мы отрицаем хронологические и этнокультурные аспекты вариабельности в погребальном обряде изучаемого времени. В литературе уже не раз обращали внимание на эволюцию погребального обряда в эпоху средней бронзы, на вызревание в недрах среднебронзовых культур генетических корней погребального обряда каякентско-хорочоевской культуры [Марковин В.И., 1969а, с. 30, 34-36, 39-40; Гаджиев М.Г., 1969б, с. 105-106, 110-111, 113]. Общие моменты фиксируются в определенной планировке некрополей, ориентации погребальных сооружений, особенностях трупоположения и т.д. Можно наблюдать определенную линию эволюции каменных склепов гинчинской культуры, предназначенных, как правило, для коллективных захоронений, к каменным ящикам каякентско-хорочоевской культуры с одиночными и реже парными захоронениями. На могильниках Гинчи, Ирганай, Бельты и др. встречен смешанный тип погребальных конструкций - склеп-ящик, характеризующийся сочетанием крупных вертикально поставленных плит и каменной кладки [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 58; Ерзункаева К.З., 1979, с. 16]. В Гатын-Кале обнаружены «могилы в ямах, облицованных камнями таким образом, что они напоминают каменные ящики» [Марковин В.И., 1963б, с. 108]. Знаменательно, что отмеченные погребения смешанного типа за некоторым исключением использовались уже для индивидуальных и парных захоронений в скорченном положении. На памятниках гинчинской культуры встречаются и каменные ящики (табл. 1), правда, имеющие ми-

ниатюрные размеры и предназначенные для детских захоронений [Виноградов В.Б., Ерзункаева К.З., 1979, с. 19; Виноградов В.Б., 1982а, с. 297]. Отмечены случаи использования наиболее поздних по времени каменных склепов также для индивидуальных захоронений. Так, в склепе № 4 (рис. 36) Ирганайского могильника расчищены 2 костяка, погребенных скорченно головой на юго-юго-восток [Магомедов Р.Г., 1985, с. 97]. Инвентарь склепа (одноручный сосуд, пластинчатая височная подвеска и мелкие пастовые бусы) находит прямые аналогии в материалах каякентско-хорочоевской культуры.

Таким образом, мы можем констатировать, что каякентско-хорочоевская культура по погребальному обряду и, как будет показано дальше, другими элементами культуры, тесно, генетически связана с археологическими культурами региона предшествующего времени. О проблемах преемственности гинчинской культуры и каякентско-хорочоевской культуры, а также выделении целого пласта переходных памятников от эпохи средней бронзы к поздней бронзы, будет сказано в работе отдельно.

«Сложная сеть взаимосвязей может проявиться лишь после того, как факты классифицированы по специфическим группам».

instituteofhistory.ru

Марк Блок. Апология истории

К настоящему времени накоплена многочисленная коллекция предметов материальной культуры, происходящих из поселений и могильников эпохи средней бронзы Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни. Подавляющее большинство этих находок получено при раскопках таких памятников, как Верхнегунибское и Ирганайское (I) поселения, могильники Гинчи, Ирганай I, Гатын-Кале, Малый Харсеной и Бельты. Вся совокупность производственно-бытового и погребального инвентаря, а также прочих находок с изучаемых памятников разделена нами по их функциональным признакам на следующие категории: 1) керамика; 2) орудия труда и предметы вооружения; 3) украшения, принадлежности костюма, предметы культа и искусства.

Керамика - наиболее многочисленная, полная и, что важно, наиболее информативная категория артефактов эпохи бронзы. Поэтому классификацию и анализ инвентаря изучаемых памятников региона мы начинаем именно с нее. Строго говоря, здесь речь пойдет в основном о технологии изготовления глиняных сосудов, вопросах их декорирования и типологической классификации. Немногочисленные керамические предметы, не относящиеся к посуде (очажные подставки, бронзолитейные инструменты типа льячек и тигель, пластика и т.п.), будут рассмотрены в других разделах этой главы, где они более уместны по их функциональным особенностям.

§1. К е р а м и к а

Специально вопрос о керамике эпохи средней бронзы Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни до сих пор не рассматривался. Но, надо сказать, что в монографических публикациях материалов Верхнегунибского поселения, могильников Гинчи и Гатын-Кале имеются разделы, посвя-

щенные анализу керамических коллекций [Котович В.М., 1965, с. 146-210, 231-233; Гаджиев М.Г., 1969б, с. 119-135; Марковин В.И., 1963а, с. 110-122]. В них авторами привлечен и сравнительный материал синхронных памятников, что позволило им обрисовать в какой-то степени обобщенную картину гончарного дела в регионе в рассматриваемое время. Данная проблема затронута еще в нескольких статьях [Гаджиев М.Г., 1974, с. 23-24; Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985, с. 35-37]. В целом же можно сказать, что обобщающий анализ керамического производства и керамической продукции местных племен в эпоху средней бронзы все еще остается актуальным.

Итак, керамическая посуда.* Изготавливать посуду из обожженной глины на Северо-Восточном Кавказе люди научились в глубокой древности. Наиболее ранняя керамика здесь выявлена Х.А. Амирхановым в неолитическом слое С (VI тыс. до н.э.) Чохского поселения [Амирханов Х.А., 1987, с. 127-138].

В эпоху энеолита и ранней бронзы в регионе сложилась традиция изготовления высококачественной керамической продукции [Гаджиев М.Г., 1981, с. 4-35; 1983б, с. 13-15, 20-22, 28, 30, 34-37, 41]. Во второй половине III тыс. до н.э. в керамическом производстве местного населения, как и в ее материальной культуре в целом, происходят важные изменения качественного характера. Исчезают многие формы сосудов, технология изготовления посуды в целом становится грубее, появляется прием обмазки поверхности сосудов жидкой глиной. Однако элементы керамической традиции куро-аракской культуры не были полностью изжиты.

По нашим подсчетам, в настоящее время керамическая коллекция с памятников изучаемого региона эпохи средней бронзы насчитывает более 1000 целых сосудов и восстанавливаемых форм. Причем распределены они по двум локальным областям горной части региона примерно поровну. Подавляющее большинство сосудов происходит из нескольких, хорошо изу-

---

* Несомненно, в быту древнего населения существовала и посуда, изготовленная из других материалов (дерево, кора, кожа и т.д.). Как известно, эти материалы чрезвычайно плохо сохраняются в археологических комплексах. В качестве исключения можно вспомнить деревянное блюдо на 4-х ножках из катакомбы № 2 Манасского кургана № 3 [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, с. 176, 178, рис. 9; Пятых Г.Г., 1984, с. 149, рис. 31]. Почти идентичное деревянное блюдо было обнаружено нами в 1988 г. в склепе № 6 Ирганайского могильника (рис. 76g). Еще один деревянный сосуд типа круглодонного горшка был найден в Чиркее в подкурганной каменной гробнице [Гаджиев М.Г. и др., 1966, л. 96, рис. 683; Маммаев М.М., 1989, с. 110-111, рис. 8]. Все эти находки относятся к эпохе средней бронзы. Совершенно отсутствует в коллекциях находок из раскопок и металлическая посуда. Наиболее ранний в Дагестане металлический (бронза) сосуд происходит из разрушенного каменного ящика в окрестностях сел. Каякент [Магомедов А.Р., 1976, с. 100, 102, рис. 4]. Данный комплекс отнесен автором публикации к каякентско-хорочоевской культуре; сам бронзовый сосуд более всего близок к металлической посуде, происходящей из Тлийского могильника и других памятников кобанской культуры [см.: Техов Б.В., 1977, с. 76-77, рис. 64], на что уже обращал внимание Маммаев М.М. [1989, с. 22].

ченных памятников, таких, как могильник Гинчи (более 380 сосудов, - из них 127 даны в публикации в описаниях без рисунков), Верхнегунибское поселение (более 60 целых и восстанавливаемых форм; не опубликованы материалы раскопок 1963-1964 гг., давших особенно много целых сосудов) в Горном Дагестане, могильники Гатын-Кале (140 сосудов и 128 восстанавливаемых форм; опубликовано около 120 целых сосудов), Малый Харсеной (около 150 сосудов, опубликовано рисунков более 50 сосудов) и Бельты (около 160 сосудов, опубликовано рисунков около 120 сосудов) в Чечне. Наша выборка для формально-типологической классификации керамики составлена примерно из 750 сосудов. Сюда вошли все сосуды вышеупомянутых памятников, которые имеют графические и фото-изображения в отчетах и публикациях; кроме того учтено 17 сосудов из двух склепов могильника Галгалатли, 2 - из разрушенного склепа у с. Ругуджа, 4 - с поселения Ирганай, 21 - из склепов Ирганайского могильника, 5 - из Дайского могильника, 4 - из могильника Дуба-юрт, 21 - из Саади-Котар. В нашем распоряжении также около 10 тыс. обломков глиняных сосудов из коллекций находок Верхнегунибского и Ирганайского поселений. Они очень важны для анализа технологии лепки и обжига керамики, для уточнения ее формально-типологической классификации, изучения моделировки ручек, орнаментации и т.п.

Вопросы типологии изготовления керамики. Как известно [Семенов С.А., Коробкова Г.Ф., 1983, с. 191-234], в керамическом производстве различаются 4 основные операции: а) приготовление формовочной массы, б) сама формовка, в) сушка и г) обжиг. Наряду с ними имеются еще несколько операций (орнаментация, обработка поверхности после сушки и т.д.), хотя и не всегда обязательных.

Для изготовления керамики выбирались *специальные сорта глин*, содержащих малое количество инородных примесей. Местонахождения таких глин на Северо-Восточном Кавказе известны геологам [Голубятников В.Д., 1935, с. 283-284; Акаев Б.А. и др., 1976, с. 213-216], но соотнести керамику какого-либо археологического памятника с той или иной сырьевой базой пока не представляется возможной. Впрочем, В.М. Котович полагает возможным использование обитателями Верхнегунибского поселения лессовидного суглинка в верховьях Гунибской речки в качестве исходного материала для керамического производства [Котович В.М., 1965, с. 147]. А то, что керамика, найденная на поселении, изготавливалась тут же на месте, доказывается неоднократными находками производственного брака. По всей видимости, на месте же производилась и керамика ирганайских памятников эпохи средней бронзы.

Важным моментом в процедуре *приготовления формовочной массы* было добавление в глину, прошедшей определенную предварительную подготовку (размол, растирка, просеивание, отмучивание и т.д.), различного рода *отощителей*. Последние необходимы для обезжиривания глиняной массы, придания ей свойств, благоприятных при усадке сосудов во время формовки, сушки и обжига, а также прочности и огнеупорности черепка. Для большинства памятников Горного Дагестана характерно использование в качестве отощителей *шамота*. Для верхнегунибской керамики зафиксированы примеси *дресвы*, шамота и *мелкотолченых раковин* [Котович В.М., 1965, с. 147]. Керамика из могильника Гинчи отличается большим количеством *крупнотолченого камня* или *речного песка* [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 119]. По характеру и составу примесей керамика с памятников Юго-Восточной Чечни близка к дагестанской. Здесь также везде отмечаются большие примеси шамота. Кроме того посуда могильников Гатын-Кале [Марковин В.И., 1963б, с. 110] и Малохарсенейский [Марковин В.И., 1967, л. 38] содержит добавки в виде кусочков *глинистого сланца*; для последнего памятника отмечены и «белые известковые вкрапления» [Виноградов В.Б., 1966, л. 161]. Наверное, таковы же «белые частицы», о которых пишет М.Х. Багаев, характеризуя тесто сосудов из могильника Саади-Котар [Багаев М.Х., 1986, с. 68, 71].

Вся анализируемая керамика приготовлена исключительно *ручной лепкой*. Гончарный круг отсутствовал в первой половине II тыс. до н.э. и на остальной территории Северного Кавказа, хотя ранее он имелся у племен майкопской культуры [Бобринский А.А., Мунчаев Р.М., 1966] *.

При формовке сосудов вручную, особенно с плоским дном, под них, как пишут С.А. Семенов и Г.Ф. Коробкова, обычно, «подкладывался более или менее плоский предмет, на котором изделие поворачивалось, чтобы придать ему округлые очертания и равномерную отделку» [Семенов С.А., Коробкова Г.Ф., 1983, с. 212]. Такие подкладки не только обеспечивали правильные формы сосуда, но и предотвращали прилипание влажной пластической массы к земле. В этом плане интересно упоминание В.И. Марковиным отпечатки доски на днище одного из сосудов Малохарсеноевского могильника [Марковин В.И., 1967, л. 4]. Сосуд могли лепить и на куске ткани, о чем, по-видимому, говорят отчетливые следы в виде плетеной сетки на днищах нескольких сосудов из Саади-Котар [Багаев М.Х., 1986, с. 68, 71, 73].

---

* В 1994-1998 гг. на Великентском поселении II (работы Дагестано-Американской экспедиции) обнаружена высококачественная краснолощенная и красноангобированная керамика, изготовленная при помощи гончарного круга.

Отпечатки ткани на днищах сосудов нередки и на других территориях Северного Кавказа. Например, они известны в Северной Осетии [Крупнов Е.И., 1951, с. 38, 49; Марковин В.И., 1969б, с. 65], Кабардино-Балкарии [Чеченов И.М., 1984, с. 240], Прикубанье [Нечитайло А.Л., 1978, с. 57] на керамике эпохи средней бронзы. Есть они и на керамике более раннего времени.

Лепка круглодонных сосудов, немалое число которых найдено на памятниках Горного Дагестана, более трудоемка чем плоскодонных, и производилась, наверное, при помощи своеобразных «болванок», форм с полусферическими вдавлениями или же ямками с округлым дном.

Существуют различные *способы ручной лепки сосудов*. Из них для лепки больших сосудов наиболее распространен *ленточный способ*: сосуд наращивается со дна и до венчика накладыванием глиняных лент друг на друга и замазыванием места стыка. Чтобы не допустить резкой усадки, сосуду перед каждым накладыванием очередной ленты, давали возможность немного подсохнуть. Второй способ - это *изготовление двух, а иногда, возможно, и более частей сосуда по отдельности, а потом монтаж их в одно целое*. Места накладывания частей тщательно замазывались жидкой глиной снаружи и изнутри сосуда. На могильнике Гинчи имеются сосуды, выполненные обоими способами. Сосуды часто разбиваются по местам стыка отдельных лент или частей, из которых в свое время они были выполнены.

При формовке *поверхность сосудов* тщательно выравнивалась, уплотняя наружный слой стенок. Работа эта производилась с помощью различных орудий и приспособлений, изготовленных из камня, дерева, кости и др. материалов. На Верхнегунибском поселении обнаружена целая серия костяных орудий (рис. 101_{2-5,7-9}, 102_{18,19}) из ребер, трубчатых костей и лопаток крупного рогатого скота, по всей видимости, использовавшиеся при обработке поверхности сосудов в качестве своеобразных шпателей и гладильников [Котович В.М., 1965, с. 121, рис. 46_{2,3,7,9}]. Есть такие находки и на других памятниках (Ирганайское поселение - рис. 101₆). Рабочие концы упомянутых орудий сильно стерты и заполированы до блеска.

По характеру обработки внешней поверхности керамика изучаемых памятников можно делить на три группы: 1) сосуды с заглаженной поверхностью; 2) сосуды лощеные и 3) сосуды с обмазкой по тулову. Однако по публикациям и отчетным материалам зачастую невозможно провести четкое различие между сосудами первых двух групп. Поэтому мы разделяем керамическую коллекцию на две группы: 1) сосуды с гладкой (заглаженной или лощеной) поверхностью и 2) сосуды, обмазанные жидкой глиной.

Экспериментально доказано, что *лощение поверхности сосудов* предшествует их обжигу [Семенов С.А., Коробкова Г.Ф., 1983, с. 204]. Произ-

водилась эта операция в несколько приемов при помощи различных инструментов (галька, кожа, мех и т.д.). По мнению В.М. Котович, в качестве лощил использовалась «группа сравнительно небольших по размеру костяных изделий и их обломков...», найденных на Верхнегунибском поселении [Котович В.М., 1965, с. 113, рис. 45_{16,22-23}]. Лощение поверхности носило не только декоративно-эстетическую роль, но и повышало утилитарные свойства сосудов (водонепроницаемость, огнеупорность, механическая твердость).

Генезис такого технического приема в гончарном деле Дагестана в эпоху средней бронзы как лощение традиционно связывался с культурной традицией III тыс. до н.э., характерной для памятников куро-аракской культуры [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 128]. Действительно, черно-серо- и краснолощенная посуда - один из ярких индикаторов этой культуры. Однако, интенсивные археологические раскопки памятников эпохи ранней бронзы в Дагестане, а также возобновившиеся исследования Чохского поселения внесли много нового для понимания закономерностей развития древнего гончарного дела местных племен. Обломки керамики из неолитического слоя С поселения Чох уже несут следы лощения поверхности [Амирханов Х.А., 1987, с. 128-129]. В эпоху энеолита этот технический прием широко известен, о чем свидетельствует керамика поселения Гинчи и других памятников [Гаджиев М.Г., 1981, с. 11, 13, 16, 21 и далее; Археология СССР, 1982, с. 125]. Таким образом, мы видим, что традиция обработки поверхности сосудов путем лощения имеет на Северо-Восточном Кавказе глубокие корни.

Что касается сосудов 2-й группы, то *обмазка их поверхностей слоем жидкой глины* производилась после выглаживания стенок и их просушки. Обмазку можно считать одним из видов ангобирования, так как она, нанесенная на тулово сплошным, хотя и неровным, слоем, покрывала все микропоры на стенках сосудов, вылезшие наружу частицы отощителей, и, таким образом, повышала механические свойства черепка. В некоторых случаях обмазка не лишена орнаментальной функции, наглядными примерами которой служат сосуды с обмазкой, нанесенной параллельными бороздками (рис. 72₁₇). Иногда края обмазки формируются в виде округлых «лепестков» от пальцевых вдавлений (рис. 75₁₉). Декоративный характер обмазки наиболее характерен для керамики поздней бронзы и раннего железа.

Как правило, обмазка не использовалась на верхней части сосуда, которая заглаживалась или же подвергалась лощению. Интересны случаи ремонта сосудов, получивших трещины на шейке, по видимому, в процессе сушки. На Ирганайском поселении I найден целый сосуд, у которого такая трещина до обжига замазана жидкой глиной.

Большой интерес представляют наблюдения о количественном соотношении гладкой и обмазанной керамики на некоторых памятниках эпохи средней бронзы. Так, В.М. Котович, обработав коллекции находок двух лет раскопок (1958-1959 гг.), выявила, что «в керамическом комплексе Верхнегунибского поселения обмазанная керамика представлена довольно широко, однако, количество ее в разных слоях не одинаково». В 1-м слое она составляет 61 %, во 2-м - 57 %, в 3-м - 40 %, т.е. в нижнем слое ее заметно меньше чем в среднем и верхнем [Котович В.М., 1965, с. 201]. Мы провели подобную статистическую процедуру с керамическими коллекциями из наших раскопок Ирганайского I-го поселения (раскопы II и III) в 1986-1987 гг. (рис. 131). Всего здесь было найдено 5176 фрагментов керамики. Из них 2593 фрагмента (ок. 50 % всего количества) имеют следы обмазки. Данные показывают, что особых различий в процентном соотношении гладкой и обмазанной керамики по отдельным штыкам нет. Третий памятник эпохи средней бронзы изучаемого региона, давший статистически достаточный материал для анализа - это могильник Гинчи. Наши подсчеты, проведенные по монографии М.Г. Гаджиева [1969а], свидетельствуют, что из примерно 383 учтенных сосудов некрополя 76 (или 20 %) имели обмазку поверхности.

При статистическом анализе коллекций поселений учитывался каждый обломок керамики с обмазкой. Но при этом надо иметь в виду, что многие фрагменты керамики с гладкой поверхностью могли принадлежать сосудам с обмазанным туловом и заглаженной или лощеной закраиной. Это показывает, что к такого рода статистическим выкладкам, особенно когда дело имеешь с сильно фрагментированной поселенческой керамикой, надо относиться осторожно, не абсолютизируя их. Одно ясно: обмазанная посуда составляет довольно значительное количество всей керамики в эпоху средней бронзы. Она зафиксирована практически на всех памятниках этого времени Горного Дагестана.

Для сравнения укажем некоторые данные о распространении обмазанной керамики в эпоху средней бронзы на памятниках Юго-Восточной Чечни. На могильниках Малохарсеноевский и Саади-Котар присутствует исключительно гладкостенная керамика. Лишь три сосуда из первого памятника имеют, судя по отчету и публикациям, бугристую поверхность, но не понятно какого происхождения. Из 140 целых сосудов могильника Гатын-Кале 20 (14,3 % от общего количества) носят обмазку. Большой процент обмазанной керамики характерен для могильника Бельты: согласно подсчетам по отчетной документации, 28 % керамической коллекции составляют сосуды с обмазкой. Как видим, показатели некрополей Юго-Восточной Чечни сопоставимы с Гинчи. Более высокие проценты обмазанной

керамики на поселениях по сравнению с могильниками, возможно, связаны с самим характером статистического материала на них (фрагментарность, случайность, выборочность).

В переходный период «средняя бронза-поздняя бронза» и в эпоху поздней бронзы на памятниках каякентско-хорочоевской культуры обмазанная керамика получает более широкое распространение. Долгое время такая керамика, послужившая одним из признаков выделения этой археологической культуры, считалась характерной преимущественно для нее. По мере развертывания и расширения археологических исследований в регионе обмазанная керамика была обнаружена в большом количестве и на памятниках предшествующего времени - средней и ранней бронзы. В.Г. Котович находил обмазанную керамику на Северо-Восточном Кавказе в еще более раннее время - энеолите и неолите [Котович В.Г., 1964, с. 209-211]. В настоящее время неолитическая и энеолитическая древность появления обмазки ставится под сомнение [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 129; 1981, с. 7], но и старая точка зрения В.Г. Котович имеет своих сторонников [Марковин В.И., 1982а, с. 28]. Мы считаем, вслед за М.Г. Гаджиевым, что обмазка сосудов возникла и получила распространение на Северо-Восточном Кавказе где-то с середины III тыс. до н.э. В последующее время прием обмазки сосудов находит все более широкое применение и существует вплоть до раннего средневековья [Пикуль М.И., 1961, с. 309; Давудов О.М., 1982, с. 83].

По вопросу о месте и времени происхождения обмазанной керамики высказывались различные точки зрения [Мунчаев Р.М., 1961, с. 97; Котович В.М., 1965, с. 197-200; Гаджиев М.Г., 1969б, с. 130], но он остается нерешенным и в настоящее время. Надо сказать, что Северо-Восточный Кавказ не является единственным регионом, где находят обмазанную керамику, хотя здесь она и получила наиболее широкое распространение. Подобная керамика известна в Закавказье (Нахичевань, Кобыстан, Апшерон) уже со второй половины III тыс. до н.э. [Мурадова Ф.М., 1979, с. 106]; встречается она и на памятниках средней бронзы Центрального Кавказа (Кабардино-Балкария) [Абрамова М.П., 1969, с. 109; Чеченов И.М., 1973, с. 44-45; он же, 1984, с. 240]. В последнее время обмазанная керамика выявлена также в Прикубанье, на Дону и вплоть до Украины включительно, причем есть данные о ее проникновении в данные области из Северо-Восточного Кавказа [Гаджиев М.Г. и др., 1990; Нечитайло А.Л., 1990; Нечитайло А.Л., Гаджиев М.Г. 1990], что, правда, ставится под сомнение В.И. Марковиным [1994в, с. 312]. Имеет ли обмазанная керамика генетическое происхождение на Восточном Кавказе или же ее корни тянутся к Средиземноморью

(Троя) и Месопотамию (Ур), а может быть и к трипольской культуре - в этих областях исследователями также зафиксирован подобный технологический прием в гончарном деле [Schliemans Н., 1902, с. 10, 13, рис. 254, 293, 296, 297 (ссылка дана по: Котович В.М., 1965, с. 198); Вулли Л., 1961, с. 43; Бибииков С.Н., 1953, с. 129, 166-167] - вопрос остается пока открытым.

Несколько слов о *технике декорирования сосудов*. По способу нанесения различаются 3 вида орнаментации: а) гравированный (нарезка, накалывание, тиснение, царапанье и т.д.), б) налепной (рельефный) и в) роспись. Первые два вида орнаментации нашли очень широкое распространение на изучаемых памятниках. Последний вид орнаментации - роспись коричнево-бурой или же черно-коричневой краской - в эпоху средней бронзы характерен для Дагестана и преследует, на наш взгляд, скорее культово-магические цели, чем просто декоративные.

Между способами нанесения орнамента, с одной стороны, и качеством теста, а также характером обработки внешней поверхности сосудов, с другой стороны, существует тесная связь. Гравированный орнамент, как правило, наносился на сосуды, имеющие заглаженную, чаще всего тщательно залощенную поверхность. Тесто таких сосудов более чистое, отмученное, без выступающих на поверхность частиц отощителей. Сосуды с обмазкой по тулову чаще всего декорированы налепными узорами. Последний встречается и на сосудах с гладкой поверхностью как самостоятельно, так и в сочетании с гравированным орнаментом.

Декорирование сосудов производилось до обжига. Как показывают наши наблюдения, а также экспериментальные моделирования С.А. Семенова, Г.Ф. Коробковой и др. специалистов, налепной орнамент скорее всего наносился сразу же после формовки сосудов, до начала процесса сушки. В это время глина достаточно влажная, сохраняет пластичность и налепной орнамент как бы сливается структурно с «материнским» телом сосуда. Детали рельефного узора, налепленные на тулово после хорошей просушки сосудов, чаще всего отпадают после их обжига. Гравированный, нарезной орнамент лучше всего производить после незначительной подсушки. В этом случае тесто, сохраняя еще пластичность, хорошо поддается орнаментации, комочки глины, освобождаемые из орнаментальных углублений, легко удаляются. Здесь надо иметь в виду и то обстоятельство, что нарезной узор часто наносился на тщательно заглаженную и предварительно залощенную поверхность, что, естественно, также требовало некоторой просушки сосудов. «Инструментами для орнаментации могли быть любые предметы: птичьи косточки, заостренные ветки, костяные шилья, шпильки, ножи, гребенки и пр.» [Семенов С.А., Коробкова Г.Ф., 1983, с. 216].

Ручки могли прикреплять к сосуду сразу же после формовки. В этом случае основания их вмазывались в пластинчатое тулово сосуда, что обеспечивало устойчивость ручек. Но чаще всего ручки прикреплялись после некоторой подсушки и сосудов и ручек. Существует несколько вариантов прикрепления ручек. Один из них - это способ заклепки, зафиксированный как в Дагестане (Гинчи, Верхний Гуниб, Ирганай и др.), так и в Чечне (Гатын-Кале, Малый Харсеной и др.). Второй вариант - это приращивание ручки на площадку, где нанесены бороздки для сцепления глины. И, наконец, ручки могли просто примазать к гладкому тулову. Последние два варианта прикрепления ручек также характерны практически для всех памятников бронзы изучаемого региона.

После сушки, процедуры требовавшей не меньших усилий и внимания по сравнению с формовкой, сосуды подвергались *обжигу*. Последний удалял гигроскопическую и химически связанную воду из глиняного теста, придавая черепку механическую прочность, водонепроницаемость, а также огнеупорность. От результата и характера процесса обжига зависит цвет внутренней и внешней поверхностей сосуда, а также излома стенок. Керамика с памятников Горного Дагестана отличается цветовой неустойчивостью. Преобладающее большинство сосудов имеет серую, черную или коричневую поверхность, реже встречаются сосуды розового, красноватого и палевого оттенков. Надо сказать, что часто сосуды имеют различную пятнистую окрашенность внешней поверхности. Для Верхнегунибского поселения преобладающими являются темно-серые сосуды, а для могильника Гинчи - серый и черный цвета. Посуда Гатын-Кале наиболее характеризуется черной, серой и красно-бурой поверхностью. Преобладающие цвета керамики могильника Бельты - серый, коричневый, а могильника Малый Харсеной - коричнево-черный и красно-охристый. Как видим, на территории обеих областей Северо-Восточного Кавказа в эпоху средней бронзы керамика отличается преобладанием в внешней окрашенности серого, черного и коричневого оттенков. Серый цвет с самой различной гаммой оттенков больше характерен для сосудов, имеющих грубую обмазку тулова. Черный, коричневый, реже розовый цвета присущи для лощеных сосудов. Сосуды с высоким качеством теста, хорошим обжигом и лощением имеют обычно черный, реже коричневый цвета. Черную окрашенность сосуды приобретают, как установили экспериментально С.А. Семенов и Г.Ф. Коробкова, самыми различными способами: а) обжиг при больших температурах с неполным сгоранием топлива; б) обжиг при недостаточном притоке кислорода; в) нагревание до невысокой температуры с предварительным погружением сосуда в масло; г) обжиг в опилках или рубленой соломе и т.д.

Пятнистая неоднотонная окрасенность многих сосудов иногда объясняют *неравномерностью обжига* на открытом воздухе костровым способом [Марковин В.И., 1963б, с. 110]. Нам же представляется, что керамика в Горном Дагестане и Чечне в эпоху средней бронзы обжигалась в *специальных горнах*, которые пока здесь не найдены. В пользу их существования говорит высокое качество обжига большого количества посуды. Надо иметь в виду, что в Приморском Дагестане (Великентское поселение I) гончарные печи для этого времени уже известны [Котович В.Г., 1959, с. 121-122; Мунчаев Р.М., 1961, с. 369; Белоглазова Т.А., 1981, с. 37-44]. Они представляли собой одноярусные конструкции с совмещенными топочными и обжигательными камерами. Керамика, найденная в этих печах, характеризуется пятнистой, разноцветной окраской. Значит, в подобных печах также не достигается в полной мере ровный обжиг сосудов. О возможности существования в Горном Дагестане гончарных горнов наподобие великентских высказалась впервые В.М. Котович [1965, с. 232], затем ее поддержал М.Г. Гаджиев [1969б, с. 121]. Т.А. Белоглазова обратила внимание на возможные генетические связи между великентскими гончарными горнами и двухчастными печами типа «кор», исследованными на ряде бытовых памятников Дагестана в эпоху ранней и средней бронзы, в том числе и на Верхнегунибском поселении [Белоглазова Т.А., 1981, с. 47-48]. Действительно, верхнегунибские печи с глиняным купольным сводом, топочной и обжигательной камерами, разделенными невысоким глиняным бортиком [Котович В.М., 1965, с. 38-41, 48-49 и далее, рис. 13, 15-16 и др.], в конструктивном отношении вполне могли использоваться для обжига керамической продукции.

Типология сосудов. Существует целая серия типологических схем классификации керамики отдельных памятников - Гатын-Кале [Марковин В.И., 1963б, с. 111-117, рис. 33], Верхний Гуниб [Котович В.М., 1965, с. 148-184], Гинчи [Гаджиев М.Г., 1985, с. 85-87] и др. К сожалению, общая типология керамики средней бронзы изучаемого региона не разработана. Ни одна из вышеназванных схем не может самостоятельно полностью лечь в основу такого общего типологиста, так как, во-первых, они были предназначены для конкретных памятников (естественно, они не отражают в полной мере того разнообразия и обилия форм сосудов, фиксируемых во всей совокупности анализируемых памятников); и, во-вторых, керамические коллекции с поселений и могильников не адекватны между собой как по синхронности, так и по составу и назначению. Предлагаемая нами общая типологическая схема классификации керамики средней бронзы Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни в известной мере опирается на

все существующие типологические разработки, и в то же время отличается своеобразием*.

Класс I: мисочки и плоски - миниатюрные сосудики открытого характера, как правило, с гладкой поверхностью, диаметром венчика меньше 10 см.

Отдел А: круглодонные. Тип I - круглодонный сосудик полусферической формы с серой гладкой поверхностью (ВГ) - рис. 64₁₀. Ручка и орнамент отсутствуют. Сосудиков подобного типа на памятниках Дагестана найдено очень мало. Как аналогии укажем две миниатюрные плоски, правда, с ручками у бортика, найденные в гончарной печи Великентского поселения [Белоглазова Т.А., 1981, с. 41, рис. 41]. Характерно, что соотношение $H : D_1$ у этих сосудов почти одинаково (0,44 - у великентских, 0,5 - у верхнегунбинского). В Юго-Восточной Чечне сосудики I-го типа нам неизвестны.

Отдел Б: плоскодонные. Тип 2 характеризуется округлыми боками и плоским дном. К этому типу относятся 2 миниатюрных сосудика из ВГ (рис. 64_{7,8}) и 1 из разрушенных погребений БМ [Петренко В.А., 1979, рис.

* Вся совокупность керамической посуды разделена нами, в первую очередь, на классы: I) мисочки и плоски, II) миски, III) чаши, IV) кружки, V) чайнички, VI) горшочки, VII) горшки, VIII) банки и ведерки, IX) корчаги, X) керамика специального назначения и XI) сосуды на ножках. Это деление обусловлено как функциональной принадлежностью (предполагаемой), так и их формально-пропорциональными чертами. Внутри классов различаются *отделы*: А) круглодонные, Б) плоскодонные и В) сосуды на ножках. Далее сосуды каждого класса внутри соответствующих отделов, исходя из формальных признаков, разделены по *типам* (нумерация типов - сквозная по всем классам). Типообразующими признаками в данном случае являются морфологические особенности формы сосуда, а также его относительные размеры и пропорции. Внутри типов по признаку наличия ручек, а также ее местоположения различаются *подтипы*. Наиболее существенные параметры сосудов обозначены *индексами*: диаметр устья - D_1 , диаметр максимального расширения тулова - D_2 , диаметр дна - D_3 , высота наибольшего расширения тулова - h , общая высота сосуда - H . В целях выяснения пропорций сосудов каждого типа рассчитаны следующие соотношения параметров: $D_1 : D_2$ - степень «открытости» сосуда; $D_3 : D_1$ - то же самое для мисок с расширяющимися стенками; $H : D_2$ - степень вытянутости или приземистости сосудов; $H : D_1$ - то же самое для мисок, имеющих диаметр устья больше, чем диаметр тулова; $h : H$ - определение места наибольшей выпуклости тулова. Идея этих пропорций заимствована нами из следующих работ: [Генинг В.Ф., 1973, с. 12-123; Сорокина И.А., 1986, с. 53].

Промеры параметров производилось по рисункам и чертежам сосудов, приведенным в публикациях и отчетной документации. Выборочное измерение пропорций на самих сосудах нескольких памятников (могильники Гинчи и Ирганай, поселение Верхний Гуниб) показало применимость этого метода: разница промеров по сосудам и по их рисункам не влияет в целом на соотношение параметров.

Ввиду недоступности материалов некоторых памятников для их статистической обработки, а также специфики керамических коллекций поселений и могильников при их сравнении, статистические данные по отдельным типам посуды нами не акцентируются. Названия памятников в целях экономии места далее приводятся в виде следующих аббревиатур: Верхний Гуниб - ВГ, Гинчи (могильник) - ГМ, Гинчи (поселение II) - ГП - II, Ирганай - I (поселение) - ИРП-I, Ирганай II (поселение) - ИРП-II, Ирганай (могильник) - ИМ, Галгалатли II (поселение) - ГЛП-II, Галгалатли (могильник) - ГЛМ, Чох - ЧМ, Муги (могильник) - ММ, Ингердах - ИН, Ругуджа - РМ, Гатын-Кале (могильник) - ГKM, Малый Харсеной - МХ, Курчалоевский зольник - КЗ, Дуба-юрт - ДЮ, Дай - ДМ, Бельты - БМ, Саади-Котар (могильник) - СКМ, Гуни - ГУН, Эгикал - ЭМ, Бачи-юрт - БЮ.

52₅]. Показатель $H : D_1$ этих сосудов примерно одинаков (0,57-0,62). Более многочисленны мисочки типа 3, особенностью которых являются прямые разложистые стенки, из-за чего сами сосудики имеют форму опрокинутого усеченного конуса. Различаются: мисочки без ручки (*подтип 3а*) - ВГ, ИМ и ИРП-I (рис. 64_{1-2,5-6}); с ручкой-выступом у края (*подтип 3б*) - ВГ (рис. 64_{3,4}), а также с одной петельчатой ручкой (*подтип 3в*) - ВГ (рис. 64₉), ГКМ (рис. 89₁₋₂), БМ [Петренко В.А., 1979, рис. 43₉₋₁₀; Виноградов В.Б., 1981, рис. 73₁]. Средняя величина показателя $H : D_1$ сосудов 3-го типа равна 0,6. Показатель $D_3 : D_1$ колеблется в пределах 0,5-0,8, такой же показатель и у мисочек 2-го типа.

Плоскодонные мисочки 2-го и 3-го типов одинаково характерны для памятников и Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни. Найдены они и в ряде памятников предгорной (Миатлы) [Костюченко И.П., 1959, рис. 165, табл. III, 7 и др.] и равнинной зон (Великент и др.) в комплексах эпохи средней бронзы. Впрочем, подобные формы встречаются на Северо-Восточном Кавказе также в эпохи ранней и поздней бронзы.

Класс II: миски. К этому классу относится большое количество приземистых сосудов ($H : D_1 = 0,5-0,7$), имеющих широкое открытое устье, плоское дно и разложистые бока. Морфологически они близки к сосудам I класса (отдел Б); отличаются от последних выработанностью и разнообразием форм, большими размерами ($D_1 > 10$ см). Наряду с гладкостенными вариантами встречаются и обмазанные. Орнаментировано незначительное количество мисок; орнамент представлен исключительно наклепными узорами и различными утолщениями на венчике. По форме делятся на типы: тип 4 - миски с прямыми или слегка округленными разложистыми стенками с формой в виде усеченного конуса. *Подтип 4а* - безручные с гладкой поверхностью - ВГ (рис. 64₁₄), РМ (рис. 64₁₅) в Дагестане, ГКМ (рис. 89₃), МХ (рис. 89₄) в Чечне, а также ЭМ (рис. 93_{6,7}) в Ингушетии; с обмазанной поверхностью - ГМ (рис. 65_{11,20} и др.), ВГ (рис. 64₁₇), РМ (рис. 64₁₆), ИМ (рис. 64₂₅) в Дагестане (в Чечне подобные неизвестны). *Подтип 4б* - миски с ручкой-выступом и гладкой поверхностью - ГМ (рис. 65₅), ГКМ (рис. 89₅). *Подтип 4в* - миски с одной ручкой, прикрепленной верхним основанием к устью - ВГ (рис. 64_{11-12,18}), ГМ (рис. 65_{8-10,12,14-19,22} и т.д.), ГЛМ (рис. 64_{19,22,24}) в Дагестане. *Подтип 4г* - миски с одной ручкой, расположенной на тулове сосуда - ГМ (рис. 65_{6,24}), ГКМ (рис. 89₁₁). Сосуды этого типа встречаются редко. Еще более редки миски с двумя ручками у бортика (*подтип 4д*) - ГМ (рис. 65₂₇). Миски 4-го типа в подавляющем большинстве имеют

гладкую поверхность. Обмазанные экземпляры встречаются редко (рис. 64_{16-17,25}; 65_{8,11,20,22,26-27,31}); для Чечни такие миски вовсе не характерны. Промеры пропорций мисок 4-го типа показали, что они наиболее часто имеют показатели $H : D_1$ и $D_3 : D_1$ близкие к 0,5-0,6, т.е. диаметр дна примерно равен высоте сосуда и составляет половину диаметра устья.

К типу 5 относится одноручная миска с загнутым вовнутрь краем и сливным носиком из ГМ (рис. 65₁₃). Поверхность ее гладкая. В 1988 г. на ИРП-I найдена часть похожей миски, правда, не имеющей сливной носик. Разновидностью этого типа мисок являются образцы, у которых разложистые от дна стенки, закругляясь в верхней части, не заканчиваются, однако, отогнутым венчиком. Таковы, например, миски из ДМ (рис. 89₉), БМ [Петренко В.А., 1979, рис. 71₂]. Все миски типа 5 характеризуются гладкой поверхностью. Пропорции их аналогичны данным мискам предыдущего типа.

Тип 6 характеризуется широким, но уже несколько закрытым, устьем ($D_1 : D_2 = 0,8-0,9$), довольно широким устойчивым дном ($D_3 : D_1 = 0,7$), от которого отходят плавно округлые бока. Миски этого типа в целом приземисты ($H : D_2 = 0,5-0,6$). Обмазка и орнамент отсутствуют. Различаются следующие подтипы: *подтип 6_a* - без ручек - ВГ (рис. 64₁₃), ЭМ (рис. 93₅) и др.; *подтип 6_b* - с одной петельчатой ручкой у закраины - ГКМ (рис. 89₁₀) и др.

Тип 7: Сюда относится единственная миска, найденная в склепе № 1 ГМ [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 122, рис. 5₂]. Характерной ее особенностью является наличие почти вертикальных стенок, плавно соединяющихся с широким дном. Сосуд декорирован налепными шишечками. Соотношение $H : D_1 = 0,6$. Близок к этой миске сосуд из погр. № 12 БМ [Петренко В.А., 1979, рис. 79₇] ($H : D_1 = 0,7$; $D_3 : D_1 = 0,5$). В отличие от гинчинской бельтинская миска снабжена одной ручкой у бортика и лишена орнамента.

Миски различного характера встречаются в Дагестане на памятниках энеолита (Гинчи, Чинна) [Гаджиев М.Г., 1981, с. 13, 17, 19, 27, рис. 3_{10-11,13} и т.д.], а в эпоху ранней бронзы они являются характерной формой посуды для всего Северо-Восточного Кавказа [Мунчаев Р.М., 1975, с. 187-188, 359; Гаджиев М.Г., 1983б, с. 13, 22, 28, 37, рис. 5₅₋₇, 10_{1,13}, 14₁₋₅ и др.; он же, 1986б, рис. 3₁₋₈]. Интересно, что в это время мы находим практически все типы мисок, выделенных нами для средней бронзы: миски с разложистыми боками с формой в виде усеченного конуса, миски округлобокие и т.д. Отличительной особенностью эпохи средней бронзы является появление мисок с обмазкой по тулову. В целом миски средней бронзы вылеплены грубее и обожжены хуже чем миски ранней бронзы. Миски в эпоху

средней бронзы на Северо-Восточном Кавказе встречаются практически повсеместно. Они найдены в Приморском Дагестане в поздних комплексах Великентского могильника [Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984, с. 7, рис. 1₁₃], манасских катакомбах [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, с. 193-194, рис. 4_{1,4,5-6} и др.], подкурганых склепах Гентал [Магомедов М.Г., 1977, с. 17, табл. II, 11-12]. Миски этих памятников морфологически отличаются от мисок горной части и типологически более разнообразны. Наиболее характерными здесь являются округлобокие миски с загнутым вовнутрь краем, миски в виде усеченного конуса с внутренним бортиком-утолщением, а также миски с желобком на внешней поверхности. Для миатлинско-чиркейских погребальных комплексов миски практически не характерны. На памятниках каякентско-хорочоевской культуры миски встречаются редко, облик их уже совершенно иной: исчезают ручки, появляется врезной орнамент, сужается типологическое разнообразие [Марковин В.И., 1969б, с. 58, рис. 25₉₋₁₅].

Класс III: чаши. Данный класс объединяет сосуды приземистой формы ($H : D_2 = 0,5-0,6$) и несколько большей глубины ($H : D_2 = 0,7$), имеющие широкое, но умеренно закрытое устье ($D_1 : D_2 = 0,8-0,9$), а также сложно-профилированные бока. По функциональному назначению и морфологическим признакам сосуды эти стоят близко к классу мисок; многие специалисты даже рассматривают их типологически вместе. По характеру днищ чаши разделены на два отдела:

Отдел А: круглодонные. Круглодонные чаши встречаются незначительно, и то на территории Дагестана. По относительным размерам выделено несколько их типов. **Тип 8** - миниатюрные сосудики, которых мы, вслед за В.И. Марковиным, называем «чашками»; они характеризуются гладкой поверхностью, округлым дном, плавно переходящим в слегка наклоненные стенки, венчик прямой, не выраженный. Диаметр венчика не превышает 10 см. Встречены в нижних слоях ВГ [Котович В.М., 1965, с. 171, рис. 58_{6,9,12}]. Делятся на следующие подтипы: *подтип 8_а* - без ручек, *подтип 8_б* - с ручкой-выступом и *подтип 8_в* - с петельчатой ручкой на тулове.

Тип 9. К этому типу отнесены два сосуда средних размеров, найденные в ИРП-I и ИМ (склеп № 5). *Подтип 9_а* - круглодонная чаша с коротким, резко отогнутым венчиком, с гладкой поверхностью, орнаментированной круглыми штампованными ямками; ручка отсутствует ($D_1 : D_2 = 0,8$; $H : D_2 = 0,6$). Чаша происходит с ИРП (рис. 78₁₄). К *подтипу 9_б* относится сосуд из склепа № 5 ИМ, который имеет меньшие размеры, более уплощенное дно, плавно отогнутый венчик и две ручки-выступы на плечиках

(рис. 75₁₆). Поверхность гладкая. Показатель $D_1 : D_2$ аналогичен сосуду типа 9_а, а пропорция $H : D_2$ несколько другая ($= 0,7$).

К «чашкам» отнесена В.М. Котович серия миниатюрных остросеребряных сосудиков из ВГ, происхождение которых она связывает с переднеазиатскими образцами (Сузы I, Ниневия V) [Котович В.М., 1965, с. 189-192]. На наш взгляд, данные сосуды (из ВГ) скорее всего следует рассматривать вместе с круглодонными своеобразными «горшочками», которые найдены в большом количестве на памятниках средней бронзы Горного Дагестана. Что же касается чашек типа 8, то их генезис, по мнению, В.М. Котович, может быть возведен «к кавказским неолитическим и степным энеолитическим («ямным») прототипам [Котович В.М., 1965, с. 133].

Отдел Б: плоскодонные. В отличие от круглодонных, плоскодонные чаши встречаются в Горном Дагестане и Юго-Восточной Чечне. Характеризуются они широким устьем полузакрытого характера ($D_1 : D_2 = 0,8-0,9$), плоским дном и сложнопрофилированным туловом, у которого наибольшее расширение приходится на середину ($h : H = 0,5$) или же несколько выше ($h : H = 0,6-0,7$). Размеры чаш колеблются в пределах $D_1 = 12-27$ см, $H = 10-20$ см.

По морфологическим особенностям можно говорить о следующих типах плоскодонных чаш: тип 10 - чаши с биконическим туловом, чуть выше середины которого располагается хорошо выраженное ребро ($h : H = 0,6$). Верхняя часть тулова чаши напоминает форму усеченного конуса, т.е. венчик не выражен. Степень закрытости устья ($D_1 : D_2$) равен $0,7-0,9$. Практически все сосуды, относящиеся к этому типу, происходят из погр. №№ 14, 22, 24 и 40 БМ [Виноградов В.Б., 1980, рис. 13₁, 14₂, 74_{2-3,5}; 1982б, рис. 14₄, 20₂; 1983а, рис. 24₄]. Один подобный сосуд известен и в керамической коллекции БЮ [Ошаев М.Х., 1979, рис. 4₁]. Средние размеры сосудов варьируются в пределах $D_1 = 11-17$ см, $H = 9,5-17$ см. Средний показатель приземистости ($H : D_2$) равен $0,7$. Из всех чаш типа 10 две не имеют ручки (*подтип 10_а*). Большинство из них снабжено одной или двумя ручками-выступами (*подтип 10_б*). Две петлевидные ручки на расширении тулова у сосуда из погр. № 24 БМ (*подтип 10_б*). Большая часть чаш орнаментирована налечами удлинённой формы, валиками с различными вдавлениями и насечками. Обмазка тулова отсутствует.

К типу 11 относятся чаши, схожие с сосудами предшествующего типа, но в отличии от них имеющие ясно выраженный вертикальный венчик, отходящий от биконического тулова (по одному такому сосуду найдено в

ГМ [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 122, рис. 6₁₃] и ИМ*), или же отогнутый венчик (подобные сосуды происходят из ГМ [Гаджиев М.Г., 1969б, рис. 27₁₁], БМ [Петренко В.А. 1979, рис. 60₂₋₃, 72₁₁; Виноградов В.Б., 1981, рис. 15₁, 22₄, 37₃, 40₅, 58₆] и БЮ [Ошаев М.Х., 1979б, рис. 3₂₋₄, 4_{2,3}]). Все эти чаши имеют гладкую поверхность, умеренно закрытое ($D_1 : D_2 = 0,8-0,9$) и вместе с тем широкое устье. По высоте различаются две группы: а) приземистые чаши ($H : D_2 = 0,5-0,6$) и б) глубокие чаши ($H : D_2 = 0,7-0,8$). По наличию и характеру ручек делятся на подтипы: *подтип 11_а* - чаши без ручек (погр. №№ 5, 18, 20 и 23 БМ [Петренко В.А., 1979, рис. 60₃; Виноградов В.Б., 1981, рис. 15₁, 40₁₅, 58₆], погр. № 7 БЮ-IV [Ошаев М.Х., 1979, рис. 4₂]); *подтип 11_б* - чаши с ручками-выступами (погр. №№ 5, 11, 16, 18 БМ [Петренко В.А., 1979, рис. 60₂, 72₁₁; Виноградов В.Б., 1981, рис. 22₄, 37₃], БЮ-IV [Ошаев М.Х., 1979, рис. 3₂₋₄]); *подтип 11_в* - чаша с однопетельчатой ручкой (склеп № 7 ГМ [Гаджиев М.Г., 1969б, рис. 27₁₁]); склеп № I ИМ; погр. №20 БМ [Виноградов В.Б., 1981, рис. 74₅]); *подтип 11_г* - чаша с двумя петельчатыми ручками (склеп № 2 ГМ [Гаджиев М.Г., 1969, рис. 6₁₃]). Все чаши типа 11 имеют гладкую поверхность; часть сосудов орнаментирована налепными, вдавленными и нарезными узорами.

Как видно, для Горного Дагестана в эпоху средней бронзы сосуды в виде плоскодонных чаш не очень характерны. В Приморском Дагестане на целом ряде памятников этого времени известны сосуды типа чаш (Великентское поселение и Великентский могильник - поздние комплексы [Белоглазова Т.А., 1981, рис. 42; Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, рис. 1₁₆; Магомедов Р.Г., 1985д, рис. 21_{15,23}, 31_{1,5,14,17}], Манасские курганы [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, с. 195, рис. 6_{1-3,6,9,12} и др.] и др.), но они отличаются от упомянутых выше сосудов Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни стандартностью выработанных форм, хорошим обжигом и такой морфологической особенностью, как четко выделенный, резко отогнутый венчик. Интересно, что подобные чаши встречаются на Великентском могильнике и в катакомбе № 8, датируемой временем не позже середины III тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., 1986б, с. 35, рис. 3₁₈].

Очень близки нашим плоскодонным чашам аналогии из Миатлинского курганного могильника [Канивец В.И., Березанская С.С., 1959, рис. 2а₂, 3₁, 5₉]. Таким образом, можно сделать вывод, что в эпоху средней бронзы чаши как своеобразный тип посуды представлены во всех зонах Северо-Восточного Кавказа. В инвентаре каякентско-хорочоевской культу-

* Неопубликованный сосуд из склепа № 2.

ры чаши практически отсутствуют. Только на двух могильниках (Берикей и Ведено) они найдены, и, как пишет В.И. Марковин, «единичны в памятниках культуры (каякентско-хорочоевская культура - Р.М.), не составляют особых типов...» и «... более всего характерны для памятников предшествующего времени (времени миатлинских курганов)» [Марковин В.И., 1969а, с. 81. рис. 34_{1,3-4}]. С конца поздней бронзы и в эпоху раннего железа на Северо-Восточном Кавказе чаши уже появляются в большем количестве и типологическом разнообразии.

Класс IV: кружки. К этому классу отнесено довольно большое количество небольших по размерам ($D_1 < 10-12$ см, $H < 13-15$ см) сосудов, за которыми закрепилось устойчивое название «кружки». Все они имеют по одной ручке, прикрепленной либо к закраине, либо к тулову. Орнамент на кружках очень скуп, представляет собою различные налепы (шишечки, валики), иногда встречается и резной узор. По характеру обработки внешней поверхности делятся на две группы: а) гладкостенные (превалируют в общей массе кружек) и б) обмазанные. Намечено следующее типологическое деление кружек.

Отдел А: круглодонные. До сих пор круглодонные кружки в древностях средней бронзы изучаемого региона не выделялись. Они обычно рассматривались в общей массе круглодонных сосудов, часто называемых «круглодонными горшками» [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 126]. На наш взгляд, небольшая серия круглодонных сосудов, найденных пока что на ГМ, может быть отнесена к отдельному типу 12 (рис. 67_{4-8,13-14}). Характеризуются они вытянутой формой ($H : D_2 = 1$), невысоким отогнутым венчиком, округлым дном, плавно переходящим в прямые, слегка наклоненные вовнутрь стенки (из-за этого $D_1 : D_2 = 0,8-0,9$). Каждая кружка снабжена одной ручкой, прикрепленной к середине тулова. Почти половина кружек орнаментирована резными поясками (рис. 67₆₋₈). Обмазка отсутствует.

Отдел Б: плоскодонные. Плоскодонные составляют подавляющее большинство класса кружек. Распространены одинаково часто и в Горном Дагестане и Юго-Восточной Чечне. Делятся на следующие типы:

Тип 13 - кружки с прямыми вертикальными стенками и широким устойчивым дном, диаметр которого равен диаметру устья ($D_3 : D_1 = 1$) или же чуть меньше последнего ($D_3 : D_1 = 0,8-0,9$). В последнем случае стенки отходят от дна под некоторым тупым углом. Таковы две обмазанные кружки из склепа № 2 (рис. 66₆) и склепа № 9 (рис. 66₁₇) ГМ. Аналогичная кружка с обмазкой была найдена и в погр. № 7 ГЛМ (рис. 89₄₇). Разновидностью подобных кружек является сосуд из ГЛМ (рис. 66₃), у которого пря-

мые, почти вертикальные стенки под скосом соединяются с дном. К гладкостенным образцам этого типа относятся кружки из погр. № 8 ГКМ (рис. 89₁₅) и из склепа № 2 ДМ (рис. 89₂₇). Последний сосуд отличается от всех остальных тем, что у него венчик отогнут. По характеру расположения ручки кружки делятся на два типа: *подтип 13_а* - с ручкой у закраины (рис. 66₁₇, 89_{15,27,47}) и *подтип 13_б* - с ручкой на тулове (рис. 66₆).

Тип 14 - кружки с прямыми или же немного выпуклыми стенками, разложисто отходящими от дна ($D_3 : D_1 = 0,7$). Венчик, как правило, не выражен. На памятниках средней бронзы Горного Дагестана обнаружено около десятка подобного типа кружек. Большая часть из них происходит из ГМ (рис. 66_{13-16,18}); все они гладкостенные и без орнамента. Из этого же могильника (склеп № 9) известна аналогичная кружка с обмазанным туловом (рис. 66₁₂). Очень близкие к упомянутым, кружки известны из могильника Гоно (рис. 66₁₉₋₂₁), расположенного недалеко от ГМ и датируемого более ранним временем, чем ГМ. В Юго-Восточной Чечне кружки типа 14 найдены намного больше чем в Горном Дагестане. Из одного БМ их известно около три десятка (опубликована только одна - рис. 89₃₂). В комплексах ГКМ (рис. 89_{13-14,34}, 90₂), ДЮ (рис. 89₂₆) также имеются подобные кружки. Среди многочисленных гладкостенных кружек из БМ есть одна и обмазанная (погр. № 47) [Виноградов В.Б., 1985а, рис. 17₅]. Кстати, на БМ встречаются и орнаментированные кружки типа 14. Согласно пропорциям $H : D_1$ кружки 14-го типа делятся на вытянутые ($H : D_1 = 1-1,3$) и приземистые ($H : D_1 = 0,8-0,9$), причем первых заметно больше. Абсолютно у всех кружек этого типа ручки расположены у края венчика.

К типу 15 относятся 3 кружки из ГКМ (рис. 89_{33,45-46}). Их особенностью является наличие вытянутого тулова, переходящего в цилиндрическую горловину без четко выраженного венчика. Показатель $H : D_2$ равен 0,9-1,0. Размеры колеблются в пределах $D_1 = 9-12$ см, $H = 12-13$ см. Все три сосуда гладкостенные и без орнамента. Ручки расположены у венчика, причем верхние их площадки как бы немного приподняты над краем сосуда. В Горном Дагестане с подобными кружками можно сравнить лишь один сосуд из склепа № 1 ГЛМ (рис. 66₂). Ребро на тулове, правда, у него не выражено так четко, как из склепа № 1 ДМ (рис. 89₂₈). Последняя в отличие от всех вышеупомянутых кружек (*подтип 15_а*) имеет петлевидную ручку на выпуклой части тулова (*подтип 15_б*). Точная аналогия сосуда из ДМ известна и из детской гробницы № 1 ГМ [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 90, рис. 41₃].

Тип 16 объединяет многочисленные кружки, характеризующиеся сложнопрофилирующими стенками, заканчивающимися четко выраженным отогнутым венчиком. Таковы кружки из ГМ (рис. 66_{5,8-11} и др.), ГЛМ (рис. 66₄) в Горном Дагестане, из ГКМ (рис. 89_{16-18, 30, 35-37, 44} и др.) и СКМ (рис. 89₁₉₋₂₄) в Юго-Восточной Чечне. Особенно много кружек типа 16 найдено в комплексах МХ (рис. 89_{25, 38-40, 81₁₄} и др.). Все упомянутые кружки характеризуются гладкой поверхностью. Есть и обмазанные кружки этого типа, но их очень мало. Два таких сосуда найдено в ГМ (погр. 15 - рис. 66₂₂; кувшинное погр. № 2 [Гаджиев М.Г., 19696, рис. 48₇]). По пропорциям кружки делятся на приземистые ($H : D_2 = 0,8-0,9$) (рис. 89₁₆₋₂₅ и др.) и вытянутые ($H : D_2 = 1-1,2$, иногда 1,3) (рис. 66_{7-11, 89₂₉₋₃₁} и др.). У всех кружек ручка - у закраины. Исключение - сосуд из погр. № 5 ГМ (рис. 66₁₁), у которого ручка расположена на тулове. Орнамент практически отсутствует.

В отдельный тип (17) выделено нами несколько кружек, отличающихся уступчатым выделением шейки. Один такой гладкостенный сосуд с одной ручкой у бортика известен из МХ (рис. 90₁₃). Размеры его: $D_1 = 6,7$ см, $H = 6,5$ см, $D_3 = 5$ см ($H : D_2 = 0,8-0,9$). Сосуд такого же типа с уступом на шейке, правда, более крупных размеров, найден в погр. № 26 ГКМ (рис. 89₄₄). Единственный сосуд из Горного Дагестана, который можно сравнить с малохарсенойским - это кружка из второго слоя ВГ (рис. 66₁), названная, правда, у В.М. Котович миниатюрным горшком [1965, с. 171]. У этого сосуда примерно такие же размеры ($D_1 = 4,5$ см, $H = 4$ см, $D_3 = 2,5$ см) и пропорции ($H : D_2 = 0,9$). Разложисто отходящие стенки отделены уступчато от шейной части сосуда. Поверхность украшена врезными линиями, нанесенными хаотично.

Итак, мы выделили 6 типов кружек. Не все они одинаково распространены на изучаемой территории. Такие типы как 12, 13, 15 и 17 представлены незначительным количеством образцов. Кружки - одна из наиболее характерных категорий посуды на Северо-Восточном Кавказе в бронзовом веке, вернее на его ранних этапах. В эпоху ранней бронзы на памятниках куро-аракской культуры они встречаются довольно часто и в типологическом разнообразии. Наиболее распространенный тип кружек этого времени - это сосуды баночного характера с ручкой у закраины. В ранней катакомбе № 8 Великентского могильника обнаружена большая серия самых разнообразных кружек, большинство которых близко типу 13 [Гаджиев М.Г., 19866, рис. 3₁₂], есть здесь и образцы кружек 14, 16, 17 и др. типов, за исключением, пожалуй, типов 12 и 15. В поздних комплексах Великентского могильника (катакомбы №№ 1-3, 5, 9) кружки сохраняются, хотя и про-

исходят изменения их типологического состава. Мало становится кружек баночного типа, а количество кружек, имеющих форму типа 16, наоборот увеличивается. Такую же картину можно наблюдать и в материалах средней бронзы манасских курганов, где представлено большое количество кружек со сложнопрофилированными стенками и отогнутыми венчиками [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, рис. 6₁₀₋₁₁ и др.]. На Миатлинском курганном могильнике также найдено много кружек. Все они очень близки друг другу и в целом легко сопоставляются с кружками типа 16 Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни [Канивец В.И., Березанская С.С., 1959, рис. 2а₁, 3₂, табл. IV, 10; Костюченко И.П., 1959, табл. II, 9, рис. 13₃]. Надо заметить, что подобные кружки в Миатлы найдены во всех хронологических группах комплексов. Есть здесь и кружки, аналогичные типу 14 [Костюченко И.П., 1959, рис. 11₂]. В целом миатлинские кружки отличаются вытянутостью форм, грубой лепкой и отсутствием орнамента, за редким исключением. На памятниках каякентско-хорочоевской культуры кружки практически не встречаются.

Класс V: чайнички. В этот класс объединены оригинальные сосуды миниатюрных размеров, особенностью которых являются сливные трубчатые носики. Само название «чайнички» - довольно условное; о функциональном применении этих сосудиков приходится только гадать, хотя обнаружение некоторых из них в детских захоронениях говорит об их использовании в качестве детских поилок. Всего нам известно 6 сосудов-чайничков; происходят все они из Горного Дагестана.

Отдел А: круглодонные. Круглодонных чайничков найдено три. По форме они объединяются в один тип (18). Первый из чайничков обнаружен на ВГ (рис. 104₁). Он имеет широкое устье, плавно отогнутый венчик и круглое дно; ручка отсутствует (*подтип 18_а*). К *подтипу 18_б* относится чайничек аналогичной формы из кувшинного погр. № 14 ГМ (рис. 104₃), у которого на боку перпендикулярно сливному носику была прикреплена ручка. Еще один чайничек из погр. № 5 ГМ [Гаджиев М.Г., 1969, рис. 48₂] имел ручку напротив слива (*подтип 18_а*). Все круглодонные чайнички характеризуются гладкой поверхностью и примерно равными размерами (Д₁ = 5-6 см, Н = 4,5-6,5 см).

Отдел Б: плоскодонные. Плоскодонных чайничков также насчитывается три. По форме делятся на два типа:

Тип 19 - чайничек приземистый с открытым устьем, вертикальными слегка выпуклыми стенками и с гладкой поверхностью (рис. 104₂), - найден во втором слое ВГ. Напротив ручки - выступ-псевдоручка.

К типу 20 отнесены два чайничка, происходящие из того же кувшинного погр. № 14 ГМ (рис. 104₄₋₅). Оба они гладкостенные, сферическое тулово соединено с плавноотогнутым венчиком; у одного сосуда ручка прикреплена на боку перпендикулярно оси сливного носика (*подтип 20_а*), - у другого ручка отходит от края бортика (рис. 104₄ - *подтип 20_б*). Размеры чайничков - в пределах $D_1 = 5-6$ см, $H = 5-8$ см, $D_3 = 4-5$ см.

Чайнички спорадически встречаются на памятниках различных времен Дагестана. На поселении Гинчи (энеолит) найдены «два обломка миниатюрных чайничков (сливной носик и фрагмент стенки с сохранившимся основанием отломанного сливного носика)» [Гаджиев М.Г., 1981, с. 17, рис. 7_{1,6}]. На Чиркейском поселении Тад-Шоб (ранняя бронза) обнаружены два одноручных чайничка [Гаджиев М.Г., с. 22, рис. 10₃]. Форма одного из них идентична плоскодонному чайничку из ГМ (рис. 104₅), разница лишь в отсутствии у последнего уступа на месте перехода тулова в шейку, и в ином облике ручки, прикрепленной, однако, аналогично гинчинскому сосуду - поперек продольной оси сливного носика. Размеры чиркейских чайников примерно такие же, как и у верхнегунибских и гинчинских образцов. В великентских катакомбах №№ 2 и 5 [Магомедов Р.Г., 1985д, рис. 21₂₀], содержащих материалы конца III - начала II тыс. до н.э., найдены миниатюрные безручные чайнички с яйцевидным туловом, вытянутой подцилиндрической горловиной и плоским дном.

К сожалению, мы не знаем чайничков с территории Горной Чечни.

Класс VI: горшочки - это миниатюрные сосуды закрытого характера ($D_1 : D_2 = 0,5-0,8$) с выпуклыми боками и плоским или же круглым дном с $H = не > 8-9$ см.

Отдел А: круглодонные. Круглодонные горшки характерны только для памятников средней бронзы Горного Дагестана. В настоящее время они известны на таких памятниках Горного Дагестана, как ВГ (рис. 67₆₃₋₆₄, 68-70), ГМ (рис. 67₁₀₋₃₄ и далее), ИРП-I, ИМ (рис. 67₆₂, 65-67; 68₂₀). По особенностям тулова делятся на два типа:

Тип 21 - горшки с отогнутым венчиком и шаровидным туловом. *Подтип 21_а* - горшки без ручек (ГМ - рис. 67_{10-11, 15, 48}; ВГ - рис. 67₆₃). *Подтип 21_б* - горшки, имеющие по одной ручке, прикрепленной к тулову; составляют значительную часть типа 21 (ВГ - рис. 67₆₄; ГМ - рис. 67_{16, 18-35} и др.; ИМ - рис. 67_{62, 67}).

К типу 22 отнесены круглодонные горшки с выраженным ребром на тулове. Ребро может быть в верхней части тулова (рис. 67₆₉₋₇₀ - ВГ), в середине

(рис. 67₄₇ - ГМ, 67₆₈ - ВГ и др.) или же нижней части тулова (рис. 67_{40, 50} - ГМ и др.). Особенностью этого типа является наличие ручек у всех сосудов.

При сравнении горшков 21-го и 22-го типов видно, что между ними очень много общего. Все они исключительно гладкостенные, в большинстве случаев лощеные. На тех и других встречается врезной геометрический орнамент. Сосуды типа 22 иногда имеют в области перегиба тулова напротив ручки характерные округлые вдавления (рис. 67_{40, 46, 50}). В редких случаях встречается наклепной орнамент в виде шишечек (рис. 67_{60, 63}).

подавляющее большинство круглодонных сосудов, найденных на памятниках средней бронзы Горного Дагестана, относится к классу VI «горшочки». Поэтому, считаем необходимым остановиться на вопросе о генезисе круглодонной посуды Дагестана. По нашим подсчетам всего на изучаемых памятниках найдено около 135 круглодонных сосудов (сюда включены и те сосуды, которые отнесены к классу VII «горшки» и будут рассмотрены попозже), что составляет примерно 1/4 часть всех учтенных сосудов средней бронзы из Горного Дагестана. Больше всего (110 экз.) круглодонных сосудов приходится на ГМ, остальные - на ВГ (11 экз.), ИРП-I и ИМ (более 12 экз.). Р.М. Мунчаев отмечает наличие круглодонной посуды еще на одном памятнике - ММ [Мунчаев Р.М., 1961, с. 26] (рис. 73₁₄). Как видно из этих подсчетов, для эпохи средней бронзы Горного Дагестана круглодонная посуда - одна из составных и, притом, характерных частей продукции гончарного производства. Исследователи справедливо считают, что круглодонная посуда в Дагестане не имеет местные генетические корни [Гаджиев М.Г., 1969б, с.126]; ведь, начиная с неолита и кончая эпохой ранней бронзы, практически вся посуда здесь плоскодонная. Немногочисленные круглодонные сосуды, найденные на ряде памятников предгорного и равнинного Дагестана и датируемые в пределах середины - конца III тыс. до н.э., по-нашему мнению, связываются с проникновением сюда элементов майкопской культуры [Магомедов Р.Г., 1986; 1991]. Что касается круглодонной посуды эпохи средней бронзы, то на этот счет существует несколько точек зрения. В.М. Котович генетические корни такой посуды искала, с одной стороны, в переднеазиатско-месопотамской керамике, а с другой стороны, в материальной культуре т.н. «ямников», распространявших свое влияние на степи Северного Кавказа [Котович В.М., 1965, с. 189-193]. М.Г. Гаджиев, напоминая о бытовании круглодонной посуды в Закавказье в эпоху раннего металла, в осторожной форме высказался за возможность влияния ямной культуры в происхождении подобных сосудов в Дагестане, но в то же время подчеркнул, что «вопрос о происхождении и путях проникновения этой своеобразной керамики в Дагестан до получе-

ния новых материалов остается открытым» [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 126]. Против связывания поисков генетических прототипов дагестанской круглодонной посуды в ямной культуре высказался В.И. Марковин, обратив одновременно внимание на то обстоятельство, что «за хребтом, по соседству с Дагестаном, в Грузии с III тыс. до н.э. широко распространяется близкая по форме чернолощенная посуда с округлым дном» [Марковин В.И., 1972, с. 289; см. также: 1968, с. 312-314]. Надо сказать, что впоследствии эта точка зрения о закавказском очаге, откуда пришла в Дагестан инновация производства круглодонной посуды эпохи средней бронзы, оказалась довольно перспективной.

В самой Грузии с нарастанием источниковой базы для изучения бронзового века, в особенности после раскопок богатейших комплексов беденских курганов, обратили внимание на схожие моменты в культуре, и, в частности, в керамике Грузии и Дагестана. Еще в 1971 г. об этом высказался, хотя и тезисно, Г.Ф. Гобеджишвили [1971, с. 48]. В 1979 г. Ш.Ш. Дедабришвили, отметив прямые параллели между высококачественной беденской керамикой и определенными сосудами из могильника Гинчи, в то же время подчеркнул, что последние «нельзя воспринимать иначе, чем периферийные реплики, не отличающиеся самостоятельностью и выполненные на гораздо более низком техническом уровне» [Дедабришвили Ш.Ш., 1979, с. 67]. Касаясь вопроса несомненной связи определенной части гинчинской керамической коллекции с традициями беденского керамического производства, отметим, что речь идет, в первую очередь, о круглодонных горшках, известных сейчас помимо ГМ и в других пунктах Горного Дагестана (ВГ, ИРП-I, ИМ). Такие черты горшочков, как черное лощение, хорошее отмученное тесто по сравнению с другими категориями керамики, резные орнаментальные фризy, расположение одной ручки на боку, биконичность тулов и др. находят параллели в беденской керамике. Возьмем для сравнения подобные горшки из беденских курганов: схожесть поразительная. Она находит отражение даже в деталях. Так, и для беденских и для гинчинских горшков характерны вдавления на тулове напротив ручек [Гаджиев М.Г., 1969б, рис. 34₁₃ и др.; Гобеджишвили Г.Ф., 1980, с. 51, рис. 13б, табл. I, 8-10, 30, 49 и др.). Коленчатые ручки сосудов ГМ с отростками находят аналогии в керамике с поселения Берикл-дееби из Шида Картли [Глonti Л.И., Джавахишвили А.И., 1987, с. 82, рис. 2_{1,4}]. Классические беденские горшки имеют биконическое тулово: ребро, как правило, располагается в нижней части, вследствие чего разложистые стенки придонной части сосуда переходят в дно под большим тупым углом, создавая своего рода иллюзию круглодонности сосуда. Не в подражании ли беденским классическим формам скрывается появление в Горном Дагестане сво-

еобразной круглодонной посуды? Хронологического разрыва между беденскими комплексами и материалами ГМ нет, так как алазано-беденскую культуру датируют в пределах второй половины III тыс. до н.э. - начала II тыс. до н.э. [Гобеджишвили Г.Ф., 1980, с. 136; Глonti Л.И., Джавахишвили А.И., 1978, с. 80], а ГМ - начиная с первых веков II тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 113; 1974, с. 28]. По нашему мнению, ГМ следует датировать с последних веков III тыс. до н.э. [Магомедов Р.Г., 1984, с. 35-36]. Ярким свидетельством активных контактов носителей алазано-беденской культуры и племен древнего Дагестана являются находки керамических импортов Бедени в горах (сел. Тинди - рис. 70₁ [Гаджиев М.Г., 1985б, с. 14]), предгорье (Чиркей - рис. 70₆ [Путинцева Н.Д., 1960, лл. 12-13, табл. VIII, 4]) и приморской части (Великентское поселение - рис. 70₈ [Котович В.Г., 1959, с. 132, табл. IV, 7]; Великентский могильник: катакомба № I - рис. 70_{2,3} [Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984б, с. 9, рис. 1₁₁]; катакомба № 5 - рис. 70_{4,5} [Магомедов Р.Г., 1985д, л. 43, рис. 21_{28, 29}]) Дагестана. В материалах Великентского могильника есть и несколько подражаний беденским сосудам (рис. 68_{18,19}). Подводя итоги, скажем, что высококачественная керамическая продукция т.н. алазано-беденской культуры, по видимому, послужила исходной базой для возникновения в Горном Дагестане круглодонной посуды.

Отдел Б: плоскодонные. Миниатюрные плоскодонные горшки встречаются и в Горном Дагестане и Юго-Восточной Чечне. Для них характерна гладкая, хорошо заглаженная, нередко лощеная поверхность; ручки почти не встречаются; редок и декор. По форме различаются следующие типы:

Тип 23 - сосуды с округлым (шаровидным туловом), невысокой горловиной, с прямым или же отогнутым венчиком. В большом количестве подобные сосуды найдены в нижних слоях ВГ [Котович В.М., 1965, с. 149, 171, рис. 52_{3,4,6}, 53₆ и др.], ИРП-I. В Юго-Восточной Чечне аналогии известны в ГКМ [Марковин В.И., 1963б, рис. 18₉]. Для всех этих сосудиков характерна слабая вытянутость формы ($H : D_2 = 1-1,2$).

К типу 24 нами отнесен один сосудик из погр. № 11 ГКМ [Марковин В.И., 1963б, рис. 14₇], имеющий отогнутый венчик, раздутое тулово, переходящее в вытянутое донце. Такие сосуды не очень характерны для древностей изучаемого региона. Сосуд в целом приземист ($H : D_2 = 0,8$). Степень закрытости устья ($D_1 : D_2$) равна 0,8.

Класс VII: горшки. Данный класс наиболее многочисленный и многообразный в классификации керамики. Сам термин «горшки» очень расплывчат и позволяет соотнести его практически с любым из типов со-

судов. В нашем случае горшками признаны сосуды, имеющие высоту более 10 см, объемное раздутое тулово, переходящее в относительно неширокое устье полузакрытого ($D_1 : D_2 = 0,8-0,9$) и, чаще всего закрытого характера ($D_1 : D_2 = 0,5-0,7$). Горшки могут быть без ручек, с одной, двумя и более ручками. Наряду с гладкостенными, имеются и обмазанные.

Отдел А круглодонные. Круглодонные горшки очень редки и найдены только в Дагестане, вернее на одном памятнике: ГМ. Ввиду малочисленности они объединены нами в один тип (25), хотя по форме и различаются определенно между собой. Итак, подтип 25_б - горшок из склепа № 2 ГМ [Гаджиев М.Г., 1969б, рис. 10₁₃] с шаровидным, немного приплюснутым туловом, к которому прикреплена (на плечике) 1 ручка, и невысоким отогнутым венчиком ($H : D_2 = 0,7$; $D_1 : D_2 = 0,7$). К подтипу 25_в отнесен сосуд из склепа № 9, имеющий сферическое тулово, на плечиках которого расположены «ручки ленточные, заостренные кверху в виде ушек» [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 68, рис. 32₁₀]. Показатель $H : D_2 = 1$, а $D_1 : D_2 = 0,7$. Сосуд орнаментирован резным узором.

Круглодонные горшки имеют много близких прототипов среди плоскодонной посуды. Например, в склепе № 9 ГМ обнаружен плоскодонный горшок [Гаджиев М.Г., 1969б, рис. 32₇], ничем практически не отличающийся от вышеупомянутого горшка типа 25А_в. Потом есть серия горшков из этого же могильника с незначительным уплощением в донной части [Гаджиев М.Г., 1969б, рис. 32₂₋₄, 11 и др.], чем напоминают круглодонные сосуды.

Отдел Б: плоскодонные. Плоскодонные горшки многочисленны и по морфологическим особенностям делятся на следующие типы:

Тип 26 - горшки средних размеров ($D_1 = 10-15$ см, $H = 10-19$ см, $D_3 = 4-10$ см), приземистые ($H : D_2 = 0,9-1$) и немного вытянутые ($H : D_2 = 1,1-1,2$) с шаровидным (рис. 62₁₋₄ и др.) или же яйцевидным туловом (рис. 71₂₄₋₂₅) и довольно широкой горловиной ($D_1 : D_2 = 0,6-0,8$), заканчивающейся прямым (рис. 71_{1-2, 6}), а чаще всего отогнутым венчиком. Подавляющее большинство горшков этого типа в Горном Дагестане найдено в ГМ (рис. 71_{1-4, 6} и др.), несколько экземпляров имеется и среди материалов ВГ (рис. 68_{5-6, 715}), ИМ [Погребова М.Н., 1961, рис. 9₂]. У большей части сосудов гладкая заглаженная, чаще залощенная поверхность серого, коричневого цветов; встречаются и обмазанные сосуды (рис. 71₈ и др.). Среди сосудов есть безручные (подтип 26_а) - рис. 71_{10,12}; с одной ручкой (подтип 26_б) - рис. 71_{6-7, 9, 20}; с двумя ручками (подтип 26_в - большинство). Особенностью

дагестанских горшков 26-го типа является расположение ручек исключительно на плечиках. Ручки различаются петлевидные и коленчатые (рис. 71_{1, 13, 25} и др.). На памятниках Юго-Восточной Чечни горшки 26-го типа не очень характерны. С небольшой натяжкой с ними можно сравнить несколько сосудов из ГКМ, отнесенных по классификации В.И. Марковина к VII типу посуды. Все они отличаются по сравнению с дагестанскими образцами общей вытянутостью пропорций ($H : D_2 = 1$), наличием, как правило, одной ручки, прикрепленной к закраине сосуда, отсутствием орнамента и обмазки. На других памятниках этого времени Юго-Восточной Чечни горшки 26-го типа практически не встречаются.

Тип 27 очень близок к предыдущему типу. Горшки этого типа отличаются более крупными размерами ($D_1 = 15-18$ см, $H = 20-27$ см, $D_3 = 7-11$ см) и общей вытянутостью формы ($H : D_2 = 1,1-1,2$). В Горном Дагестане известен примерно десяток сосудов этого типа и все они происходят из ГМ (рис. 71_{30, 35} и др.). Каждый сосуд имеет по две ручки, расположены они, как и у типа 26, на плечиках. У одного сосуда из склепа № 5 ГМ [Гаджиев М.Г., 19696, рис. 23₁₁] - 4 ручки, прикрепленные аналогично. Почти половина сосудов имеет обмазку на тулове. В Чечне такие сосуды крайне редки. В какой-то степени с дагестанскими сосудами этого типа можно сопоставить сосуды III типа (по В.И. Марковину) из ГКМ. В могильнике СКМ есть несколько сосудов аналогичной формы, притом ручки расположены у них, как и у дагестанских, на плечиках [Багаев М.Х., 1986, рис. 3_{14, 16}].

Горшки 26-го и 27-го типов, хотя и имеют некоторые общие черты с горшками эпохи ранней бронзы, но все-таки сильно отличаются от последних. Для горшков куро-аракской культуры специфическими чертами являются лощеная до блеска поверхность, уступчатое выделение шейки, наличие архаических ручек, специфические орнаментальные мотивы. Куро-аракские традиции изготовления горшков сохраняются больше на памятниках средней бронзы Приморского Дагестана (Великент, Манас и др.). В комплексах Миатлы - Чиркей также имеются своего рода горшки [Канивец В.И., Березанская С.С., 1959, рис. 2а₂; Костюченко И.П., 1959, рис. 5₂, табл. III, 4; Атаев Г.Д., 1987, рис. 4_{8, 9}), которые формально могут быть сопоставлены с горшками 26-го типа. Но по некоторым специфическим деталям (ручки, характерный орнамент, цвет поверхности) они больше тяготеют к степной керамике. В керамике северокавказской культуры также можно найти некоторые параллели выделенным горшкам [Марковин В.И., 19606, с. 87-88, рис. 40]. Обобщая можно сказать, что горшки 26-го и 27-го типа обладают суммой черт, делающими их специфическими для памятников Горного Дагестана.

Тип 28: горшки с вытянутым туловом яйцевидной формы с высокой, раструбно расширяющейся горловиной. На наиболее выпуклой части тулова располагаются по две ленточные ручки. Сосуды имеют в средней массе крупные размеры, высота их колеблется в пределах 20-42 см, хотя встречаются отдельные экземпляры меньшего или большего размера. Показатель Н : $D_2 = 1-1,2$; у некоторых сосудов он доходит до 1,3. Для памятников Горного Дагестана такие сосуды не столь характерны. К ним можно отнести некоторые горшки из ГМ (рис. 70_{33, 36}); 3 подобных сосуда найдено в склепе № 1 ГЛМ [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985, рис. 3_{10, 12-13}]. В 1988 г. в подкурганном склепе № 1 ИМ обнаружено также два сосуда этого типа. Все эти сосуды, за исключением из ГМ, имеют гладкую, в некоторых случаях лощеную поверхность. Часть сосудов орнаментирована налепными валиками со свисающими отростками, различными насечками.

Наиболее характерны горшки этого типа для памятников Юго-Восточной Чечни. Только на одном БМ, судя по отчетной документации, их обнаружено не менее 30 экз. (рис. 92₁₃₋₁₅). Причем среди них имеются и два сосуда с обмазкой по тулову [Петренко В.А., 1979, рис. 79_{1, 4}]. Известны горшки 28-го типа еще на таких могильниках Чечни, как ГКМ (рис. 92_{18, 20-21} и др.), ДЮ (рис. 92₁₇), СКМ (рис. 92₈₋₁₁). Довольно часты орнаментированные сосуды (рис. 92_{13, 15-16, 19, 21}).

К типу 29 отнесена небольшая серия горшков, очень близкие по форме, размерам и пропорциям с сосудами предыдущего типа, но отличные от них уступчатым выделением шейки (рис. 92₁₋₇). Все эти сосуды найдены на памятниках Юго-Восточной Чечни: ГКМ (рис. 92₆₋₇), МХ (рис. 92₁) и СКМ (рис. 92₂₋₅). Особенности сосудов этого типа также являются черная, хорошо залощенная поверхность, налепной орнамент в виде шишечек, удлиненных валиков, букраний и концентрических кругов. Наверное, прав М.Х. Багаев, связывающий эти горшки с традициями керамического производства куро-аракской культуры, которую он, правда, по старинке именуется «южнокавказским энеолитом» [Багаев М.Х., 1986, с. 71-72]. В Дагестане на памятниках ранней бронзы подобные горшки с выделенной шейкой обычны. Например, на Карабудахкентском могильнике найдены классические образцы подобной посуды [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1958, рис. 4, 52]. В эпоху средней бронзы они все еще сохраняются на памятниках Приморского Дагестана (Манас [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, рис. 7_{5, 8}1] и др.).

Происхождение горшков предыдущего типа также тесно связано с традициями куро-аракской культуры в керамическом производстве. Еще в

эпоху ранней бронзы подобные горшки встречаются наряду с горшками, у которых есть уступ на шейке. В эпоху средней бронзы они повсеместно встречаются в Дагестане. Но наиболее они характерны для подкурганых могильников Миатлы [Костюченко И.П., 1959, табл. I, 11; рис. 11₁, 19₁₋₂] и Чиркея (Атаев Г.Д., 1987, рис. 4₄, 5₄, 7₁), причем они здесь найдены в погребениях всех хронологических групп. Г.Д. Атаев справедливо пишет, что подобные сосуды «являются особенностью, характерной для Присулакской группы памятников эпохи средней бронзы», но не прав, полагая, что они «найлены только в памятниках бассейна р. Сулак» [Атаев Г.Д., 1987, с. 154]. Как мы видим, на памятниках Юго-Восточной Чечни они найдены в большом количестве и разнообразии, что позволяет выделить и этот район в зону распространения подобных горшков.

Следующий класс посуды в нашей классификации - это класс VIII: **банки и ведерки**. В этот класс объединены сосуды различных размеров и пропорций, но характеризующихся близкой формой. Сюда мы включили сосуды баночного типа без ручек высотой до 10-12 см, сосуды баночного типа высотой более 12 см с ручками и без ручек. Надо сказать, что все сосуды этого класса плоскодонные.

Тип 30 - миниатюрные сосуды высотой до 10-12 см, имеющие прямые вертикальные или же чуть разложистые стенки (миниатюрные баночки). В целом эти банки имеют вытянутую конфигурацию ($H : D_2 = 0,9-1,1$, иногда 1,2-1,3). Внешняя поверхность гладкая. В Горном Дагестане подобные баночки встречаются часто. Например, они известны в ГМ (рис. 66₂₃), ИМ [Погребова М.Н., 1961, рис. 7₁] и т.д. В Юго-Восточной Чечне они найдены в ГКМ (рис. 91₁), БМ и на ряде других памятников. Возникла такая форма посуды на Северо-Восточном Кавказе весьма рано, в эпоху ранней и средней бронзы она широко распространена на памятниках различных культур Кавказа.

Тип 31 - подобные же баночки, только с биконической закрытой формой; найдены на ИМ [Погребова М.Н., 1961, рис. 7₂], ГМ в Дагестане. В Чечне они происходят из СКМ и нескольких других памятников. Подобные сосудики также распространены в Дагестане на приморских памятниках средней бронзы, а также памятниках ранней бронзы.

К следующим типам отнесены сосуды с высотой более 12 см.

Тип 32 - сосуды с прямыми разложистыми стенками, из-за чего форма приобретает вид опрокинутого усеченного конуса. Показатель $H : D_1$ всегда больше 1,0: обычно равен 1,2-1,3, иногда доходит до 1,4-1,5. Подобные сосуды характерны как для Дагестана (ВГ, ГМ, ГЛМ, ГЛП-II, ИРП-I и др. [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985, с. 86]), так и для памятников

Юго-Восточной Чечни (ГКМ [Марковин В.И., 1963б, с. 11-12, рис. 14₁] и др.). Наряду с гладкостенными, встречаются обмазанные банки (рис. 66₂₅, 27). Сосуды этого типа, как правило, лишены орнамента.

Тип 33 - баночные сосуды крупных размеров, имеющие вытянутые формы ($H : D_2 = 1,4-1,5$; в некоторых случаях доходит до $1,6-1,7$), высокие вертикальные стенки с округлым профилем и широким открытым устьем (D_1 иногда является максимальным, чаще составляет $0,8-0,9$ от D_2). Большая часть посуды этого типа обмазана. Закраина в таких случаях заглажена, иногда и залощена. Такой тип посуды характерен для обеих областей региона. В Дагестане сосуды этого типа найдены в ВГ (рис. 66₃₁), ГЛМ (рис. 66₃₂), ГМ (рис. 66₂₈₋₃₀ и др.). Среди коллекций керамики с поселений ВГ, ИРП-I и др. зафиксировано большое количество обломков подобных сосудов. В Юго-Восточной Чечне сосуды типа 33 известны в инвентаре памятников ГКМ (рис. 91₃₋₄ и др.), БМ. Здесь также сосуществуют гладкостенные и обмазанные образцы таких сосудов.

Сосуды баночного характера, относимые к 33-му типу, специфичны для памятников Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни и редко встречаются на других территориях, особенно это касается обмазанных сосудов.

Тип 34 - сюда отнесены крупные сосуды с слегка выпуклыми стенками, равномерно сужающимися к донной части, широкой открытой горловиной с прямым венчиком, к краю которого прикреплены иногда по одной, а чаще по две ручки. Показатель $H : D_1 = 0,9-1,2$. Дагестанские образцы сосудов этого типа (ИМ [Погребова М.Н., 1961, рис. 8_{1,2}]) обмазаны и имеют одну ручку у закраины. В Юго-Восточной Чечне сосуды этого типа найдены больше всего в БМ (рис. 91₁₀₋₁₁ и др.). Сосуды эти с легкой руки В.М. Марковина можно именовать как «ведерки». Они несомненно очень близки к сосудам предыдущего типа. Свое происхождение они ведут с эпохи ранней бронзы. Для памятников куро-аракской культуры, как известно, очень характерны подобные сосуды. В конце III тыс. до н.э. уже появляется обмазка на них (Гоно [Котович В.Г., 1961а, рис. 20₁]).

Класс IX: корчаги - крупные сосуды ($H > 20$ см) с яйцевидным туловом, которое в верхней части прямо или плавным изгибом переходит в широкое устье ($D_1 : D_2 = 0,8-0,9$), а в нижней части резко сужается к непропорционально маленькому дну. Подавляющее большинство корчаг обмазано; только в некоторых памятниках Чечни (БМ) встречаются гладкостенные образцы. Шейка при обмазке оставалась гладкой. Для этих сосудов не характерны ручки, иногда (особенно в БМ) встречаются ручки-выступы. Орнамент обычно представлен валиками, разделяющими обмазку от шейки.

Корчаги зафиксированы и в Дагестане (ВГ - рис. 72₁₋₅ и др., ГМ, ИРП-I, ИМ, ГЛП-II), и в Чечне (ГКМ - рис. 91₉ и др., БМ - рис. 91₅₋₇). По пропорциям со- суды этого класса делятся на два типа:

Тип 35 - корчаги приземистые ($H : D_2 = 0,9-1,2$). Сюда относится подав- ляющее большинство корчаг (рис. 72_{1-4, 10-11} и др., 91₅₋₇ и др.). Корчаги же бо- лее удлиненной конфигурации ($H : D_2 = 1,3-1,5$; иногда до 1,6), characterизу- ют **тип 36**. Интересно, что именно под этот тип попадают погребальные урны с ГМ (рис. 72₁₅₋₁₆) [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 115-116, рис. 42-43, 46, 47].

Корчаги в эпоху средней бронзы встречаются в Дагестане широко и за пределами горной зоны. Например, они частые находки на памятниках при- морской равнины [Белоглазова Т.А., 1981, рис. 4₇₋₈]. Свое происхождение они, наверное, ведут с сосудов аналогичной формы, но с гладкостенной по- верхностью, широко представленными на памятниках куро-аракской куль- туры как на равнине, так и в горах [Гаджиев М.Г., 1983б, рис. 5₁₆, 10₁₅, 17, 17_{11, 14-15}]. В конце эпохи ранней бронзы корчаги в горах найдены и на Го- нобском могильнике [Котович В.Г., 1961а, рис. 20₃].

Класс X: к этому малочисленному классу отнесены **сосуды специ- ального назначения**. Понимая условность деления находок на типы, когда число их не превышает одного экземпляра, мы тем не менее, делаем это с учетом будущего возрастания количества подобных находок.

Тип 37 - сковороды и жаровни. На ВГ в первом слое найдены фрагмен- ты толстостенных сковородок [Котович В.М., 1965, с. 184, рис. 63₁₅₋₁₆], имевших диаметр основания 30-35 см. Стенки сковородок были прямые, в некоторых случаях наклоненные наружу и достигали высоты 5,6-6 см. На ИРП-I найден небольшой фрагмент плоской жаровни, край которой оформ- лен в виде незначительно выступающего бортика (рис. 88₅). Толщина осно- вания жаровни равна 1 см. Малое количество находок этого типа на изуча- емых памятниках вызывает удивление, зная какое большое место занима- ют сковороды и жаровни в коллекциях керамики с поселений куро-аракс- кой культуры в Дагестане [Гаджиев М.Г., 1983б, рис. 5₂, 9₂₆₋₂₇, 13₉, 16_{6, 11}].

К **типу 38** отнесен сосуд оригинальной формы, обломок которого най- ден на ИРП-I (рис. 78₈). Особенностью его является наличие круглого про- фильированного отверстия на днище. Назначение сосуда неясно.

Класс XI: наконец, последний класс в классификации керамики (*от- дел В* - «сосуды на ножках», **тип 39**) представляет чаша полусферической формы на четырех ножках (рис. 136₆₅), обнаруженная в одном из погребе- ний МХ [Марковин В.И., 1995, с. 46, рис. 6₆]. Об аналогиях этому сосуду и его значении для датировки могильника будет сказано в главе V.

§ 2. Орудия труда и предметы вооружения

При анализе некерамической части инвентаря поселений и могильников эпохи средней бронзы Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни наиболее удобным является метод ее классификации по категориям функциональной принадлежности, внутри которых артефакты рассматриваются по категориям материалов, из которых они изготовлены.

Камень. С активным вторжением металла в быт и производство древних людей роль камня сильно падает. Уже в эпоху энеолита в Дагестане чувствуется деградация каменной, в первую очередь, кремневой индустрии, что М.Г. Гаджиев объясняет возрастанием значения бронзовых изделий [Гаджиев М.Г., 1978, с. 27]. В первой половине II тыс. до н.э. эта деградация достигает своего апогея. Из камня производился лишь небольшой состав орудийного комплекса и вооружения.

Зернотерки - одна из наиболее многочисленных категорий находок на раннеземледельческих поселениях. В Дагестане они обнаружены в большом количестве на ВГ (более 100 экз. - рис. 95₁₆₋₂₁) и ИРП-I (более 20 экз. - рис. 97_{28-33, 35} и др.). По форме делятся на два типа: а) ладьевидные и б) на плитах без особой формы. Последних встречено в незначительном количестве. Ладьевидные зернотерки являются наиболее распространенной формой орудий подобного рода на поселениях ранней и средней бронзы Кавказа, и практически, не претерпевая ни локальные, ни хронологические изменения, жоживают вплоть до раннего средневековья [см.: Гаджиев М.Г., 1988, с. 12; Котович В.М., 1965, с. 106-107].

Ступки - небольшая серия каменных орудий, характерной особенностью которых является глубокая рабочая полость круглой формы. Около десятка ступок найдено на ВГ (рис. 86_{6, 9, 13, 92g}), небольшое количество обнаружено на ИРП (рис. 95₃₆₋₃₇). В.М. Котович высказывает несколько версий [1965, с. 107-108] о характере использования ступок (для размола зерна, руды, краски и т.д.).

Терочки найдены на ВГ (рис. 95₂₂₋₂₄); сделаны из галек уплощенной формы или же обломков других плит и камней. Использовались для перетирания и измельчения материала на зернотерках.

Песты - орудия из галек удлиненной цилиндрической или же конической формы, предназначенные для размола зерна, краски и других веществ в ступах (ВГ - рис. 86_{10-11, 14, 92₁₀₋₁₄}), ИРП-I (рис. 78_{7, 88₃₄}). Указанные песты обладают архаичной формой, у них не выделены ручки.

Клиновидные орудия и мотыжки. На ВГ (рис. 86_{1-5, 7-8, 12}), ГЛП-I [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985, с. 82, рис. 16₉₋₁₀] и ИРП-I найдено небольшое количество орудий, изготовленных из речных галек удлинённой формы. В одних случаях гальки расколоты вдоль длинной оси; полученные заготовки заостряли сколами, образуя рабочий конец (рис. 91₁₋₅); в других случаях отбивали один конец целой гальки и подтесывали его (рис. 91_{7-8, 12}). Встречается как односторонняя подтеска рабочего конца, так и двусторонняя. Утилитарное определение подобных орудий затруднительно. Разделение их В.М. Котович отдельно на «клиновидные орудия» и отдельно «мотыги», нам кажется, искусственным, так как типологически они очень близки друг другу. В этом плане интересно, что описывая клиновидное орудие из ГКМ (рис. 109₂₃), В.И. Марковин заметил, что «подобное орудие могло служить мотыгой, топором для очень грубых работ» [Марковин В.И., 1963б, с. 128].

Кремневые вкладыши составных серпов - наиболее многочисленная категория находок, сделанных из камня. Лишь на одном ВГ их найдено около 200 экз. (рис. 94₁₋₂₁). На ИРП-I их обнаружено сравнительно мало (рис. 97₁₄). В небольшом количестве вкладыши известны и на памятниках Юго-Восточной Чечни (КЗ - рис. 109₁₋₃, ДМ - рис. 109₄, поселение СК - рис. 109₇₋₁₈). Сделаны вкладыши из кремневых пластин, рабочие края оформлены двусторонней отжимной ретушью; в некоторых случаях краям придана зазубренность (рис. 85_{1, 3-4} и др.). Делятся вкладыши на два типа: а) срединные - вкладыши прямоугольной формы (некоторые из них имеют боковые выемки - рис. 94₅) и б) концевые - вкладыши подтреугольной формы (рис. 94_{9, 17, 109_{1, 15}}). В.М. Котович особо выделяет вкладыши типа пилки из ВГ (рис. 94₁₋₇), не отнеся их к составным серпам [Котович В.М., 1965, с. 111-112]. Но, так как такие изделия также зажимались в оправе из дерева или кости, их обособлять, наверное, нет смысла. Тем более сама В.М. Котович относит к вкладышам серпов некоторые экземпляры с зазубренными краями (рис. 94_{1, 3-4}).

Кремневые вкладыши - обычные находки на раннеземледельческих поселениях [Гаджиев М.Г., 1988, с. 8-9]. В III-II тыс. до н.э. они очень широко распространены на Кавказе. В Дагестане они встречаются и в самом конце поздней бронзы [Давудов О.М., 1985, рис. 4₂₋₆]. Интересно, что в Берикейском могильнике эпохи раннего железа был найден составной серп, вкладыши которого были закреплены битумом [Давудов О.М., 1978, рис. 3₂₂]. Вкладыши составных серпов со следами битума находили неоднократно и на великентских поселениях куро-аракской культуры. Таким же образом могли закрепляться вкладыши и в эпоху средней бронзы.

Кремневые ножи. На ВГ во всех слоях найдены режущие орудия из кремневых пластин различной формы (рис. 94₂₉₋₃₅). В некоторых случаях пластины использовались без обработки (рис. 94_{30,33}); часть изделий отмечена дополнительной обработкой рабочего края (рис. 94_{31,35}). Возможно, в этих случаях пластины также могли быть использованы как вкладыши составных орудий.

Гладилки. Из ГКМ (погр. 7 - рис. 109₁₉) происходит орудие из кварцита, которое, по мнению В.И. Марковина, служило в качестве гладилки при формовке глиняных сосудов [Марковин В.И., 1963б, с. 128].

Оселки. На КЗ (рис. 109₂₀) и СКМ (рис. 109₂₁₋₂₂) найдены оселки из гальки удлиненной формы, возможно, использовавшиеся при заточке и правке лезвий бронзовых ножей. Оселок из КЗ, так же как и один из образцов из СКМ, имеет одно отверстие на конце, а второй оселок из СКМ - по одному отверстию на концах. М.Х. Багаев приводит устное мнение В.С. Титова о том, что поделка из СКМ «не точильный камень, а гаситель тетивы лука» [Багаев М.Х., 1986, с. 73]. На ИМ (склеп № 5) найден обломок оселка, один конец которого имеет полукруглую выемку (рис. 108₆). Оселки имеют очень широкое территориальное распространение и хронологический диапазон, внутри которого не отмечены их типологические изменения.

На этом список явных орудий труда из камня заканчивается. Здесь мы не упомянули многочисленные кремневые отщепы, находимые в погребениях, которые, возможно, использовались в качестве огнива. Как видим, в основном каменный инвентарь входит в земледельческий орудийный комплекс.

К предметам вооружения можно причислить кремневые наконечники стрел и дротиков, каменные навершия булав и топоры.

Кремневые наконечники стрел - одна из наиболее многочисленных категорий находок из камня на изучаемых памятниках. Всего в Дагестане на памятниках гинчинской культуры найдено более 130 наконечников стрел (ВГ - рис. 106₆₋₁₁ и др., ГМ - рис. 106_{5, 13}, ИРП-I - рис. 106₁₂, ИМ - рис. 106₁₋₃, ГЛМ - рис. 106₄), из них ок. 100 экз. на ВГ. В Юго-Восточной Чечне наконечники стрел представлены не меньшим количеством. На одном БМ, судя по отчетам, найдено более 150 наконечников (рис. 113₈₋₁₁). Известны они и на других могильниках Чечни (ГКМ - рис. 113₃, ДМ - рис. 113₄, СКМ - рис. 113₅₋₆ и др.), правда, значительно реже чем на БМ. Наконечники делятся примерно на 3 типа: тип 1 - треугольной формы с выемкой в основании (рис. 106₁₋₂₀, 113₃₋₁₁); тип 2 - черешковые (рис. 106₂₁₋₃₃) и, наконец, тип 3 - листовидные. Только на одном памятнике (ВГ) обнаружены наконечники

всех 3-х типов. По наблюдениям В.М. Котович, наконечники 2-го типа найдены в нижнем, наиболее древнем, слое поселения [Котович В.М., 1965, с. 125]. Черешковые наконечники стрел характерны для памятников эпохи ранней бронзы, много их встречается в Закавказье, реже на Северном Кавказе. Наконечники 1-го типа единичны в нижнем слое ВГ, наибольшее их количество найдено во 2-м слое поселения, встречаются они наряду с наконечниками 3-го типа и в верхнем позднем слое. Наконечники с выемкой в основании широко распространены в III-II тыс. до н.э. в Передней Азии, Кавказе и степях Восточной Европы. В Закавказье, например, подобные наконечники известны на памятниках севано-узерликской культуры эпохи средней бронзы [Кушнарева К.Х., 1985, рис. 2₂, 4₁₇, 6₇₋₈], обычны они и для алазано-беденской [Гобеджишвили Г.Ф., 1980, табл. VI и др.] и триалетской культур [Жоржикашвили Л.Г., Гогодзе Э.М., 1974, табл. 78₆₇₃] конца ранней и средней бронзы. Наиболее поздними из наконечников являются наконечники 3-го типа - листовидные. Такие наконечники были найдены на Карабудахкентском поселении [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1959, рис. 9_{8,9}].

В.М. Котович среди материалов ВГ упоминает один наконечник асимметричной флажковидной формы, найденный якобы в верхнем слое [Котович В.М., 1965, с. 125, рис. 49₃]. Это вызывает удивление, так как известно, например, что флажковидные наконечники на Северном Кавказе распространены на памятниках майкопской культуры [Мунчаев Р.М., 1975, с. 323, рис. 64₁₋₉ и др.]. В Дагестане они найдены на поселении ранней бронзы - Тад-Шоб [Гаджиев М.Г., 1983б, рис. 9₈].

Кремневые наконечники дротиков. На ВГ найдена серия кремневых наконечников листовидной формы (рис. 106₃₄₋₃₇), которые, по-видимому, по своим крупным размерам и массивности использовались в оснащении дротиков, возможно и копий [Котович В.М., 1965, с. 133]. Такие наконечники более характерны для предшествующего времени. В Дагестане они найдены на памятниках (Мекеги, Гапшима) эпохи ранней бронзы [Котович В.Г., 1961а, рис. 12_{3,4}].

Каменные навершия булав. Всего на памятниках Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни эпохи средней бронзы обнаружено чуть больше 10 каменных булав (Дагестан: ИМ - рис. 106_{38,40}, ВГ - рис. 106₄₁, Чечня: ГКМ - рис. 113_{12,14}, СКМ - рис. 113₁₃, БМ - рис. 113₁₅, МХ - рис. 113₁₆). Это, конечно, не идет ни в какое сравнение с памятниками Приморского Дагестана, где в III - начале II тыс. до н.э. навершия булав встречаются в великом множестве. Только в одной катакомбе (№ 1) Великентского могильника в 1979 г. было обнаружено 30 подобных изделий [Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984, с. 9]. Булавы делятся на два типа: тип 1 - навершия шаро-

видные и тип 2 - грушевидные (такую типологию разработал в свое время еще Е.И. Крупнов для наверший Северного Кавказа [Крупнов Е.И., 1951, с. 44]). Считается, что эволюция форм булав идет от круглой к грушевидной. Материалом для наверший служили самые различные породы. Например, навершие из ВГ изготовлено из арагонита, ГКМ - одно из мергеля, а другое - из серовато-зеленой магматической породы, СКМ - из белого мрамора. Интересно, что в одном из склепов ГМ было найдено навершие булавы шаровидной формы, сделанное из ... обожженной глины (рис. 106₃₉) [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 136-137, рис. 15₂]. Аналогии этой находке нам неизвестны. В обширном обзоре наверший булав Древнего Востока, данном в работе М.В. Горелика [1993, с. 57-61, табл. XXX-XXXII], мы не найдем экземпляры, сделанные из глины. Интересно, что В.Г. Котович и В.М. Котович указывали еще на одну булаву из обожженной глины, происходящей якобы из Великентского поселения I [Котович В.Г., 1959, с. 121, табл. I, 3; Котович В.М., 1965, с. 134], но, как установил Р.М. Мунчаев, она была изготовлена «из твердой породы красного железистого минерала (гематит)» [Мунчаев Р.М., 1961, с. 66].

Как известно, булава является наступательным оружием, используемым в ближнем бою. Конструктивно она состоит из навершия, обычно именуемого просто булавой, и рукояти. Последняя, видимо, чаще всего делалась из дерева, и поэтому в раскопках не обнаруживается. В погр. № 31 ГКМ вместе с навершием булавы был найден и миниатюрный бронзовый клинышек, с помощью которого закреплялась ручка булавы [Марковин В.И., 1963б, с. 128]. Булавы наряду с боевым предназначением имели несомненно и ритуально-сакральную и репрезентативную функции, на что многократно обращалось внимание [Марина З.П., 1981, с. 67-68; Горелик М.В., 1993, с. 57-60; Шилов Ю., 1995, с. 287-297]. По мнению М.В. Горелика, «использование булавы было связано с двумя основными факторами: военно-технологической отсталостью, слабым развитием вооружения, основанного на базе металлургии, при наличии родо-племенной структуры общества, где булава в качестве сакрально-магического символа мужественности отличала каждого главу рода и семьи» [Горелик М.В., 1993, с. 60].

Каменные топоры найдены в незначительном количестве. Для Горного Дагестана они почти не характерны. * Топор из Вачи явно позднего происхождения, тяготеющий к кобанским и колхидским образцам, на что обратил внимание В.И. Марковин [Марковин В.И., 1969а, с. 103]. В Юго-Восточной Чечне топоров обнаружено намного больше. Они найдены, на-

* В 1991 г. на ИРП-I был найден небольшой обломок лезвийной части каменного полдированного топора (работы Г.Д. Атаева).

пример, в ДЮ (рис. 111₁), Ведено (рис. 111₂), ГКМ (рис. 111₃₋₄); большая серия топоров (5 экз.) происходит из БМ (рис. 111₅₋₇). Топоры из ГКМ В.И. Марковин относит к топорам гладкого варианта кабардино-пятигорского типа и датирует временем, близким к середине II тыс. до н.э. [Марковин В.И., 1963б, с. 128]. Интересен один из топоров БМ (рис. 111₆), имеющий чуть изогнутый корпус, отогнутое назад полукруглое лезвие и круглую проушину. Его можно сопоставить с топорами, найденными у с. Михайловка или же с. Шалушинское близ г. Нальчик, которые В.И. Марковин склонен был отнести к III-му этапу развития северокавказской культуры (1500 - конец II тыс. до н.э.) [Марковин В.И., 1963б, с. 100]. По мнению М.Г. Гаджиева, обнаружение аналогичного топора в слое поселения Тад-Шоб сильно удревает возраст топоров подобного типа [Гаджиев М.Г., 1975, с. 24-26; 1988, с. 14-19]. В пользу такого мнения высказался и А.Н. Гей [1986, с. 24]. Все это позволяет нам считать, что и топор из погр. № 11 БМ (рис. 111₆) может быть датирован довольно ранним временем, по крайней мере началом II тыс. до н.э.

Кость. По многочисленности и разнообразию с костяными орудиями, пожалуй, не сравнится ни одна из категорий находок, за исключением керамики. К сожалению, большая часть костяных изделий получена в ходе раскопок всего двух бытовых памятников - ВГ и ИРП-I. Очень скуден костяной инвентарь памятников Юго-Восточной Чечни.

Костяные проколки или шилья - наиболее частая группа находок среди костяных изделий. Иногда их называют еще остриями. Изготовлены они из расколотых трубчатых костей крупного рогатого скота или же из метаподий мелкого рогатого скота; рабочие концы заполированы. В Дагестане костяные проколки найдены на ВГ (более 100 экз. - рис. 96), ИРП-I (более 60 экз. - рис. 97₁₋₂₂). В Чечне они известны единично на ГКМ (рис. 110₇₋₈), БМ (рис. 110₉), более значительно их количество на КЗ (рис. 110₁₁₋₁₇). Костяные проколки - обычная находка для всех раннеземледельческих памятников Кавказа.

Кочедыки - орудия с заостренным рабочим концом, сделанные из рога оленя (ВГ - рис. 100₂₃₋₂₅) или же кабаньего клыка (БМ) [Виноградов В.Б., 1981, рис. 77]. Одно из таких орудий, найденных на ВГ, имеет длину 27,5 см. На тупом конце косо пробито отверстие и сделана глубокая зарубка (рис. 100₂₃). Бельтинский кочедык (рис. 136₁₄₆) также имеет сквозное отверстие на тупом конце, а в нижней части - срез в виде крючка. Подобные орудия, правда, богато орнаментированные, известны на памятниках северокавказской культуры [Марковин В.И., 1960б, рис. 10₁₁₋₁₂]. Утилитарное их применение неясно: по мнению одних, их использовали в качестве инст-

румента для вязания сетей или плетения рогож; по мнению других, их применяли либо при ткацком станке, либо как выпрямители древков стрел; третьи рассматривают их как орудия для изготовления обуви или одежды [см.: Котович В.М., 1965, с. 119].

Иглы. Всего обнаружено 7 игл, и все в Дагестане (ВГ - рис. 102₁₋₆; ИРП-I - рис. 136₁₂₈). Костяные иглы не имеют территориальной и хронологической определенности, хотя и встречаются достаточно редко. По сечению стержня различаются 2 типа иглы: а) с подчетырёхгранным сечением (рис. 102₂) и б) с круглым сечением (наиболее распространенные).

Лоцила - так условно названа целая серия костяных изделий, которые, судя по следам сработанности, возможно, использовались в гончарном производстве [Котович В.М., 1965, с. 113, 121]. По форме их можно разделить на три типа. Тип 1 - небольшие по размерам изделия, изготовленные из ребер или обломков трубчатых костей крупного рогатого скота и имеющие удлинённую неопределённую форму. Найдены в Горном Дагестане на ВГ [Котович В.М., 1965, с. 113, рис. 45_{16,22-23}] и ИРП-I (рис. 97₂₃, 102₂₀₋₂₁). К этому типу близко и изделие, найденное на КЗ - рис. 110_{18a} [Марковин В.И., 1969а, с. 70, рис. 30₇], сделано оно из кости коровы. К 2-му типу лоцил мы относим условно несколько миниатюрных костяных лопаточек из ВГ (рис. 102₁₈₋₁₉), отличающихся законченностью формы. И наконец, тип 3 составляют костяные пластинки подпрямоугольной формы, происходящие опять же из ВГ (рис. 101_{2-5,7-9}). Одни из них сделаны из надкостницы трубчатой кости животного (рис. 101₂), другие - из лопатки барана (рис. 101₃), третьи - из ребер крупных животных. Одна из пластинок (рис. 101₃) имеет продольный гребень, удобный для удержания. Еще одна, наиболее длинная (9,5 см) пластинка снабжена отверстием на одном конце (рис. 101₇). В этом отношении к последней близка костяная пластина из склепа № 2 ЧМ (рис. 101₁), определенная Р.М. Мунчаевым как «привеска из кости с отверстием» [Мунчаев Р.М., 1958, с. 44, рис. 11₉].

Пряслица. К этой категории находок отнесены многочисленные костяные изделия, найденные как в Горном Дагестане (рис. 100₁₋₁₇), так и в Юго-Восточной Чечне (рис. 110_{18-22,25-26}). Наибольшее количество их (ок. 100 экз.) происходит с ВГ (рис. 100₁₋₄ и др.). Сделаны пряслица, как правило, из головок бедренных костей крупного и мелкого рогатого скота. В.И. Марковин в свое время предположительно высказался в пользу того, чтобы считать их «булавоподобными орудиями» [Марковин В.И., 1963б, с. 130], против чего возразила В.М. Котович [1965, с. 121].

Оригинальный вид орудий представляют т.н. *струги*, найденные на ИРП-I (рис. 102₂₂₋₂₃). Сделаны они из челюстей крупных животных. Например, по определению К.Н. Золотова, один из ирганайских стругов (рис. 102₂₃) изготовлен из нижней челюсти оленя. Рабочая часть стругов в виде треугольного выреза обычно бывает заполирована до блеска. Струги были скорее всего предназначены для обработки кожи (мездрение, волососгонка, разминание ремней). На Северо-Восточном Кавказе они встречались и на памятниках предшествующего времени - ранней бронзы (Тад-Шоб) и энеолита (Гинчи) [Гаджиев М.Г., 1987в, рис. 1₃₁, 1₄₈]. Подобные орудия труда, которых правильнее все же называть тупиками, изготовленные, как правило, из нижней челюсти КРС, часто встречаются на памятниках поздней бронзы Юго-Востоčno Европы [Усачук А.Н., 1996, с. 66-71].

На ИРП-I обнаружено большое количество фаланг крупных животных (рис. 101_{10,13}) с пробитыми насквозь отверстиями. Один из подобных предметов К.Н. Золотов определил как первая фаланга передней конечности зубра. Попадались экземпляры, у которых либо намечены отверстия, либо они пробиты до середины. Фаланги животных с отверстиями, хотя и не в таком изобилии, как на ИРП-I, попадают на многих поселениях Кавказа и степей эпохи энеолита и бронзового века. До сих пор неясно для чего использовались эти загадочные предметы. С.Н. Бибиков не исключал, что фаланги со сквозными отверстиями употреблялись в качестве застежек [Бибиков С.Н., 1953, с. 117]. По мнению К.Х. Кушнаревой, они могли использоваться в какой-то игре [Кушнарева К.Х., 1965, с. 79]. В.И. Никитин упоминает среди инвентаря катакомбного поселения на Ю. Буге - Матвеевки-I «астрал с отверстием..., использовавшийся в качестве зажима при лучковом способе добывания огня» [Никитин В.И., 1989, с. 146, рис. 8₁₇]. На наш взгляд, отсутствие концентрических следов изношенности в пазах отверстий говорит не в пользу последней версии. Кроме того при лучковом способе добывания огня зажим (или подпятник - по С.А. Семенову) не может иметь сквозного отверстия. Вполне вероятно, что фаланги использовались для добывания костного мозга. Одним словом, функциональное использование фаланг животных с пробитыми отверстиями пока не ясно. Требуется специальная работа, посвященная этому вопросу.

Завершает перечень костяных орудий труда муфта из рога оленя (рис. 136₁₄₇), найденная в погр. № 3 ГКМ [Марковин В.И., 1963б, с. 131].

Предметы вооружения, сделанные из кости, представлены в изучаемых памятниках очень бедно. Речь идет о двух наконечниках стрел с выделенным черешком и круглым в сечении отверстием (рис. 112₂), найденных

в погр. № 41 БМ [Виноградов В.Б., 1983а, табл. 45_{8, 10}], а также о целой серии двухперых длинночерешковых наконечников стрел, происходящих из ГМ (рис. 107₁) и ИМ (рис. 108₇₋₂₁). Все эти находки, интересные, в одном случае для определения датировки (БМ), в другом - для выяснения поздней фазы функционирования ГМ и ИМ, будут тщательно проанализированы в последующем.

Керамика. Среди керамических изделий, которые можно отнести к орудиям труда, главным образом, выделяется группа вещей, имеющих непосредственное отношение к бронзолитейному производству. В свое время В.М. Котович выявила на ВГ и хорошо описала этот комплекс находок: формочки (рис. 103_{1,2}), льячки (рис. 103_{3,4}), сопло (рис. 103₈), вкладыши для формочек (рис. 103_{5,6}). Кроме того в металлургический комплекс орудий были включены и описаны каменные ступки (рис. 103₉), различные песты и куранты (рис. 103₁₀₋₁₄). Сюда же относятся и остатки печи, около которой были обнаружены все эти предметы. Внимательное ознакомление с составом этого комплекса заставляет внести некоторые коррективы в представления о нем, уже устоявшиеся в литературе. Первым делом, выясняется, что предметы, которые В.М. Котович приняла за вкладыши, в самом деле являются *очажными подставками* цилиндрической или же подконусовидной формы. Об этом говорят обычные в таких изделиях каналы отверстий, по линии которых они разломались. Между прочим, в самом ВГ были обнаружены еще подобные находки, часть которых В.М. Котович (рис. 104₆, 105_{3,5}) сразу признала как «очажные подставки», других (рис. 104₇) же сперва назвала как ножки от посуды типа ваз, а потом переопределила как очажные подставки [Котович В.М., 1965, с. 181]. Надо отметить, что очажные подставки найдены на ВГ в самом нижнем слое. Ни на одном из других памятников средней бронзы Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни очажные подставки подобного типа не найдены. Аналогии им имеются на поселениях ранней бронзы в Дагестане [Гаджиев М.Г., 1983б, рис. 5₁, 9₂₇, 16₈₋₁₀]. Еще одним аргументом в пользу отнесения вышеупомянутых изделий к очажным подставкам, а не к вкладышам для литейных формочек, является слишком большой диаметр этих вещей, превышающий все возможные размеры отверстий проушин бронзовых топоров. Далее, не совсем правильно, по-нашему мнению, идентифицировано керамическое изделие в виде трубки (рис. 103₈). Как известно, сопла для специализированных бронзолитейных горнов бывают в виде конусовидных трубочек, а находка из ВГ цилиндрическая. Потом, размер этих изделий (восстановленный диаметр находки - ок. 8 см) явно превышает обычный размер сопла (ок. 4-5 см).

На ИРП-I в 1986-1990 гг. найдена серия находок (рис. 97_{25, 27}, 99₂₋₅), имеющих прямое отношение к бронзолитейному производству, в том числе обломки керамических лячек и тиглей для отливки бронзы. Поверхности последних, особенно тиглей, оплавлена, имеет стекловидное ошлакованное состояние. В нескольких случаях зафиксированы сильно окислившиеся «корольки» бронзы. Обломки лячек (рис. 97₂₇) имеют вид вытянутого слива с желобчатым каналом в верхней части. Орудие сверху покрыто слоем огнеупорной глины светло-желтого цвета. Все эти находки не оставляют сомнения, что на поселениях Горного Дагестана в эпоху средней бронзы существовало налаженное бронзолитейное производство. Что касается территории Юго-Восточной Чечни, то данных о бронзолитейных орудиях типа лячек или тиглей у нас нет, если не считать одной каменной подделки, найденной на БМ, которую В.И. Виноградов в отчете [1981, л. 38, рис. 77₂] отметил как «изделие из камня (литейная формочка ?)».

Металл. Металлических бронзовых орудий труда и предметов вооружения на изучаемых памятниках, в отличие от каменных и костяных, найдено в значительно меньшем количестве. Но этот факт не отражает в полной мере роль и значимость металлических изделий в орудийном комплексе, так как из-за дороговизны и редкости их мало теряли в древности, а испорченные образцы шли на переплавку. В номенклатуру орудий и оружия входят: шилья, иглы, ножи и кинжалы, наконечник копья, штык, топоры и наконечники стрел.

Шилья являются наиболее простыми из орудий труда; они широко известны с древнейших времен на памятниках Кавказа и прилегающих территорий. В Горном Дагестане их найдено 6 экз., из них - 4 на ВГ (рис. 102₁₃₋₁₆), остальные на ИРП-I (рис. 99₁). Три подобных изделия происходят из ГКМ (рис. 110₄₋₆). По сечению стержня шилья делятся на два типа: тип 1 - уплощенные (рис. 102₁₅₋₁₆, 110₄) и тип 2 - с подквадратным сечением (рис. 102₁₃₋₁₄, 110₅₋₆). Как правило, концы шильев острые; на один конец, по-видимому, закреплялась рукоять. Длина указанных шильев колеблется в пределах 5-10 см.

Иглы, также как и шилья, имеют широчайшее территориально-хронологическое распространение и практически однотипны. В Горном Дагестане они найдены на ВГ (рис. 102₇), ГМ (рис. 102_{8, 10-11}) и ГЛМ (рис. 102_{9, 11-12}); в Юго-Восточной Чечне: на ГКМ (рис. 110₁), МХ (рис. 110₂) и БМ (рис. 110₃).

Ножи и кинжалы. Функциональное назначение ножей и кинжалов (иногда их называют «универсальные клинки») всегда вызывает затруднения у специалистов. По форме и относительным пропорциям клинка различаются два типа: тип 1 - небольшие клинки-ножи листовидной формы (ИМ*

* В 1991 г. на ИРП-I также обнаружен подобный бронзовый клинок-нож (работы Г.Д. Атаева).

- рис. 108₄; ГКМ - рис. 112₃₋₅), некоторые из них вполне могли служить как наконечники дротиков; тип 2 - клинки-кинжалы удлиненной формы (до 20 см) с выделенным черенком (ВГ - рис. 107₂; ГКМ - рис. 112₈₋₉; БМ - рис. 112₁₀₋₁₂). По мнению В.М. Котович, верхнегунибский образец (рис. 107₂), судя по тому, как «у него прокован только рабочий конец и прилегающие к нему участки лезвия», мог применяться в качестве наконечника копья [Котович В.М., 1965, с. 137].

Ножи и кинжалы самых разных форм и размеров - обычные находки для памятников Кавказа и прилегающих территорий в эпоху бронзы. На Северо-Восточном Кавказе они широко известны как в эпоху ранней бронзы [Гаджиев М.Г., 1986а, с. 44, рис. 3₁₀₋₁₇], так и в эпоху средней бронзы [Магомедов С.М., 1974, с. 9-10, рис. 2₄₋₈].

На ВГ в древнейшем слое обнаружена редкая для древностей Северо-Восточного Кавказа находка - бронзовый штыковидный наконечник копья (рис. 107₃). Общая его длина - 26,3 см. Острие штыка и насад имеют четырехгранное сечение, соединены они через шейку с округлым сечением. Наиболее близкой аналогией верхнегунибскому штыку на Северном Кавказе является штыковидное орудие из бамутских курганов [Мунчаев Р.М., 1975, с. 396, рис. 73₃]. Котович В.М. [1965, с. 138], Гаджиев М.Г. [1986а, с. 43-44] и др. исследователи справедливо относят верхнегунибский штык к предметам вооружения переднеазиатского типа, получившим широкое распространение в эпоху ранней бронзы и в Закавказье [Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970, с. 125, рис. 42₈₋₁₁].

Бронзовые топоры в Горном Дагестане в эпоху средней бронзы пока не найдены, хотя они известны здесь в предшествующее время [Котович В.Г., Котович В.М., 1973]. В Юго-Восточной Чечне один топор обнаружен в комплексах ГКМ (рис. 112₆), а другой был случайно найден на территории МХ (рис. 112₇). Еще один топор, близкий гатынкалинскому, найден в сел. Дарго [Марковин В.И., 1963б, с.122; Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966, с. 97]. Гатынкалинский литой топор с широким лезвием и круглой выступающей втулкой имеет аналогии в Центральном Кавказе, на что обращал уже внимание В.И. Марковин [Марковин В.И., 1963б, с. 122]. Более подробный культурно-хронологический анализ топоров из ГКМ и МХ будет дан в главе V.

Уникальной находкой для Северо-Восточного Кавказа является бронзовый наконечник стрелы четырехгранной формы с длинным выделенным черешком из БМ (рис. 112₁). К этой находке мы также вернемся в последующем.

Условно к орудиям труда можно отнести и бронзовый стержень с крючком (спица?), найденный в ГМ (рис. 102₁₇).

§ 3. Украшения, принадлежности костюма, предметы культа и искусства

В этой части работы рассматриваются многочисленные находки, которые вызывают иногда затруднения у специалистов при определении их функциональной идентификации. В самом деле, одна и та же вещь может выступать и как украшение, художественное изделие, предмет искусства, и как деталь костюма, и как культовый символ, оберег, талисман [см.: Шилов Ю.А., 1995]. Поэтому мы и объединили все эти вещи, сознавая условность наших оценок в определении сущности тех или иных предметов, особенно связанных с духовным миром древних людей. Не зря же однажды пошутил Гордон Чайлд, сказав, что ритуальные предметы - это всего лишь «научное выражение того, что мы не знаем, для чего они предназначались» [Чайлд Г., 1956, с. 276].

Ниже мы даем номенклатурный список украшений и предметов культа, в основном придерживаясь изложения материала по категориям материала, из которого они сделаны.

Булавки. В настоящее время имеются булавки, изготовленные из кости (все они, за одним исключением, найдены на ВГ) и бронзы.

Костяная булавка с весловидным навершием, в центре которого имеется сквозное отверстие. Найдены 1 целая и 3 фрагмента от подобных булавок (ВГ - рис. 113_{1,4-6}). Аналогий нам не известно.

Костяная булавка с рифленным навершием (ВГ- рис. 113₃). Аналогий не известно.

Бронзовая булавка с биспиральной головкой. В Дагестане найдена 1 подобная булавка (ГМ -рис. 115₂), а в Юго-Восточной Чечне нам их известно 2 (МХ - рис. 122₁) и ДМ (рис. 122₂). Аналогии этим булавам широко известны на Кавказе, Передней Азии и Европе и др. [см.: Гаджиев М.Г., 1969б, с. 137-139].

Бронзовые булавки с навершием в виде щитка с биспиральными окончаниемми. В Дагестане известна только 1 такая булавка (ГЛМ - рис. 115₁), в Юго-Восточной Чечне их найдено намного больше - 6 булавок происходят из ГКМ (рис. 122_{3,7,9}), 1 булавка найдена в МХ (рис. 122₁₀) и 1 происходит из Ведено (рис. 122₈). Все они примечательны тем, что их спирально закрученные «рога» отходят от широкой расплюсченной лопасти круглого стержня булавки, имеющей подтреугольную форму. Этот признак позволяет выделить их в особый тип среди большой группы биспиральных булавок бронзового века, происходящих из Европы, Ближнего Востока, Передней Азии, Кавказа и других регионов. Происхождение булавок данно-

го типа некоторые исследователи рассматривали на общем фоне генезиса биспиральных булавок, не выделяя их особо [Марковин В.И., 1960а, с. 95-96; Техов В.Б., 1977, с. 36-37]. Между тем, линия их развития представляется несколько другой, нежели у рогатых булавок, навершие которых, отходит прямо от конца круглого стержня (рис. 115₂, 122_{1, 2}). Последние имели более широкое распространение и бытовали, в основном, в эпоху ранней бронзы [Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970, с. 127-128; Гаджиев М.Г., 1969б, с. 138], но встречаются спорадически и на памятниках средней бронзы [Деген Б.Е., 1941, с. 249, рис. 34₂; Гаджиев М.Г., 1969б, с. 137, рис. 27₈; Ошаев М.Х., 1982, рис. 1₁₁]. Что касается двуволютных булавок из ГКМ, ГЛМ и др., то имеющие материалы позволяют выводить их от известных булавок с полукруглым навершием, оканчивающимся двумя волютами, распространенных в Закавказье в III тыс. до н.э. [Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970, с. 127, рис. 43_{2,4,11}]. В дальнейшем они проникают на Северный Кавказ (находки в могильнике ГКМ - рис. 122₁₈; в местности Тарнаир около гор. Махачкалы и т.д.) [Марковин В.И., 1957, с. 122-123, рис. 51₃; 1960б, рис. 27₃; 1963б, с. 124]. Форма булавок претерпевает изменения: полукруглый верх навершия приобретает вырез треугольной формы, в силу чего волюты напоминают закрученные «бараньи рога». Это хорошо видно, например, на булавке из могильника Кабардинский парк [Деген Б.Е., 1941, с. 249, табл. X, 2]. Окончательное развитие булавок данного типа получают уже вне пределов Северо-Восточного Кавказа - на Центральном Кавказе, где они в эпоху поздней бронзы становятся очень массивными, на рогах и щитках навершия появляется пунсонный орнамент [Крупнов Е.И., 1951, с. 56-59; Техов В.Б., 1977, с. 35-37]. Впрочем, возможен и другой путь происхождения булавок анализируемого типа. Из Алишар-Хуюка (Анатолия) и Луристана (Иранское Нагорье) происходит несколько булавок более раннего времени, удивительно напоминающих наши образцы [Schaeffer Cl., 1948, p. 324, fig. 195₂₂₋₂₈; p. 486, 488, fig. 267_a]. Может быть, они и были прототипами северокавказских булавок, но вопрос это остается открытым до дальнейшего накопления фактов.

Бронзовая булавка с полукруглым верхом и спирально закрученными завитками. Навершие одной такой булавки найдено в ГКМ (рис. 122₁₈). Анализ таких булавок и их соотношения с булавками других типов дан выше.

Бронзовая булавка с сильно расплюснутым навершием и завитками в неполный оборот. Найдена в одном экз. в ГМ (рис. 115₃). На навершии имеется отверстие. По некоторым морфологическим особенностям («пластинчатое навершие и завитки в сочетании со сквозными отверстиями») М.Г. Гаджиев выделил ее как местный дагестанский вариант биспираль-

ных булавок [Гаджиев М.Г., 1964а, с. 187-188]. Близкие аналогии этой булавки имеются в Грузии (Триалети - XXII курган в Цалке [Жоржикашвили Л., Гогодзе Э., 1974, с. 56, табл. 45₃₂₈], Бедени [Гобеджишвили Г.Ф., 1980, табл. XXXVIII, 3-7]), но они сделаны в биметаллическом варианте (медь-золото) и еще отличаются наличием декора на навершии.

Бронзовые булавки с навершиями в виде полукруга с отверстием в середине и опущенными вниз краями. В Горном Дагестане 3 подобные булавки найдены в склепах ГМ (рис. 115_{4,6}) К ним близка еще одна булавка из этого же могильника (рис. 115₇) у которой полукруглое навершие имеет плоские края. Все булавки орнаментированы чеканным способом. Из сел. Никар Тляратинского р-на Дагестана происходит бронзовая булавка (рис. 115₈) анализируемого типа, но она отличается от всех других отсутствием орнамента (хранится в фондах Госмузея Грузии). М.Г. Гаджиев сопоставляет все эти булавки с раннекобанскими образцами, но считает, что «точные аналогии им за пределами Дагестана не известны», а происхождение их ведет от булавок с роговидными завитками [Гаджиев М.Г., 1964а, с. 188]. Эволюция форм этих булавок мыслится им как постепенное уменьшение, а затем и исчезновение завитков. С этим, наверное, можно согласиться. Для Чечни также булавки не характерны. В БМ обнаружена поделка в виде навершия булавки с полукруглым верхом, опущенными вниз краями; авторы раскопок считают, что она «по форме приближается к булавкам из Гинчинского могильника», хотя «полных аналогий ... неизвестно» [Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1986, с. 18]. На наш взгляд, в данном случае перед нами вторичное использование навершия булавки в качестве подвески, - об этом говорит загнутость расплющенного края щитка в «трубочку» (сама «трубочка» полностью не сохранилась). Подвески в виде полукругов с опущенными или же завернутыми в спираль краями известны в неопубликованных комплексах Чиркейского курганного могильника и Янгикента.* Два подобных украшения, сделанные из золота, были недавно случайно найдены при земляных работах в сел. Новый Кафыр-Кумух.

По-видимому, такими же подвесками являются и близкие им поделки из Каякента, Маджалиса, Махачкалы, трактовавшиеся опять же как полукруглые навершия булавок с опущенными вниз краями [Котович В.Г., 1982, с. 61-62]. Что касается находки из Каякента, М.Г. Гаджиев указывал на ее возможное вторичное использование в качестве подвески [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 139-140].

Бронзовые булавки с дисковидными навершиями - один из характерных типов украшений изучаемых памятников. В ГМ найдено 4 булавки

* Раскопки М.С. Гаджиева, 1985 г.

этого типа (рис. 115₉₋₁₁). Больше их найдено в Чечне: из БМ происходит 4 экз. (рис. 122₁₃₋₁₅) [Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1986, с. 18, рис. 3₁₋₂; см. также: Виноградов В.Б., 1978]; еще раньше в ГКМ были найдены 2 целые булавки (рис. 122₁₁₋₁₂) и верхняя часть еще от одной булавки (рис. 122₁₇) [Марковин В.И., 1956, рис. 364₄]. Общими чертами всех этих булавок является отверстие в центре диска, а также сложный пунсонный орнамент на последнем. Исключение составляет одна миниатюрная булавка из ГМ (рис. 115₉), лишенная орнамента. Интересно, что очень близкая ей булавка, правда, костяная, известна из Кяхулайского кургана [Смирнов К.Ф., 1951, рис. 1₅]. М.Г. Гаджиев считает ее (наряду с верхнегунибской костяной булавкой с весловидным навершием) прототипом гинчинским бронзовым булавкам с дисковидным навершием [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 142]. Включение в этот ряд булавки из ВГ вполне приемлемо, так как и среди бронзовых булавок встречаются экземпляры, у которых навершие не круглое, а немного вытянуто яйцевидное (рис. 115_{10,12}, 122₁₁₋₁₂). Булавки с дисковидной головкой известны и за пределами Северо-Восточного Кавказа. Например, они входят в состав бронзовых украшений Северной Осетии [МАК, 1900, с. 225, табл. XXXVII, 5-7] и Юго-Осетии [Техов Б.В., 1977, с. 37-38, рис. 39]. На территории Кабардино-Балкарии они очень редки [Кореневский С.Н., 1984, с. 265, рис. 11₅, 18, 24]. Имеются они в нескольких экземплярах и в коллекциях металла знаменитых беденских курганов [Гобеджишвили Г.Ф., 1980, рис. 10-11], где они по некоторым данным использовались как шпонки на колесах повозок [Гобеджишвили Г.Ф., 1971б, с. 372-373]. Бросаются в глаза ощутимые различия булавок с дисковидными навершиями, найденных на Северо-Восточном Кавказе от подобных из Центрального Кавказа и некоторых районов Закавказья. Различия эти выражаются в размерах булавок, орнаментации дисков, присутствии отверстий и их местоположении на них и т.д.

Браслеты. По типу материала, из которого изготовлены, браслеты делятся на две группы: а) костяные и б) металлические.

Костяные браслеты обнаружены лишь на одном памятнике - ВГ (рис. 114₇₋₁₀). Правда, речь идет не о целых экземплярах, а о фрагментах, относящихся к 4-м браслетам. В одном случае (рис. 114₁₀) браслет практически полностью реконструируется: сделан он из тонкой реберной пластины мелкого рогатого скота, края округлены и имеют по одному отверстию, сквозь которое шнурком браслет закреплялся на запястье (возможно, и на щиколотке). Внешняя сторона браслета орнаментирована тремя рядами парных циркульных окружностей. Такой же орнамент в сочетании с треугольными противолежащими вырезами мы видим на обломке еще одного брасле-

та (рис. 114₃). Третий браслет, от которого мы имеем опять же один фрагмент, отличается узором: продольные края окантованы своеобразным зигзагом, заключенным между двумя противоположными рядами треугольных вырезов (рис. 114₇). Отметим, что фрагменты последних двух браслетов найдены на ВГ в 1964 г. и не вошли в известную монографию В.М. Котович. Прямые аналогии верхнегунибским костяным браслетам нам неизвестны, если не считать удивительно похожих на них украшений ленгильской культуры (территория Польши), но последние относятся к слишком раннему времени (неолит) [Богущий П., Грыгель Р., 1983, с. 78-79, рис. в].

Металлические (бронзовые) браслеты делятся на два типа: а) в 1 и 1,5 витка и б) многовитковые (до 5-6 витков). *Бронзовые браслеты с 1-м и 1,5 витками* в Горном Дагестане найдены в ЧМ (рис. 116₁) и ГМ (рис. 116₈₋₁₂); есть они и в Чечне - ГКМ (рис. 123₁₁₋₁₂), БМ [Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1986, с. 18]. *Бронзовые многовитковые браслеты* наиболее характерны для изучаемых памятников. В Дагестане они известны на таких памятниках, как ГМ (рис. 116₁₃₋₁₄), ГЛМ (рис. 116₂₋₆). В Чечне подобные браслеты найдены в комплексах ГКМ (рис. 123_{15, 18}), БМ (рис. 123_{9, 13}), МХ (рис. 123₁₉) и др. Браслеты обоих типов сделаны из бронзовых пластин или же прута с округлым, сегментовидным и треугольным сечениями. Аналогии спиральным многовитковым браслетам за пределами Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни мы находим в Ингушетии (Эгикал - рис. 126_{18, 20}), Северной Осетии [Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980, рис. 7₂₋₃, 10, 13 и др.; Кузнецов В.А., 1980, с. 55, рис. 3₁₋₂], Кабардино-Балкарии [Деген Б.Е., 1941, с. 263, рис. 58₃]. В эпоху ранней бронзы они известны и в Закавказье [Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970, с. 127, рис. 43₂₃₋₂₄] на памятниках куро-аракской культуры. В позднее время многовитковые браслеты обычны для кобанской культуры, а для каякентско-хорочоевской культуры они не свойственны. Браслеты одновитковые в Дагестане распространяются с эпохи ранней бронзы. Таковы многочисленные браслеты из Великента, но они отличаются своими специфическими особенностями (утолщения на концах и в середине). С браслетами из Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни они сближаются тем, что в подавляющем большинстве изготовлены из прута с округлым сечением. В ГКМ есть браслет (рис. 123₁₂) схожий, кстати, с великентскими наличием расширенного щитка в середине. Одновитковые браслеты каякентско-хорочоевской культуры отличаются массивностью [Марковин В.И., 1969а, с. 62-65].

Наиболее многочисленной и многообразной категорией украшений являются подвески. В первую очередь, речь идет о металлических украшениях, которые подвешивались или привязывались к костюму, скорее всего к головному убору, а также мочкам ушей.

Бронзовые очковидные (биспиральные) подвески - оригинальные украшения, известные на Кавказе в эпоху бронзы в основном на территории Дагестана. Из изучаемых памятников одна подобная подвеска найдена на ГЛМ (рис. 117₂₉). Из Горного Дагестана происходит еще одна подвеска [Исаков М.И., 1966, с. 68, табл. 3₃] (рис. 117₃₀). Аналогичные подвески имеются в комплексах средней бронзы из различных погребений Манасского могильника [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, с. 200, рис. 3а₁₅, 15_{16,20}; Федоров Г.С., 1977, с. 23, табл. 1₈]. Очковидные подвески бытовали в Дагестане и в эпоху ранней бронзы, свидетельством чего являются их находки в одном из древнейших горизонтов Геме-Тюбе II [Гаджиев М.Г., 1987, рис. 2₃₀], на Чиркейском поселении Тад-Шоб [Гаджиев М.Г., 1983б, с. 20, рис. 9₁₁], Карабудахкентском 2-м могильнике [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1959, с. 151, рис. 7₄]. За пределами Кавказа очковидные подвески найдены в Польше на памятниках ленгильской [Богущий П., Грыгель Р., 1983, рис. 6 на с. 79] и лендельской [Жухаренко Ю.В., 1969, табл. VIII, 11; XVIII, 10] культур, на различных памятниках почапского типа в верховьях Западного Буга [Свешников И.К., 1973, с. 20, рис. 4₆], среднеднепровской [Артеменко И.И., 1967, с. 35, рис. 22_{1,2}], фатьяновской [Крайнов Д.А., 1972, с. 162-163, рис. 53₁₂₋₁₃; Гадзяцкая О.С., 1976, табл. XXXII, 12] и абашевской [Бадер О.Н., 1970, рис. 14₂] культур. Вопрос о соотношении дагестанских и европейских очковидных подвесок очень сложен. Примечательно, что некоторые исследователи считают прототипами подобных украшений именно дагестанские образцы [Артеменко И.И., 1967, с. 35]. По мнению М.Г. Гаджиева, обнаружение биспиральных подвесок, аналогичных дагестанским, на широкой территории Восточной Европы «свидетельствует, по-видимому, о существовании в рассматриваемое время каких-то европейско-кавказских культурных связей, осуществлявшихся минуя Закавказье и Восточную Анатолию» [Гаджиев М.Г., 1986, с. 45]. В этой связи интересно, что биспиральные подвески известны и по материалам Анатолии (Троя II - [Чайлд Г., 1952, с. 77]) и Ирана (Гиссар II и III - [Schmidt E., 1933, p. 380; Schaeffer Cl., 1948, fig. 239₆]).

Бронзовые височные подвески с одним щитком в виде лаврового листа являются довольно редкой формой бронзовых украшений. На Северо-Восточном Кавказе помимо ГЛМ, где их найдено наибольшее количество -

16 экз. (рис. 118₅₈₋₇₁), они известны в комплексах ГМ (рис. 118₄₉₋₅₃), Великента (катакомбы №№ 2, 8), а также Серженьюрта [Мунчаев Р.М., 1962, с. 186, рис. 2₄]. Похожие подвески имеются и в Закавказье. Например, несколько подобных подвесок найдено на могильнике эпохи средней бронзы у сел. Цагвли Хашурского района Грузии [Рамишвили А., 1980, с. 66, табл. XL, 5]. От галгалатлинских подвесок они отличаются тем, что пластинчатый конец украшен рельефным пунктиром, а проволочный - продет в конец щитка. Серебряные подвески из триалетского кургана XXII (вторая половина III тыс. до н.э.) носят более архаичный облик [Жоржикашвили Л., Гогадзе Э., 1974, с. 12, 56, табл. 45₃₂₉]. Подвески с щитком наиболее характерны для целого ряда археологических культур эпохи средней бронзы Центральной - нитранская группа в Словакии (Тошк А, 1963, рис. 241₄, 242-245), Юго-Восточной - культура Монтеору в Румынии [Gimbutas M., 1965], и Восточной Европы - унетичкая культура и культура шнуровой керамики в Польше [Кухаренко Ю.В., 1969, табл. XVI, 5; XVII, 3], памятники почапского типа в верховьях Западного Буга [Свешников И.К., 1973, с. 21, рис. 4₁₇], фатьяновская культура [Гадзяцкая О.С., 1976, с. 68-70, табл. XXXII, 5] и др. Хотя височные подвески из упомянутых культур и имеют орнамент в виде продольных реберчатых граней, желобков, бороздок и т.д., среди них часто попадаются и чрезвычайно близкие дагестанским, в частности, галгалатлинским, образцам. В настоящее время трудно сказать, какое отношение имели европейские подвески со щитком к таковым из Дагестана. Вполне возможно, что прототипами кавказских украшений подобного рода послужили близкие по форме подвески из слоев II и III Трои, датируемых Шеффером 2400-2100 гг. до н.э. [Schaeffer Cl., 1948, p. 224, fig. 165₃, tabl. VI].

Бронзовые височные подвески из тонкой пластинки в виде широкой лопасти с загнутым узким концом для подвешивания в какой-то мере близки к украшениям предыдущего типа. Отличия между ними - в характере оформления подвешивающей части. Однолопастные подвески с загнутым узким краем для подвешивания найдены в склепах ГМ (рис. 118₅₄₋₅₆) и ЧМ (рис. 118₅₇). На наш взгляд, подвески этого типа возникли в ходе вторичного использования двухлопастных подвесок в 1,5 оборота, о которых пойдет речь ниже. Возможен и другой вариант их возникновения - эволюционное развитие лавролистных подвесок.

Височные подвески в 1,5 оборота из округлого бронзового стержня с заходящими друг за друга расширенными и заостренными концами - один из наиболее распространенных типов подвесок. Они широко представлены на памятниках Горного Дагестана (рис. 118_{1,47}) и Юго-Восточной Чечни

(рис. 124₁₋₂₉). По форме различаются подвески округлой и овально-вытянутой формы. И те и другие появляются очень рано, долго сосуществуют, хотя и считается, что округлые архаичнее овально-вытянутых. Подвески из круглого стержня в 1,5 оборота имеют широчайшее распространение на Кавказе и прилегающих территориях на всем протяжении бронзового века. Уловить хронологические привязки в их развитии - дело пока что безнадежное, хотя иногда и делаются такие попытки [Ростунов В.Л., Хашегульгов Б.М., 1985, с. 41-55].

Височные двухлопастные подвески в 1,5 оборота из тонкой пластинки с суженой частью в перегибе для подвешивания также очень характерны для изучаемых памятников Горного Дагестана (рис. 117₁₋₈) и Юго-Восточной Чечни (рис. 124₃₇₋₃₉ и др.). Такие подвески считаются наиболее специфичными для памятников каякентско-хорочоевской культуры, но как видим, появление их следует отнести к предшествующим ей временам. В свое время Б.А. Куфтин генезис двухлопастных височных подвесок возводил ко времени Ура [Куфтин Б.А., 1949, с. 34-35], в последующем эту точку развивал и В.Г. Котович [1982, с. 59-60].

Бронзовые подвески-стержни с утолщениями на одном конце и ушком на другом найдены в горной части Северо-Восточного Кавказа очень мало. В Дагестане три такие подвески имеются в коллекции украшений ГМ (рис. 117₂₁₋₂₄) и 1 - ГЛМ (рис. 117₂₅). Последняя подвеска отличается перевитостью стержня. Редки такие украшения и в Юго-Восточной Чечне (рис. 124₅₇). Подвески-стерженьки с утолщением на конце, в том числе перевитые в виде шнурка, широко распространены на Северном Кавказе в материалах северокавказской к.и.о. [Марковин В.И., 1960б, с. 97, рис. 46; Кореневский С.Н., 1984, рис. 15-17; Нечитайло А.Л., 1978, с. 96, рис. 39]. Встречаются они, впрочем, часто и в комплексах других степных культур юга Восточной Европы (катакомбная, предкавказская и др.). Наверное, прав В.И. Марковин, когда критиковал В.А. Сафронова за его попытку «устойчиво» сочетать украшения этого типа «в древностях Кавказа с бронзовыми молоточковидными булавками и кольцевидными бляхами» [Марковин В.И., 1976, с. 196; см. также : Сафронов В.А., 1974, с. 87].

Бронзовые подвески ложечковидной формы, хотя и встречены на изучаемых памятниках (Дагестан - рис. 117₂₆₋₂₈; Юго-Восточная Чечня - рис. 124₅₃₋₅₆), но являются более характерными для северокавказской к.и.о. [Марковин В.И., 1994г, с. 282; Кореневский С.Н., 1984, рис. 15-18].

Бронзовые подвески-медальоны ложечковидной формы единичны. Одна такая подвеска-медальон происходит из разрушенного погребения ГКМ (рис. 124₄₀) [Марковин В.И., 1956, рис. 364₅]. В Горном Дагестане к:

таким украшениям относится «медная полушарная подвеска, изготовленная из спирально свернутой проволоки» [Котович В.Г., 1961а, с. 28, рис. 18₁₀], найденная на могильнике Гоно (рис. 117₂₀). Подвеска-медальон такого типа была найдена и в заполнении входного колодца катакомбы № 8 на Великентском могильнике. Аналогии этим украшениям известны в погребальных комплексах северокавказской к.и.о. [Батчаев В.М., 1984, рис. 25₅].

На изучаемых памятниках найдены подвески-медальоны и других типов:

Бронзовые подвески-медальоны лисковидной формы: Горный Дагестан (ГМ - рис. 117₁₂), Юго-Восточная Чечня (ГКМ - рис. 124₄₇₋₄₉).

Бронзовые подвески-медальоны лисковидные двусоставные: ГЛМ (рис. 117₁₇). В Чечне не найдены.

Бронзовые подвески-медальоны кольцевидные: Горный Дагестан (ГМ - рис. 117_{11, 13-14}), Юго-Восточная Чечня (ГКМ - рис. 124_{41, 43-44, 52}; БМ - рис. 124₄₈).

Бронзовые подвески-медальоны кольцевидные с вертикальной перекладной: Горный Дагестан (ГМ - рис. 117₁₅; ГЛМ - рис. 117₂₁); Юго-Восточная Чечня (ГКМ - рис. 124_{42, 45-46}; БМ - рис. 124₅₁).

Бронзовые подвески-медальоны кольцевидные с крестовиной: одна случайная находка известна из сел. Гонода Гунибского района Дагестана (рис. 117₁₆).

Бронзовые подвески-медальоны с несколькими прорезями на сердцевидном диске: Горный Дагестан (ГЛМ - рис. 117₁₈₋₁₉), Юго-Восточная Чечня (МХ - рис. 124_{52а}).

Бронзовые подвески-медальоны самых различных форм и размеров широко распространены на Северном Кавказе в эпоху средней бронзы [Марковин В.И., 1960б, с. 97; он же, 1994г, табл. 77_{10-11, 18, 78_{9, 13-14, 79_{17-18, 36-38}} и др.; Нечитайло А.Л., 1978, с. 95; Корневский С.Н., 1984, рис. 12, 15-16, 18, 24) и справедливо считаются одними из специфических украшений северокавказской к.и.о. Встречаются они и на других территориях (Маныч, Дон, Ингул и др.), попав туда, по-видимому, в качестве импорта с Северного Кавказа [см.: Нечитайло А.Л., 1991, с. 85]. До недавнего времени количество подобных украшений на Северо-Восточном Кавказе было незначительным. В великентских катакомбах теперь уже известно несколько десятков их, причем среди них есть и дисковидные, и кольцевидные, и кольцевидные с крестовиной [Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984, с. 15, рис. 6₁₋₁₁]. Великентские медальоны отличаются необычно большими размерами по сравнению с находками аналогичного типа из}

Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни. По наблюдениям А.Л. Нечитайло, дисковидные медальоны более древние, чем кольцевидные и их разновидности [Нечитайло А.Л., 1978, с. 69; 1991, с. 85].

Бронзовые конические подвески (иногда их называют «колпачками») обычно считаются характерными только для каякентско-хорочоевской культуры. Спорадически они встречаются и на более ранних памятниках. В Юго-Восточной Чечне в БМ их найдено 14 экз. [Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1986, с. 19]. Некоторые из них орнаментированы пунсонным узором (рис. 123₈). Близка к подобным находкам и подвеска из ГМ (рис. 117₉). Особенностью последней является оформление ушка для подвешивания в виде горизонтального отверстия на узком конце, тогда как у других подвесок обычно для этой цели оставляют вертикальное отверстие в торце при сворачивании подвески из бронзовой пластинки.

Бронзовые полушарные колпачки характерны только для Северо-Восточного Кавказа. Из анализируемых памятников они найдены в ГМ (рис. 119_{45-46, 48}) и ЧМ (рис. 119₄₇) в Горном Дагестане; ГКМ (рис. 123_{3,5}) и БМ (рис. 123_{6,7}) - в Юго-Восточной Чечне. Аналогии им известны в ранних комплексах Миатлы [Канивец В.И., Березанская С.С., 1959, табл. I, 17, 18], но особенно много в древностях каякентско-хорочоевской культуры [Марковин В.И., 1969а, с. 67, рис. 26₁₀₋₁₅]. Дагестанские колпачки характеризуются отсутствием орнамента, в то время, как образцы из Юго-Восточной Чечни декорированы пунсонным узором в виде расходящихся от центрального отверстия лучей.

Бронзовая литая полушарная бляха с двумя отверстиями в верхней части и богато украшенная рельефным геометрическим орнаментом (рис. 136₃₃₄), найдена случайно в сел. Согратль [Марковин В.И., 1960б, рис. 15₂₈]. Одна такая бляха обнаружена и в катакомбе № 1 Великентского могильника [Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 15-16, рис. 6₁₂]. Как известно, подобные предметы, которые В.И. Марковин склонен считать как принадлежность конской сбруи [Марковин В.И., 1960б, с. 96], наиболе характерны для памятников северокавказской к.и.о. [Марковин В.И., 1994г, с. 282, табл. 77₂₄, 80₃₂].

Среди украшений эпохи средней бронзы изучаемого региона выделяются различные пронизки, впрочем объединяемых между собой скорее общим названием, чем типологическими особенностями:

Бронзовые спиральные пронизки наиболее характерны для памятников Горного Дагестана (рис. 119_{1,24}). Изготовлены они из металлической ленты различной ширины и в свернутом виде длина их доходит до 6-7 см

(рис. 119₂₃). На памятниках средней бронзы в Юго-Восточной Чечне, насколько известно, они не найдены. В Дагестане такие пронизки встречаются в это и предыдущее время на памятниках предгорной и равнинной зон. Для примера можно привести огромное количество спиралей из великентских катакомб [Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984, с. 17, рис. 7₃₈₋₄₄]. Спирали встречаются и на других территориях Кавказа: например, они представлены в коллекциях северокавказской к.и.о. [Корневский С.Н., 1984, рис. 16₂₄].

Бронзовые трубчатые пронизки, найденные на памятниках Горного Дагестана, распределяются на: а) *орнаментированные* (рис. 119₃₁₋₃₅); б) *гофрированные* (рис. 119₂₆₋₃₀) и в) *гладкие* (рис. 119₂₅). Все они литые, длина колеблется в пределах 1-3 см. Аналогичные пронизки имеются и на некоторых памятниках Юго-Восточной Чечни (ГКМ - рис. 125_{81, 86}; ДМ - рис. 125₈₇₋₈₈). Большое количество пронизок подобных типов найдено в миатлинских курганах [Канивец В.И., Березанская С.С., 1959, табл. IV, 1; Костюченко И.П., 1959, табл. I, рис. 9]. Надо сказать, что эти пронизки существенно отличаются от пронизок с манжетовидными окончаниями и пышным литым узором, происходящими из Утáмыша [Котович В.Г. и др., 1980, с. 48, рис. 5_{9,13}], Великента [Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984, с. 17, рис. 7_{25, 37}] в Дагестане, а также многочисленных памятников Северной Осетии [Тменов В.Х., 1980, с. 17, рис. 3₄₋₁₀], Кабардино-Балкарии [Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984, рис. 29₁₈₋₁₉; Мизиев И.М., рис. 11₁₂₋₁₅; Батчаев В.М., 1984, рис. 25₁₂₋₁₅] и других районов Северного Кавказа.

Бронзовые пронизки «В» - образного типа с двумя параллельными отверстиями обнаружены в Горном Дагестане только на одном памятнике ГЛМ (рис. 119₃₆₋₄₄). Щиток пронизки, припаянный к «В»-образно свернутой пластинке, украшен «зернью» и двойной «эгейской» спиралью. Прямые аналогии этим украшениям в древностях Кавказа нам не известны. «В» - образные пронизки другого облика, в том числе орнаментированные, найдены в незначительном количестве в Юго-Восточной Чечне (рис. 125₈₃₋₈₅). В Дагестане они найдены и в комплексах Миатлы [Костюченко И.П., 1959, табл. I, 10; II, 16-17; рис. 9₁₋₂]. Подобные украшения наиболее характерны для памятников средней бронзы Северного Кавказа, особенно относящихся к северокавказской к.и.о., где они встречены в большом количестве и видовом разнообразии.

Практически рассмотрены все типы украшений, сделанных из металла. Остаются бронзовые бусы, но о них речь пойдет при анализе категории бус.

Рассматривая такие украшения и принадлежности костюма, как бублавки и браслеты, мы уже говорили и о немногочисленных поделках из кости. Теперь проанализируем остальные находки из кости.

Костяные подвески в виде стержня с колечком - оригинальный тип украшений. Всего таких находок 4, три из них происходят из ГКМ (рис. 125₆₈₋₇₀), одна - из ГМ (рис. 117₁₀). Стержни всех подвесок оканчиваются одним отверстием. У гинчинской подвески в отличие от остальных отверстие для ушка сделано поперек продольной оси большого колечка. Другие аналогии костяным подвескам в виде стерженька с колечком на Северном Кавказе нам неизвестны; в какой-то мере с ними сближаются подвески из бассейна р. Гянджа (Азербайджан), найденные на памятниках второй половины II тыс. до н.э. [Нариманов И.Г., 1958, табл. 3₄].

Костяная пряжка зооантропоморфного (?) типа. В ИМ (курган, склеп № 1) в 1988 г. найдена костяная пряжка (рис. 121₂₃) [Магомедов Р.Г., 1990, с. 44-49, рис. 1]. Сделана она из корковой части концевого отростка оленьего рога*; представляет собою круглое кольцо с внешним диаметром 2,3 см, от которого вниз отходят два небольших полукруглых выступа-отростка, а вверх - своеобразный щиток с вогнутыми боками. Щиток от кольца выделен желобчатыми вырезами. Верхняя часть щитка ступенчато отделена и имеет два близкорасположенных отверстия. Задняя сторона поделки гладкая и заполированная до блеска. Заполированы и внутренние поверхности маленьких отверстий и большого кольца. Общая длина изделия - 4,5 см. На наш взгляд, данная вещь использовалась как пряжка. Она пришивалась на поясной материал через два маленьких отверстия, а кольцо использовалось для застегивания другого конца пояса. На Северо-Восточном Кавказе эта находка практически уникальна**. Здесь в древностях эпох ранней, средней и поздней бронзы костяные пряжки как категория находок пока что отсутствуют. С ирганайской пряжкой очень хорошо сближается пряжка, которая происходит из катакомбного захоронения кургана 34 группы Чограй VIII в Ставропольском крае [Андреева М.В., 1986, с. 231-234, рис. 3-4). Чограйская пряжка имеет явно выраженный зооантропоморфный облик. Ирганайскую находку можно считать сильно стилизованной репликой ей. Общее, что объединяет обе пряжки - это наличие кольца, выступающие к низу отростки (у чограйской к двум отросткам добавлено и фаллическое изображение), щиток в верхней части, заполированность некоторых мест. Чограйскую фигурку, как и весь погребальный комплекс, в котором она обнаружена, М.В. Андреева склонна по некоторым косвенным

* Определение палеозоолога К.Н. Золотова.

** Обломок подобной пряжки, орнаментированной циркульным врезным узором, в 1991 г. найден Г.Д. Атаевым на ИРП-I.

данным связать с позднекатакомбным (конец средней бронзы) временем [Андреева М.В., 1986, с. 234]. Помимо чисто «утилитарного» назначения пряжки, автор не исключает и ритуального ее использования. Близкая аналогия ирганайской и чограйской пряжкам нам известна и с территории Северной Осетии (из письма В.Л. Ростунова к автору). В какой-то мере с ними можно сопоставить также фигурные поясные пряжки культуры многоваликовой культуры, найденные в небольшом количестве в Приазовье [Гершкович Я.П., 1986, с. 132-136, рис. 2-5; Магомедов Р.Г., 1990, с. 46, 48, рис. 2].

Сравнительно мало представлена группа находок из кости, которые можно отнести к колечкам. Среди них различаются:

Костяные колечки цилиндрической формы. Найденны 3 экз. (ВГ - рис. 114_{13,15}; ГМ - рис. 114₁₁) в Дагестане и 1 колечко в Чечне (МХ - рис. 125₆₀). Изготовлены они из трубчатых костей мелкого рогатого скота. Внешняя поверхность сильно заполирована. В Дагестане подобное костяное колечко обнаружено еще на Сигитминском поселении эпохи ранней бронзы [Гаджиев М.Г., 1983б, с. 27, рис. 13₇]. В Великентском могильнике имеются цилиндрические кольца из гагата. Аналогии костяным колечкам данного типа довольно часты в древностях культур степного облика, в частности, катакомбных культур эпохи средней бронзы. Интересно, что на ВГ обнаружен срез трубчатой кости животного (рис. 100₂₆), который, возможно, был предназначен для приготовления колечка цилиндрической формы.

Костяное колечко уплощенной формы. Найдено на ВГ (рис. 114₁₄). Нижняя сторона кольца плоская, верхняя - округлая. Подобного типа колечко было обнаружено и на Манасском могильнике [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, рис. 5₁₄].

Помимо костяных, найдено несколько колечек и из других материалов: камня (ВГ - рис. 114₁₂), раковины (МХ - рис. 125₅₉).

А теперь рассмотрим еще одну небольшую, но выразительную группу находок - подвески. Возможно, одна часть этих предметов использовалась как своеобразные амулеты, а другая - использовалась в качестве бус-разделителей в ожерельях.

Подвески из камня. Найденны на ВГ (рис. 120_{132, 135, 137-138}) и ГМ (рис. 120₁₃₆). Одна из этих подвесок имеет кольцевую желобчатую нарезку в середине (рис. 120₁₃₂), у остальных же в верхней части просверлены отверстия для подвешивания. Поделки из камня с отверстиями для подвешивания широко известны на Кавказе и других территориях на протяжении всего бронзового века.

Подвески из сердолика. Имеют треугольную форму с плоскими гранями. Найдены в ГМ (рис. 119₇₃₋₇₉); есть они и на памятниках Юго-Восточной Чечни - БМ (рис. 136₂₃₉) и др.

Подвески из гагата. Целая серия из гагатовых подвесок происходит из ГМ (рис. 119_{61-70, 72, 80-82}). Большая часть их имеет биконическую форму. Аналогичные подвески есть в комплексах ранней и средней бронзы Великентского катакомбного могильника I.

Подвески из раковин. Для памятников бронзового века Северо-Восточного Кавказа подвески в виде каспийских раковин с пробитыми отверстиями в верхней части для подвешивания (см.: рис. 120₁₃₉₋₁₄₂ - Горный Дагестан; рис. 125_{47, 53, 61, 73} - Юго-Восточная Чечня) - обычное явление.

Подвески из зубов животных также многочисленны, особенно на памятниках Юго-Восточной Чечни (на БМ их обнаружено несколько десятков - рис. 125₆₂₋₆₇). По способу подвешивания они делятся на две группы: а) с отверстием-ушком (рис. 119₈₃₋₈₄ - Дагестан; рис. 125₆₂₋₆₇ - Юго-Восточная Чечня) и б) с кольцевой нарезкой (рис. 119₈₅₋₈₇). Последние обнаружены только в Горном Дагестане. В основной массе для подвесок использованы резцовые клыки животных. В БМ встречаются и зубья с двумя корнями (рис. 125₆₂₋₆₃). Нет необходимости приводить подвескам этого типа аналогии, так как им характерен широчайший территориально-временной диапазон без каких-либо заметных эволюционных изменений в форме.

Подвески из керамики. В погр. № 30 БМ (рис. 136₂₈₂) обнаружена уникальная керамическая подвеска якоровидной формы с отверстием на конце стержня для подвешивания [Виноградов В.Б., 1982б, рис. 36₂ (альбом)]. Якоровидные подвески, правда сделанные из бронзы, известны для памятников северокавказской к.и.о. [Нечитайло В.И., 1978, рис. 39₇₄]. В Дагестане подобные предметы (рис. 129₅₈) обнаружены в Миатлы [Канивец В.И., Березанская С.С., 1959, с. 83, табл. IV, I; Костюченко И.П., 1959, с. 90, табл. I, 8-9], но особенно много их в комплексах великентских катакомб, где они имеют очень крупные размеры и пышную орнаментацию [Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984, с. 13-14, рис. 5].

Бусы. На рассматриваемых памятниках, включая и такие поселения как ВГ, ИРП-I, собрана большая коллекция бус и бисера из различных материалов, довольно стандартная для бронзового века (особенно ранней и средней бронзы) всего Кавказа, да и некоторых других областей. Эти материалы хорошо проанализированы в ряде работ [Марковин В.И., 1963б, с. 129-130; Гаджиев М.Г., 1969б, с. 146-149], что облегчает нам работу. Поэтому мы ограничимся указанием здесь материала, из которого изготовле-

ны бусы: а) *бронза* (рис. 119₄₉₋₆₀ - Горный Дагестан; рис. 125_{74-80,82} - Юго-Восточная Чечня), б) *сурьма*, в) *кость* (рис. 120_{72-74, 110 а,б} - Горный Дагестан; 125_{31-34, 60, 68-70} - Юго-Восточная Чечня), г) *паста* -рис. 120₁₋₂₉ и др. - Горный Дагестан; 125_{1-15, 18-27} и др. - Юго-Восточная Чечня), д) *сердолик* -рис. 120_{96-102, 107-110} - Горный Дагестан; 125_{28-29, 39} - Юго-Восточная Чечня), е) *гагат* -рис. 120_{44-47, 79-92} - Горный Дагестан; 125_{16-17, 24} - Юго-Восточная Чечня), ж) *горный хрусталь* -рис. 120_{11, 112} - Горный Дагестан), з) *раковина* -рис. 120_{48-53, 62, 75-78} и др. - Горный Дагестан; 125₄₁₋₅₉ и др. - Юго-Восточная Чечня) и т.д.

Подводя итоги анализу украшений, скажем, что мы намеренно не касались в каждом конкретном случае вопроса о функциональном назначении тех или иных предметов, их места в костюме древнего человека. Внимательное выяснение местонахождения украшений при расчистке погребальных комплексов не оставляет сомнения в полифункциональности многих категорий украшений. Так, булавки могли использоваться и при головном уборе (для укрепления прически? для пристегивания убора к волосам?), и как деталь одежды (для застегивания распашной одежды типа туники). К тому же мы не можем исключить и votивное назначение булавки, ее кульгово-символический характер [см.: Кияшко В.Я., 1984, с. 33-35; Шилов Ю.А., 1995, с. 328-344]. Пронизки, вероятно, также использовались в различных целях: как наконечники в прическе; для обшивки края головного убора или одежды; для составления ожерелий, поясных наборов [Корневский С.Н., 1986, с. 35-41] и т.д. Мелкие пронизки могли служить сегментами составных браслетов, а могли использоваться и в ожерельях. Разумеется четкому установлению функциональной принадлежности украшений сильно мешает и характер склеповых захоронений, где как правило, костяки покойных бывают сильно повреждены, материал смещен с первоначального местоположения и зачастую переотложен.

В конце главы осталось рассмотреть небольшую группу находок, трактуемых нами как **ритуальные, культовые**. Сюда же входят и некоторые вещи, обычно относимые к области искусства древних людей.

Бронзовая подвеска в виде фигурки головы дикого барана муфлона* найдена в склепе № 5 ИМ (рис. 108_з). Отлита по восковой модели. Высота фигурки - 2,3 см, ширина разлета рогов - 2,5 см. В Горном Дагестане и Юго-Восточной Чечне для эпохи средней бронзы другой находки подобного типа нет. В какой-то степени с ней можно сопоставить бронзовую подвеску в виде головы барана, найденную на Зандакском могильнике [Козенкова

* Видовое определение изображения барана принадлежит палеозоологу К.Н. Золотову.

В.И., 1982, с. 43, табл. XXV, 7] и относящуюся к времени поздней бронзы - раннего железа. Учитывая то, что в склепе № 5, откуда происходит фигурка, найдены костяные наконечники стрел с боковыми щипами и без них, которые датируются временем поздней бронзы - раннего железа (конец II тыс. - VIII-VII вв. до н.э.), в склепе имеются перемешанные материалы различных времен. По всей видимости, и бронзовая фигурка головы барана относится к наиболее позднему периоду функционирования склепа № 5.

Глиняная зооморфная пластика на изучаемых памятниках представлена очень бедно. В нашем распоряжении имеются две плохо сохранившиеся миниатюрные статуэтки животных из обожженной глины (рис. 136₂₇₀₋₂₇₁), найденные на ВГ [Котович В.М., 1965, с. 169-170, рис. 52₁₋₂]. Как пишет В.М. Котович, «судя по характерным особенностям моделировки корпуса и ног, можно полагать, что они изображают быков» [Котович В.М., 1965, с. 169]. Фигурка быка, очень близкая к верхнегунибским, найдена на поселении СК в качестве подъемного материала. Речь идет о 5 поделках из обожженной глины (рис. 136_{278-281, 283}), которых М.Х. Багаев определяет как «фигурки собаки, быка, медведя или барана» [Багаев М.Х., 1986, с. 73, рис. 4₁₋₅]. Автор публикации сближает указанные предметы зооморфной пластики с известными фигурками кобанской культуры из верхних слоев Сержень-юрта; весь же комплекс подъемного материала, в который помимо фигурок входят также кремневые вкладыши серпов, кремневые наконечники стрел с выемкой в основании, оселок и др., он относит суммарно к эпохе бронзы [Багаев М.Х., 1986, с. 73]. На наш взгляд, поселение СК можно отнести к эпохе средней бронзы, исходя из близкого расположения к могильнику СК (средняя бронза), а также всего облика подъемного материала.

Анализ глиняной пластики позволяет говорить о долгом существовании культа быка на Кавказе, в том числе и в его северо-восточной части. О бытовании этого культа на Кавказе в эпоху ранней бронзы очень много свидетельств [Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970, с. 5-19]. Данные говорят, что он не угасал здесь и в последующее после средней бронзы время [см.: Голан А., 1994, с. 52-62].

Глиняные рельефы, найденные на ВГ (рис. 105₈₋₁₀), служат дополнительным свидетельством о глубоких корнях почитания культа быка на Северо-Восточном Кавказе [Котович В.М., 1965, с. 160-169, рис. 56₉, 57₁₋₃]. По характеру обработки поверхности, качеству обжига и относительным размерам В.М. Котович [1965, с. 168] разделила рельефы на две группы: а) рельефы, условно названные как «кирпичи», отличающиеся тщательной отделкой всех поверхностей, хорошим обжигом и массивностью» (рис. 105₈₋₉) и б) рельефы - «плиты с характерной для них отделкой только на

ружных поверхностей, слабым обжигом и меньшей толщиной» (рис. 105_{2,10}) [Котович В.М., 1965, с. 168]. Рельефы 1-го типа служили своеобразными глиняными штампами для выпечки ритуальных хлебцов, а 2-го типа украшали стены у очагов, хозяйственных печей. Все рельефы примечательны орнаментальными сюжетами, расшифровка которых позволила В.М. Котович «видеть обрядовую сцену проведения первой борозды» [Котович В.М., 1986, с. 14]. В пользу рассуждений В.М. Котович об отражении культа быка на глиняных рельефах говорит и такой факт, как этнографическое засвидетельствование употребления специальных штампов с изображением бычьих рогов населением Гидатлинской долины при выпечки ритуальных хлебцов [Асиятилов С.Х., 1967, с. 15-40].

Глиняная модель колеса обнаружена в погр. № 3 ГМ (рис. 105₆). Она представляет собою круглый диск с выступающей с двух сторон ступицей. Модели колес, в том числе аналогичного типа, хорошо известны для памятников предшествующего времени в Дагестане. Они найдены на целом ряде поселений (Великент I-II, Геме-тюбе I и II, Джемикент, Янгикент, Карацан) эпохи ранней бронзы, а также в катакомбе № 8 Великентского могильника I [Круглов А.П., 1958, с. 35, рис. 8₆; Котович В.Г., 1959, с. 122, 124, табл. I, 6; Гаджиев М.Г., 1986б, с. 31, 40]. Из КЗ в Чечне происходит редкая модель колеса из кости (рис. 110₃₄); глиняные модели найдены также на поселении Сержень-юрт [Марковин В.И., 1959а, с. 60-61]. Модели колес обнаружены также в Закавказье [Пиотровский Б.Б., 1949, с. 33; Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970, рис. 28₃], Северном Кавказе [Синицын И.В., Эрдниев У.Э., 1971, с. 92], Подонье [Ильюков Л.С., 1984, с. 5-12] и других территориях. На Северо-Восточном Кавказе находки подобного типа имеются и на памятниках каякентско-хорочоевской культуры [Марковин В.И., 1954, с. 329, рис. 45; 1969а, с. 59-60, 107, рис. 26₂ и др.] и последующего времени (Ачису) [Давудов О.М., 1985, с. 104, 112, рис. 7₂₇₋₂₉, 8_{12, 16}]. Л.С. Ильюков считает, что одиночные глиняные колесики в погребениях - это отголоски «древнего обряда, в котором немаловажное значение отводилось так называемым «игровым колесам» [Ильюков Л.С., 1984, с. 9]. Соглашаясь с Е.Е. Кузьминой в возможности трактовать колеса и повозки в погребениях как средство «попасть в царство мертвых», он отрицает ее другую идею о том, что они (колесики и повозки - Р.М.) «символизируют движение солнца по небу и бег быстротечного времени» [Ильюков Л.С., 1984, с. 9]. В трактовке северовостокавказских моделей колесиков встречаются также различные мнения. М.Г. Гаджиев предполагает, что «повозки и глиняные их модели в могилах несли определенную идеологическую нагрузку, подчеркивающую переход усопшего из реального в

иной, «потусторонний мир» [Гаджиев М.Г., 1986б, с. 31]. В. И. Марковин, наоборот, больше развивает версию о символизации солнца в колесиках [Марковин В.И., 1969а, с. 107-108]. Как видим, в настоящее время трудно дать приоритет какой-либо одной трактовке культа колесиков. Здесь мы, скорее всего, имеем дело с полифункциональностью моделей колес и повозок в духовной сфере древних людей [Шилов Ю.А., 1995, с. 357-362].

Глиняные диски. К предметам предположительно культового характера нами отнесена небольшая серия глиняных поделок в виде круглых дисков. Один из подобных керамических дисков найден в 1963 г. на ВГ (рис. 105₁). Диаметр его - 4,5 x 5 см, максимальная толщина - 1,1 см. Поверхность серого цвета гладкая, заглаженная. В центре выпуклой стороны диска имеются две ямки вытянутой формы. «Пять маленьких лепешек из обожженной глины» обнаружены на поселении СК (рис. 110₂₇₋₂₈) [Багаев М.Х., 1986, с. 71]. В отличие от верхнегунибской находки, они лишены каких-либо знаков и узоров. Близкая им по размерам, но двояковогнутая по форме, керамическая «шашечка» происходит из поселения ранней бронзы Тад-Шоб (раскопки М.Г. Гаджиева, 1965 г.). Может быть, эти маленькие керамические кружочки имели отношение к какой-нибудь древней игре?

Астрагалы. В погребальных комплексах как Горного Дагестана (ГЛМ - рис. 100₂₂; ИМ, ИРП-I - рис. 100₂₄ и др.), так и Юго-Восточной Чечни (ГКМ, СКМ - рис. 110₂₉₋₃₂ и др.) встречаются астрагалы мелкого рогатого скота. Сточенность боковых граней, просверленные отверстия некоторых из них не оставляет сомнения, что астрагалы использовались в качестве игральные кости. На поселении ВГ в основании стены одного из помещений был обнаружен глиняный сосуд с 117 астрагалами; среди них имелись экземпляры и со сточенными гранями [Котович В.М., 1965, с. 122]. Большое скопление астрагалов также у основания каменной стены было зафиксировано нами в 1986 г. и на ИРП-I. Эти факты свидетельствуют также об использовании астрагалов в каких-то ритуальных действиях, связанных со строительной деятельностью.

Кость животного (ребро) с гравированными насечками-зарубками вдоль края, возможно, ритуального характера, найдена на ВГ (раскоп V, пом. № 1, слой 3) - рис. 100₁₈). Всего насечек 50.

Подводя итоги характеристики и анализа обширной коллекции находок с поселений и могильников горной части Северо-Восточного Кавказа, можно сказать:

1) Материальная культура двух областей региона - Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни - обнаруживает очень тесное общее единство и близость на фоне сопредельных территорий; с памятниками последних отмечаются выборочные параллели и аналогии.

2) Различия в характеристике состава инвентаря двух указанных областей, кроются: во-первых, в неравномерном археологическом изучении всего региона; во-вторых (и это связано с предыдущим фактором), в асимметричности состава выявленных на сегодня памятников на них (в Дагестане - поселения и могильники; в Чечне - в основном могильники), и, наконец, в третьих, в существовании явных тенденций этих областей к внутреннему обособлению в рамках тесной культурной общности в силу различных физико-географических условий, этнических особенностей и характера внешних контактов.

3) Анализ категорий инвентаря показывает, что материальная культура исследуемых памятников, укладывающаяся в основном в рамки эпохи средней бронзы, вобрала в себя традиции предшествующего времени (куро-аракская культура), и, в свою очередь, наложила несомненный отпечаток на формирование каякентско-хорочоевской культуры.

4) Типологическая классификация археологических находок позволяет уловить динамику эволюции различных категорий инвентаря; в отдельных случаях появилась возможность привязки вещей к шкале не только относительной хронологии, но и абсолютной. В конечном счете, это позволяет нам выделять пласты ранних и поздних памятников внутри общей культуры, что и будет сделано в следующем итоговом разделе работы.

У. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ

«Действительно, когда в ходе эволюции человечества нам удается обнаружить между явлениями нечто общее, родственное, мы, очевидно, имеем в виду, что всякий выделенный таким образом тип учреждений, верований, практической деятельности и даже событий, как бы выражает особую, ему лишь присущую и до известной степени устойчивую тенденцию в жизни индивидуума или общества.»

Марк Блок. Апология истории

§ I. Выделение гинчинской культуры. Ареал и локальные варианты

В предыдущих главах работы при характеристике и анализе археологических источников мы старались избегать понятия и термина «археологическая культура», заменяя их словами типа «памятники эпохи средней бронзы Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни». И это не случайно. Нам хотелось взглянуть на сущность культурно-исторического развития двух областей единого географического региона за определенный хронологический отрезок без заранее заданной концептуальной схемы. Теперь на базе тщательного сопоставления и анализа материалов можно приступить к вопросу о возможности *выделения археологической культуры*.

На первый взгляд, есть один очень простой и легкий путь выделения археологической культуры. Например, взять карту Кавказа и, учитывая территориальные ареалы уже выделенных и известных в литературе археологических культур эпохи средней бронзы, оставшуюся географическую лауну отнести под еще одну археологическую культуру. С этой точки зрения Закавказье, можно сказать, полностью отпадает: здесь наряду с известными культурами средней бронзы - западногрузинской (или протоколхской) и триалетской - стараниями К.Х. Кушнаревой в последнее время выделены еще три археологические культуры - кармирбердская (тазакендская), севано-узерликская и кармирванкская (кызылванкская) [Кушнарева К.Х., 1982, с. 61-64; 1983, с. 9-15; 1985, с. 89-105; см. также: 1994а; 1994б; 1994г].

instituteofhistory.ru

На Северном Кавказе более или менее определенные ареалы занимают дольменная и предкавказская катакомбная археологические культуры. Сложнее обстоит дело с северокавказской культурой. Резкое приращение источниковой базы в последние два десятилетия, возросший общий уровень развития кавказоведения в целом показали актуальность нового взгляда на известную концепцию этой археологической культуры, данную В.И. Марковиным в нач. 60-х гг. Сейчас наиболее распространена точка зрения, согласно которой, под северокавказской культурой подразумевается общность более общего ранга - «северокавказская культурно-историческая общность». Инициатива в таком переоформлении культуры принадлежит, в первую очередь, В.И. Марковину [1976, с. 199-200; 1980, с. 43-44; 1994г, с. 254-286]. Надо сказать, что с северокавказской культурой дело обстоит не в простом переименовании общности. Изменился ареал культуры; теперь никто не спорит, например, по вопросу о невозможности отнесения Горной Чечни, предгорной и равнинной зон Северного Дагестана в ареал северокавказской культуры или культурно-исторической общности. Но практически никто не поддерживает и такого раздробления и переименования этой культуры (к.и.о.), как это пытаются, например, настойчиво провести В.А. Сафронов [1983, с. 8-24] и Н.А. Николаева [1980, с. 97-119; 1981, с. 77-100; 1983, с. 24-43].

Итак, с некоторыми оговорками, можно утверждать, что на археологической карте Кавказа его северо-восточная часть остается незатронутой выделенными на сегодняшний день археологическими культурами. Может, это оставшаяся территория и есть ареал распространения еще одной археологической культуры? Мы уже приводили наиболее характерные мнения исследователей о культурном определении древностей Северо-Восточного Кавказа эпохи средней бронзы. Противоречивость этих мнений во многом объясняется сложностями, встающими перед археологами в связи с самим *понятием «археологическая культура»*. Вышло уже большое количество работ [Каменецкий И.С., 1970, с. 18-36; Клейн Л.С. и др., 1970, с. 37-51; Клейн Л.С. и др., 1970, с. 298-302; Федоров-Давыдов Г.А., 1970, с. 258-270; Захарук Ю.Н., 1975, с. 12-14 и др.], специально посвященных анализу этого понятия, проводились дискуссии, но на сегодняшний день мы не можем сказать, что найдена удачная, всех удовлетворяющая формулировка этого понятия, даны четкие критерии ее выделения и интерпретации. Очень часто термин «археологическая культура» употребляется в такой форме, в какой суть понятия как бы само собой подразумевается и не требует особого объяснения. Именно так обстоит дело в 50-60-х гг., когда археологи сплошь и рядом говорили о «дагестанской культуре эпохи бронзы», но совершенно не раскрывали ее смысл. «Археологическая культура»

- отдельная, наиболее важная таксономическая единица в классификации археологических общностей, оказалась смешанной с понятиями «материальная культура» вообще, «культура какого-то отдельного исторического периода», «культура какого-то региона» и т.д.

Здесь необходимо опять вспомнить попытки В.Г. Котович выделить культуру «обмазанной керамики». В этой связи уже указывалось, что позднее точка зрения ученого о сущности понятия «археологическая культура» несколько видоизменилась. Дело в том, что В.Г. Котович, с одной стороны, по существу отказался от термина «археологическая культура», а то, что обычно подразумевается под этим понятием, представлял как отдельный этап в развитии этнического массива, в нашем случае - нахско-дагестанского облика на Северо-Восточном Кавказе [Котович В.Г., 1982, с. 67-68]. Но, с другой стороны, - В.Г. Котович сплошь и рядом употреблял термин «археологическая культура» и готов был видеть за ним конкретных единиц этнических общностей [Котович В.Г., 1982, с. 51-53]. По нашему мнению, в данном случае невольно ставится знак тождества между «археологической общностью» и «этнической общностью», что вряд ли правомерно. Можно ли утверждать, что за конкретной археологической общностью всегда стоит определенная этническая общность? Сомнительно. Ведь определенное единство материальной культуры (а оно и лежит в основе понятия «археологическая культура») - это всего лишь одно из составных понятия «этнос». Потом не стоит забывать, что схожие черты в материальной культуре могут быть вызваны самыми различными причинами, в том числе и теми, например, которыми руководствуются этнографы, говоря о таких культурно-исторических понятиях как «хозяйственно-культурный тип» и «историко-этнографическая область» [Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н., 1955; Андрианов Б.М., Чебоксаров Н.Н., 1975; Историзм в археологии, 1976, с. 9-10, 48-55].

Анализируя и сопоставляя между собой точки зрения М.Г. Гаджиева [1974] и В.И. Марковина [1979 и др.] по поводу культурного определения памятников средней бронзы на Северо-Восточном Кавказе, можно убедиться, что они не столько противоречат, сколько дополняют друг друга. В самом деле, с конца III-го тыс. до н.э. на Северо-Восточном Кавказе мы не находим прежнего единства материальной культуры. Посмотрим на картографию памятников средней бронзы (рис. 1): в первую очередь, отметим, что значительная часть Северо-Восточного Кавказа (Южный Дагестан; район, прилегающий к Главному Кавказскому хребту; предгорье) остается «белым пятном», археологическое изучение которого еще предстоит в будущем. В бассейне среднего Сулака локализуется небольшая компактная группа памятников (т.н. *присулакская группа памятников*: Миатлин-

ская и Чиркейская курганные группы), сочетающая элементы местной культуры с инновациями степного мира [Гаджиев М.Г., 1974, с. 15-16; Атаев Г.Д., 1987, с. 156] (рис. 127-129). В Приморской равнине Дагестана (часто и в предгорье) от г. Махачкалы на севере и до р. Гамри-озень на юге расположена другая локальная группа памятников эпохи средней бронзы, в основном характеризующаяся подкурганными погребениями. Впервые эту группу выделил М.Г. Гаджиев и назвал ее «манасской» [1974, с. 14-15, рис. 1]. Первоначально в ареал распространения этой группы памятников была включена и часть Приморской равнины от р. Гамри-озень до г. Дербента. Широкие раскопки в конце 70-х - начале 80-х гг. некоторых приморских бытовых памятников (Каякент, Великент, Мамай-Кутан) М.Г. Гаджиевым, а также Великентского могильника I (М.Г. Гаджиев, О.М. Давудов, Р.Г. Магомедов) позволили говорить еще об одной - великентской группе памятников средней бронзы на Северо-Восточном Кавказе [Магомедов Р.Г., 1985в, с. 221-223; см. также: Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1974, с. 26-27]. Имеются в виду верхние слои указанных выше трех памятников, раньше целиком относившихся к куро-аракской культуре, поздние погребения Великентского катакомбного могильника I*, а также некоторые погребальные комплексы из окрестностей г. Дербента.

Основная масса памятников средней бронзы региона (свыше 50) приходится на бассейн четырех рек - койсу (Внутренний Дагестан) и Юго-Восточную Чечню. Рассмотрим более конкретно то общее, что объединяет памятники этих двух областей Северо-Восточного Кавказа, а также вычленим те специфические моменты, их различающие. Сразу же скажем, что генетическая подоснова памятников средней бронзы Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни практически одна - это северо-восточнокавказский вариант куро-аракской культуры (на территории Чечни он был «отягощен» также наследием майкопской культуры). Куро-аракские традиции в последующем развитии местных племен явственно чувствуются, особенно в керамическом производстве (черное лощение, тесто с преобладанием отощителей типа шамота, общие формы ручек, орнаментальных мотивов и композиций, единые типы сосудов и т.д.).

К сожалению, неравномерное исследование памятников не дает в полной мере возможность сопоставить данные *по строительному делу и архитектуре* двух этих областей. В Горном Дагестане открыты бытовые памятники как долговременного обитания, так и сезонного характера, - расположены они в самых различных топографических условиях (в долинах на речных террасах; на крутых склонах гор и т.д.).

* В последние годы в Великенте открыты еще 2 катакомбных могильника, содержащие комплексы эпохи средней бронзы.

Как уже говорилось выше, *жилища и хозяйственно-бытовые постройки*, выявленные на этих памятниках, характеризуются прямоугольным планом, плоской крышей и многокамерным обликом. Основной строительный материал - камень. Можно считать твердо установленным, что прямоугольные постройки в Горном Дагестане приходят на смену круглоплановым постройкам куро-аракской культуры. Смена строительной традиции здесь происходит где-то в конце III-го тыс. до н.э. В Чечне единственный бытовой памятник, где исследованы строительные остатки - это поселение Гатын-Кале I. Как уже говорилось ранее, выявленная здесь двухкамерная турлучная постройка имела прямоугольный план и плоскую крышу. Мало данных о соотношении строительных традиций эпохи ранней и средней бронзы в Чечне. На серженьюртовских поселениях куро-аракской культуры реконструированы жилища в виде легких плетеных построек, обмазанных глиной, но форма плана не была установлена. Но на Луговом поселении, расположенном в Ингушетии и относящимся также к ранней бронзе, было расчищено «круглоплановое легкое плетеное строение турлучного типа» [Мунчаев Р.М., 1975, с. 345]. Этот факт косвенно позволяет говорить, что и в Чечне эволюционная линия развития архитектуры шла от круглоплановых построек к прямоугольным.

Погребальные памятники и в Чечне и в Горном Дагестане изучены неплохо. Все они, как правило, являются грунтовыми. Лишь на одном Ирганайском могильнике твердо зафиксирован курганный обряд, чем он сближается с памятниками присулакской группы. Правда, небольшие каменные насыпи-наброски отмечены и на Мугинском и Чохском могильниках. Общим моментом некрополей Чечни и Горного Дагестана является расположение могил на них рядами. По характеру погребальных сооружений различаются следующие типы могил: 1) каменные склепы, 2) каменные ящики, 3) каменные детские гробницы, 4) грунтовые ямы, 5) кувшинные захоронения и, наконец, 6) кенотафы.

Наиболее многочисленная и характерная группа погребальных сооружений горной части Северо-Восточного Кавказа - это каменные склепы (38,5 % от общего количества учтенных погребений). Есть много общего в конструктивных особенностях склепов в Чечне и Дагестане. Например, и там (Бельты) и там (Муги, Ирганай) можно наблюдать прием сочетания горизонтальной кладки стен с плитами, поставленными на ребро. Как правило, склепы имели вход сверху. Ирганайские и эгикальские (Ингушетия) склепы характеризуются наличием бокового входа. Один из склепов Бельтинского могильника сближается с ирганайскими погребальными конструкциями оформлением бокового лаза в виде дромоса-коридора. Склепы Юго-Восточной Чечни отличаются от дагестанских тем, что имеют исклю-

чительно прямоугольный план. Дагестанские же склепы делятся на прямоугольные и круглоплановые, причем первые количественно преобладают. Только на двух могильниках (Чох и Гинчи) представлены склепы обоих типов. В Гинчи имеется 1 склеп (№ 9), сочетающий обе формы: внизу он круглый, наверху прямоугольный. Этот факт наряду с некоторыми стратиграфическими наблюдениями и анализом инвентаря говорит об архаичности круглоплановой формы склепов по сравнению с прямоугольной. Самые ранние из известных склепов Дагестана (могильник Щебоха - ранняя бронза) также круглоплановы. Таким образом, в погребальных сооружениях также отмечена аналогичная жилищам линия эволюции от круглого плана к прямоугольным постройкам. В Чечне, к сожалению, могильники ранней бронзы почти не известны и мы не можем судить о генезисе местных прямоугольных склепов средней бронзы. С круглоплановыми склепами можно соотнести в какой-то мере некоторые кенотафы Гатын-Кале.

Каменные ящики для памятников средней бронзы Горного Дагестана совершенно не характерны. Только 1 погребальное сооружение (№ 3) из Ирганайского могильника можно натянуто интерпретировать как «каменный ящик». В Чечне подобные могилы встречаются чаще. Больше всего их (ок. 23) на Бельтинском могильнике. Интересно, что за небольшим исключением все эти конструкции имеют очень маленькие размеры и были предназначены для одиночных детских захоронений. На Гатын-Кале выявлена небольшая группа погребений, которые представляют собой ямы, облицованные плитами, и напоминающие каменные ящики. Характерно, что и эти погребения по своим размерам предназначались для детских одиночных захоронений. Таким образом, мы видим, что каменные ящики из среднебронзовых памятников Чечни далеки от канона классических каменных ящиков каякентско-хорочоевской культуры. Получается, что миниатюрные каменные ящики - необходимый видовой элемент в составе погребальных сооружений эпохи средней бронзы, обусловленный учетом возрастной специфики покойных. В таком случае и детские гробницы Гинчи - явление этого же круга. Следовательно, и в Горном Дагестане и Юго-Восточной Чечне мы сталкиваемся с обособлением детских захоронений от взрослых. Тут можно вспомнить и кувшинные захоронения из Гинчи, которые также, за одним исключением, содержали детские кости (младенцы). По устной информации В.Б. Виноградова, подкурганное кувшинное погребение эпохи средней бронзы открыто не далеко от сел. Комсомольское в Ингушетии.

Один из наиболее многочисленных типов погребальных сооружений средней бронзы горной части Северо-Восточного Кавказа - это *грунтовые ямы*. Но распределены они тут неравномерно. В Горном Дагестане подоб-

ные погребения отсутствуют. Лишь на Гинчи имеется одна яма, обложенная по краю камнем. В Чечне же, наоборот, грунтовые ямы встречаются чаще. Такие могильники, как Саади-Котар, Малохарсеновский, Бачиюрт II и IV, Согунты являются полностью грунтовыми. Первые два памятника расположены на северо-западе Чечни, остальные на северо-востоке, составляя своеобразные локальные микрогруппы предгорных могильников. На могильниках Гатын-Кале и Бельты ямы составляют довольно большой процент от общего количества погребальных сооружений (37,8 % и 17 % соответственно). Хронологически грунтовые ямы или сосуществуют с каменными склепами или же немного предшествуют им. Предназначены ямы, как правило, для индивидуальных захоронений.

В общем для погребального обряда племен Юго-Восточной Чечни и Горного Дагестана характерны следующие моменты:

1. Широкое использование погребальных сооружений типа каменных склепов и бытование наряду с ними специальных сооружений, предназначенных для детей.

2. Отсутствие единой закономерности в ориентировке погребальных сооружений. Даже в пределах одного могильника мы не обнаруживаем однотипности в этом плане. Можно говорить лишь о преобладающей тенденции. Так, на могильнике Гатын-Кале наиболее часто встречаются ориентировки могил по линии СЗ-ЮВ и С-Ю. На могильнике Бельты преобладают ориентировка по З-В, СЗ-ЮВ и СВ-ЮЗ. Для могильников Малый Харсеной и Саади-Котар характерны ориентировка преимущественно по линии С-Ю. Еще более разнообразна ориентировка могил в Горном Дагестане. Здесь даже трудно выделить какую-либо преобладающую ориентировку. В какой-то мере это связано и с такими факторами, как относительно малое количество исследованных погребальных комплексов в Горном Дагестане по сравнению с Юго-Восточной Чечней, а также наличием специфических круглоплановых склепов.

3. Коллективность захоронений в погребальных сооружениях типа склепы.

4. Отсутствие твердо выдержанной позы и ориентировки погребенных в склепах.

5. Использование огня в погребальном ритуале.

6. Присутствие жертвенной пищи (мясо животных и т.д.).

7. Отсутствие или редкое использование охры.

8. Большое количество и разнообразие инвентаря.

Вместе с тем в погребальном обряде двух областей имеются и несомненные различия:

1. Широкий видовой состав погребальных сооружений в Юго-Восточ-

ной Чечне (склеп- грунтовая яма- каменный ящик) при относительном преобладании склепов в Дагестане.

2. Единый прямоугольный план склепов в Юго-Восточной Чечне при разнотипности склепов в Дагестане (круглоплановые и прямоугольные).

3. Наличие в Горном Дагестане курганного обряда наряду с грунтовыми могильниками.

Как видим, при разнообразии погребальных сооружений погребальный обряд в Юго-Восточной Чечне и Горном Дагестане имеет много общего, близкого, - по крайней мере, факторы сближающие более выражены, чем факторы различающие. Еще одним общим моментом, характерным для погребального обряда в двух этих областях является тенденция постепенного вызревания обычая захоронений в каменных ящиках, которые в эпоху поздней бронзы на Северо-Восточном Кавказе становятся доминирующей формой погребальных сооружений. Надо сказать, что в обеих областях в эпоху поздней бронзы коллективные захоронения также сменяются индивидуальными, реже парными захоронениями.

Как бы не были важны данные поселений и жилищ, а также некрополей при сравнительном анализе археологической общности в двух взаимосвязанных областях, какими выступают Горный Дагестан и Юго-Восточная Чечня, главными все же являются аспекты, связанные с многообразным производственно-бытовым инвентарем. Для сопоставительного анализа нами составлена *сводная таблица инвентаря памятников эпохи средней бронзы* (рис. 136). Начнем с *керамики*. На уровне технологии изготовления керамика Горного Дагестана и Чечни поразительно едина. Речь не идет о ручной лепке посуды, - она в эпоху средней бронзы характерна для всего Кавказа. В роли *отощителей* при подготовке пластической массы везде, в первую очередь, выступает шамот, обычны и примеси дресвы, глинистого сланца. На отдельных памятниках встречаются и такие примеси, как мелкотолченая раковина, речной песок (Горный Дагестан) и комочки известняка (Юго-Восточная Чечня). По характеру обработки поверхности керамика обеих областей делится на две группы: а) гладкостенная (лощенная и заглаженная) и б) с обмазкой по тулову. Технические приемы *лощения поверхности*, как уже говорилось, на Северо-Восточном Кавказе тесно связаны с традициями куро-аракской культуры и имеют еще более глубокие корни, идущие вплоть до неолита.

Сложнее вопрос с *обмазанной керамикой*. И для Чечни и для Дагестана сам характер нанесения обмазки очень близкий: обмазке подвергалась лишь средняя часть тулов сосудов, хотя и есть исключения. Количественное соотношение гладкостенной и обмазанной керамики на погребальных памятниках примерно одинаково (Гинчи - 20 % обмазанной керамики; Га-

тын-Кале и Бельты - 14 % и 28 % соответственно). Но если в Горном Дагестане обмазанная посуда встречается в эпоху средней бронзы практически повсеместно, то в Юго-Восточной Чечне дело обстоит несколько иначе. На таких памятниках, как Малый Харсеной и Саади-Котар такой посуды вообще нет. Как видим, этот штрих наряду с особенностями погребальных конструкций (грунтовые ямы) еще раз говорит о своеобразии этой маленькой группы памятников на общем фоне древностей средней бронзы в Юго-Восточной Чечне.

На уровне *формально-типологической классификации* керамики главное обстоятельство, бросающееся в глаза, - это полное отсутствие круглодонных сосудов в Юго-Восточной Чечне, в то время, как в Горном Дагестане они составляют примерно 25 % от общего количества известных здесь целых форм. Что касается плоскодонной керамики, то она в обеих областях очень близка. Всего нами выделено 39 типов сосудов, из них 8 относится к круглодонным, характерным только для Дагестана. Из остальных типов посуды с плоским дном подавляющее большинство (23 типа) являются общими. Специфичны для Горного Дагестана миниатюрные сосудики класса «чайнички» (тип 18 и 19); только здесь найдены и сосуды специального назначения (класс X) - сковороды и жаровни. Надо сказать, что все эти типы сосудов представлены и в Горном Дагестане в достаточной мере скромно. Это обстоятельство не позволяет видеть в них дифференцирующий элемент керамики. Конечно, общие типы сосудов не всегда в одинаковой степени распространены в Дагестане и Чечне. Например, сосуды класса «горшки» наиболее многочисленны на дагестанских памятниках. В Чечне же больше встречены сосуды класса «чаши»; они представлены здесь намного разнообразнее, чем в Горном Дагестане. Керамика с могильников Малый Харсеной и Саади-Котар отличается таким типологическим свойством, как уступчатое выделение шейки, что опять таки подчеркивает своеобразие указанных памятников.

Орнаментация керамики - один из основных культуродифференцирующих признаков в археологии. В предыдущей главе мы слегка затронули этот вопрос. Теперь остановимся на нем подробно. По технике нанесения различаются 4 типа орнаментации: тип А - рельефный орнамент; тип Б - углубленный (гравированный орнамент); тип В - сочетает оба предыдущих способов; и, наконец, тип Г, - орнамент, нанесенный краской (рис. 132). Первые три способа орнаментации в эпоху средней бронзы одинаково широко распространены не только в Горном Дагестане и Юго-Восточной Чечне, но и на всем Северо-Восточном Кавказе. Орнамент в виде росписи (тип Г) в Чечне не встречается. В Дагестане же он характерен как для горных, так и предгорных и равнинных памятников.

Для сопоставления орнамента на сосудах Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни мы использовали элементный метод. Суть его состоит в выделении элементной единицы орнамента, называемой *мотивом* (рис. 120). Орнамент типа А имеет 14 мотивов. Все они, за исключением одного (мотив 12 - «рельефный решетчатый знак»), распространены на памятниках Дагестана и Чечни. Упомянутый 12-й мотив зафиксирован на керамике Верхнегунибского поселения. Подобный мотив неоднократно обнаруживался на керамике верхних слоев Великентского поселения и поздних катакомб одноименного могильника [Гаджиев М.Г., 1990, рис. 111; Дебиров П.М., 1990, рис. 1-2]. Орнамент типа Б разлагается также на 14 мотивов. Все они характерны для керамики Горного Дагестана В Чечне отсутствует два мотива подобного гравированного орнамента: мотив 2 («большое круглое вдавление на стенке сосуда») и мотив 13 («оттиск шнура»). Первый из этих мотивов, как мы писали выше, относится к керамике типа беденского импорта или подражаний ему; второй, как известно, наиболее характерен для культур степных областей Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа. В Горном Дагестане шнуровой орнамент отмечен только на керамике Ирганайского поселения (рис. 78_{1, 2}, 86₁₂). Более часто керамику с такой орнаментацией находят в комплексах подкурганых погребений Миатлы и Чиркея (рис. 128_{11, 28}). Спорадически сосуды с шнуровым узором встречаются и на ранних памятниках Северо-Восточного Кавказа. В целом, для керамики этого региона шнуровая орнаментация представляется чужеродной.

Орнамент типа В разложен на более чем 30 мотивов. Из них только небольшая часть широко распространена в Дагестане, еще меньше, в Чечне. Подавляющее большинство мотивов выделено при работе с большими коллекциями обломков сосудов из слоев Ирганайского поселения I.

Второй этап в изучении орнаментации - это выделение более крупной элементной единицы - *композиции*. Как правило, композиции состоят из различных мотивов, но иногда и один мотив представляет собой композицию. Композиция может иметь ритмический ряд, а может характеризоваться и асимметрией. При анализе керамики Горного Дагестана удалось выделить 180 композиций (рис. 133), Юго-Восточной Чечни - 89 композиций (рис. 134). 32 композиции орнамента Дагестана и Чечни полностью совпадают. Керамика могильников Малый Харсеной и Саади-Котар опять же выделяется наличием исключительно рельефного орнамента, близкого традициям орнаментации куро-аракской культуры.

Набор орудий труда двух исследуемых областей трудно сравнить между собой, так как бытовые памятники, для которых они более всего характерны, в Юго-Восточной Чечне мало изучены (рис. 136). Бронзовые иг-

лы (рис. 136_{163, 170}), костяные пряслица (рис. 136_{137, 148-149}), кремневые вкладыши составных серпов (рис. 136_{91-93, 108-109}), костяные проколки (рис. 136_{123-126, 142a-144}), орудия типа лоцил (рис. 136_{130, 145}), каменные песты, терочники - вот небольшой перечень предметов этого рода, одинаково известных и в Горном Дагестане и Юго-Восточной Чечне. Как видно, все эти упомянутые орудия труда характерны для памятников не только Северо-Восточного Кавказа, но и всего Кавказа в целом.

Больше пищи для размышлений дает сопоставление предметов вооружения и украшений. Обращает на себя внимание, в первую очередь, тот факт, что на памятниках средней бронзы Горного Дагестана не найден ни один бронзовый проушный топор. Для предшествующего времени бронзовые топоры подобного типа здесь известны [Котович В.Г., Котович В.М., 1973, с. 77-83]. Практически не найдены здесь для этого времени и каменные проушные топоры. В отличие от Горного Дагестана в Чечне на сегодняшний день найдено большое количество проушных топоров из бронзы и камня. Нам кажется, что отсутствие топоров на изучаемых памятниках Горного Дагестана - это не культурно-специфический штрих, а скорее всего случайность, исходящая из масштабов и характера археологических раскопок. В пользу этого говорит то, что для предгорных и равнинных памятников ранней и средней бронзы Дагестана бронзовые и каменные проушные топоры не редкость.

Анализ украшений, принадлежностей костюма, предметов культа и искусства (рис. 136₂₄₁₋₃₉₆) показывает, что в основной массе они характерны не только для изучаемых областей, а имеют широкое территориальное распространение, в особенности на Северном Кавказе. К этому кругу находок относятся: бронзовые украшения типа подвесок-стерженьков с утолщением на одном конце (рис. 136_{301-303, 371}); подвесок ложечковидной формы (рис. 136_{322, 367-370}); подвесок-медальонов дисковидной (рис. 136_{304, 372-373}), кольцевидной (рис. 136_{307, 375-376}), кольцевидной с вертикальной перекладиной (рис. 136_{306, 308, 377-378}), сердцевидной с прорезями (рис. 136_{305, 374}) форм; трубчатых пронизок и пронизок «В»-образного типа (рис. 136_{289-290, 296-298, 319-321, 350-352, 362-364}). Сюда же можно причислить и такие украшения как литая полушарная бляха с двумя отверстиями, найденная единично в Горном Дагестане (рис. 140₃₃₄), но типичная для памятников северокавказской к.и.о., как и бронзовая булавка с множеством молоточковидных выступов, найденная в Курен-Беное (Юго-Восточная Чечня). Такие украшения, как булавки с биспиральной головкой (рис. 136_{310, 390}), бронзовые височные подвески в 1,5 оборота (рис. 136_{312-314, 316-318, 330-332},

356-360), костяные колечки (рис. 140_{244, 245-246, 261}), различные подвески из камня, сердолика, раковин, зубов животных, бусы из пасты, сердолика, горного хрусталя, раковин и других материалов, найденные в Горном Дагестане и Юго-Восточной Чечне не являются специфичными только для них, т.к. обладают широкими культурно-хронологическими рамками, выходящими за пределы Кавказа. Таковы и некоторые культовые предметы, модели колес (рис. 136_{267а, 272}), глиняные кружочки (рис. 136_{268, 277}), астрагалы (рис. 136₂₅₇₋₂₆₇), а также образцы глиняной зооморфной пластики (рис. 136_{270-271, 278-281, 283}).

Следующая группа украшений характерна только для памятников Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни, или же имеет преимущественное распространение на Северо-Восточном Кавказе при отрывочных и малочисленных параллелях из сопредельных территорий. Имеются в виду бронзовые булавки с дисковидной головкой (рис. 136_{344-345, 395-396}), височные двухлопастные подвески в 1,5 оборота из тонкой пластинки (рис. 136_{300, 327, 366}), конические подвески-колпачки (рис. 136_{324, 379, 381, 383}), полшарные колпачки с отверстиями в центре (рис. 136_{325, 380, 382}), костяные подвески в виде стерженька с колечком (рис. 136_{255, 264-265}), различные подвески и бусы из гагата.

В Юго-Восточной Чечне довольно широко представлены различные бронзовые клинки кинжалов, ножей (рис. 136_{171, 173-176, 179}). В Горном Дагестане их найдено сравнительно мало (В. Гуниб, Ирганай) (рис. 136₁₆₆₋₁₆₇). В предгорном Дагестане бронзовые клинки известны в большом количестве на памятниках от ранней до поздней бронзы. Также широко они в бронзовом веке представлены и на остальной территории Кавказа, и поэтому не имеют устойчивой культурно-хронологической привязки. Это же касается и кремневых наконечников стрел треугольной формы с выемкой в основании, найденных в Горном Дагестане (рис. 136₉₅₋₉₆), и особенно в Юго-Восточной Чечне (рис. 136₁₁₀₋₁₁₁). Только в Бельты таких наконечников найдено более 150 экз. Но здесь для нас важен один момент: если в Чечне кремневые наконечники стрел представлены только одним этим типом, то в Горном Дагестане наряду с ним известны наконечники и других типов - черешковые (рис. 136₉₈), листовидные (рис. 136₉₇), и в единичном виде флажковидный асимметричный. Такое сочетание различных типов наконечников стрел выступает специфической чертой для памятников Горного Дагестана. Каменные навершия булав (рис. 136_{105, 120-121}) - тип вооружения, характерный для Кавказа и сопредельных территорий с большим хронологическим и культурным диапазоном.

Наконец, к последней группе отнесены украшения и предметы ритуального характера, найденные на памятниках Горного Дагестана и отсутствующие в Юго-Восточной Чечне. Некоторые из этих предметов (костяные булавки с весловидными и рельефными навершиями (рис. 136₂₅₂₋₂₅₄), бронзовые булавки с сильно расплюснутым навершием и завитками в неполный оборот (рис. 136₃₃₉), с навершием в виде полукруга и опущенными вниз краями (рис. 136₃₄₀₋₃₄₂), бронзовые височные подвески из тонкой пластинки в виде одной широкой лопасти с загнутым узким концом (рис. 136_{328, 333}), костяные орнаментированные браслеты (рис. 136₂₅₈₋₂₅₉), глиняные рельефы (рис. 136₂₇₄₋₂₇₆) специфичны для Горного Дагестана и за его пределами на Северном Кавказе точных аналогий не имеют. Некоторые близкие формы бронзовым булавкам известны в древностях Восточной Грузии. Такие украшения, как бронзовые очковидные подвески (рис. 136₃₂₃) и височные подвески с одним щитком в виде лаврового листа (рис. 136_{315, 329}) найдены на памятниках всех географических зон Дагестана. Аналогии очковидным подвескам, как уже указывалось, известны за пределами Кавказа в древностях бронзового века Передней Азии и Ближнего Востока, а также Центральной и Северо-Восточной Европы. Примерно такую же географию имеют височные лавролистные подвески. Некоторые близкие аналогии последним имеются и в комплексах Восточной Грузии. Наконец, упомянем костяную пряжку из Ирганайского могильника (рис. 140₂₆₀) и обломок подобной же пряжки из Ирганайского поселения I, имеющие единичные аналогии из катакомбных погребений в Ставрополе и Северной Осетии.

Итак, памятники Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни с конца III-го тыс. до н.э. обнаруживают довольно устойчивую общность культуры, все признаки которой вполне соответствуют тому содержанию, вкладываемому обычно в понятие «археологическая культура». Эта культура достаточно четко локализуется как в географической, так и во временной, хронологической плоскости. Как уже говорилось выше, М.Г. Гаджиев, первым выделил ее, дал название «гинчинская культура». Учитывая условность любых названий археологических культур, а также тот факт, что название «гинчинская культура» достаточно примелькалось в литературе и стало привычным, считаем необходимым придерживаться его.

Как видно из историографической части настоящей работы, В.И. Марковин в принципе не отрицает культурную общность памятников Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни, но видит ее не в рамках археологической культуры, а на уровне «восточнокавказской культурно-исторической области». На наш взгляд, понятие «культурно-историческая об-

ласть» приложимо уже к той общности, которая свойственна археологическим памятникам всего северовостокавказского региона. В такую общность можно включить гинчинскую культуру, присулакскую, манасскую и великентскую группы памятников (рис. 137). Общность между этими различными группами памятников выборочная, она касается некоторых схожих моментов в погребальном обряде, близких типов посуды, украшений и т.д. В то же время в целом такая к.и.о. в достаточной степени обособленно выделяется на фоне древностей Северного Кавказа.

Надо сказать, что в археологии давно ощущалась необходимость усложнения системы понятий для обозначения археологических общностей различных уровней. «Мы остались с тем же набором понятий, которым оперировали археологи во времена наших дедов,- писал в 1970 г. Л.С. Клейн. - На месте понятия «археологическая культура» должна вырасти целая система взаимно координированных понятий» [Клейн Л.С., 1970, с. 50]. Одним из таких понятий и явилась «культурно-историческая область». Хотя в принципе смысл понятия ясен, сам термин в литературе носит разные названия: «культурная область», «культурная общность», «культурно-историческая область», «культурно-историческая общность» и т.д. Пожалуй, наибольшее распространение получили два последних термина. Часто их используют как равнозначные, а иногда различают по вкладываемому в них этническому содержанию. Так, А.Д. Пряхин считает, что «культурно-историческая общность» представляет собой сумму археологических культур, за которыми стоят близкие этносы, в то время как археологические культуры, входящие в культурно-историческую область, не обязательно являются этнически близкими» [Пряхин А.Д., 1982, с. 58-59]. Более развернутое определение терминов дает Г.Б. Зданович: «...термин «культурно-историческая область (провинция)» ... обозначает археологическое образование, охватывающее значительную территорию, на которой отмечаются некоторые сходные типы орудий труда, предметов вооружения, украшений и т.д. Сходство обусловлено развитием единых форм хозяйства в близкой естественно-географической среде и в определенный исторический период. Термин «культурно-историческая общность» объединяет обширные области, занятые родственными по происхождению племенами. Между ними может и не быть прямых контактов. Значительная близость материальной культуры обеспечена здесь не только едиными путями развития в сходных географических условиях и одинаковым хозяйственным укладом, но и общими корнями происхождения» [Зданович Г.Б., 1983, с. 49-50].

Не так просто обстоят дела в исследовательской практике с использованием предлагаемых терминов. Мы уже говорили выше о бесперспектив-

ности прямого выведения из археологической культуры этнического эквивалента. Поэтому нам представляется несколько надуманным и искусственным стремление различать термин «культурно-историческая область» и «культурно-историческая общность» в зависимости от их этнического содержания. Это содержание, разумеется, существует, но всегда ли можем говорить уверенно: эта общность характерна для родственных племен, а вот эта - для этнически разнородных племен? Наверное, нет. Этим и объясняется разнотой в использовании указанных терминов в литературе, когда одно и то же крупное археологическое образование именуется то «областью», то «общностью» [см. например: Марковин В.И., Мужухоев М.Б., 1979], т.е. термины эти используются как равнозначные. Как бы не было, термин «культурно-историческая общность» (или «...область») завоевал право на существование и вошел уже в научный обиход.

Признавая необходимость еще одной таксономической единицы в иерархии обозначений археологических общностей, более объемной, чем «археологическая культура», нам в то же время хотелось бы обратить внимание на некоторую логическую неопределенность самого названия термина «археологическая культурно-историческая общность». Первым делом заметим, что термин «культурно-историческая общность» имеет и другой вариант - «историко-культурная общность», что не меняет сущности понятия. «Представления о таких общностях исходят из того факта, - говорит Ю.В. Бромлей, - что культура человечества будучи по сути единой, в своих конкретных проявлениях отличается чрезвычайным многообразием. И если рассматривать ее в синхронно-глобальном плане, то в ней окажется возможным выделить множество различных взаимопересекающихся областей. В диахронно-генетическом плане они представляют собой исторически сложившиеся образования. Соответственно в целом подобные общности могут быть названы историко-культурными» [Бромлей Ю.В., 1981, с. 10]. Мы привели этот отрывок из работы Ю.В. Бромлея с целью показать, что понятие «историко-культурная общность» уже чем понятие «культура» вообще. Мы вовсе не упускаем из виду существенные различия между культурой - феноменом исторической действительности, под которой понимается деятельность человеческого общества и результаты такой деятельности (по Э.С. Маркаряну), и «археологической культурой» [Захарук Ю.Н., 1976, с. 3-10], но ведь и понятие «культурно-историческая общность» используется, или же подразумевается нами с прилагательным «археологическая». Отсюда вытекает логический вывод: термин «археологическая культурно-историческая общность» нельзя применять в широком смысле по отношению к термину «археологическая культура».

Выход из этой парадоксальной, на первый взгляд, ситуации нам видится в том, чтобы для понятия, которое мы вкладываем в термин «археологическая культурно-историческая общность», подобрать другое, более удачное название. Мы предлагаем такие крупные археологические общности, по отношению к которым до сих пор использовались термины типа «культурно-историческая общность», «культурно-историческая область» и т.п., именовать впредь как *«археологические метакультурные общности»* (по аналогии с термином «метаэтнические общности», предложенным С.И. Бруком и Н.Н. Чебоксаровым в 1976 г. [1976]). Просто термин «метакультура» не предпочтителен, т.к. не создает впечатление об еще одной целостной археологической культуре, только рангом повыше. В то же время слово «общность», как известно, применяется в научном лексиконе русского языка в смысле «объединения» каких-то целостных компонентов [Бромлей Ю.В., 1983, с. 23-24]. Таким образом, термин «археологическая метакультурная общность» оказывается логически преемственно связан с термином «археологическая культура», а понятие его шире, чем у последнего. Именно поэтому нецелесообразен и другой возможный вариант термина «культурная общность», т.к. без префикса «мета» он не показывает специфику таксономической единицы, более крупной по сравнению с «археологической культурой».

Нельзя представить себе археологическую метакультурную общность как простую сумму нескольких археологических культур. Ее структура очень сложна и неоднозначна (рис. 137). В такую общность входят: а) отдельные археологические культуры, имеющие яркие самобытные особенности, и в то же время обнаруживающие между собой общие черты сходства; б) отдельные локальные группы немногочисленных памятников, которые по разным причинам не могут быть пока выделены в качестве самостоятельных археологических культур (слабая изученность; абсолютное преобладание какой-то одной категории памятников - поселений и могильников; синкретический характер материалов и т.д.) - такие группы памятников можно было бы назвать *субкультурами* (по аналогии с субэтнотами, выделенными Ю.В. Бромлеем [1981, с. 12-13]); в) памятники, культурная принадлежность которых пока не определена для отнесения к каким-либо конкретным составным частям метакультурной общности; г) комплексы вещей и отдельные предметы, имеющие импортное происхождение. Разумеется, предложенный костяк метакультурной общности достаточно относителен; на наш взгляд, внутри его могут обнаружиться и другие совершенно различные, взаимопересекающиеся и взаимозависимые общности, в основе выделения которых лежат самые разные критерии.

Итак, *восточнокавказская метакультурная общность эпохи средней бронзы* включает в себя гинчинскую культуру, присулакскую, манасскую и великентскую группы памятников (субкультуры?). Каков же ареал этой метакультурной общности? С западной и восточной границами дело обстоит легко (рис. 1): первую можно провести примерно по Главному Кавказскому хребту (наиболее близкие к нему пункты, где найдены случайные находки эпохи средней бронзы - Никар и Тинди), а вторая совпадает с западной береговой кромкой Каспийского моря. Наиболее южная точка, где обнаружены предметы эпохи средней бронзы - это сел. Юхари-Стал Сулейманстальского района. Здесь в свое время при земляных работах нашли много глиняных сосудов, один из которых хранится в Республиканском краеведческом музее [Исаков М.И., 1966, с. 10, табл. 2₁₄]. Сосуд этот по своему облику очень близок к кружкам, характерным для гинчинской культуры; подобные кружки имеются и в составе инвентаря Великентского катакомбного могильника. Южный рубеж метакультурной общности мы проводим примерно по административной границе Дагестача с Азербайджаном, хотя надо сказать, что и в северо-восточных районах Азербайджана распространены памятники с близким культурным обликом [см.: Ахундов Т.И., 1987; Нариманов И.Г., Ахундов Т.И., 1994; Халилов Дж.А., 1991].

Сложнее обстоит дело с северной границей восточнокавказской метакультурной общности. Терско-Сулакская низменность и Ногайская степь очень слабо изучены в плане выявления и исследования памятников бронзового века. Отрывочные материалы, полученные в основном разведочным методом, свидетельствуют о том, что в эпоху средней бронзы они были зоной, где доминировала культура степных племен [Марковин В.И., 1960б; Крупнов Е.И., 1962, с. 83-87; Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1982, с. 13-30]. Поэтому северную границу восточнокавказской метакультурной общности мы проводим от г. Махачкалы, на территории и в окрестностях которого имелись и имеются курганы с комплексами эпохи средней бронзы (Кяхулай и др.), вдоль подошвы предгорий примерно до местоположения г. Хасавюрта. Отсюда предполагаемый рубеж общности, огибая линию предгорий южнее реки Сунжи, выходит до района впадения рек Гехи и Мартан в Сунжу (недалеко отсюда южнее расположены поселение и могильник Саади-Котар, которые мы отнесли к гинчинской культуре). Далее граница метакультурной общности, по всей видимости, идет резко на юг вдоль реки Гехи до верховьев реки Аргун, где она достигает линии Главного Кавказского хребта. Таким образом, мы обрисовали, возможно слиш-

ком смело, ареал восточнокавказской метакультурной общности, включив в него территорию, заведомо не занятую другими известными культурами сопредельных областей.

Посмотрим, какое место занимает гинчинская культура внутри территории восточнокавказской метакультурной общности (рис. 1). Под *ареал гинчинской культуры* мы отвели только ту территорию, которая образуется по крайним пунктам при картографировании памятников. На территории Чечено-Ингушетии северная граница гинчинской культуры примерно совпадает с границей метакультурной общности, западная граница идет параллельно границе метакультурной общности на удалении 20-35 км, южная и значительная часть восточной границы вписывается в крайний рубеж общего бассейна притоков реки Сулак. Разумеется, по мере накопления новых материалов границы гинчинской культуры будут постоянно меняться и уточняться. Лакуны, имеющиеся на общей территории восточнокавказской метакультурной общности, в будущем, возможно, займут и новые, еще неизвестные археологические образования.

Внутри гинчинской культуры, при всем единстве и близости памятников, входящих в нее, легко образуются локальные варианты. При первом приближении их два. Первый вариант, *северо-западный (ичкерийский)*, объединяет памятники, расположенные на территории Восточной Чечни, второй *юго-восточный (койсугский)* - памятники в пределах Дагестана. Только в одном месте (в районе сел. Гагатль Ботлихского района Республики Дагестан, где поблизости расположены поселение Галгалатли и одноименный могильник*) зоны, занятые двумя локальными вариантами, соприкасаются. Лакуна между ними объясняется по всей видимости, плохой изученностью этих мест.

Данные картографии - не единственный, хотя и важный, момент в обосновании деления гинчинской культуры на отдельные локальные варианты. Наиболее существенные черты своеобразия, присущие памятникам Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни: 1) подавляющее преобладание склепов на могильниках Дагестана при наличии видового состава «склеп - каменный ящик - грунтовая яма» в Юго-Восточной Чечне; 2) сосуществование круглоплановой и прямоугольной форм склепов в Дагестане при исключительной прямоугольности склепов в Чечне; 3) отсутствие круглодонной посуды на памятниках Чечни, в то время как в Горном Дагестане она

* Характерно, что могильник Галгалатли близок к памятникам обоих локальных вариантов: технико-конструктивные особенности погребальных сооружений соответствуют круглоплановым склепам Горного Дагестана (Гинчи, Чох, Ругуджа), а погребальный инвентарь обнаруживает почти полные параллели с материалами могильника Гатын-Кале в Юго-Восточной Чечне.

составляет большую долю в керамической коллекции. Различия в количественных и качественных соотношениях таких категорий инвентаря, как орудия труда, предметы вооружения и украшения, имеются, но, в первую очередь, объясняются, по-нашему мнению, уровнем изученности памятников в двух областях. Тем не менее, можно обратить внимание на отсутствие в инвентаре северо-западного варианта таких украшений, как очковидные подвески и подвески лавролистной формы.

Локальные варианты гинчинской культуры, в свою очередь, не выглядят абсолютно монолитными. Возьмем юго-восточный (койсугский) вариант. Здесь узколокальным своеобразием выделяются два памятника, расположенных рядом - это *Ирганайское поселение I* и *одноименный могильник*. В чем же выражается это своеобразие? Во-первых, в том, что на Ирганайском могильнике несомненно зафиксирован курганный погребальный обряд, что сближает его с памятниками, расположенными ниже по течению реки Сулак (Чиркей, Миатлы) и образующими отдельную группу памятников внутри восточнокавказской метакультурной общности. Во-вторых, ирганайские склепы отличаются от всех остальных погребальных сооружений юго-восточного варианта тем, что имеют боковой вход, оформленный, как правило, в виде дромоса. Близкие аналогии им известны в Бельтинском (Чечня) и Эгикальском (Ингушетия) могильниках. В-третьих, только на Ирганайском поселении в Горном Дагестане обнаружена, хотя и в незначительном количестве, керамика со шнуровой орнаментацией, что опять же позволяет видеть какие-то параллели с памятниками типа Чиркей-Миатлы. Ирганайскую узколокальную группу памятников сейчас можно дополнить еще одним памятником - *Ирганайским поселением II*.

В северо-западном (ичкерийском) варианте гинчинской культуры «центробежные» тенденции выражены в большей степени, чем в Горном Дагестане. Первая группа памятников, отмеченная узколокальными особенностями - это могильники *Малохарсенойский* и *Саади-Котар*. Расположены они поблизости друг от друга в бассейне реки Мартан в предгорной зоне (рис. 1; 137, сектор Б). Что сближает эти памятники между собой, и в то же время, несколько обособляет их внутри северо-западного варианта гинчинской культуры? Это, во-первых, абсолютное господство на этих памятниках погребальной конструкции типа грунтовой ямы, как правило, подпрямоугольной формы (рис. 58_{1,2, 5,6}); во-вторых, схожий погребальный обряд (индивидуальные, реже парные захоронения; ориентация погребенного головой в южный сектор; богатый погребальный инвентарь и т.д.); в-третьих, своеобразие керамической коллекции (отсутствие обмазки по тулову; обилие форм типа маленьких кружечек и больших сосудов-

горшков с расширяющейся горловиной, раздутым туловом и двумя ручками по бокам; наличие характерного уступа на месте перехода тулова в шейку; орнамент рельефного типа в виде букраний, концентрических кругов, шишечек, удлинённых налёпов и т.д.). Предположительно к этой узколокальной группе памятников можно добавить и *поселение Саади-Котар*.

Вторая узколокальная группа памятников внутри северо-западного варианта гинчинской культуры размещается также в предгорье, но уже к западу от реки Аксай, в пределах северной части Ножайюртовского и восточной части Шалинского района Чеченской Республики (рис. 1). К этой группе мы причисляем следующие памятники: *Бачиюртовские курганные могильники № № 2, 4 и одноименное поселение*, исследованное М.Х. Ошаевым в 1969, 1970 и 1974 гг., а также *грунтовый могильник у сел. Согунты*, случайно открытый в 1961 г. Возможно к этой группе относится и *комплекс вещей* (бронзовая двуволотная булава гатынкалинского типа, каменный топор и булава), происходящий из сел. *Мескеты* (сборы В.И. Долбежева, 1902 г.), расположенного недалеко от сел. Согунты. Но, к сожалению, у нас нет сведений о характере объекта, в котором этот комплекс был в свое время обнаружен.

Признаки, объединяющие вышеназванные памятники: 1) погребальные конструкции в виде грунтовых ям; 2) одиночные скорченные захоронения; 3) схожая керамика (высокие горшки с раздутым яйцевидным туловом и раструбно расширяющейся горловиной). К сожалению, все эти памятники изучены очень плохо, подавляющее большинство предметов происходит из разрушенных погребений, что затрудняет составление полного облика самих памятников. Этим, наверное, объясняется тот факт, что одни и те же исследователи (М.Х. Ошаев, В.И. Марковин) относят их то к эпохе средней бронзы, то к каякентско-хорочоевской культуре последующего времени.

Говоря об узколокальных группировках памятников северо-западного варианта гинчинской культуры, необходимо упомянуть еще один памятник, отмеченный своеобразием, - имеется в виду *могильник Эгикал*. Расположен он, правда, за пределами изучаемой нами территории - в Ингушетии. Обнаруженные здесь каменные склепы с коллективными захоронениями (рис. 63) близки к склепам многих могильников и Чечни и Дагестана (Гатын-Кале, Бельты, Гинчи и др.). Но особые конструктивные детали этих склепов (боковой вход прямоугольной формы; перекрытия из массивных тяжелых плит и т.д.) имеют аналогии на могильнике Ирганай, и отчасти в Бельты. Инвентарь эгикальских склепов (керамика - рис. 93; орудия труда - рис. 126_{16, 22, 23}; украшения - рис. 126_{1-20, 24-33}) в целом хорошо вписывается в круг вещей, характерных для гинчинской культуры

(рис. 137, сектор А). Керамике этого памятника свойственны полное отсутствие обмазанной керамики, наличие рельефного и гравированного орнамента, отсутствие ручек. Орнаментальные мотивы и композиции (налепные шишечки, удлиненные налепы, рельефные валики, дуговидные налепы, врезные узоры в виде треугольников и т.д.) также находят близкие аналогии в керамике гинчинской культуры, особенно ее северо-западного варианта. В настоящее время трудно сказать какое место занимают эгикальские склепы в гинчинской культуре. Мы уже приводили мнение Л.Г. Нечаевой и В.В. Кривицкого о том, что Эгикал и Ирганай - это могильники, оставленные неким одним народом при его миграции из Западного Кавказа на восток. Будущие раскопки на территории Чечни и Ингушетии восточнее реки Гехи, возможно, дадут нам недостающие звенья между Эгикалом и памятниками северо-западного варианта гинчинской культуры. Пока, считаем, что нет необходимости распространять ареал гинчинской культуры за пределы Чечни.

§ 2. Хронология и периодизация

Относительная и абсолютная хронология бронзового века Северного Кавказа, его периодизация - одна из самых нерешенных и запутанных проблем в кавказской археологии. Северо-Восточный Кавказ в этом плане не представляет исключения.

До недавнего времени северо-восточный вариант куро-аракской культуры обычно датировали в пределах III тыс. до н.э. [Мунчаев Р.М., 1975, с. 193; Котович В.Г., 1982, с. 114, 117]. Естественно при этом нижней датой памятников последующего времени (средняя бронза) служил рубеж III-II тыс. до н.э. или же начало II тыс. до н.э. По мнению М.Г. Гаджиева, основанном на данных стратиграфии прикаспийских поселений (Великент, Каякент, Мамай-Кутан), конец раннебронзовой эпохи на Северо-Восточном Кавказе следует отнести к 3-й четверти III тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., 1987, с. 28-29]. Значит, средняя бронза в таком случае должна начинаться с последней четверти III-го тыс. до н.э.

В Закавказье такой нижний порог средней бронзы начинает приобретать все больше сторонников [Лордкипанидзе О., 1982, с. 17; Кушнарева К.Х., 1985, с. 89; она же, 1986, с. 13, 15]. Это связано, в первую очередь, с удревнением верхней границы куро-аракской культуры. На Северном Кавказе тенденция углубления средней бронзы в III тыс. до н.э. также заметна [Нечитайло А.Л., 1973, с. 104].

С.Н. Корневский обосновывает желательность отнесения нижней границы средней бронзы на Северном Кавказе и в Закавказье к концу III

тыс. до н.э. особыми техническими переменами в бронзолитейном производстве, а также удобством совмещения периодизаций двух регионов [Кореневский С.Н., 1984, с. 276-277].

На наш взгляд, более плодотворна идея выделения между ранней и средней бронзой особого переходного периода, когда на основе старых традиций закладываются основы новых зарождающихся культур. В данном случае к этому переходному периоду (ранняя бронза / средняя бронза), относится последняя четверть III-го тыс. до н.э. Есть, правда, и другие точки зрения на этот счет. Например, В.Г. Котович, пересматривая хронологию каякентско-хорочоевской культуры, предложил включить в среднюю бронзу и XV-XIV вв. [Котович В.Г., 1982, с. 69, 117], но практически его в этом никто не поддержал. Мы согласны с С.Н. Кореневским в том, что 3-ю четверть II тыс. до н.э. следует отнести к особому переходному периоду от средней к поздней бронзе [Кореневский С.Н., 1986а, с. 14].

Таким образом, *периодизацию бронзового века на Северо-Восточном Кавказе* можно представить так [Магомедов Р.Г., 1993, с.6]:

- ранняя бронза (конец IV тыс. - 3-я четверть III тыс. до н.э.);
- ранняя бронза/средняя бронза (последняя четверть III тыс. до н.э.);
- средняя бронза (I-я половина II тыс. до н.э.);
- средняя бронза / поздняя бронза (3-я четверть II тыс. до н.э.);
- поздняя бронза (последняя четверть II тыс. до н.э.).

Анализ хронологии и периодизации гинчинской культуры затруднен несколькими обстоятельствами. Во-первых, масштаб археологических исследований в регионе все еще недостаточен для широких хронологических обобщений, чувствуется бедность источниковой базы, отсутствие закрытых погребальных комплексов, кладов вещей; во-вторых, в нашем распоряжении практически нет дат по C^{14} , которые могли бы послужить как ориентиры при создании хронологической шкалы памятников. В этом отношении Северо-Восточный Кавказ сильно отстает по сравнению с другими сопредельными территориями, в частности, от Грузии. Из тех дат по C^{14} , известных для памятников бронзового века Дагестана (для Чечни таких дат вообще нет), две вызывают сомнения. Речь идет о дате 1960 ± 60 гг. до н.э. (JE - 1064) для куро-аракского поселения Галгалатли I и дате 1740 ± 60 гг. до н.э. (JE - 1059) для погребения каякентско-хорочоевской культуры у сел Кафыр-Кумух. Абсурдность такого соотношения этих дат очевидна. Впрочем, В.Г. Котович не исключает реальность кафыркумухской даты [Котович В.Г., 1982, с. 70]. Для верхнего слоя Верхнегунибского поселения имеется одна относительно надежная дата - 1250 ± 50 гг. до н.э. [Гаджиев М.Г., 1974, с. 12]. И, наконец, в ходе широкомасштабных раскопок Дагестанско-Американской экспедиции на Великентском

комплексе памятников эпохи ранней и средней бронзы (1994-1995, 1997-1998 гг.) получена целая серия радиоуглеродных дат (ок. 20), которые "могут послужить опорой для создания единой хронологической шкалы памятников эпохи бронзы Дагестана и Северо-Восточного Кавказа в целом" [Гаджиев М.Г. и др., 1996, с. 49-50].

В развитии гинчинской культуры можно наметить *две фазы: ранняя и поздняя* (рис. 135). Как видим, периодизация гинчинской культуры прямо не соотносится с этапами археологической периодизации Северо-Восточного Кавказа. Генезис ее приходится на переходный период от ранней к средней бронзе, основное развитие падает на эпоху средней бронзы, а в переходный период от средней к поздней бронзе постепенно трансформируется в каякентско-хорочоевскую культуру.

Надо сказать, что предложенная периодизация гинчинской культуры основана на материалах стратиграфически хорошо изученного Верхне-гунибского поселения. Напомним, что на этом бытовом памятнике В.М. Котович были выделены 3 слоя*, датированные следующим образом: 3 слой (нижний) - последние века III тыс. - начало II тыс. до н.э., 2 слой (средний) - 1700-1400 гг. до н.э. и 1 слой (верхний) - XIV-XIII вв. до н.э. [Котович В.М., 1965, с. 241-250]. Важно заметить при этом, что нижние два слоя этого памятника автор раскопок полностью соотносила с двумя ранними этапами периодизации бронзового века Дагестана (карабудахкентско-гонобский и гинчинско-гатынкалинский), а верхний слой - с начальным периодом существования каякентско-хорочоевской культуры.

Деление бронзового века Дагестана на три периода и наименование их упомянутыми сочетаниями памятников нашло распространение в литературе 60-х гг. Особенным приверженцем такой периодизации бронзы Дагестана был В.Г. Котович, что объяснялось его стремлением представить отдельные археологические периоды как этапы в развитии единого дагестано-нахского этнического массива, избегая при этом по возможности термина «археологическая культура». В схеме периодизации и хронологии памятников медно-бронзового и железного века Дагестана, данной в последней монографии В.Г. Котовича [1982, с. 117], карабудахкентско-гонобский этап всецело отнесен к ранней бронзе с датировкой XXIII-XX вв. до н.э., а между ними и гинчинско-гатынкалинским этапом втиснут новый этап - миатлинский (XX-XVIII вв. до н.э.). Гинчинско-гатынкалинский этап в схеме В.Г. Котовича, по сравнению с периодизацией В.М. Котович,

* Стратиграфически на поселении выделяется и четвертый слой, но т.к. он образован золой из очагов в виде засыпи неровностей пола помещений, В.М. Котович считает его одной из ранних фасций третьего слоя [Котович В.М., 1965, с. 35]. К.Н. Золотов обратил внимание на своеобразие остеологического материала третьего и четвертого слоев [Золотов К.Н., 1966а; 1966б].

укорочен на одно столетие (XV-XIV вв. до н.э.). Последний этап в виде исключения фигурирует в качестве археологической культуры во многих местах упомянутой монографии В.Г. Котовича.

Генезис археологической культуры - вопрос ключевой в ее изучении. Так же обстоит дело и с гинчинской культурой. На первый взгляд, проблема ее происхождения ясна. Вряд ли кто сейчас оспорит генетическую связь гинчинской культуры с предшествующей куро-аракской культурой. По последним данным северовосточный вариант этой культуры с середины III-го тыс. до н.э. переживает глубокий кризис. Причем, кризис коснулся всех компонентов культуры. Меняется строительная традиция, на смену круглоплановым постройкам приходят прямоугольные. Впервые этот процесс хорошо фиксируется в архитектуре Сигитминского поселения [Гаджиев М.Г., 1983б, с. 24-25, 27], относимого М.Г. Гаджиевым к последнему периоду развития местного варианта куро-аракской культуры [Гаджиев М.Г., 1987, с. 17]. Здесь одиноко стоящие прямоугольные постройки с округлыми углами нижнего слоя сменяются затем трехкамерными постройками.

Многокамерные жилища прямоугольной формы - основной элемент архитектуры гинчинской культуры. Заметные изменения происходят и в погребальном обряде, особенно на памятниках Горного Дагестана. На могильнике Гоно, синхронизируемом с Сигитмой, уже появляются склепы прямоугольной формы [Гаджиев М.Г., 1986б, с. 25-26]. В последующем подобные склепы долго будут в Горном Дагестане сосуществовать с круглоплановыми. В равнинном Дагестане впервые появляются курганы (Торпах-Кала) [Котович В.М., 1985, с. 59 и далее], не характерные для местной культуры. В целом ряде пунктов предгорья и равнины зафиксированы культовые, поминальные комплексы, опять же носящие сильный отпечаток майкопской культуры [Магомедов Р.Г., 1986, с. 34-35; 1991а, с. 43-45; 1991б, с. 13-35].

Инновации коснулись и инвентаря куро-аракской культуры. В керамике появляются новые типы сосудов, широкое распространение получают рельефная орнаментация, прием обмазки тулова сосудов слоем жидкой глины. Обмазка сосудов в последующем еще шире применяется и продолжает существовать на Северо-Восточном Кавказе вплоть до раннего средневековья. Кремневая индустрия переживает сильную деградацию, что объясняется широким вовлечением в быт и производство металла. Словом, можно констатировать, что на заключительном этапе развития северовосточного варианта куро-аракской культуры вызревают многие элементы последующих культур эпохи средней бронзы, в том числе и гинчинской культуры.

Последняя четверть III-го тыс. до н.э. - это переходный период от ранней к средней бронзе, время формирования на Северо-Восточном Кавказе различных культур эпохи средней бронзы, составляющих восточнокавказскую метакультурную общность. К сожалению, начальный период становления гинчинской культуры можно осмыслить лишь на основе 3-го слоя Верхнегунибского поселения, и в какой-то мере, ранних комплексов могильника Гинчи.

На Верхнегунибском поселении мы уже сталкиваемся с *новой строительной традицией*: на смену круглоплановым изолированным домам ранней бронзы пришли прямоугольные многокамерные комплексы (рис. 5). Исчезают традиционные для круглоплановых жилищ центральные углубленные в пол круглые очаги, они заменяются пристенными печными сооружениями типа «кор». В предшествующее время такие печи, как правило, были связаны в основном с хозяйственными постройками (Мекеги, Тад-Шоб). На Сигитминском поселении они уже полностью вытеснили архаичные круглые центральные очаги.

Датировка 3 слоя Верхнегунибского поселения, данная В.М. Котович, и теперь может считаться в принципе верной. Осуществлена она была в свое время в основном синхронизацией материалов этого слоя с данными памятников типа Карабудахкент и Гоно. Некоторые доводы В.М. Котович при этом ныне устарели. Такова, например, ее убежденность, что налепы-трезубцы и орнамент в виде горизонтальных поясков заштрихованных треугольных фестонов с бахромой не выходят за пределы т.н. карабудахкентско-гонобского этапа.

В настоящее время для датировки нижнего слоя Верхнего Гуниба можно использовать некоторые другие аргументы. В 3-м слое Верхнего Гуниба имеется ряд сосудов, несомненно, сделанных в стиле беденской керамики (рис. 67₆₈₋₇₀, 68₁₋₆): об этом говорят черная блестящая лощеная поверхность этих сосудов, относительно чистое, хорошо отмученное тесто, ребро на тулове, в некоторых случаях «жемчужный» орнамент (рис. 68₆) или округлые вдавления на тулове напротив ручки (рис. 68₅).

Влияние традиций беденской керамики в Дагестане не ограничивается 3-м слоем Верхнегунибского поселения, она ощущается и в ранних материалах Гинчи (рис. 67, 68₇₋₁₇, 69). Подражания Бедени имеются в великентских катакомбах (рис. 68_{18,19}). Есть в Дагестане и прямой керамический импорт алазано-беденской керамики [Магомедов Р.Г., 1984] (рис. 70). Все сказанное позволяет предварительно распространить на 3 слой Верхнего Гуниба общие хронологические рамки алазано-беденской культуры - вторая половина III тыс. до н.э. - начало II тыс. до н.э. [Гобеджишвили Г.Ф., 1980, с. 136; Глonti Л.И., Джавахишвили А.И., 1987, с. 80]. Симп-

томатично, что калиброванные даты С¹⁴ этой культуры, как отмечает Г. Кавтарадзе, следует отнести даже к первой половине и середине III тыс. до н.э. [Кавтарадзе Г., 1983, с. 109].

Большой интерес для определения *нижней даты 3-го слоя Верхнегунибского поселения* имеют очажные подставки, как правило, имеющие цилиндрическую форму (рис. 103₅₋₇, 104₆₋₁₀, 105₃₋₅). Многочисленные аналогии им имеются на таких куро-аракских поселениях Дагестана, как Мекеги, Галгалатли I и Чиркей (Тад-Шоб) [Гаджиев М.Г., 1983б, рис. 5₁, 9₂₇, 16₈₋₁₀]. Первые два памятника М.Г. Гаджиев относит к первому этапу ранней бронзы, а последний - ко второму этапу ранней бронзы [Гаджиев М.Г. 1987в, с. 15-16]. Напомним, что конец ранней бронзы на Северо-Восточном Кавказе им определен в рамках 3-й четверти III тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г. 1987в, с. 29]. Учитывая это обстоятельство, а также то, что ни на одном другом памятнике средней бронзы Северо-Восточного Кавказа очажные подставки подобного типа не обнаружены, мы получаем еще один аргумент для отнесения нижней границы 3-го слоя Верхнего Гуниба к началу последней четверти III тыс. до н.э.

Это подтверждается и такой находкой из этого слоя, как штыковидный наконечник (рис. 107₃). Он является, по мнению многих специалистов (В.М. Котович [1965, с. 138], С.Н. Кореневский [1986, с. 44], М.Г. Гаджиев [1986а, с. 43-44]), местным подражанием штыковидному оружию, известному в Передней Азии и Закавказье уже с начала III -го тыс. до н.э. На двух образцах подобного оружия указаны имена царя аккадской династии Маништусу* и правителя Элама Пузур Шушинака**. В свое время Б.А. Куфтин связал хронологически с ним штыковидный наконечник из Сачхере (Царцис-гора), отнеся его к 2400-2200 гг. до н.э. [Куфтин Б.А., 1949, с. 74]. Как справедливо считает Г. Кавтарадзе, сачхерский экземпляр может быть сравнен и с более ранними образцами подобного оружия, в частности, с наконечниками из царской гробницы Ура [Кавтарадзе Г., 1983, с. 100]. Нам важно, что кавказские штыковидные наконечники в целом укладываются в рамки III тыс. до н.э. Единственный штык, обнаруженный в Хачбулагском кургане (Карабах) в погребении эпохи средней бронзы [Нариманов И., Исмаилов Г., 1961, с. 25, табл. 1], по предположению К.Х. Кушнарева и Т.Н. Чубинишвили, попал туда из более ранней могилы [Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970, с. 125]. На Северном Кавказе штыковидные наконечники практически неизвестны (один штык обнаружен в майкопском комплексе Бамутского могильника [Мунчаев Р.М.,

* Годы правления относятся к XXIII в. до н.э. [см. : Бикерман Э., 1975, с. 181].

** У Э. Бикермана этот правитель указан под именем Кутик-Иншушинак как современник аккадского царя Шаркалишарри, 2200-2176 гг. до н.э. [см. : Бикерман Э., 1975, с. 189].

1975, с. 396, рис. 75₃]. Таким образом, есть все основания относить верхне-гунибский штыковидный наконечник к последним векам III тыс. до н.э., хотя К.Х. Кушнарева и Т.Н. Чубинишвили склонны были датировать его в рамках II тыс. до н.э. [Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970, с. 125].

Еще один памятник Дагестана, в составе которого можно выделить комплексы переходного периода от ранней к средней бронзе - это *могильник Гинчи*. Несколько слов об истории определения хронологии этого памятника. Первоначально на основе незначительного раскопчного материала М.И. Пикуль предложила датировку могильника рубежом III-II тыс. до н.э., что, однако, вызвало возражения некоторых специалистов (А.А. Иессен, Е.И. Крупнов), предложивших, в свою очередь, датировку серединой II тыс. до н.э. [см.: Гаджиев М.Г., 1969б, с. 151]. По мере нарастания объема материалов из раскопок, его осмысления датировка памятника уточнялась. Так, М.Г. Гаджиев первоначально датировал могильник серединой - 3-й четвертью II тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г. 1962, с. 166-188], затем остановился на датировке его временем от XIX-XVIII до XII вв. до н.э. [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 157]. Тогда же им была предпринята попытка выделения ранних и поздних комплексов могильника. Наиболее ранними были признаны склеп № 7 и V ярус склепа № 5, содержавшие бронзовую булавку с биспиральной головкой, бронзовые височные подвески лавролистной формы, многочисленные лощеные сосуды, в том числе с полушарными архаическими ручками, а также налепными узорами в виде трезубца и двузубца. Основная часть комплексов Гинчи, по мнению М.Г. Гаджиева, занимала промежуточное положение между этими ранними комплексами и наиболее поздними материалами склепов №№ 2 и 6. Очень важен вывод автора раскопок, полученный в ходе стратиграфических наблюдений, об архаичности круглоплановой формы склепов по сравнению с прямоугольными.

В 1974 г. М.Г. Гаджиев нижнюю границу датировки Гинчи опустил до начала II тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., 1974, с. 28]. С.Н. Кореневский на основе данных спектрального анализа металла также попытался разделить комплексы Гинчи на раннюю и позднюю группы [Кореневский С.Н., 1980, с. 37-45; 1986а, с. 5-15]. «К нижней, среднебронзовой группе, - по его мнению, - относятся погребения с биволютными, дисковидными булавами, медальонами, подвесками в 1,5 оборота круглого сечения, подвесками с одним раскованным плоским концом, колпачками с пунсоном, пружинными браслетами из склепов 2, 5, 7, 13 и нижнего яруса склепа 9» [Кореневский С.Н., 1986а, с. 9]. Особенностью этой группы комплексов является преимущественное использование мышьяка в качестве лигатуры. К поздней фазе Гинчи отнесены склепы 3, 6, верхний ярус склепа 9, склепы 11 и 12, в которых встречаются булавки, подобные кобанским, подвески с во-

гнутыми лопастями в 1,5 оборота, колпачки без пунсона. На этой фазе наряду с мышьяковой бронзой получают распространение условно-оловянистая и оловянистая бронза. Ранняя фаза Гинчи, по С.Н. Кореневскому, относится целиком к эпохе средней бронзы (первая половина II тыс. до н.э.), а поздняя - к переходному периоду от средней к поздней бронзе (3-я четверть II тыс. до н.э.) [Кореневский С.Н., 1986а, с. 11].

На наш взгляд, в настоящее время есть возможность нового подхода к периодизации и хронологии Гинчи. Возьмем нижнюю хронологическую границу его функционирования. Представляется верной тенденция в сторону ее удревнения. При этом можно выделить следующие аргументы: во-первых, большая серия чернолощеных высокохудожественных сосудов из Гинчи с хорошим обжигом, имеющие, как правило, наклепной и врезной геометрический узор (рис. 68₇₋₁₇, 69), очень близка к керамике т.н. алазано-беденской культуры. Причем речь не идет о простом сохранении каких-то традиций гончарного производства племен Восточной Грузии и их использовании в местной керамике. Сходство и близость глиняной посуды из Бедени и Гинчи настолько явны и существенны, что, по-нашему мнению, могут быть объяснены довольно долгим периодом их синхронного существования. Учитывая вероятность удревнения верхней границы алазано-беденской культуры, считаем возможным отсчитывать время функционирования Гинчи не с начала II тыс. до н.э., а с конца III тыс. до н.э. (примерно с 2100-2050 гг. до н.э.). Во-вторых, о такой ранней датировке некоторых комплексов Гинчи свидетельствуют аналогии и другим категориям инвентаря, например, бронзовым булавам с биспиральной головкой, подвескам лавролистной формы, подвескам в 1,5 оборота из круглого прута и т.д., хорошо известным в комплексах III тыс. до н.э. В-третьих, в пользу удревнения Гинчи говорит и архаическая круглоплановая форма большинства его погребальных конструкций. Традиция сооружения круглоплановых склепов на могильниках куро-аракской культуры, фиксируемая, например, в Шебоха, уже на заключительной фазе ранней бронзы начинает сменяться новой традицией прямоугольных склепов. Об этом свидетельствует могильник Гоно. Эволюция склепов от круглоплановой формы к прямоугольной, как это установил автор раскопок, происходит и в Гинчи. По логике вещей, прямоугольные склепы Гоно и круглоплановые склепы Гинчи, хотя и не функционировали синхронно, но, наверное, не имели между собой значительного хронологического разрыва. Погребальный обряд - достаточно консервативный элемент в культуре древних племен, поэтому инновации в строительном деле и архитектуре, выразившиеся, в первую очередь, в смене круглоплановых построек прямоугольными, не сразу и безусловно сказались в погребальных конструкциях.

Кроме Верхнего Гуниба и Гинчи в Горном Дагестане практически нет хорошо исследованных памятников, существование которых мы могли бы отнести к переходному периоду от ранней к средней бронзе. Из разведочно обследованных памятников этим временем можно более или менее уверенно датировать поселение Усиша [Котович В.Г., 1960, с. 64-65]. Там были выявлены остатки прямоугольных стен, сложенные сухой кладкой из известняка. В.Г. Котович, анализируя разнообразный подъемный материал, пришел к мнению о возможности отнесения этого поселения к т.н. карабу-дахкентско-гонобскому этапу. Последний им определен на основе «аналогий среди материалов закавказских памятников конца древнебронзовой эпохи, с одной стороны, и памятников новосвободненского этапа майкопской культуры ..., с другой стороны» в рамках 2300-2000 гг. до н.э. [Котович В.Г., 1982, с. 113]. Как видно, этот этап почти совпадает с выделенным нами переходным периодом от ранней к средней бронзе (последняя четверть II тыс. до н.э.). Думается, датировка Усишинского поселения определена В.Г. Котовичем правильно. К куро-аракской культуре оно не относится из-за не характерных для этой культуры прямоугольной архитектуры и обмазанной керамики. С 3-м слоем Верхнего Гуниба Усиша сближается находками кремневых черешковых наконечников стрел (рис. 106₂₃₋₂₅). Подобные наконечники стрел пока не обнаружены на памятниках куро-аракской культуры в Дагестане [Мунчаев Р.М., 1961, с. 64-66; Котович В.М., 1965, с. 125; Гаджиев М.Г., 1988, с. 10]. Найдены они на могильнике Гоно (рис. 106_{21,22}), который занимает как бы промежуточное положение между куро-аракской и гинчинской культурами [Котович В.Г., 1961а, рис. 18_{1,2}], и у сел. Ругуджа поблизости от известных наскальных изображений Чувал-хвараб-нохо [Котович В.Г., 1961а, с. 37, рис. 21₃]. Между тем, на закавказских памятниках куро-аракской культуры черешковые наконечники стрел хорошо известны [Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970, рис. 25₂₀, 26₃, 28_{4,5}, 29₃]. В свое время В.М. Котович на этом основании даже предположила возможность проникновения черешковых наконечников стрел из Закавказья на Северный и Северо-Восточный Кавказ, а отсюда - «и в степные районы Юго-Восточной Европы, где они встречаются в памятниках катакомбной культуры» [Котович В.М., 1965, с. 12-128].

В Горной Чечне памятники, синхронные нижнему слою Верхнего Гуниба и ранним комплексам Гинчи, и датируемые в пределах переходного периода от ранней к средней бронзе, практически отсутствуют (рис. 13). Лишь два памятника - могильники Малый Харсеной и Саади-Котар, расположенные в северо-западной части ареала гинчинской культуры в Чечне и образующие узколокальную группу, возможно, нижним хронологическим

рубежом несколько углубляются в конец ранней бронзы. Критерием для этого служит керамическая посуда, имеющая явно выраженную генетическую связь с керамикой куро-аракской культуры: характеризуется она лощеной поверхностью, отсутствием обмазки, наличием таких типологических особенностей, как уступ на шейке, полушарные ручки, рельефный орнамент в виде шишечек, дуг, трезубцев и двузубцев, концентрических кругов и т.д. (рис. 136, сектор Б). Более всего керамика могильников Малый Харсеной и Саади-Котар соотносится с керамикой таких ранних памятников, как Новые Аршты [Мунчаев Р.М., 1961, с. 127-129] (Чечено-Ингушетия), Карабудахкент [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1959, с. 151-152 и далее, рис. 4, 5_{1,2} и далее] (Дагестан), Сачхере [Джапаридзе О.М., 1960, табл. XVII; XVII-XIX] (Грузия), датируемых заключительной фазой ранней бронзы и переходным периодом от ранней к средней бронзе. В погр. № 11 Малохарсенойского могильника найден небольшой сосуд (рис. 136₆₅) в виде полусферической чаши на 4 ножках [Марковин В.И., 1967, л. 55]. Прямых аналогий этому сосуду в древностях бронзы сопредельных территорий найти не удалось. Но здесь важен другой момент. Сосуды на ножках - сами по себе неординарные, редкие находки в керамических коллекциях. Поэтому, считаем возможным привлечь в качестве аналогий известные горшки на 3-х (триподы) и 4-х ножках из курганных погребений Бамута [Мунчаев Р.М., 1986, с. 34, рис. 2₁₋₃, 3_{1,2}], Дзуарикау [Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980, рис. 3₁₋₅, 4₁₋₅ и далее] на Северном Кавказе. Комплексы, в которых найдены подобные сосуды, Р.М. Мунчаев справедливо относит к периоду после бытования куро-аракской и майкопской культур и до распространения северокавказской к.и.о., синхронизируя его с алазано-беденской культурой в Восточной Грузии [Мунчаев Р.М., 1986, с. 37-38].

Количество памятников гинчинской культуры, время бытования которых можно уверенно начать с рубежа III-II тыс. до н.э., резко возрастает. Наряду с переходным периодом «ранняя бронза/средняя бронза» к ранней фазе развития гинчинской культуры мы относим первую четверть II тыс. до н.э. Подобный период, можно заметить, выделяется во многих периодизациях культур эпохи средней бронзы Кавказа и др. областей. Например, он почти аналогичен I этапу развития северокавказской культуры (по В.И. Марковину) [Марковин В.И., 1960б, с. 84]. В уже упомянутой схеме периодизации и хронологии памятников медно-бронзового и железного века Дагестана, данной В.Г. Котовичем, XX-XVII вв. до н.э. обозначены как «миатлинский этап» [Котович В.Г., 1982, с. 116-117]. К этому этапу наряду с миатлинскими курганами первого типа и синхронных им курганов Чиркейского могильника отнесены ранняя группа захоронений в кругло-

плановых склепах Гинчи и 2-й слой Верхнегунибского поселения. Правда, все это, как и вся схема периодизации в целом, подано В.Г. Котовичем без какой-либо аргументации. Как уже упоминалось выше, В.М. Котович в своей монографии датировку 3-го, самого нижнего, слоя Верхнего Гуниба растягивала вплоть до 1700 гг. до н.э., 2-й же слой определяла временем 1700-1400 гг. до н.э. При этом В.М. Котович вступает в противоречие с собственными стратиграфическими наблюдениями на поселении. Дело в том, что 2-й слой, судя по описаниям В.М. Котович, значительно превышает толщину 3-го слоя, содержит многочисленные остатки строительных построек, имеющие явные следы неоднократных переделок и перепланировок. При характеристике строительных остатков раскопа № 1 В.М. Котович, например, особо указывает, «что время образования второго культурного слоя является наиболее продолжительным и активным периодом функционирования» одного из описываемых помещений [Котович В.М., 1965, с. 36]. В таком случае непонятно почему в хронологической шкале поселения диапазон 3-й слоя явно превышает вышележащий 2-й слой. Датировка последнего, по-нашему мнению, сильно укорочена. В.Г. Котович, наверное, прав, отнеся 2-й слой Верхнего Гуниба к XX-XVI вв. до н.э., тем самым оканчивая датировку 3-го слоя концом XXI в. до н.э. Датировке нижней хронологической отметки 2-го слоя Верхнего Гуниба, как это сделала В.М. Котович, мешает еще одно обстоятельство. В этом слое, как известно, найдены очажные подставки двух видов, не имеющие аналогов ни в одном другом памятнике эпохи средней бронзы на Северо-Восточном Кавказе, но зато широко распространенном на памятниках куро-аракской культуры. Очажные подставки цилиндрической формы с расширенным основанием из Верхнего Гуниба (рис. 94₄ и др.) имеет многочисленные прототипы на таких памятниках III тыс. до н.э., как Мекеги, Галгалатли I, Тад-Шоб (Чиркей). Верхнегунибская очажная подставка в виде обожженного своеобразного глиняного кирпичика с небольшими выступами по краям (рис. 104₁₁) очень близка очажной подставке из Тад-Шоба [Гаджиев М.Г., 1983б, с. 20, рис. 9₂₈]. Аналогичные очажные подставки хорошо известны во всем ареале распространения куро-аракской культуры [Мунчаев Р.М., 1961а, с. 124, рис. 44₁₋₂; он же, 1975, с. 361-364, рис. 29_{14, 42-43, 78}; он же, 1994а, с. 44-46, табл. 13; Гаджиев М.Г., 1991б, с. 220-221]. Следовательно, нижний рубеж датировки 2-го слоя Верхнего Гуниба следует отнести к самому началу II-го тыс. до н.э., не создавая, таким образом, большого хронологического разрыва между куро-аракской культурой и 2-м слоем.

Хронологическое расчленение материалов могильника Гинчи - непростой вопрос. Как уже говорилось, М.Г. Гаджиев высказал свои сообра-

жения о ранних и поздних комплексах этого памятника, и указал общую его датировку в рамках XIX-XII вв. до н.э. С.Н. Корневский на основе данных спектрального анализа металла предложил деление «металлоносных» комплексов Гинчи на две фазы: *ранняя фаза* (склеп № 2 - ярусы 1, 2, 3; склеп № 5 - ярусы 1, 2, 3, 4, 5; склеп № 7; № 9 - ярус 3; склеп № 6 - ярусы 2, 3) и *поздняя фаза* (склеп № 3 - ярусы 1, 2, 3, 4; склеп № 6 - ярусы 1, 2, 3; склеп № 9 - ярусы 1, 2; склеп № 11; склеп № 12) [Корневский С.Н., 1986а, с. 9, табл. 2]. Ранняя фаза датирована временем эпохи средней бронзы (1-я половина II тыс. до н.э.), а поздняя отнесена к переходному периоду от средней к поздней бронзе (3-я четверть II тыс. до н.э.).

В принципиальном плане относительно-хронологическая классификация материалов Гинчи на две фазы не вызывает возражения. Обращает на себя внимание тот факт, что высказывания М.Г. Гаджиева о наиболее ранних (склеп № 7, ярус 5 склепа № 5) и наиболее поздних (1 ярус склепа № 6 и др.) комплексах могильника в целом находят подтверждения в классификации С.Н. Корневского. Но есть и несовпадающие моменты. Так, например, С.Н. Корневский относит 2 ярус склепа № 2, да и весь склеп в целом, к ранней фазе, в то время, как М.Г. Гаджиев склонен видеть в разделении склепа на отсеки признаки зарождения традиции сооружения каменных ящиков каякентско-хорочоевской культуры, а погребение из 2-го яруса с костяным черешковым наконечником стрелы датирует последними веками II тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 157].

Целиком соглашаясь с отнесением к ранней фазе комплексов, указанных С.Н. Корневским, мы не столь солидарны при выделении состава поздней фазы могильника. В основе такого выделения поздней фазы у С.Н. Корневского лежат 3 аргумента. Первый из них - это убежденность автора об относительно позднем появлении, а тем более широком распространении бронз с лигатурой олова на Северо-Восточном Кавказе; второй связан с мнением о поздней датировке (с середины II тыс. до н.э.) бронзовых пластинчатых подвесок с широкими желобчатыми лопостями, а также близости некоторых типов бронзовых булавок к раннекобанским образцам; третий аргумент основан на отсутствии в этих комплексах «типичных среднебронзовых украшений». Ни один из этих аргументов нас в полной мере не удовлетворяет. Во-первых, вещи, сделанные из оловянистой бронзы, не столь уж редки в эпоху средней бронзы на Кавказе, в том числе и в Дагестане. В богатой коллекции металла катакомбы № 1 Великентского могильника, датируемой концом III - началом II тыс. до н.э., выявлено 15 предметов с лигатурой олова [Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984, с. 24]. Есть такие предметы, правда, в 2-х экземплярах, и в комплексах ранней фазы Гинчи. В Закавказье оловянистые бронзы появляются в конце

ранней бронзы, получают широкое распространение на памятниках конца III - первой половины II тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., Корневский С.Н., 1984, с. 27]. Во-вторых, тезис о позднем появлении и распространении бронзовых подвесок с желобчатыми лопастями и всецелое связывание их с древностями каякентско-хорочоевской культуры, вряд ли, правомочен, - т.к. подобные украшения, как показал В.Г. Котович, возводятся к времени царских гробниц Ура, в Закавказье появляются в конце III тыс. до н.э., а на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане получают распространение в эпоху средней бронзы [Котович В.Г., 1982, с. 60, рис. 8].

Что же касается бронзовых булавок с полукруглой головкой и опущенными вниз краями, отнесенных С.Н. Корневским вместе с комплексами, в которых они найдены, к переходному периоду от средней к поздней бронзе, то можно вспомнить, что М.Г. Гаджиев, хотя и датировал их 3-й четвертью II тыс. до н.э. по сочетанию с бусинами с 3-мя «бородавками», но в то же время подчеркнул их отличия от раннекобанских булавок, а главное, раннюю хронологическую позицию по отношению к последним [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 140]. В настоящее время уже ясно, что «бородавчатые» бусы появляются на Кавказе значительно раньше, чем предполагалось до сих пор. К тому же вместе с бронзовой булавкой II типа (по М.Г. Гаджиеву) в одном ярусе склепа № 3 найдена и бронзовая однолопастная пластинчатая подвеска с загнутым краем для подвешивания (рис. 107₅₄). Такие украшения, по мнению автора раскопок, в типологическом ряду пластинчатых подвесок наиболее ранние [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 145]. Все сказанное, на наш взгляд, позволяет удрежить комплексы из склепов №№ 3, 11, 12 и отнести их к 2-му ярусу склепа № 9, который, между прочим, в другой статье С.Н. Корневского, посвященной металлургии Гинчи, определен в рамках ранней фазы могильника [Корневский С.Н., 1986а, с. 45, рис. 5]. Последующая передатировка яруса не понятна.

Надо иметь в виду, что погребальная конструкция склепа № 9 специфична: в нижней части она круглоплановая, а в верхней - прямоугольная. 1-й ярус связан с прямоугольной частью склепа, а нижние два яруса - с круглоплановой. Поэтому, мы считаем, что отрывать 2-й ярус от 3-го и относить его к поздней фазе могильника не следует. Примечательно, что в этом ярусе найдена бронзовая булавка с дисковидной головкой, украшенной точечным узором (рис. 104₁₂). Аналогичные булавки происходят из нижнего 3-го яруса склепа «9 (рис. 104₉), из самого нижнего 5 яруса склепа № 5 (рис. 104_{10, 11}), а также верхних двух ярусов склепа № 2. Все эти комплексы с булавками с дисковидной головкой отнесены С.Н. Корневским к ранней фазе могильника.

Отнесению склепов №№ 3, 9 (2 ярус), 11 и 12 к 3-й четверти II тыс. до н.э. противоречат и другие данные. В двух случаях (2 ярус склепа № 9 и склепа № 12) к поздней фазе отнесены склепы круглоплановой формы, которая по стратиграфическим наблюдениям, является более архаичной по сравнению с прямоугольной. Практически во всех этих склепах захоронено не менее чем 2 покойника, что мало характерно для погребальных комплексов 2-й половины II тыс. до н.э. Склеп № 3 имеет сегментовидную форму (рис. 24), возможно, промежуточную между двумя типами погребальных конструкций: круглоплановыми и прямоугольными. Почти во всех склепах обнаружена в немалом количестве лощеные круглодонные горшочки, сделанные в русле традиций алазано-беденской керамики, и другие сосуды весьма архаичной формы.

Таким образом, периодизация комплексов Гинчи представляется следующим образом. Наиболее ранними на могильнике следует считать комплексы склепа № 7 и яруса 5 склепа № 5. Они скорее всего относятся к самому концу III - началу II тыс. до н.э. Аргументы в пользу этого приводились выше. К ранней форме развития гинчинской культуры относятся также остальные 4 яруса склепа № 5, 3 ярус склепа № 9, и, возможно, нижний 3 ярус склепа № 2. В склепах №№ 5 и 9 найдены сосуды - очень выразительные подражания алазано-беденской керамике. Аналогии бронзовой булавке 1 типа (по М.Г. Гаджиеву), происходящей из 2 яруса склепа № 5 (рис. 104₃), известны из Восточной Грузии; в частности, мы упоминали уже золотую булавку из подкурганных захоронений алазано-беденской культуры в Тетрицкаро [Гобеджишвили Г.Ф., 1980, с. 136, табл. XXXVIII, 3-7]. Там же были найдены и несколько бронзовых булавок с дисковидной головкой, близкие гинчинским украшениям подобного типа [Гобеджишвили Г.Ф., 1980, рис. 10-11].

Остальные погребения Гинчи относятся ко второй фазе хронологии гинчинской культуры.

Довольно не прост вопрос о датировке могильника *Галгалатли*. С самого начала хронологические рамки его функционирования были определены в пределах эпохи средней бронзы, т.е. примерно 1-ой половины II тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 18, 28; 1976, с. 14]. В.Г. Котович в своей периодизации памятников бронзового века *Галгалатли* датировали примерно 2-ой четвертью II тыс. до н.э., отнеся его к т.н. гинчинско-гатынкалинскому этапу эпохи средней бронзы [Котович В.Г., 1982, с. 117], правда, никак не аргументируя это. В самом деле, на 2-м этапе (по В.И. Марковичу) северокавказской к.и.о. (1700-1500 гг. до н.э.) получают свое широкое распространение аналогичные галгалатлинским образцам подвески: кольцевидные, с вертикальной перекладиной, подвески-медальоны в виде спа-

ренных двух дисков, ложечковидные, в виде перевитого жгутика с утолщением на одном конце и ушком на другом и некоторые другие. Но среди них нет ни одного типа украшений, которые, хотя бы спорадически, не встречаются в комплексах начала II тыс. до н.э. Так же обстоит дело и с другими находками могильника. Так, например, дату 1700-1450 гг. до н.э. галгалатлинским височным подвескам с одним щитком (рис. 107₅₈₋₇₁) дают аналогии из унетичской культуры и культуры шнуровой керамики Польши [Кухаренко Ю.В., 1969, с. 63, табл. 3; XVI, 5; XVII, 3], но близкие по форме подвески имеются и в слоях II и III Трои, датируемых К. Шеффером 2400-2100 гг. до н.э. [Schaeffer Cl. F.A., 1948, рис. 224, 165, 3-VI]. Откуда пришли лавролистные подвески на Северо-Восточный Кавказ? - вопрос пока остается нерешенным. Учитывая архаическую форму погребальных конструкций Галгалатли, широкий диапазон хронологических рамок некоторой части инвентаря склепов (все типы сосудов, бронзовые булавки, браслеты, очковидная подвеска, височные подвески в 1,5 оборота и др.), мы склонны датировать могильник Галгалатли 1900-1500 гг. до н.э. (рис. 139), суживая тем самым ранее данную широкую датировку (в пределах 1-й половины II тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985, с. 92].

Поселение Галгалатли II, расположенное недалеко от одноименного могильника и представляющее собой своего рода сезонный лагерь скотоводов, недостаточно изучено. Среди небольшой коллекции находок с него практически нет датирующих вещей. Поэтому на него приходится чисто условно распространить датировку могильника.

К сожалению, большинство известных на сегодня памятников Горного Дагестана, относимых к эпохе средней бронзы, изучено очень плохо, на уровне разведочного обследования и беглого анализа подъемного материала, что, разумеется, не позволяет серьезно говорить об их относительной и абсолютной хронологии. Это такие памятники, как *поселения Ирганай II, Гинчи II, Ингердах, Местерух, Муги, Кучраб и др., могильники Ругуджа, Хаджалмахи, Муги*. Не удивительно, что многие из этих памятников в разных исследованиях отнесены к различным археологическим периодам. Так, например, произошло с Ингердахским и Местерухским поселениями (Ахвахский район). Обычно их относили к памятникам рубежа III-II тыс. до н.э. или же 1-ой половины II тыс. до н.э. [Котович В.М., 1963, с. 39; она же, 1965, с. 19, 204; Гаджиев М.Г., 1974, рис. 1; Котович В.Г., 1982, с. 154-155]. В работе М.Г. Гаджиева о них уже говорится как о памятниках ранней бронзы [Гаджиев М.Г., 1983б, с. 37, рис. 1]. На наш взгляд, удревнение одного из этих памятников - Местерухского поселения - правильно. В небольшой коллекции подъемного материала из этого поселения представлены черепки исключительно гладкостенных сосудов, часто с лощеной до

блеска поверхностью черного или розовато-серого цвета. На поселении найдено несколько обломков вертикальных бортиков глиняных сковородок с рядом отверстий ниже венчика. Такие сковороды были распространены на территории Дагестана в эпохи энеолита и ранней бронзы [Гаджиев М.Г., 1987в, рис. 1_{22,23,25,26,52,93,94} и др., 22₈). До сих пор они не найдены ни на одном памятнике конца III - первой половины II тыс. до н.э., в том числе и в 3-м слое Верхнегунибского поселения. Все эти факты говорят о весьма ранней датировке Местеруха. Что касается Ингердаха, то представляется, что это поселение относится к средней бронзе, о чем говорят найденные обломки толстостенных грубообмазанных сосудов (рис. 72_{1,4}).

Рассмотрим теперь какие памятники относятся к ранней фазе развития гинчинской культуры на территории Юго-Восточной Чечни. О двух памятниках (*могильники Малохарсеннойский и Саади-Котар*) мы уже говорили ранее, в связи с вопросом о выделении переходного периода от ранней к средней бронзе. В целом датировка этих памятников видится в пределах XXI-XVIII вв. до н.э. Анализ керамики, свидетельствующий в пользу ранней датировки данных памятников, дополним некоторыми другими сообщениями. В погребении № 2 могильника Саади-Котар найден бронзовый наконечник стрелы четырехгранной формы с длинным выделенным черешком (рис. 110₁). На наш взгляд, наконечник сделан наподобие бронзовых штыковых оружий, о которых шла выше речь. На Северо-Восточном Кавказе прямых аналогий наконечнику из Саади-Котар мы не знаем. В какой-то мере с ним можно сопоставить бронзовый наконечник стрелы с круглым черешком и треугольным в сечении острием, случайно найденный в 1972 г. на территории раннебронзового памятника у сел. Карлобко, уничтоженного строительством каменного карьера*. На территории Малохарсеннойского могильника случайно найдены бронзовый топор и бронзовая двувольютная булава, косвенно указывающие на ранний облик этого могильника. Малохарсеннойский топор (рис. 101₇) очень близок к целому ряду топоров из Дагестана (Миатлы [Канивец В.И., 1959, с. 43; Канивец В.И., Березанская С.С., 1959, табл. III, 1]), Чечено-Ингушетии (Гатын-Кале [Марковин В.И., 1963б, рис. 296], Андреевская долина [Марковин В.И., 1960б, с. 46-47, 49, рис. 15₉], Бамут [Мунчаев Р.М., 1986, с. 36, рис. 3-4], Северной Осетии (Дзуарикау [Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980, с. 25-26, рис. 4_{1,6}] и др.). Довольно широк хронологический диапазон указанных топоров: миатлинский топор В.И. Марковин считал возможным отнести «к времени, близкому к середине II тыс. до н.э.» [Марковин В.И., 1963б, с. 123]. Топор же из Андреевской долины он датировал 1-м этапом северокав-

* Сведения о находке любезно предоставлены О.М. Давудовым.

казской культуры [Марковин В.И., 1960б, рис. 15₉]; топоры из Бамута и Дзуарикау Р.М. Мунчаев сблизил с бронзовым топором из одного погребения алазано-беденской культуры в Восточной Грузии [Мунчаев Р.М., 1986, с. 36]. Суммируя сказанное, можно утверждать, что бронзовый топор из Малохарсеноевского могильника косвенно свидетельствует о возможности отнесения этого могильника к 1-й фазе развития гинчинской культуры, чему не противоречит и остальной многочисленный погребальный инвентарь. Двуволютная булавка (рис. 110₁), например, аналогична булавке из самого раннего склепа № 7 Гинчи (рис. 104₂).

Комплексы, относящиеся к 1-й трети II тыс. до н.э., несомненно есть и на *могильнике Гатын-Кале*. Его датировка, по В.И. Марковину, укладывается примерно в рамках 1700-1400 гг. до н.э. [Марковин В.И., 1963б, с. 132, 135]. Но при этом автор обратил внимание на несколько погребений (№№ 0, 1, 14, 18, 32-33), которые содержат материалы, датируемые ранее 1700 г. («время около 1700 г. до н.э.») [Марковин В.И., 1963б, с. 133]. Такие черты, как лощеная блестящая поверхность, уступчатое оформление шейки сосудов, полусферные ручки, архаический рельефный орнамент в виде концентрических кругов, свойственные целой серии гатынкалинских сосудов, выделенных В.И. Марковиным в группу сосудов т.н. энеолитического типа, несомненно, говорят о необходимости углубления нижнего порога функционирования могильника до 2000 г. до н.э. (рис. 140). В пользу такой ранней датировки нижней границы Гатын-Кале свидетельствует и такой факт. В нижних горизонтах склепа № 7, отнесенных В.И. Марковиным ко времени 1700-1500 гг. до н.э., найдены были бронзовые булавки с дисковидной головкой, украшенной точечным узором (рис. 110_{11, 12}). Напомним, что в одном из верхних ярусов этого же склепа найдена бронзовая булавка с головкой, имеющей плоский верх, опущенные вниз и закрученные вовнутрь отростки (рис. 104₃). Такие булавки имеют бесспорные аналогии в погребениях алазано-беденской культуры и датируются ранее 1700 г. до н.э. [Гобеджишвили Г.Ф., 1980, с. 135-136, табл. XXXVIII, 4-7].

С необходимостью удревления нижней хронологической границы памятников типа Гатын-Кале - Бельты до 1900 г., и даже до 2000 г. до н.э., согласны В.Б. Виноградов и Б.М. Хашегульгов [Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1986, с. 17-18]. Но при этом вызывает удивление определение ими места *могильника Бельты* в хронологии среднебронзового века Юго-Восточной Чечни в пределах 1600-1400 гг. до н.э. [Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1986, с. 22]. Как видно, старая датировка Бельты, данная в 1982 г. В.Б. Виноградовым (XVII-XII вв. до н.э.) [Виноградов В.Б., 1982а, с. 29] претерпела сильную трансформацию.

Не касаясь вопроса о верхней дате могильника, отметим, что никак нельзя согласиться с датировкой нижней хронологической границы Бельты 1600 г. до н.э. В разрушенных погребениях этого могильника найдены 4 бронзовые булавки с дисковидными головками (рис. 110₁₃₋₁₅), украшенными, как и образцы из Гинчи и Гатын-Кале, точечным пунсонным узором [Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1986, с. 18, рис. 3_{1, 2}]. Такие булавки, как уже отмечалось, связаны с одними из самых ранних комплексов Гинчи и Гатын-Кале. В погребении № 41 Бельты обнаружены два костяных наконечника стрелы (рис. 101₂), имеющие выделенный черешок и острие с круглым сечением [Виноградов В.Б., 1983а, табл. 45_{8, 10}]. Еще один подобный наконечник найден на могильнике случайно. Наконечники стрел такого типа очень архаичны. В качестве аналогии можно привести 3 наконечника стрел, происходящие из основного погребения (№ 10) майкопского времени кургана № 17 Бамутского могильника [Мунчаев, 1975, с. 306, рис. 73₂]. Костяные наконечники стрел с выделенным черешком и коническим острием известны и в беденских курганах [Гобеджишвили Г.Ф., 1980, с. 136, табл. XI], есть они и в ряде памятников куро-аракской культуры в Закавказье [Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970, рис. 25_{17, 267, 20}]. Хорошим ориентиром для удревнения даты бельтинского могильника служит и один из 5 найденных здесь каменных топоров кабардино-пятигорского типа (рис. 100₆). Каменные топоры, достаточно близкие бельтинскому экземпляру и происходящие из Дагестана и других мест Северного Кавказа, ныне датируются весьма ранним временем (в пределах второй половины III тыс. до н.э.) [Гаджиев М.Г., 1975, с. 24-26; он же, 1988, с. 14-19; Гей А.Н., 1986, с. 24].

Исходя из сказанного, нижний предел функционирования бельтинского могильника представляется возможным датировать по крайней мере 1800 г. до н.э. В настоящее время очень трудно провести внутреннюю относительную хронологию многочисленных погребальных комплексов этого памятника. Но ясно одно: «загнать» этот могильник в рамки двух веков (XVIII-XV вв. до н.э.), как это попытались сделать В.Б. Виноградов и Б.М. Хашегульгов, никак не возможно.

Вторая поздняя фаза развития гинчинской культуры представлена намного большим количеством археологических комплексов по сравнению с первой. При соотнесении с предложенной периодизацией бронзового века Северо-Восточного Кавказа внутри второй фазы гинчинской культуры выделяются два отрезка. *Первый* из них (2-я четверть II тыс. до н.э.) приходится на конец эпохи средней бронзы и почти аналогичен 2-му этапу развития северокавказской к.и.о. (по В.И. Марковину). *Второй отрезок*

(XV в. до н.э.) уже входит в переходный период от средней к поздней бронзе (3-я четверть II тыс. до н.э.) и характеризуется постепенным вызреванием в недрах гинчинской культуры элементов каякентско-хорочевской культуры.

По схеме В.Г. Котовича XVII-XVI вв. до н.э. именуется гинчинско-гатынкалинским этапом [Котович В.Г., 1982, с. 117]. Сюда им отнесены, наряду с миатлинскими курганами 2-го типа и синхронными им погребениями Чиркейского курганного поля, а также Манасским и Огнинским могильниками, такие памятники горной части Северо-Восточного Кавказа, как Ирганайский, Чохский, Ругуджинский, Галгалатлинский, Гатынкалинский, Гинчинский (основная группа захоронений) могильники и Верхнегунибское (2 слой), Ирганайские I и II поселения. Можно согласиться с такой датировкой Чохского и Ругуджинского могильников, добавив сюда и такие слабо исследованные памятники, как поселения Гинчи II, Муги и Чох, могильник Муги в Горном Дагестане, поселения Саади-Котар, Гатын-Кале I и II, Бачи-юрт, могильники Зонах, Дуба-юрт, Дай, Гуни, Согунты, Курен-беной и др. в Юго-Восточной Чечне.

Остановимся более подробно на базовых, хорошо исследованных памятниках гинчинской культуры. В Горном Дагестане - это Верхнегунибское, Ирганайское I поселения и могильники Гинчи и Ирганай I.

Для определения верхней даты второй фазы развития гинчинской культуры важное значение имеет установление хронологических рамок верхнего 1-го слоя *Верхнегунибского поселения*. В.М. Котович определила дату этого слоя в пределах XIV-XIII вв. до н.э. Эту дату вроде бы подтверждает дата по C¹⁴, полученная для 1-го слоя (1250 г. до н.э. ± 50). Что же касается нижней границы датировки 1-го слоя Верхнего Гуниба, то она нам представляется заниженной. Наверное, прав В.Г. Котович, указывая на XV в. до н.э. как начало датировки 1-го слоя.

К поздней фазе развития, исходя из некоторых стратиграфических наблюдений М.Г. Гаджиева и данных спектрального анализа металла (И.Р. Селимханов, С.Н. Кореневский), можно отнести следующие комплексы Гинчинского могильника: склепы №№ 1 (все 3 яруса), 2 (верхние 2 яруса), 3 (все 3 яруса), 4, 6 (все 3 яруса), 8 (все 3 яруса), 9 (верхние 2 яруса), 10, 11, 12, 12 (оба яруса), 14 и 15. Подавляющее большинство этих комплексов, на наш взгляд, укладывается в рамках 1700 - 1500 гг. до н.э.

Как известно, М.Г. Гаджиев верхней датой могильника определил XII в. до н.э. При выделении поздних комплексов и сближении их с материалами каякентско-хорочевской культуры автором было отмечено несколько моментов: 1) появление в погребальном обряде элементов погребальных конструкций каякентско-хорочевской культуры (отсеки внутри

склепа № 2); 2) сосуды, имеющие явно каякентско-хорочоевский облик (горшки с широким горлом, вздутым туловом, непропорционально узким дном и обмазкой жидкой глиной внешней поверхности); 3) пластинчатые височные подвески с двумя лопастями; 4) «бородавчатый» пастовый бисер и 5) костяной черешковый наконечник стрелы позднего происхождения [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 153-154].

Несколько комментариев к этим признакам. Во-первых, привлекает внимание тот факт, что отсеки зафиксированы только в одном из склепов, имеющих круглоплановую форму, архаичную на могильнике. На могильнике нет ни одной погребальной конструкции типа каменного ящика, хотя в инвентаре и есть материалы вроде бы каякентско-хорочоевского облика. Нет здесь и конструкций типа «склеп-ящик», известных на некоторых памятниках Дагестана (Ирганай) и Чечни (Бельты и др.). Не говорит ли это в пользу того, что отсеки в склепе № 2 свидетельствуют не столь о зарождении признаков погребальных конструкций каякентско-хорочоевской культуры, сколько об особенностях самого склепа № 2. Дело в том, что последний по своим размерам разительно отличается от всех других погребальных сооружений Гинчи: его диаметр равен 3,40-3,70 м [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 20, рис. 1, 10₁], что почти в 1,5-2 раза превышает размеры остальных круглоплановых склепов. В данном случае мы развиваем предположение М.Г. Гаджиева, высказанное в устной беседе, о возможности использования здесь в эпоху средней бронзы древнего круглопланового жилища (могильник Гинчи расположен прямо на территории энеолитического одноименного поселения, на котором зафиксированы круглоплановые строительные постройки [Гаджиев М.Г., 1980б, с. 11, рис. 2, 4]) в качестве погребального сооружения. Необычно большой диаметр, стена равномерной толщины с выровненной внешней линией, боковой проем-вход в северной части - все эти признаки могут быть использованы для истолкования склепа № 2 как вторично использованного древнего жилища. В таком случае вертикальные плиты, образующие отсеки, можно было бы объяснить не стремлением имитировать каменные ящики, а необходимостью создания несущих конструкций при перекрытии довольно большого пространства внутри круглоплановой постройки.

Одним из аргументов доведения верхней границы функционирования Гинчи до XII в. до н.э. послужил костяной черешковый наконечник стрелы, происходящий в единственном числе и из этого склепа (рис. 96₁). Надо сказать, что этот предмет вооружения найден в среднем ярусе склепа, где обнаружены большое количество круглодонных сосудов, бронзовая булава с дисковидной головкой, бронзовые височные подвески с одной лопастью и т.д. Ни одна из этих вещей вряд ли выходит за пределы 1-ой половины II тыс. до н.э. Объяснить нахождение черешкового наконечника

стрелы в склепе можно по-разному: а) черешковые костяные стрелы появляются очень рано; б) перед нами не наконечник стрелы, а самый настоящий гарпун, т.к. автор пишет, что он одноперый («второе перо не выражено»); в) наконечник стрелы попал в склеп в позднее время при его ограблении или же он переместился из верхних горизонтов в средний ярус при рытье в наше время нескольких хозяйственных ям (ямы эти зафиксированы при раскопе). Какое из этих предположений верное - трудно сказать.

О том, что бронзовые височные подвески с широкими лопостями и пастовые «бородавчатые» бусины встречаются и в пределах первой половины II тыс. до н.э., мы уже говорили. Таким образом, представляется возможным уверенно датировать верхний хронологический рубеж функционирования могильника Гинчи только до 1400 г. до н.э.

Ирганайские поселение и могильник первоначально были синхронизированы и отнесены к середине II тыс. до н.э. В последующем, в связи с общей разработкой проблемы периодизации и бронзового века Дагестана, ирганайские памятники стали рассматриваться в рамках первой половины II тыс. до н.э. [Гаджиев М.Г., 1974, с. 18, 28]. В периодизации В.Г. Котовича они датируются временем гинчинско-гатынкалинского этапа (XVII-XVI вв. до н.э.) [Котович В.Г., 1982, с. 117]. В настоящее время представляется возможным выделить и на поселении и на могильнике поздние комплексы, выходящие за пределы 1500 г. до н.э. Склеп № 4 (раскопки Д.М. Атаева, М.Г. Гаджиева и М.Н. Погребовой, 1960 г.) сочетает архаический облик погребальной конструкции с погребальным обрядом (индивидуальное скорченное захоронение с южной ориентацией) и инвентарем (одноручный сосуд с обмазкой, пластинчатая подвеска и мелкие пастовые бусы), прямо соотносимыми с комплексами каякентско-хорочоевской культуры (например, погр. № 16 Хорочоевского могильника, погр. № 2 могильника Бураган-шоб) [Магомедов Р.Г., 1985б, с. 97]. Датировка склепа возможна в пределах XV в. до н.э. В склепе № 5 (раскопки 1986 г.) также имеются поздние комплексы. Это костяные черешковые двухперые наконечники стрел с боковыми щипами и без них (рис. 97₇₋₁₂), которые по многочисленным аналогиям с Северного Кавказа датируются последними веками II тыс. до н.э. [Давудов О.М., 1985, с. 110]. Поздний облик имеет и единственный целый сосуд из этого склепа с обмазкой по тулову. В подкурганном склепе № 1, раскопанном в 1988 г., обнаружен инвентарь, который можно отнести к XVI-XV вв. до н.э. Сюда входят, в первую очередь, около десятка глиняных сосудов с раструбно расширяющимися горловинами и вздутым туловами. Один из сосудов этого склепа прямо аналогичен сосуду из склепа № 2 Галгалатли [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985, с. 86, рис. 3₁₃]. Близкие аналогии ему имеются среди керамики Миатлинского, и осо-

бенно Чиркейского могильников [Костюченко И.П., 1959, с. 90, табл. 1, 11; Гаджиев М.Г., и др., 1966, рис. 38_{2, 4}]. Оригинальная костяная пряжка из склепа (рис. 140₂₆₀) очень схожа с зооантропоморфной пряжкой из подкурганной катакомбы (Ставрополь), датированной М.В. Андреевой приблизительно серединой II тыс. до н.э. Подводя итоги надо сказать, что верхний рубеж Ирганайского могильника следует датировать примерно XIV-XIII вв. до н.э.

Материалы раскопок 1986-1991 гг. позволяют вносить новое и в хронологическую трактовку Ирганайского поселения. Примечательно, что обломки керамики с черными и коричневыми подтеками краски найдены по всей толще культурных напластований. Керамика с «черными подтеками» наиболее характерна для памятников Дагестана, относящихся к переходному периоду от средней к поздней бронзе (Каякент, Мамайкутан, Манаскент и др.), а также для памятников каякентско-хорочоевской культуры. Учитывая эти обстоятельства, нижний рубеж ирганайских памятников, вслед за В.Г. Котовичем мы датируем 1700 г. до н.э.

При установлении верхней даты могильника *Гатын-Кале* работу нам облегчает тщательный анализ, данный В.И. Марковиным, согласно которому основная масса комплексов отнесена к 1700-1500 гг. до н.э., а небольшая часть (погр. №№ 4, 6, 13, 17, 21) - к началу 2-й половины II тыс. до н.э. (примерно до 1400 г. до н.э.) [Марковин В.И., 1963б, с. 133]. Последнюю дату мы принимаем. Так же считаем приемлемой верхнюю дату, предложенную совсем недавно для могильника Бельты (1400 г. до н.э.) В.Б. Виноградовым и Б.М. Хашегульговым [1986, с. 22]. Анализ инвентаря могильника, правда, основанный лишь на металлических изделиях, в целом позволяет согласиться с доводами авторов раскопок.

§ 3. Гинчинская и каякентско-хорочоевская культуры: Проблема преемственности

Этот раздел работы посвящен территориальному, хронологическому и некоторым другим аспектам соотношения двух археологических культур бронзового века Северо-Восточного Кавказа - гинчинской каякентско-хорочоевской культур. Речь, таким образом, пойдет об исторических судьбах гинчинской культуры на заключительном этапе своего развития и проблеме генезиса каякентско-хорочоевской культуры.

Ныне не у кого не вызывает сомнений существование тесной генетической связи каякентско-хорочоевской культуры с культурой (вернее - с

культурами) предшествующего времени данного региона. Предположение Е.И. Крупнова, высказанное им в 1940 г. о том, что население, оставившее Каякентский могильник, представляет собой осколки племен «этиунов-удинов», бежавших в VII - VI вв. до н.э. из Закавказья на север под натиском халдов [Крупнов Е.И., 1940, с. 17-18], теперь представляет лишь историографический интерес. Широкое переплетение, схожесть элементов каякентско-хорочоевской культуры и культур предшествующего времени послужило причиной того, что некоторые исследователи в свое время предлагали объединить памятники Северо-Восточного Кавказа в одну дагестанскую археологическую группу эпохи бронзы [Котович В.М., 1965, с. 251-253]. В.Г. Котовичу, как об этом говорилось выше, принадлежит попытка выделения на Восточном Кавказе своеобразной археологической культуры «обмазанной керамики» с хронологическим диапазоном от конца V-IV тыс. до н.э. вплоть до эпохи раннего железа [История Дагестана, 1967, с. 84]. Позднее он же, фактически отказавшись от понятия «археологическая культура», стал рассматривать памятники эпохи бронзы в рамках отдельных этапов «в культурно-историческом развитии прадагестанско-нахского, или прадагестанско-этнического массива» [Котович В.Г., 1982, с. 68].

Говоря о проблеме преемственности и связи гинчинской и каякентско-хорочоевской культур, необходимо иметь в виду, что *ареалы распространения* этих двух культур не совсем совпадают. Памятники гинчинской культуры известны пока что на территории горной и предгорной зон Юго-Восточной Чечни и в бассейне четырех рек Койсу в Центральном Дагестане (рис. 1). В предгорной и равнинной зонах Дагестана выявлены памятники этого же времени, но относящиеся к другим локальным группам. При картографии памятников эпохи средней бронзы горная часть Южного Дагестана и область, примыкающая к Главному Кавказскому хребту, представляют собой лакуны, что, наверное, является следствием недостаточной их изученности. Что же касается каякентско-хорочоевской культуры, то давно замечено, что памятники этой культуры занимают в основном территорию равнинной и предгорной зон Дагестана, а в Юго-Восточной Чечне встречаются в горах. По мнению В.И. Марковина, «сам географический фактор горного Дагестана, с ущельями, открывающимися в сторону моря, несмотря на все извилины и лабиринты их орографической схемы, позволяет думать, что в горной части страны будут найдены ... памятники» каякентско-хорочоевской культуры [Марковин В.И., 1969а, с. 77]. В этом плане интересно, что в свое время Р.М. Мунчаев, на основе изученных им чохских колодцеобразных склепов выдвинул идею об особой группе памятников каякентско-хорочоевской культуры в центральной части Нагорного Дагестана [Мунчаев Р.М., 1958, с. 41-47]. Она нашла тогда признание

и у некоторых других исследователей [Погребова М.Н., 1961, с. 121-122]. Однако дальнейшее накопление источниковой базы, ее новая интерпретация позволили уточнить датировку чохских склепов и поставить их в один ряд с памятниками типа могильника Гинчи [Котович В.Г., Шейхов Н.Б., 1960, с. 342]. В 1969 г. М.Г. Гаджиев обратил внимание на элементы каякентско-хорочоевской культуры в материалах Гинчи, которые, по его мнению, «вряд ли можно объяснить одной лишь генетической связью между ними», и предположил, «что памятники типа Гинчи на позднем этапе своего развития в центральной части Горного Дагестана образуют локальный вариант культуры эпохи бронзы Дагестана, синхронный равнинному этапу каякентско-хорочоевской культуры» [Гаджиев М.Г., 1969б, с. 90-91]. Таким образом, имеется несколько возможных вариантов объяснения отсутствия в Центральном Дагестане «чистых» памятников каякентско-хорочоевской культуры.

К сожалению, *бытовые памятники каякентско-хорочоевской культуры* очень слабо изучены. По имеющимся данным их топография претерпела некоторые изменения по сравнению с предшествующим временем: меньше стали уделять внимания оборонительному фактору при выборе места для поселения [Марковин В.И., 1969а, с. 90-91]. На Верхнегунибском поселении, где, как известно, верхний слой имеет отчетливую близость к каякентско-хорочоевской культуре, строительные остатки характеризуются слабой стратифицированностью. Есть основания утверждать, что строительная традиция эпохи средней бронзы в последующем не прерывается, свидетельством чего являются многокамерные прямоугольные жилища с плоской крышей и каменными стенами, зафиксированные на Нижнесигитминском, Аркаском и др. поселениях переходного периода от поздней бронзы к раннему железу.

Различия между гинчинской и каякентско-хорочоевской культурами наиболее выразительны в *погребальном обряде*. Для Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни в эпоху средней бронзы, в первую очередь, характерны коллективные захоронения с неустойчивой ориентацией и положением костяков, разнообразным и многочисленным сопутствующим инвентарем в каменных склепах круглого и прямоугольного плана [Марковин В.И., 1969а, с. 105-110; Гаджиев М.Г., 1969б, с. 102-113; он же, 1974, с. 22-23]. В Юго-Восточной Чечне, особенно в предгорной зоне, встречаются и грунтовые могилы. Отличительной чертой погребального обряда каякентско-хорочоевской культуры, как известно, является использование в качестве могил каменных ящиков с индивидуальными, реже парными захоронениями с выдержанной ориентацией костяков [Марковин В.И., 1969а, с. 30-41; Котович В.Г., 1982, с. 68]. Инвентарь погребений каякент-

ско-хорочоевской культуры бывает обычно беден и однообразен.

Как видим, гинчинская и каякентско-хорочоевская культуры обладают яркой спецификой в погребальном обряде, но тем не менее, они имеют достаточно много общих черт, на что не раз указывали исследователи [Марковин В.И., 1969а, с. 30, 34-36, 39-40; Гаджиев М.Г., 1969б, с. 105-106, 110-111, 113]. Общие моменты фиксируются в определенной планировке некрополей, ориентации погребальных сооружений, использовании огня при похоронах, особенностях трупоположения и т.д. Можно наблюдать определенную линию эволюции каменных склепов гинчинской культуры, предназначенных, как правило, для коллективных захоронений, к каменным ящикам каякентско-хорочоевской культуры с одиночными и парными захоронениями. На могильниках Ирганай, Бельты и др. встречен смешанный тип погребальных конструкций - склеп-ящик, характеризующийся сочетанием крупных, вертикально поставленных плит и каменной кладки [Ерзункаева К.З., 1979, с. 16; Гаджиев М.Г., 1969б, с. 39; Атаев Г.Д., 1985, с. 89; он же, 1986, с. 19]. Знаменательно, что отмеченные погребения смешанного типа, за некоторым исключением, использовались уже для индивидуальных и парных захоронений в скорченном положении. На памятниках гинчинской культуры встречаются уже и каменные ящики, правда, имеющие миниатюрные размеры и предназначенные для детских одиночных захоронений [Виноградов В.Б., Ерзункаева К.З., 1979, с. 19; Виноградов В.Б., 1982а, с. 29; Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1986, с. 6, 9, 13-15]. Отмечены случаи использования наиболее поздних по времени каменных склепов также для индивидуальных захоронений. Так, в склепе № 4 Ирганайского могильника расчищено 2 костяка, погребенных скорченно головой на Ю-ЮЗ [Магомедов Р.Г., 1985б, с. 97]. Инвентарь склепа (одноручный обмазанный сосуд, пластинчатая височная подвеска и мелкие пастовые бусы) находит прямые аналогии в материалах каякентско-хорочоевской культуры.

В сезоне 1986 г. на Ирганайском могильнике открыт еще один каменный склеп (№ 5) подпрямоугольной формы, при сооружении которого использованы и вертикально поставленные каменные плиты. Склеп имеет боковой вход с порталом и окружен каменным кромлехом. К сожалению, содержимое склепа сильно потревожено грабителями, но, судя по остаткам черепов, погребенных было не более двух. Среди материала, наряду с архаичными круглодонными сосудами, имеются и поздние материалы (баночный обмазанный сосуд (рис. 73₁₉), костяные наконечники стрел (рис. 97₇, 21), литая бронзовая подвеска в виде головы быка (рис. 97₃)), относящиеся к поздней бронзе. Упомянутые круглодонные сосуды находят ближайšie аналогии в материалах гинчинской культуры (Ирганай, Верхний Гуниб,

Гинчи). Но, есть им параллели и в керамике каякентско-хорочоевской культуры. Правда, в известных классификациях каякентско-хорочоевской керамики, принадлежащих К.Ф. Смирнову, В.И. Марковину, В.Г. Котович и др., круглодонные сосуды не выделены и их анализ отсутствует. Между тем, имеется около десятка комплексов каякентско-хорочоевской культуры, содержащих подобные сосуды. Это, в первую очередь, погребение № 1 Урцекского 2-го могильника (раскопки В.М. Котович, 1960) [Котович В.Г., Котович В.М., 1961, с. 63-65], погребения №№ 2 из могильника Айдилго (раскопки М.Г. Гаджиева, 1964 г.) [Магомедов Р.Г., 1985а, с. 97], каменный ящик, доисследованный в 1966 г. А.Р. Магомедовым у сел. Каякент [Магомедов А.Р., 1976, с. 100-102], где найдены круглодонные сосуды с гладкой поверхностью, орнаментированные по тулову (кроме каякентского) штампованным узором. Один круглодонный сосуд происходит и из каменного ящика (погр. № 3) кургана 2 Миатлинской III группы курганов - раскопки И.П. Костюченко, 1955 г.) [Канивец В.И., 1959, с. 56-57]. 3 круглодонных сосуда известно из Мамайкутанской гробницы, сочетающей признаки склепа и каменного ящика (раскопки М.Г. Гаджиева, 1977 г.) [Гаджиев М.Г., 1979а, с. 42-45]. Автор датирует данный комплекс эпохой средней бронзы (первой половиной II тыс. до н.э.), ссылаясь «на точные параллели в памятниках эпохи развитой бронзы Приморского предгорного Дагестана (Миатлы, Чиркей и др.)». Действительно, круглодонные сосуды происходят и из погребений смешанного типа Миатлинской курганной группы III (погр. № 4 - «яма-ящик», курган 6), а также Чиркейской курганной группы II (погр. № 1, курган 2 и погр. № 2, курган 6). Последние два погребения имеют смешанный тип конструкции («ящик-гробница»).

Все вышеназванные погребальные комплексы с круглодонными сосудами имеют много общего. Во-первых, для них характерны погребальные сооружения типа каменного ящика или ящика-гробницы с преимущественной ориентацией СВ-ЮЗ, С-Ю; во-вторых, эти гробницы содержали одиночные, реже парные захоронения костяков, положенных скорченно на левом или правом боку головой на Ю, ЮЗ; в-третьих, инвентарь этих комплексов очень схож.

На наш взгляд, данные погребальные комплексы с круглодонными сосудами, не характерные для гончарной традиции каякентско-хорочоевской культуры, но имеющие многочисленные аналогии в материалах предшествующего времени, относятся к самому раннему этапу развития каякентско-хорочоевской культуры. Этому не противоречит и характер погребальных конструкций, сочетающих признаки каменных склепов и ящиков. Не претендуя на точность абсолютной датировки, мы склонны отно-

свить эти комплексы примерно к началу 3-й четверти II-го тыс. до н.э., что в общем согласуется с датировкой каякентско-хорочоевской культуры по В.Г. Котовичу [1982, с. 70, 117].

Хронологически к комплексам с круглодонными сосудами близок целый ряд памятников каякентско-хорочоевской культуры, среди которых мы можем перечислить: кафыркумухский каменный ящик (раскопки В.Г. Котовича, 1965 г.) с радиоуглеродной датой 1740 ± 60 гг. до н.э. и архаичным бронзовым клинком [Котович В.Г., 1982, с. 70]; разрушенный каменный ящик (обнаружен В.И. Марковиным в 1948 г. у дороги на Талги), где найден был обломок керамики шнуровым орнаментом [Марковин В.И., 1960б, с. 67], и, возможно, таркинский подкурганый каменный ящик, раскопанный К.Ф. Смирновым в 1948-1949 гг. [Марковин В.И., 1960б, с. 48] и т.д. Очень ранними представляются нам и каменные ящички из Миатлинских и Чиркейских курганов, в которых найдены гладкостенные двуручные сосуды с выпуклым туловом и раструбно расширяющимися горловинами. Близкие аналогии этим сосудам известны из таких могильников гинчинской культуры, как Галгалатли II, Гатын-Кале, Бельгы и др. [Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1985, с. 86, рис. 3₁₂₋₁₃; Марковин В.И., 1963б, с. 112-113; Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1986, с. 9 рис. 4₁₋₃].

Список ранних комплексов каякентско-хорочоевской культуры, имеющих несомненную близость к материалам предшествующих культур, в том числе и гинчинской культуры, можно продолжить. Важно, что это сходство носит многосторонний характер, и особенно показательно при сравнительном анализе керамики. В.И. Марковин и В.Г. Котович доказали, что практически все типы сосудов каякентско-хорочоевской культуры восходят генетически к образцам предшествующего времени [Марковин В.И., 1969а, с. 51-59, 80; Котович В.Г., 1982, с. 55-59]. Сказанное относится как к форме сосудов, так и к особенностям их орнаментации, моделировке ручек, обработки поверхности и характеру теста черепка. Очень много общего имеется также между комплексами бронзовых орудий труда, предметов вооружения и украшений гинчинской и каякентско-хорочоевской культур, что хорошо показано В.Г. Котовичем [1982, с. 59-67].

Выявление пласта памятников раннего этапа каякентско-хорочоевской культуры имеет большое значение для проблем определения хронологических рамок каякентско-хорочоевской культуры. Дискуссия вокруг хронологии каякентско-хорочоевской культуры отнюдь не исчерпана после работ В.Г. Котовича, в которых, как известно, эта культура отнесена к эпохе средней бронзы и датирована в пределах 3-й четверти II тыс. до н.э. [Котович В.Г., 1982, с. 70]. Нас интересует в данном случае нижняя граница такой датировки функционирования культуры, которая вызывает боль-

шие споры у исследователей. Например, С.Н. Кореневский выступил против отнесения каякентско-хорочоевской культуры к эпохе средней бронзы по той причине, что «молодую фазу могильника Гинчи, откуда происходят ... булавки» с полукруглой головкой и солярной орнаментацией, использованные В.Г. Котовичем как аналогии обломкам подобных украшений с памятников каякентско-хорочоевской культуры, «более оправдано относить к переходному периоду от эпохи средней бронзы к поздней» [Кореневский С.Н., 1986а. с. 14]. Здесь необходимо внести некоторую ясность. Во-первых, бронзовые поделки, найденные в Каякенте, Маджалисе, Махачкале и трактованные В.Г. Котовичем как обломки булавок с полукруглым навершием [Котович В.Г., 1982, с. 61-62], по-видимому, являются подвесками. Такие подвески происходят из неопубликованных комплексов Чиркейского курганного могильника, а также Бельтинского могильника (рис. 104₃₈₈). Два подобных украшения обнаружены недавно и М.С. Гаджиевым в каменном ящике в сел. Янгикент*. Во-вторых, мы согласны с С.Н. Кореневским в отнесении «молодой фазы могильника Гинчи» к переходному периоду от эпохи средней бронзы к поздней бронзе. Все дело однако в том, какой хронологический отрезок времени отводить под этот переходный период. По наиболее распространенной периодизации бронзового века Северного Кавказа, да и Кавказа в целом, эпоха средней бронзы уместается в рамках первой половины II-го тыс. до н.э. Судя по тому, как С.Н. Кореневский не оспаривает в принципе верхний хронологический рубеж функционирования могильника Гинчи по М.Г. Гаджиеву (XII в. до н.э.), выходит, что переходный период от средней к поздней бронзе по С.Н. Кореневскому датируется примерно 3-й четвертью II тыс. до н.э. Если В.Г. Котович считает, что каякентско-хорочоевская культура целиком датируется в пределах третьей четверти II тыс. до н.э., то мы склонны к этому времени относить лишь ранний этап каякентско-хорочоевской культуры, оставляя открытым вопрос о верхней границе бытования этой культуры.

Итак, указанные погребальные комплексы в каменных ящиках и могилах смешанного типа, в которых найдена целая серия круглодонных сосудов, а также двуручных гладкостенных сосудов с выпуклым туловом и раструбно расширяющимися горловинами, относятся к раннему этапу каякентско-хорочоевской культуры и датируются в пределах третьей четверти II тыс. до н.э. Одним из важных аргументов при этом является то, что подобная керамика наиболее характерна для памятников гинчинской культуры, в особенности юго-восточного (койсугского) варианта. С другой стороны, на Верхнегунибском поселении, Гинчинском и Ирганайском мо-

*Материалы не опубликованы.

гильниках имеются материалы безусловно близкие к каякентско-хорочоевской культуре. Известна и радиоуглеродная дата для верхнего слоя Верхнегунибского поселения - 1250 ± 50 до н.э. [Гаджиев М.Г., 1974, с. 12]. Следовательно, М.Г. Гаджиев прав, когда говорил о возможности выделения в Центральном Дагестане позднего этапа развития местной культуры эпохи бронзы, синхронного раннему этапу каякентско-хорочоевской культуры. Надо сказать, что различия между поздним этапом гинчинской культуры и ранним этапом каякентско-хорочоевской культуры ограничиваются, разве что, формой и характером погребального сооружения. Отсюда вывод: до тех пор, пока мы будем считать каменный ящик одним из главных критериев выделения каякентско-хорочоевской культуры, мы не можем включить в ее ареал бассейн четырех рек Койсу.

Коль скоро выделенные нами памятники раннего этапа каякентско-хорочоевской культуры расположены в основном в равнинной и центральной части Дагестана, то представляется возможным говорить о несинхронности существования «западного» и «восточного» вариантов каякентско-хорочоевской культуры. Каякентско-хорочоевская культура впервые, похоже, возникает на востоке, а затем распространяется и на всю территорию Юго-Восточной Чечни. Таким образом, «вклад» двух вариантов гинчинской культуры - «северо-западного и юго-восточного» - в формирование каякентско-хорочоевской культуры неодинаков и неоднозначен.

Подытоживая, можно сказать, что гинчинская культура наряду с другими группами памятников Северо-Восточного Кавказа эпохи средней бронзы послужила той подосновой, на которой с начала третьей четверти II-го тыс. до н.э. постепенно зарождается каякентско-хорочоевская культура. Процесс возникновения и становления новой археологической культуры был обусловлен внутренними закономерностями культурного и социально-экономического развития общества, проходил он, по всей видимости, плавно, эволюционно без резкой смены антропологического типа населения и его этнического состава [Марковин В.И., 1969а, с. 78-81; Котович В.Г., 1982, с. 55-56].

§ 4. К вопросу об этнокультурной ситуации на Северо-Восточном Кавказе в эпоху средней бронзы

Как известно, в прошлом широко бытовала теория, согласно которой Северному Кавказу, да и всему Кавказу в целом, отводилась роль некоего котла, в котором «варились» остатки многочисленных пришельцев - племен сопредельных и более далеких территорий [см: Марр Н.Я., 1920, с. 11-12;

Магомедов Р.М., 1970; он же, 1971, с. 102-126; Фрай Р., 1972, с. 27]. Это была миграционная теория. Данные археологии, языкознания и антропологии в настоящее время позволяют рассматривать эту теорию по-новому.

Решение сложных проблем этногенеза невозможно без комплексного подхода ко всем категориям исторических источников, но все же определяющая роль среди последних принадлежит археологическим источникам. Интересные археологические исследования, развернувшиеся на Северо-Восточном Кавказе в последние десятилетия, свидетельствуют об определенной преемственности в развитии материальной культуры местных племен в течение длительного отрезка истории (с неолита до современной этнографической действительности). Таким образом, археологические источники выступают в пользу автохтонности этногенеза дагестано-нахских народов.

Как же соотносятся с археологическими материалами данные лингвистики? По С.А. Старостину, начало распада общесеверокавказского праязыка приходится на середину VI - начало V тыс. до н.э., о чем свидетельствует глоттохронологическая датировка [Старостин С.А., 1985, с. 90]. Однако С.А. Старостин приходит при этом к выводу о необходимости «искать прародину северокавказских языков где-то в другом месте», скорее всего в Закавказье или же в Передней Азии [Старостин С.А., 1985, с. 89]. Исходной базой для такого тезиса послужила уверенность автора, что в V-IV тыс. до н.э. «на территории Северного Кавказа отсутствовала культура, обладающая ... набором характеристик» земледельческо-скотоводческого комплекса, нашедших отражение в реконструированном прасеверокавказском языке [Старостин С.А., 1985, с. 89]. Вряд ли с таким заключением С.А. Старостина можно согласиться, имея в виду археологические материалы ряда раннеземледельческих поселений в Горном Дагестане (Чох, Ругуджа, Гинчи, Чинна и др.), исследованных в 50-80 гг. В.Г. Котовичем, М.Г. Гаджиевым и Х.А. Амирхановым. По мнению Б.К. Гигинейшвили, распад общедагестанского праязыка «произошел примерно к концу двадцать третьего столетия до н.э.» [Гигинейшвили Б.К., 1977, с. 25]. Эта датировка также получена по методу Свадеша. Известно, что близкую ей датировку распада общедагестанского праязыка давал в свое время и Е.А. Бокарев [1961, с. 17], хотя и исходил при этом из других соображений. Таким образом, лингвистические данные показывают, что уже к рубежу III-II тыс. до н.э. на Северо-Восточном Кавказе распался не только нахско-дагестанский язык-основа, но и общедагестанский праязык разделился на несколько групп языков. Так как язык является одним из характерных индикаторов этнической общности, в особенности в эпоху первобытно-общинного строя, мы вправе видеть в исследуемом регионе в эпоху средней бронзы факт этнической раздробленности местного населения.

Косвенным доказательством принадлежности племен, населявших Северо-Восточный Кавказ в эпоху ранней бронзы, к нахско-дагестанским языкам, служит выявленное И.М. Дьяконовым и др. учеными родство последних с хуррито-урартскими языками [Дьяконов И.М., 1968, с. 10; он же, 1978, с. 25-28; Дьяконов И.М., Старостин С.А., 1988, с. 164-207; он же, 1983, с. 164-170]. Это находит свое объяснение в том, что определенная часть племен - носителей куро-аракской культуры может быть идентифицирована как хурритская по этносу и по языку [Мунчаев Р.М., 1975, с. 412], а Северо-Восточный Кавказ же, по мнению М.Г. Гаджиева, «составлял неотъемлемую часть еще точно не установленного обширного ареала, где рано сложилась и длительно развивалась данная культура» [Гаджиев М.Г., 1983б, с. 41].

Очень важен для этногенетических реконструкций *антропологический материал*. В литературе описана серия черепов количеством около 40, происходящих с могильников эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа (Гинчи, Галгалатли, Ирганай, Манас, Гатын-Кале и др.), причем, подавляющее большинство из них (ок. 30) происходит с могильника Гинчи. По мнению А.Г. Гаджиева, все эти черепа обнаруживают сходство с черепами предыдущего (Гинчи - энеолит, Гоно) и последующего (Хорочой) времен и в основном представляют длинноголовый, узколицый антропологический тип, характерный и для древнего населения Закавказья и Передней Азии [Гаджиев А.Г., 1974, с. 51-57; 1975, с. 14-18, 48-49]. Это т.н. южный индосредиземноморский тип. Очень близка к этому типу и целая серия черепов с Великентского катакомбного могильника (катакомба № 2) (мнение В.П. Алексеева, высказанное в 1984 г. при внешнем ознакомлении с материалом) «ныне подтверждается исследованиями Е.А. Шепель [1995, с. 112]». Несколько отличаются 3 черепа из могильника Гатын-Кале, которые, имея достаточное сходство с дагестанскими черепами, в то же время обладают несколькими чертами, свойственными для более северных территорий. «Гатынкалинские черепа, считает А.Г. Гаджиев, - являются либо резко выраженным локальным вариантом южного типа, либо результатом влияния типа носителей северокавказской, майкопской культуры» [Гаджиев А.Г., 1974, с. 54]. В целом надо сказать, что у антропологов нет сомнения в преемственности населения на Северо-Восточном Кавказе на различных этапах эпохи бронзы (материал эпохи энеолита и каменного века очень незначителен), как впрочем, и в последующее время вплоть до современности [Алексеев В.П., 1973, с. 101; он же, 1974, с. 136-138, 203; Гаджиев А.Г., 1974, с. 59-60; он же, 1975, с. 48-49, 65-68].

Итак, археологические, лингвистические и антропологические данные позволяют предварительно сделать два важных вывода: во-первых,

коренная ломка традиций материальной культуры у племен Северо-Восточного Кавказа, фиксируемая по археологическим материалам второй половины III тыс. до н.э., не сопровождается сменой местного населения - идет лишь процесс дифференциации внутри некогда единого этнического массива; во-вторых, можно сказать, что население, принадлежало к кругу племен прадагестанско-нахского этнического массива и говорило соответственно на прадагестанско-нахских языках. Следовательно, этногенез современных коренных народов Северо-Восточного Кавказа уходит в глубокую древность, исчисляемую многими тысячелетиями, и носит в целом автотонный характер.

Не следует, однако, отрицать известное влияние иноэтнических элементов в этом процессе, особенно если учесть роль и значение *Прикаспийского прохода* при передвижениях многочисленных племен с севера на юг и обратно [см.: Котович В.Г., 1978]. В литературе известны разные точки зрения о нескольких миграционных явлениях, имеющих отношение к теме нашего исследования. Первая из них - о *южных племенах-носителях куро-аракской культуры*, которые «на заре бронзового века», якобы, продвинулись на Северо-Восточный Кавказ и принесли сюда свою самобытную культуру [Мунчаев Р.М., 1975, с. 191]. Эта точка зрения имеет достаточно большую историографию и широкий круг сторонников. По их мнению, в эпоху средней бронзы «пришельцы» оказываются побежденными местным этнокультурным субстратом. В настоящее время усилиями М.Г. Гаджиева получает свое развитие новый взгляд на эту проблему, исходящий из того, что Северо-Восточный Кавказ входит в зону первичного ареала возникновения и развития куро-аракской культуры [см.: Гаджиев М.Г., 1987б, с. 42-43]. Тем самым миграция «куро-араксинцев» на Северный Кавказ лишается большей части своих, бесспорных до недавнего времени, археологических доказательств.

Открытие в 1950-1951 гг. у ст. Манас подкурганых катакомб позволило Р.М. Мунчаеву и К.Ф. Смирнову поставить вопрос о передвижениях в эпоху средней бронзы отдельных групп «катакомбного» населения в Приморский Дагестан вплоть до Дербента [Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956, с. 186-193; Мунчаев Р.М., 1965, с. 96]. Эта точка зрения получила большое признание среди специалистов [Марковин В.И., 1960б, с. 105; он же, 1982а, с. 28-29; Погребова М.Н., 1961, с. 123; Нечитайло А.Л., 1978, с. 138]. Исследования Великентского катакомбного могильника [Гаджиев М.Г., 1986б, с. 29-31], где имеются комплексы очень раннего происхождения (вторая половина III тыс. до н.э.), дают новые перспективы в изучении проблемы «катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ». Но эта тема отдельного разговора. Вопрос о проникновении этнических элементов

«катакомбного» круга в Прикаспийский Дагестан ждет еще своего решения; в настоящее время можно сказать определенно, что начиная с середины III тыс. до н.э. происходит постоянная инфильтрация степного населения на Северо-Восточный Кавказ, свидетельством чего обычно считают появление здесь курганного обряда, шнурового орнамента и некоторых других явлений степного облика. Подавляющее большинство степных инноваций в изучаемое время связывается с т.н. северокавказской к.и.о. Что касается предшествующего времени, есть некоторые комплексы *майкопского круга* (основное погребение кургана Торпах-кала, оградка Большого Миатлинского кургана, культовое место Мискинбулакского могильника, каменные выкладки-оградки на Великентском могильнике) [Магомедов Р.Г., 1986; 1991], характер которых говорит не просто о фактах культурной диффузии, а о проникновении самих «майкопцев» на юг.

Все выше охарактеризованные мнения исследователей о некоторых этнических перемещениях на Северо-Восточном Кавказе в изучаемое время надо четко отделить от миграционистских теорий, которые грешат абсолютизацией какого-то отдельно взятого, вне связи факта и построением на этом основании далеко идущих умозаключений. Таковы, например, попытки Л.Г. Нечаевой и В.В. Кривицкого интерпретировать ирганайские (Дагестан) и эгикальские (Ингушетия) склепы эпохи средней бронзы как составные дольмены, возведенные якобы неким древним народом - строителем дольменов при его расселении с Северо-Западного Кавказа и Карачая («эпицентр» расселения) на восток [Нечаева Л.Г., 1971, с. 65-67; Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В., 1975, с. 30-32]. Эта точка зрения неоднократно подвергалась критике со стороны В.И. Марковина [1978, с. 331; 1982, с. 26-27, 30-31; 1985, с. 10-11]. В последнее время Б.М. Хашегульгов прилагает большие усилия «искать родину племен», оставивших целый ряд памятников Северного Кавказа, в том числе и Северо-Восточного Кавказа (Гатын-Кале, Миатлы, Гинчи), в Волго-днепровском междуречье [Хашегульгов Б.М., 1985, с. 35-37; 1986, с. 45-55]. Об ошибочности этих выводов уже говорилось выше; об этом приходилось нам писать и ранее [Магомедов Р.Г., 1987а, с. 30-31]. Примеры Л.Г. Нечаевой, В.В. Кривицкого и Б.М. Хашегульгова лишний раз доказывают, что только совместные усилия археологов, антропологов, этнографов, лингвистов и других специалистов способны приподнять завесу неизвестности с ранних этапов этногенеза кавказских, в том числе дагестано-нахских народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Всегда неприятно сказать: «я не знаю», «я не могу узнать». Но говорить об этом надо только после самых энергичных, отчаянных розысков».

Марк Блок. Апология истории

Итак, изучение археологических источников показывает, что в конце III-го тыс. до н.э. на Северо-Восточном Кавказе с распадом местного варианта куро-аракской культуры эпохи ранней бронзы сложилось обширное новое археологическое образование, которое можно назвать *восточно-кавказской метакультурной общностью*. В эту общность наряду в присулакской, манасской и великентской группами памятников входит и *гинчинская археологическая культура*, объединяющая около 60 известных на сегодняшний день бытовых памятников, могильников, пунктов случайных находок, расположенных в Горном Дагестане (в бассейнах рек Койсу - притоков реки Сулак) и Юго-Восточной Чечне. Генетической подосновой возникновения гинчинской культуры послужила в основном куро-аракская культура; определенную роль в образовании гинчинской культуры сыграли и археологические культуры сопредельных областей, в особенности, алазано-беденская культура Восточной Грузии.

В развитии гинчинской культуры выделяются две последовательные фазы: первая (ранняя) фаза - XXIII-XVIII вв. до н.э.; вторая (поздняя) фаза - XVII-XV вв. до н.э. По археологической периодизации бронзового века Северного Кавказа первая фаза гинчинской культуры включает в себя переходный период от ранней к средней бронзе (последняя четверть III тыс. до н.э.) и примерно первую половину эпохи средней бронзы (XX-XVIII вв. до н.э.); второй фазе гинчинской культуры соответствует вторая половина эпохи средней бронзы (XVII-XVI вв. до н.э.) и начало переходного периода от средней к поздней бронзе (XV в. до н.э.).

Для гинчинской культуры характерны: оседлые земледельческие поселения и сезонные лагеря скотоводов; многокамерные прямоугольные жилища с плоской крышей; двухчастные печные сооружения у стен; прямоугольные каменные склепы с коллективными захоронениями (без твердовыраженной позы и ориентировки погребенных); грунтовые ямы, часто обложенные по края камнем (в основном, для индивидуальных или парных захоронений); миниатюрные гробницы и каменные ящики (для детских захоронений); общие формы глиняной посуды (плоски, миски, чаш-

ки, банки, горшочки, горшки, корчаги), делящиеся по обработке поверхности на группы гладкостенных (заглаженные и лощеные) и обмазанных сосудов; единые орнаментальные мотивы рельефного и гравированного орнамента, покрывающего в основном плечики и шейку сосудов, разнообразный состав орудий труда, предметов вооружения, украшений и культурных изделий, сделанных из различных пород камня, кости, пасты, раковин, бронзы и других материалов.

Учитывая особенности в материальной культуре памятников различных физико-географических районов, выделяются два локальных варианта гинчинской культуры: 1) *северо-западный («ичкерийский») локальный вариант* (на территории Юго-Восточной Чечни) с двумя узколокальными группами памятников внутри (памятники типа Малый Харсеной - Саади-Котар и Бачи-юрт - Согунты); 2) *юго-восточный («койсугский») локальный вариант* (в Горном Дагестане) с одной узколокальной группой памятников (памятники типа Ирганай).

На заключительном отрезке 2-й фазы своего развития (в конце XVI-XV вв. до н.э.) в гинчинской культуре постепенно вызревают элементы новой археологической культуры - каякентско-хорочоевской культуры. На могильниках появляются погребальные конструкции, сочетающие признаки склепов и каменных ящиков; для детских захоронений все чаще используют миниатюрные каменные ящики. В погребальном обряде идет эволюция от коллективных захоронений к одиночным, реже парным. В керамике все больше увеличивается процент обмазанных сосудов; исчезают или становятся количественно меньше такие формы, как миски, кружки, чашки. В Дагестане получает распространение грубое «раскрашивание» сосудов поверх обмазки черно-бурой или коричневой краской. В металлических коллекциях исчезают булавки, медальоны -подвески, различные пронизки, увеличивается количество колпачков, височных подвесок с желобчатыми лопостями, появляется сурьмяное литье, чаще используется олово в качестве лигатуры.

В пределах 3-й четверти II тыс. до н.э. гинчинская культура полностью трансформируется в каякентско-хорочоевскую культуру. Причем материалы свидетельствуют, что эволюция произошла достаточно плавно, без резких изменений в этнической карте региона.

По данным антропологии и лингвистики, население, жившее в ареале распространения гинчинской культуры, характеризуется длинноголовым узколицым южно-индосреднеазиатским антропологическим типом, относилось к кругу племен прадагестанонахского этнического массива.

Хотя в развитии материальной культуры местных племен по сравнению с предшествующим временем и произошли определенные регрессив-

ные процессы (в особенности, в керамическом производстве), в целом развитие хозяйства, различных ремесел и промыслов населения Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни было на примерно равном уровне с племенами сопредельных территорий. В Горном Дагестане доказано существование к началу II тыс. до н.э. террасного земледелия. Об особенностях земледельческого уклона хозяйства на многих бытовых памятниках свидетельствуют найденные в раскопках орудия труда аграрного цикла (каменные мотыги, каменные вкладыши наборных серпов, различные каменные песты-куранты, ступки, зернотерки, печи). Наряду с земледелием большое значение в хозяйстве играло скотоводство. Анализ остеологических материалов, полученных в ходе раскопок Верхнегунибского и Ирганайского поселений, говорит о преобладающей и возрастающей роли крупных домашних животных в составе стада. Само скотоводство носило преимущественно придомный характер. В хозяйственной системе местных племен определенную роль играли и такие виды занятий, как охота, рыболовство и садоводство.

Уровень изученности памятников гинчинской культуры не может считаться удовлетворительной. Информация о многих памятниках ограничена сведениями разведочных обследований и анализом подъемного материала. Остро ощущается необходимость полного изучения памятников, особенно бытовых. Разумеется, перспективы изучения гинчинской культуры ставят на повестку дня проблему введения в научный оборот полученных в ходе раскопок материалов. Без существенного приращения источниковой базы трудно будет с дальнейшими разработками вопросов генезиса и становления гинчинской культуры, ее периодизации и хронологии. До сих пор остаются неопубликованными значительная часть материалов раскопок Верхнегунибского поселения в 1963-1964 гг., материалы исследований ирганайских памятников. Большое значение для сравнительного сопоставления имеют также материалы Миатлинского, Чиркейского, Манаскентского, Великентского могильников, верхних слоев Великентского, Каякентского поселений, не получившие еще должного отражения в литературе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

К ВОПРОСУ О СКОТОВОДСТВЕ И ОХОТЕ В ДРЕВНЕМ ДАГЕСТАНЕ

*(по остеологическим материалам раскопок Верхнегунибского
и Ирганайского поселений эпохи средней бронзы)*

Существенное место в базе археологических источников, добываемых в ходе раскопок памятников, составляют костные останки животных. При их анализе извлекается и соответственно используется информация, которую можно разделить примерно на следующие блоки: 1) использование костей (включая зубов и рогов) животных в качестве материала для изготовления артефактов; 2) костные останки животных в могилах - один из источников для восстановления погребального обряда; 3) реконструкция состава дикой фауны древней природной среды; 4) реконструкция состава древних домашних животных; 5) изучение эволюционного развития животных как биологических организмов; 6) изучение некоторых форм хозяйственной деятельности человека (охота, рыболовство, скотоводство); 7) остеологический материал как источник изучения бытовых условий проживания человека. Биологические аспекты в исследовании остеологического материала адресованы сугубо специалистам - палеозоологам. Остальные блоки информации очень тесно взаимосвязаны и доступны археологам, правда, после соответствующей обработки костных коллекций палеозоологами.

Данное приложение посвящено изучению некоторых особенностей хозяйственного уклада и быта древнего человека, жившего в эпоху средней бронзы (конец III - 1-я половина II тыс. до н.э.) в бассейне р. Аварское Койсу, а также характера фауны окружавшей его в то время природной среды на основе выборки остеологических данных бытовых памятников. Использование для этих целей материалов из погребальных комплексов как равнозначных материалам поселений методически неверно, что и было показано В.И. Марковиным [1962, с. 3-8] на примере некоторых работ К.Н. Золотова, М.И. Пикуль и др. авторов.

Наиболее полные коллекции костных останков животных эпохи средней бронзы во Внутреннем Дагестане добыты на Верхнегунибском и Ирганайском поселениях. Разборка и определение этих материалов произ-

ведены палеозоологом К.Н. Золотовым. Верхнегунибский материал нашел отражение в ряде общих и специальных работ (Котович В.М. [1965, с. 217-222]; Котович В.М., Марковин В.И., Хехнева Т.Д. [1973]; Золотов К.Н. [1966а, с. 76-77; 1966б, с. 71-73]; Гаджиев М.Г. [1980, с. 7-14]; Котович В.Г. [1982, с. 121-164] и др.). Ирганайская фаунистическая коллекция, не имеющая себе равных пока в Дагестане по объему материала, но слабостратифицированная, все еще обрабатывается, - поэтому в литературе упоминаются лишь результаты определения костей животных, найденных на раскопках данного памятника в 1958-1960 гг. [Золотов К.Н., 1968, с. 22-252; Гаджиев М.Г., с. 158].

Интересно сравнить данные определения костей животных на Верхнегунибском и Ирганайском поселениях. На Верхнегунибском поселении из 2531 определимых костей животных, найденных в ходе раскопок 1958-1959 гг. во 2-м и 3-м слоях, подавляющее большинство (2380 или 94 %) составляют кости домашних животных [Котович В.М., 1965, с. 217-218]. Среди последних доминирует крупный (КРС) и мелкий рогатый (МРС) скот (2350 костей). Хотя костные останки МРС в абсолютном отношении преобладают над костями КРС (2:1 в 3-м слое и 9:1 - во 2-м слое), но, учитывая большую мясную продуктивность одной головы КРС по сравнению с МРС, В.М. Котович считает возможным говорить о приоритетном значении развития КРС в хозяйстве Верхнегунибского поселения, а само скотоводство характеризовать как оседлое и придомное [Котович В.М., 1965, с. 219]. Однако А.А. Формозов интерпретировал Верхнегунибское поселение как одну из каменных крепостей скотоводов, где «разводили... преимущественно овец и коз» [Формозов А.А. 1974, с. 30-31], что встретило резкое и справедливое возражение В.Г. Котовича [1982, с. 126, 159-160].

На Верхнегунибском поселении найдены в незначительном количестве и кости свиньи (20 или 1,26% - в 3-м слое; 13 или 1,37% - во 2-м). Определенную роль в занятиях обитателей поселения играла и охота, о чем свидетельствуют кости оленей, бизонов, различных видов диких баранов и козлов и других видов диких животных. По мнению В.М. Котович, В.И. Марковина и Т.Д. Хехневой, интенсивная охота привела к концу функционирования Верхнегунибского поселения (конец II тыс. до н.э.) к полному исчезновению на одноименном плато оленей, зубров, серн и муфлонообразных овец [1973, с. 21]. Вывод этот сделан скорее всего на основе анализа персонажей нескольких рисунков, встреченных вне территории Верхнегунибского плато. Но судя по сводной таблице видового состава животных, данной в известной монографии В.М. Котович [1965, с. 217-218], в наиболее позднем 1-м слое поселения кости всех якобы исчезнувших животных фиксируются, причем их количество даже больше чем в 3-м и 2-м слоях.

На Ирганайском поселении остеологические материалы, как впрочем и все археологические находки, не стратифицированы. Данные видового определения костей за 1986 и 1987 гг. сведены в одну таблицу (см: приложение). Всего определено 6554 костей, из них 175 (или 2,7 %) вызывают у палеозоолога сомнения. Кости домашних животных (КРС, овца, коза, овца-коза, свинья) составили 47 % от общего количества костей, кроме того найдены единичные кости лошади (34 или 0,5 %), собаки (4 или 0,06 %) и осла (1 или 0,02 %). Как видно, эти данные сильно разнятся от аналогичных показателей Верхнегунибского поселения, где было зафиксировано абсолютное преобладание костей домашних животных над дикими. Также обстоит дело и с соотношением костей КРС и МРС: на Ирганайском поселении оно выражено как 1:1, в то время как, на Верхнегунибском костей МРС было почти в два раза больше, чем КРС. Об устойчивости статистических подсчетов костей, найденных на Ирганайском поселении, можно судить при сравнении данных за 1986-1987 гг. с результатами, полученными на основе старых раскопок 1958-1960 гг.: кости КРС - 40,1%, МРС - 34,3%, свиньи - 12,4 % и т.п. [Золотов К.Н., 1968, с. 238]. Как видим, показатели разных лет и разных раскопок близки между собой по соотношению КРС и МРС, по доли костей свиньи и т.д., и в то же время сильно отличаются по общему соотношению костей домашних и диких животных. Это лишний раз показывает, как даже на одном памятнике остеологические материалы могут в зависимости от разных обстоятельств давать различные соотношения показателей, что, в свою очередь, требует критического подхода в применении статистических подсчетов для обоснования тех или иных научных тезисов.

Кости диких животных на Ирганайском поселении представлены почти наравне с домашними. Главным объектами охоты были зубр (1130 костей или 16,8 %), олень (1080 или 16,5 %), джейран (271 или 4,1 %), архар (238 или 3,6%), в меньшем количестве имеются кости безоарового козла (2,5 %), тура (1,9 %), серны (1,33 %), лани (0,6 %), единичны остатки зайцев, азиатского муфлона, волка, косули, козерога, тарпана и др. животных. В коллекции встречаются и кости различных птиц (кулик, кавказский тетерев, гусь, утки и др.). Все эти данные неоспоримо свидетельствуют о богатейшей, по сравнению с сегодняшним днем, фауне Ирганайской котловины в эпоху средней бронзы. О благоприятной природно-климатической среде, окружавшей обитателей Ирганайского поселения, говорят и остатки некоторых рыб (щука, сом), причем, имевших по К.Н. Золотову, очень крупные размеры (до 0,90-1,0 м длины).

К сожалению, анализ остеологических коллекций Верхнегунибского и Ирганайского поселений, не говоря уже о других памятниках, практиче-

ски свелся к определению видового состава диких и домашних животных. Это объясняется тем, что мы не имеем данных по количеству особей, а без этого количественные соотношения различных животных весьма относительны, и поэтому, такие вопросы, как характер и сезонность забоя домашних животных, особенности охотничьего промысла и т.п. не найдут ответов в полной мере.

Таблица 1

Определение остеологических материалов,
обнаруженных на раскопках Верхнегунибского поселения I в
1958-1959 гг.

(произведено К.Н. Золотовым; дано по В.М. Котович, 1965)

п/п	Виды животных	3 слой		2 слой		1 слой	
		Общее к-во	%	Общее к-во	%	Общее к-во	%
1	КРС	501	31.63	296	31.26	650	34.74
2	Овцы-козы	983	62.06	570	60.19	1017	54.35
3	Свинья	20	1.26	13	1.37	15	0.80
4	Собака	6	0.38	1	0.10	6	0.32
5	Лошадь	-	-	-	-	4	0.21
6	Олень	12	0.75	27	1.85	51	2.72
7	Бизон	5	0.31	-	-	23	1.23
8	Баран Гмелина	9	0.57	1	0.10	20	1.06
9	Баран дикий	6	0.38	-	-	3	0.16
10	Муфлонообр. Овцы	-	-	-	-	14	0.75
11	Козел дикий	16	1.00	3	0.32	14	0.75
12	Козел безоаровый	7	0.44	21	2.22	5	0.22
13	Джейран	-	-	-	-	3	0.16
14	Серна	14	0.88	-	-	22	1.13
15	Тур	-	-	-	-	17	0.92
16	Медведь	1	0.06	-	-	-	-
17	Рысь	-	-	1	0.10	-	-
18	Мелкие хищники	2	0.12	3	0.38	-	-
19	Заяц	1	0.06	9	0.95	4	0.21
20	Грызуны	-	-	1	0.10	-	0.05
21	Птицы дикие	1	0.06	1	0.10	2	0.10
	<i>Итого:</i>	<i>1584</i>		<i>947</i>		<i>1870</i>	

Таблица 2

Определение остеологических материалов,
обнаруженных на раскопках Ирганайского поселения I в 1986 г.
(произведено К.Н. Золотовым в 1987, 1989 гг.)

п/п	виды животных	кол-во костей	из них сомнительных	в % к общему кол-ву опр. костей
1	2	3	4	5
1	КРС	1111	1	17,0
2	Зубр	1103	-	16,8
3	Олень	1080	18	16,5
4	Свинья	897	13	13,7
5	Овца-коза	735	11,2	6
6	Джейран	271	24	4,1
7	Архар	238	34	3,6
8	Овца	204	-	3,1
9	Безоаровый козел	167	12	2,5
10	Коза	133	10	2,0
11	Тур	126	-	1,9
12	Серна	88	1	1,33
13	Коза дикая	73	-	1,1
14	Мелкие жвачные	61	1	0,9
15	Лань	41	30	0,6
16	Лошадь	34	7	0,5
17	Заяц	25	-	0,4
18	Муфлон азиатский	18	-	0,3

1	2	3	4	5
19	Птица мелкая-утки?	18	18	0,3
20	Волк	17	-	0,3
21	Дикие круп. жвачные	12	-	0,2
22	Мелкие хищные	12	-	0,2
23	Баран дикий	10	-	0,2
24	Косуля	12	-	0,2
25	Козерог	8	-	0,15
26	Птица	8	2	0,15
27	Однокопытные	7	-	0,1
28	Рыба (щука, сом)	6	-	0,09
29	Свинья дикая	5	-	0,08
30	Собака	4	-	0,06
31	Лиса обыкновенная, лисица	4	-	0,06
32	Кулик	4	-	0,06
33	Тарпан	4	-	0,06
34	Овца дикая	3	-	0,05
35	Рысь	2	-	0,03
36	Раковина	2	-	0,03
37	Суслик	2	2	0,03
38	Шакал	1	-	0,02
39	Крыса	1	-	0,02

1	2	3	4	5
40	Кавказ. тетерев	1	-	0,02
41	Гусь	1	-	0,02
42	Крот	1	1	0,02
43	Осел	1	1	0,02
	<i>Итого:</i>	<i>6557</i>	<i>175 (2,7%)</i>	<i>100</i>

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

SUMMARY

The North East Caucasus (the northern slope of the Greater Caucasus eastern part) is a region with a varied relief, diverse physical and geographical zones, and flora and fauna. For millennia it has served as a natural passage connecting cultures and civilisations of Eastern Europe and the Near East but nevertheless has managed to preserve its cultural and historical originality. A food-producing economy and an early agricultural tradition arose here as early as in VI millennium B.C. and steadily developed for almost 4 millennia (the Neolithic, Eneolithic and the Early Bronze Age). The second half of the III millennium B.C. became a turning point in the cultural development of the local peoples owing to transformations in the geopolitical situation in the area of contacts between pastoral nomadic peoples and their settled land cultivating neighbours in the distinct ecological and climatic regions of the Azov, Black Sea and Caspian areas.

Archaeological sources show that innovations affected almost all spheres of their material and spiritual culture, such as architecture and construction, bronze working, pottery and other crafts, funeral customs, decorations, ornament, etc. In many investigators' opinions, the appearance of a great number of archaeological formations against the background of the relatively monolithic Kura-Araks culture points to the active process of ethnic and linguistic differentiation of the local population which started in the Middle Bronze Age (end of the III - middle of the II millennium B.C.).

The problem of the ethnogenesis of numerous peoples which inhabit at present the territory of Dagestan and Chechnya can only be solved if accompanied by a comprehensive study of the culture of that period. Meanwhile, Caucasian sites of the Middle Bronze Age have been given considerably less attention as compared to the antiquities of the Early or Late Bronze Ages. Nevertheless wide-scale excavations of Middle Bronze Age settlements and burial grounds which were undertaken in the 50-60-s of this century and a number of special articles and monographs (V.I. Markovin, 1963; V.G. Kotovich, 1965; M.G. Gadzhiev, 1969) have laid a good foundation for further study of this period.

At the end of the 1960-s and in the 1970-s archaeologists were mainly busy with the study of the Early Bronze Age sites. Intensive field investigations of the Middle Bronze remains were not resumed before the end of the

1970-s in Chechnya (V.B. Vinogradov's excavations of the Belty burial ground) and in the 1980-s in Daghestan (excavations made by M.G. Gadzhiev and the author of this book in the later complexes of the Velikent settlement and the Velikent catacomb burial ground). In 1986 large-scale investigations of the well-known Middle Bronze sites were resumed in the Irganay valley (excavations by M.G. Gadzhiev, R.G. Magomedov, G.D. Ataev). Now, when there has accumulated a considerable source material for the fruitful study of the Middle Bronze period in the North East Caucasus, it seems appropriate that a general work on this theme should be written.

This book is aimed at the systematisation and analysis of the material obtained while studying sites of the Ghinchi culture which occupied a large territory in the North East Caucasus (the mountainous part of Daghestan and the south-eastern part of Chechnya). For the last 10-15 years this archaeological culture has presented an acute problem and in order to solve it the author undertook the task to define the time, character and reasons for the genesis of this culture, its chronological stages of development and length of existence, and its general characteristics and specific features; to pick out local variants and narrow groups of sites; and to outline the whole ethnic and cultural situation of the North East Caucasus of the Middle Bronze period and the place the Ghinchi culture occupied in the series of contemporary archaeological formations in the North Caucasus and in Transcaucasia.

Chapter I is devoted to some questions of the source study and historiography of the archaeological study of the North East Caucasus in the Middle Bronze period.

The study of the Middle Bronze remains which have been found in the mountains of the North East Caucasus may be divided into 5 periods:

- I. the XIX century - 1937;
- II. from 1937 to 1954 (findings in Daghestan mountains) and 1957 (those from South-East Chechnya);
- III. from 1954-1957 to 1974;
- IV. from 1974 to 1985;
- V. from 1985 up to now.

Period I (the XIX century - 1937) is characterised by sporadic, occasional excavations of separate sites; the collecting of odd objects which rather often were of explicit artistic value, the publication of excavation reports and descriptions, and the absence of any summaries or generalising works. Wide-scale archaeological investigations undertaken on the occasion of the Fifth Archaeological Congress in Tiflis (1881) actually did not include the mountains of the North East Caucasus. Immediately after the Congress, D.N. Anuchin examined a series of caves and grottoes in the mountains of

Daghestan. Having found no Stone Age traces in them, he concluded that the Caucasus (including the mountains of Daghestan) became populated rather late. This verdict of an authoritative scholar made investigators lose their interest in the antiquities from the mountains of Daghestan and Chechnya.

At the same time, in the collections of the Georgian State Museum (P.N. Galkin's collection, 1909), the State Historical Museum (collection of V.I. Dolbezhev, 1902), the Hermitage (collection of A.L. Mlokov, 1914; N.V. Orel, 1912, 1913) and other historical museums in the Caucasus and in Russia there were many original archaeological findings which are believed to date from the period in which we are interested. Though the years after 1917 marked an unprecedented activity in the study of local lore, history and economy, in the work of archives and museums, for more than two decades the mountains suffered from the lack of attention on the part of expeditions from the capital and of local enthusiasts.

Properly systematic prolonged investigations of the Bronze Age sites from Mountainous Daghestan and Chechnya started only in period II (from 1937 to 1954-1957). In the years 1937-39 the North Caucasian Expedition (NCE) led by A.P. Kruglov examined several burial grounds of the Late Bronze period in Daghestan (Gagatli) and Chechnya (Khorochoy, Belgatoy and others), and an earlier small settlement not far from the village of Andy. A.P. Krupnov summarised the materials from the above-mentioned sites and some other Bronze sites of the North East Caucasus in his thesis which was published posthumously as a monograph in 1958. So far this work has not lost its significance since it gives a trustworthy relative chronology of some of the best known sites of this region. An important detail about the work is the indication that in the mountainous part of Daghestan there can be found a specific Bronze culture.

In 1947 the North Caucasian Expedition under the guidance of E.I. Krupnov resumed its research in the North East Caucasus. In 1947-1951 R.M. Munchaev and K.F. Smirnov carried out excavations of the Early and Middle Bronze sites in the plain and foothill parts of Daghestan and were the first to single out the Daghestanian phase of the Middle Bronze Age. Though in Chechnya the North Caucasian Expedition had worked until 1970, the study of Middle Bronze sites in Daghestan since 1951 was performed mainly by efforts of the Institute of History, Language and Literature, the Daghestan Branch of the USSR Academy of Sciences.

Period III (from 1954-1957 to 1974) was the time of the most large-scale investigations of the Middle Bronze Age in the mountainous parts of the region. A series of settlements (Verkhnyi Gunib - V.M. Kotovich, 1958-1959, 1963-1964; Irganay - D.M. Atayev, M.N. Pogrebova, M.G. Gadzhiev, 1958-

1960, and others) and burial grounds (Chokh and Mughli - R.M. Munchaev, 1954; Ghono and Rugudzha - V.G. Kotovich, 1955-1956; Ghinchi - M.I. Pikul', 1956, D.M. Atayev, 1959-1960, M.G. Gadzhiev, 1961-1963; Irganay - D.M. Atayev, M.N. Pogrebova, M.G. Gadzhiev, 1958-1960; Galgalatli - M.G. Gadzhiev, 1958, 1970 and others) were discovered and studied in Daghestan. Material obtained during these excavations has provided a great portion of the source background for studying the Middle Bronze Age in mountainous Dagestan. The work done at the Verkhnyi Gunib settlement and the Ghinchi burial ground was described and analysed in monographs by V.M. Kotovich (1965) and M.G. Gadzhiev (1969). These monographs went far beyond simply describing the results of the excavations.

In South-East Chechnya several sites, well known at present, were discovered and studied during this period: Ghatynkala (V.I. Markovin, 1956-1959), Dubayurt (M.Kh. Oshayev, 1968), Malokharsenoy (V.I. Markovin, 1966), Day (S.Ts. Umarov, 1967) and other burial grounds, the Ghatynkala settlement (V.I. Markovin, 1957-1959) and the Kurchaloy ashpit (V.I. Markovin, 1961). The results of the Ghatynkala excavations were fully published by V.I. Markovin in 1963. He ascribed the monument to the eastern variant of the North Caucasian culture and specially emphasized the numerous Daghestanian analogues to these findings.

M.G. Gadzhiev's work «Daghestan and South-East Chechnya in the Middle Bronze Age» (1974) became a remarkable point in the history of the Middle Bronze Age study. For the first time, it became necessary to attribute the Middle Bronze Age sites found in the mountainous parts of northeastern Chechnya to the single Ghinchi culture.

In 1974-1985 (period IV) field investigations of the Middle Bronze sites in Mountainous Daghestan practically terminated. At the same time this was a decade rich for generalisation and the analysis of the sources, for publications and laying theoretical foundations (V.G. Kotovich, M.G. Gadzhiev, S.N. Korenevsky, and others). A posthumous book by V.G. Kotovich (1982) mainly dealt with the problems of the Middle Bronze Age study. In mountainous Chechnya, on the contrary, it was the period of intensive and fruitful excavations, of which the Belty cemetery was undoubtedly the most important (V.A. Petrenko, 1979; V.B. Vinogradov, 1981-1985).

For the last 15 years Middle Bronze sites in mountainous Chechnya have hardly been excavated. In Daghestan, on the contrary, 1986 launched the next period (V) of intensive field studies. The threat of submergence encouraged rescue works at the well-known Middle Bronze sites at the village of Irganay (M.G. Gadzhiev, R.G. Magomedov, G.D. Ataev).

At present there is every reason to say that problems of the Middle Bronze period in the mountainous part of the North East Caucasus have been thoroughly considered in a variety of published papers, abstracts and reports in which special attention has been paid to the subject of metallurgy and the metal processing methods used by local peoples (I.R. Selimkhanov, E.N. Chernykh, S.N. Korenevsky, M.G. Gadzhiev, A.G. Kamensky). So far, Middle Bronze antiquities from this region have not attracted any noticeable attention of foreign archaeologists except for several works by a Polish archaeologist J. Machnik (1972-1973; 1973).

A survey of sources and historiography shows that Middle Bronze sites in Daghestan and Chechnya are rather unevenly investigated: alpine zones have been quite insufficiently studied; mountainous districts of Southern Dagestan practically remain terra incognita; a series of well excavated sites have not yet received a full scientific description (the Irganay settlement and burial ground, the Malokharsenoy burial ground, etc.). That is why a summarising theoretical work on the Ghinchi culture seems particularly necessary.

Chapter II deals with the study of settlements.

Section 1 gives a general description of settlements, their topography and plans. The number of settlements known on the territory under investigation totals 20, of which the overwhelming majority are in mountainous Daghestan. According to topographic characteristics, the settlements fall into two categories:

a) rock settlements situated on steep mountain slopes, cliff ridges or mountain spurs (Verkhnyi Gunib, Usisha, Kuchrab, Ingherdakh, etc.) - those almost inaccessible places that turned settlements into natural fortresses;

b) valley settlements situated on river terraces (Irghanay I, Irghanay II, Ghinchi III).

Choosing a place for a settlement was affected by a number of factors, such as orientation to the south, sites fit for tilling and pasturing, and proximity to water sources and building materials. On the basis of social and economic factors, settlements can be grouped into permanent and seasonal ones. The first are characterised by a settled mode of life, solid dwellings and household constructions, and a thick cultural layer (Verkhnyi Gunib, Irghanay I). Economic structure of permanent settlements was based equally on agriculture and cattle-breeding.

Seasonal settlements appeared owing to the specific way of pasturing animals in the mountains (Galgatli II). We have little information about their lay-out, streets, squares, and the public and cult buildings of these settlements since they still remain poorly studied. Judging from the excavations

at the Verkhnyi Gunib and the Irganay settlements, the dwellings and household sites were characterised by closely set multi-roomed buildings.

In Section 2 the peculiarities of architecture and the specific methods of building are analysed. The dwellings and houses found in all types of settlements are characterised by a rectangular lay-out, a flat roof, multi-rooms, special sleeping shelves, benches running along the walls, and the absence of a circular hearth in the centre (there were stoves of the «kor» type). Stone was largely used as the building material. Sometimes tiered walls of dry masonry in their lower part had slabs placed edgewise. It is safe to say that rectangular buildings in mountainous Daghestan replaced the circular lay-outs characteristic for the Kura-Araks culture.

This radical change in building tradition took place late in the III millennium B.C. The first signs of the new building manner are seen in the Sigitma settlement, while at the Verkhnyi Gunib settlement rectangular constructions are dominant even in the early stratum.

In this work close attention is given to relations between rectangular and circular dwellings in the Caucasus. The reasons behind the replacement of circular dwellings by rectangular ones form a complex question that has no unambiguous answer. To all appearances, there existed a complex of reasons: socio-economical factors (closely connected with the family institution), ethnocultural factors, different contacts, etc.

Settlements in Chechnya have been poorly studied. At the Gatynkala I settlement there was found a flat-roofed building made of clay-coated wooden planks and divided into two chambers by a stone wall. There is scarce information on the correlation of building traditions characteristic of the Early Bronze and the Middle Bronze periods in Chechnya. At the Serzhenyurt settlement of the Kura-Araks culture several light clay-coated wicker dwellings have been reconstructed, though forms of their lay-out have remained unascertained. Meanwhile, at the Lugovoy settlement in Ingushetia also attributed to the Early Bronze period, a circular construction of the same type was cleared. This fact allows us to provisionally assert that in Chechnya architecture also evolved from circular constructions to rectangular ones.

Chapter III. The burial sites in mountainous Daghestan and Chechnya have been quite well studied. All of them are of an underground type. A tumulus rite has been ascertained at the Irganay burial ground, small stone raised hills have been discovered at some other burial grounds (Mughi, Chokh). Graves, usually arranged in rows, can be divided into 6 following types: a) stone crypts, b) stone boxes, c) stone children's tombs, d) earth pits, e) pot-urns, and f) cenotaphs.

Stone crypts prevailed making up about 40 % of the total amount. Crypts in Daghestan and Chechnya have numerous of similar details. As a rule, they all had an entrance from above. Irganay crypts are notable for their side entrances (dromoses) uniting them with the Egical crypts of Ingushetia. A crypt of this type has been found in Belty as well. All crypts uncovered in southeastern Chechnya are rectangular, while in Daghestan they were both rectangular and circular, with the first being more numerous. At two sites (Chokh and Ghinchi) both types are present. In Ghinchi a crypt has been cleared with the two forms combined: circular in its lower part and rectangular at the top. This fact, together with some stratigraphical observations and data obtained by analysis of household materials, suggests that circular-planned crypts are more archaic as compared to the rectangular ones. The earliest of the Daghestanian crypts (Shchebokha, Early Bronze) are circular too. Thus, burial constructions have also passed a way of evolution from the circular lay-out to the rectangular form. In mountainous Chechnya, Early Bronze burial grounds are practically unknown which makes the genesis of local rectangular crypts almost an insoluble problem. At the same time, circular crypts have something in common with cenotaphs from Gatynkala.

Stone boxes are completely alien for Middle Bronze sites in mountainous Daghestan, while in Chechnya they occur much more often (mostly in Belty - 23). All of them, with few exceptions, are small-sized and were intended for individual children's burials. They even occupy a separate part of the burial ground. To all appearances, stone boxes of the Middle Bronze period found in Chechnya were obligatory components of the burial constructions depending upon the age of the deceased. Thus, both in mountainous Daghestan (tiny stone tombs, urn burials) and in Chechnya (diminutive stone boxes), we can see children's and adults' burials isolated from each other.

Earthen pits are one of the most numerous types of burials in southeastern Chechnya. At several burial grounds (Saadi-Kotar, Malyi Kharsenoy, Bachi-Yurt II and IV) this is the only type of burial found, while in Gatynkala and Belty the pits make a large portion of the whole. Chronologically earth pits are concurrent with crypts or precede them a little. Usually, they were intended for individual burials. In mountainous Daghestan this type of burial construction was not typical.

Burial traditions, revealed at burial grounds of mountainous Daghestan and South-Eastern Chechnya, share the following common features:

1. widely used structures of crypt type accompanied by special constructions for children;
2. absence of a strict orientation of burials even within one and the same burial ground which allows to speak only of a prevailing tradition (Gatynkala:

NW-SE, S-N; Bel'ty: W-E, NW-SE and NE-SW; Malyi Kharsenoy and Saadi-Kotar: N-S);

3. collective burials in crypts;
4. absence of fixed posture and orientation of the bodies in crypts;
5. fire used in the burial ritual;
6. presence of sacrificial food;
7. never or rarely used ochre;
8. various household materials.

At the same time, there are marked differences present in the burial rite of the regions under study:

1. various types of burial constructions found in southeastern Chechnya (crypts, earth pits, stone boxes) with the «monopoly» of crypts in mountainous Daghestan;
2. the only type of crypts in southeastern Chechnya were rectangular one, while there is a greater diversity of them in Daghestan (circular and rectangular);
3. the tumulus rite used in Daghestan together with the ground burials.

Evidently, those peoples that inhabited mountainous Daghestan and southeastern Chechnya in the Middle Bronze period had more similarities in their burial rites than distinctions. Another factor, common for both territories, was the gradual establishment of the habit to bury their deceased in stone boxes, which in the Late Bronze period became the prevailing form of burial constructions in the North East Caucasus. It was in the same period, that here and there collective burials were replaced by individual or sometimes by twin burials.

Chapter IV. Here the classification is given and characteristic features described of the materials found in the settlements and burial grounds.

Section 1 deals with the pottery. The production methods in mountainous Daghestan and Chechnya were strikingly alike. Hand-modelling of the earthenware was not the only feature in common, as in the Middle Bronze period this technique was used all over the Caucasus. Grit was used as temper, together with gravel and argollaceous schist, sometimes fine crushed shells, river sand (Daghestan) and small lumps of limestone (Chechnya). According to the methods of surface working, the pottery from both Daghestan and Chechnya falls under two categories: a) with smooth walls (polished), and b) slipped. In the northeastern Caucasus surface polishing was closely connected with the traditions of the Kura-Araks culture and dates from as early a period as the Eneolithic (Ghinchi) or Neolithic (Chokh). Usually, only the middle part of the vessel's body was slipped. The quantitative correlation between smoothed and

slipped earthenware from the burial grounds of Daghestan and Chechnya is approximately equal: (Ghinchi - 20 % of slipped pottery, Gatynkala and Belty - 14 % and 28 % correspondingly). At the same time, in Daghestan slipped pottery of the Early Bronze period is found almost everywhere, while at some sites in Chechnya it is completely absent (Malyi Kharsenoy, Saadi-Kotar).

The typological classification by shape shows an absolute absence of round-bottomed vessels in southeastern Chechnya, while in Daghestan they make about 25 % of all the complete objects. Flat-bottomed pottery from both areas was very similar. There have been detected 39 types of vessels belonging to 11 classes: 1) small basins and saucers, 2) basins, 3) bowls, 4) mugs, 5) small tea-pots, 6) small pots, 7) jugs, 8) jars, small buckets, 9) ewers, 10) pottery intended for special use, 11) stemmed vessels. 8 types of round-bottomed earthenware are characteristic solely of Daghestan. Most (23) of the remaining flat-bottomed types are common for both regions. Specific for mountainous Daghestan are tiny tea-pots (types 18, 19), and it is only here that special purpose vessels (class 10) - pans and braziers - have been found.

The fact these types are not numerous in Daghestan prevents us from considering them to be differentiating elements in the ceramics. Common types of vessels were not always equally spread in Daghestan and Chechnya. Jugs, for example, are most often found at Daghestanian sites, while in Chechnya various forms of bowls are more usual. Ceramics from Malyi Kharsenoy and Saadi-Kotar are notable for ledged isolation of the neck.

Decoration technique was of 4 types: a) relief, b) engraving, c) combination of a and b, d) and painted designs. In the Middle Bronze period the first three types were widely spread in the North East Caucasus, but d-type never occurred in Chechnya. The a-ornament has 14 patterns with the only exception being equally traditional for mountainous Daghestan and Chechnya. In the b-type 14 designs can be also detected, of which 2 (a large round hollow on the side of the vessel and a cord imprint) are never seen in the pottery from southeastern Chechnya. In mountainous Daghestan the first of these patterns is found on the Bedeni-imported pottery and its imitations, the second - only on the objects from the Irganay burial ground. The c-type ornament occurs most frequently (more than 30 patterns). The majority of these patterns are found on the ceramic fragments from the Verkhnyi Gunib and Irghanay I settlements. We have detected 180 ornamental compositions on pottery from mountainous Daghestan and 89 compositions on vessels from southeastern Chechnya, with 32 cases where the decorations overlap. The ceramics from Malyi Kharsenoy and Saadi-Kotar are distinguished by deep relief related to the traditions of the Kura-Araks culture.

In *Section 2* the tools of production and weapons are examined. It is rather difficult to compare sets of tools used in the regions under study, because in southeastern Chechnya settlements of this period have been poorly studied. Bronze needles, bone spindle whorls, flint inserts of compound sickles, bone awls, burnishing tools, stone pestles, graters - such is the short list of tools equally known in mountainous Daghestan and in southeastern Chechnya. All of them are typical of Middle Bronze sites not only from the northeastern part of the region, but all over the Caucasus. In addition, in Daghestan there have been found stone mortars, grain grinders, wedge-formed tools - small hoes, flint knives, planes, needles, a clutch made of antler, bronze and bone awls, - objects usual for any well studied settlement in the Caucasus dating from the early agricultural period of the Bronze Age. At Verkhnyi Gunib and Irganay I a group of objects was found that had been used in bronze casting, such as fragments of small moulds, crucibles, etc. Moreover, V.M. Kotovich found at Verkhnyi Gunib (1965) a set of casting implements including, in addition to the above-mentioned, a nozzle, mould inserts, remains of the «kor» type stove, stone mortars, different pestles and grinding stones. It should be noted that clay cone-shaped objects from this burial complex rather look more like hearth stands, than the mould inserts that they were first seen to be. Their analogues have been found in the sites of the Kura-Araks culture.

One cannot but note that at the Middle Bronze sites in mountainous Dagestan not a single socketed bronze axe has ever been found though such axes are known from the earlier sites. Stone axes are also scanty here. In southeastern Chechnya, on the contrary, we see numerous socketed axes made of bronze and stone together with numerous blades of daggers and knives, while in mountainous Daghestan they were comparatively small in number (V. Gunib, Irganay). In the plains and foothills of Daghestan they are often found at the sites from the Early to the Late Bronze period. They were widely spread throughout the rest of the Caucasus and because of this they could not be strictly attributed to a certain culture or period. The same is true for triangle-shaped hollow-based flint arrow-heads found in great numbers in mountainous Daghestan and even oftener in South-Eastern Chechnya (more than 150 in Belty only). An important detail to mention is that in Chechnya all flint arrow-heads are of one and the same type described above, while in mountainous Daghestan other types are offered as well (tanged, leaf-shaped or, in a single case, flag-shaped). The diversity of these forms is specifically distinctive of Daghestanian sites. Spherical or pear-shaped flint mace-heads are characteristic of the Caucasus and contiguous territories within the vast chronological and cultural context.

In *Section 3* clothing accessories, objects of cult and art have been studied. Our analysis shows that many of them were not peculiar exclusively for Daghestan and Chechnya but were widely spread throughout the North Caucasus. Such were bronze decorations: pivot pendants with a bulge at one of the ends, spoon-shaped pendants and medallions of various types, tubular and B-shaped pierced decorations. Into the same group one can include such single decorations found in mountainous Daghestan as a bronze pin with a palmate top, a ring-shaped pendant with a cross in it, a cast semi-spherical plate with two apertures. They are still absent among the remains from southeastern Chechnya but widely spread on the sites of the North Caucasian culture. Bronze pins with bispiral heads, temple pendants of 1.5 revolutions, rings of bone, different pendants of stone, carnelian, shells, teeth of animals, beads of soap-like substance, carnelian, rock crystal, shells and other materials, cult objects in the form of wheels, of small clay circles, or astragalus-shaped items of clay zoomorphic sculpture, - all these things are typical not only of the mountainous parts of the region where they were found, but of vast cultural and chronological spaces far beyond the borders of the Caucasus.

Such decorations as bronze pins with heads shaped as a disc or a small shield with a bispiral tip, many-spiraled bracelets, double bladed temple pendants of 1.5 revolutions, conical and semi-spherical pendants, pendants of bone shaped as a pivot with a ring, various beads and pendants of jet are distinctive of mountainous Daghestan and South-Eastern Chechnya and are seldom found at the rest of the North-Eastern Caucasian sites.

A separate group is composed of decorations and ritual articles that occur in mountainous Daghestan but are absent in South-Eastern Chechnya. Some of them, such as bronze pins with semi-circular flattened heads, temple pendants with oar-like grooved tips, ornamented bracelets of bone, and clay reliefs, are characteristic solely of mountainous Daghestan and do not have exact analogies beyond it. Some forms relative to bronze pins are found in eastern Georgia. For example, bronze spectacle-shaped pendants and temple pendants decorated by a small shield in the form of a bay-leaf are found in all geographical zones of Daghestan. Analogies of the first are known far beyond the Caucasus among antiquities of Middle Asia and the Near East as well as in Central and North-Eastern Europe. The latter are spread approximately throughout the same territories including eastern Georgia.

In *Section 4* analysis is given of the faunal remains which take an important place among archaeological materials obtained by excavations. From this point of view the Verkhnyi Gunib and Irghanay I settlements are most informative. The majority of the bones (94 %) identified at the Verkhnyi Gunib settlement belong to domestic animals, mostly to cattle, sheep and goat, and occasionally the bones of pigs. Hunting was an important part of the economy:

there have been found bones of deer, bison; different wild rams and goats, and other wild animals. At the Irganay I settlement (data of the years 1986-87) the bones of domestic animals (cattle, sheep and goats, pigs) made 47% of the whole, including the bones of horses, dogs and donkeys. The proportion between the bones of cattle and sheep/goat is 1:1 at the Irghanay monument, and 2:1 at the Verkhnyi Gunib. Judging by the faunal remains from Irganay, European bison (16.8 %), deer (16.5 %), gazelles (4.1 %), mountain rams (3.6 %), sometimes bezoar and Caucasian goats, chamoises, fallow deer, hares, wolves and other animals were the main objects of hunting. Birds' (stints, Caucasian black grouse, ducks) and fish (pike and sheat-fish) bones are sometimes found as well.

Chapter V deals with the problems of cultural and chronological interpretation of the sites under study.

In *Section 1* the Ghinchi archaeological culture is isolated from the North East Caucasian metacultural community; its area and local variants have been studied. A fairly intricate situation has existed long enough with the identification of Middle Bronze archaeological cultures in the North-Eastern Caucasus. Formerly, (in the 50-60-s), sites of this period were a priori considered as belonging to a single culture; namely, the «Daghestanian culture of the Bronze Age». Now, practically nobody disputes the idea that there existed a series of Middle Bronze archaeological formations which in their own way had adapted to the natural conditions of different climatic zones and to ever strengthening ethnic and cultural contacts with the neighboring peoples, particularly those from the steppe world. At present, criteria are discussed offered to isolate these formations, to determine their number, areas and, above all, how much they had in common. To resolve this problem a theory has been advanced which unites the Middle Bronze sites of the mountains, foothills and partially the plains of the North-Eastern Caucasus into a great archaeological community. Within this community individual cultures, their local variants and narrow local groups of sites can be differentiated. Multi-component, but at the same time integral, archaeological communities of this type usually have the name of «a cultural-historical area» or «a cultural-historical community». Very often the difference between these terms is confined to ethnic peculiarities, thus causing a lack of agreement among scholars. Conceptual meaning of the terms «a cultural-historical area» and «a cultural-historical community» reflects distortion of their logical subordination to the term «an archaeological culture». We suggest that large archaeological communities called before «a cultural-historical area» or «a cultural-historical community» should be henceforth termed «archaeological metacultural com-

munities» by analogy with the term «metaethnic communities» once proposed by S.I. Brook and N.N. Cheboksarov. This term will be logically and successively connected with the term «an archaeological culture», its concept is wider and it can be understood as a unity of several integral components.

When applied to the Middle Bronze sites of the North-Eastern Caucasus these theoretical postulates have resulted in isolation of the East Caucasian metacultural community which includes the Sulak, Manas, Velikent local groups of sites and the Ghinchi culture.

Characteristic of the Ghinchi culture were agricultural settlements and seasonal cattle-breeders' camps; multi-chamber rectangular dwellings with flat roofs; stone used as main building material; two-component stove constructions attached to the walls; rectangular and circular stone crypts with collective burials (without any fixed posture or orientation of bodies); earth pits often edged with stone (usually for individual or twin burials); common ceramic forms of two types - smooth (polished) and slipped: saucers, bowls, cups, jars, ewers, pots of different size and purpose; similar elements and compositions of raised and engraved ornaments usually covering shoulders and necks of vessels; various tools of production, articles of armament, decorations and objects of cult made of different kinds of stone, paste, bone, shells, bronze, etc.

The area of the Ghinchi culture embraced South-Eastern Chechnya and the basin of four large tributaries of the Sulak river - all having the name of Koisu (the Andi Koisu, the Avar Koisu and so on). Given the proximity and likeness of its sites the Ghinchi culture had two local variants: the North-Western (ichkerinsky) variant and the South-Eastern (kouisugsky) one. This division of the Ghinchi culture into variants is supported by such important factors as 1) the overwhelming predominance of crypts at burial grounds in Daghestan while in southeastern Chechnya the full set «a crypt - a stone box - an earth pit» was used; 2) crypts, circular or rectangular in Daghestan, were exclusively rectangular in Chechnya;

3) absence of round-bottomed pottery at the sites in Chechnya while in mountainous Daghestan it was widely spread. There are, of course, differences in the number and quality of such finds as tools of production, weapons and decorations, but they can be accounted for by the extent to which sites in these two regions have been studied. Nevertheless, we think it necessary to draw attention to the fact that some specific decorations such as pendants shaped as spectacles or laurel leaves are never met in the north-western variant.

At the next stage narrow local groups of sites can be distinguished within the local variants of the Ghinchi culture. For example, in southeastern Chechnya these are: 1) the Malokharseny and Saadi-Kotar burial grounds, 2)

the Bachiyurt the earthen tombs # 2, # 4 and the settlement of the same name together with the earthen burial ground at the village of Sogunty. In Daghestan there is a distinctly peculiar group of a settlement and a burial ground at Irganay I. With the further investigation of the Ghinchi culture the appearance of new local groups can be expected to radically change our views on this culture - its integrity and specificity.

Section 2 deals with the problems of the chronological division of the culture under study into periods. Analysis in this field of research is impeded by lack of intensive archaeological works, scarcity of source material, absence of closed burial complexes, and, what is the most important, a series of C14 dates.

At the same time, findings from a clearly stratified Verkhnyi Gunib settlement enabled archaeologists to isolate two consecutive periods in the process of the Ghinchi culture development: the 1st (early) stage - the XXIII-XVIII centuries B.C. and the 2nd (late) stage - the XVII-XV centuries B.C. In accordance with the archaeological division of the North Caucasian Bronze Age into periods, the 1st stage of the Ghinchi culture embraces the period of transition from the Early Bronze to the Middle Bronze (the last quarter of the III millennium B.C.) and approximately the first half of the Middle Bronze Age (the XX-XVIII centuries B.C.); the 2nd stage covers the second half of the Middle Bronze period (the XVII-XVI centuries B.C.) and the beginning of the transitional period from the Middle Bronze to the Late Bronze (the XV century B.C.).

The Ghinchi culture was closely connected with the Kura-Araks culture which had served as a genetic background for it. Archaeological cultures of contiguous territories, especially the eastern Georgian Alazan-Bedeni culture, also played their role in the process of the Ghinchi culture formation. The peak of its development fell in the first half of the II millennium B.C. In the final period of the second stage of development (the late XVI and the XV centuries B.C.) within the Ghinchi culture elements of a new North-Eastern Caucasian culture started to appear - those of the Kayakent-Khorochoy one.

In *Section 3* the succession of these two cultures has been studied; that is the historical destiny of the former and the problem of the genesis of the latter. It should be noted that the transformation of the Ghinchi culture was a gradual process of evolution that had avoided drastic changes of an ethnic character. Burial constructions combining elements of crypts and stone boxes appeared at the sepulchres; tiny stone boxes became more often used for childrens burials; funeral rites had evolved from collective burials to individual, sometimes twin ones.

In ceramics, the portion of slipped vessels becomes larger, while basins, jugs and cups disappear or become far less numerous. In Daghestan slipped

vessels are now coarsely painted with blackish or brown paint. Pins, medallion pendants and drilled decorative elements are not found in the metal collections, while small caps and temple pendants with grooved whorls are quite often; antimony casting appears and tin comes to be used as a base metal.

We have managed to distinguish a series of burial complexes (grave 1 at the Urtseki tomb II, graves 2 and 3 at Aidil'go, a box accidentally destroyed in 1996 at the village of Kayakent) in stone boxes or in graves of a combined type with a number of round-bottomed vessels, smooth two-handled vessels with protuberant bodies and funnel-shaped openings - all attributed to the early Kayakent-Khorochoy culture and believed to date from the 3rd quarter of the II millennium B.C. One of the reasons to support such dating is the fact that this pottery is characteristic of the Ghinchi culture sites, especially of its south-eastern (Koisu) variant. These complexes have been mostly found in the plain and central zones of Daghestan; that is, beyond the Ghinchi culture area as it was outlined above. Everything aforesaid allows us 1) to postulate that there simultaneously existed the late Ghinchi culture and the earliest Kayakent-Khorochoy sites; 2) to conclude that «western» and «eastern» variants of the Kayakent-Khorochoy culture were not synchronous. The latter seems to have arisen in the south and in the east and spread throughout south-eastern Chechnya.

The final *Section 4* of Chapter V concerns the ethnic and cultural situation distinctive of the Middle Bronze Age in the North-Eastern Caucasus. Analysis of all the data available among-which archaeological information is of primary importance-suggests that the cultures of the local peoples had been undoubtedly continuous for a long period and points to the autochthonous ethnogenesis of the Daghestan-Nakh peoples. At the same time great influence of the migration factor should not be disregarded taking into consideration the importance of the Caspian coastal corridor and the role it played in the process of the migration of numerous peoples from the north to the south and vice versa.

Linguistic data (E.A. Bokarev, 1961; B.K. Gigineishvili, 1977; S.A. Starostin, 1985, and other authors) show that by the turn of the III millennium B.C. not only the Daghestanian-Nakh stem language had fallen into pieces but the common Daghestanian parent language had disintegrated into several groups of languages. There is every reason to speak of ethnically fragmented local population because it is the language that serves as a principal indication of ethnicity the more so in the primitive social system.

The idea that in the Early Bronze period the North Caucasian tribes belonged to a Daghestanian-Nakh group of languages is indirectly proved by their relationship with the Hurrian-Urartu languages, the last fact being

revealed by I.M. Dyakonov and his disciples. At the same time, some peoples which were bearers of the Kura-Araks culture could be identified as Hurrians owing to their ethnic peculiarities and their language (R.M. Munchaev, 1975).

Anthropological sources (V.P. Alekseyev, 1973, 1974; A.G. Gadzhiev, 1974, 1975) show that the people who lived on the territory of the Ghinchi culture were of the long-headed narrow-faced south Mediterranean anthropological type. In general, there is no doubt among anthropologists about the continuous character of the North-Eastern Caucasian population at different stages of the Bronze Age (anthropological material of previous epochs is extremely scarce), as well as in the later periods up to the ethnographic present.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абакаров А.И., Давудов О.М., 1993. - Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993.
- Абрамова М.П., 1969. - Абрамова М.П. Погребения эпохи бронзы на Нижнем Джулате в Кабардино-Балкарии // Экспедиции ГИМ. М., 1969.
- 1982. - Абрамова М.П. Катакомбные и склеповые сооружения юга Восточной Европы: (Середина I тыс. до н.э. - первые века н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. Вып. 54. 4.2. М., 1982.
- Агларов М.А., 1995. - Агларов М.А. Современные параллели древним этночленениям в Дагестане // Алародии: (Этногенетические исследования). Махачкала, 1995.
- Акаев Б.А. и др., 1976. - Акаев Б.А., Галин В.Л., Галина А.А., Казанбиев М.К. Геология и полезные ископаемые Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1976.
- Алексеев В.П., 1973. - Алексеев В.П. О структуре и древности кавкасионского типа в связи с происхождением народов Центрального Кавказа // Кавказ и Юго-Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
- 1974. - Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа: Краниологическое исследование. М.: Наука, 1974.
- 1991. - Алексеев В.П. Несколько соображений о происхождении вайнахских народов по антропологическим данным // Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюз. науч. конф.: ТДС. Шатой, 1991.
- Амирханов Х.А., 1983. - Амирханов Х.А. Начало земледелия в Дагестане // Природа. № 2. 1983.
- 1987. - Амирханов Х.А. Чохское поселение: Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1987.
- Андреева М.В., 1986. - Андреева М.В. Об одной зоантропоморфной фигурке из Ставрополя // СА. №2. 1986.
- Андрианов Б.М., Чебоксаров Н.Н., 1975. - Андрианов Б.М., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области: (Проблемы историко-этнографического районирования) // СЭ. № 3. 1975.
- Анучин Д.Н., 1884. - Анучин Д.Н. Отчет о поездке в Дагестан летом

1882 г. // ИРГО. Т. XX. 4. 1884.

Артеменко И.И., 1967. - Артеменко И.И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М.: Наука, 1967.

Археология СССР. Энеолит, 1982. - Археология СССР. Энеолит. М.: Наука, 1982.

Асиятилов С.Х., 1967. - Асиятилов С.Х. Историко-этнографические очерки хозяйства аварцев: (XIX - первая половина XX вв.). Махачкала, 1967.

Атаев Г.Д., 1982. - Атаев Г.Д. Памятники эпохи ранней и средней бронзы бассейна реки Сулак в Дагестане // Конф. по археологии Сев. Кавказа. XII Крупновские чтения: ТД. М., 1982.

- 1985. - Погребальный обряд присулакских племен в эпоху средней бронзы // ТД V конф. молодых ученых / Дагфилиал АН СССР. Махачкала, 1985.

- 1986. - Атаев Г.Д. Бассейн реки Сулак в эпоху ранней и средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

- 1987. - Атаев Г.Д. Чиркейские курганы бронзового века // СА. № 1. 1987.

- 1988. Атаев Г.Д. Металлообработка присулакских племен Дагестана в эпоху средней бронзы // Медные рудники Западного Кавказа III-I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения: ТД Башкапсарского полевого археологического семинара. Сухуми, 1998.

- 1990. - Атаев Г.Д. Ирганайское поселение II // ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1988-1989 гг. Махачкала, 1990.

- 1991. - Атаев Г.Д. Отчет об исследованиях Ирганайской новостроечной археологической экспедиции Института ИЯЛ в 1989 г. Махачкала, 1991 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д.

- 1992. - Атаев Г.Д. Исследования Ирганайского поселения - I // ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1990-1991 гг. Махачкала, 1992.

Атаев Г.Д., Малагитинов М.М., 1992. - Атаев Г.Д., Малагитинов М.М. Керамика Ирганайского поселения - I // ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1990-1991 гг. Махачкала, 1992.

Атаев Д.М.др., 1960. - Атаев Д.М., Гаджиев М.Г., Погребова М.Н. Отчет о работе II Горного отряда ДАЭ в 1959 г. Махачкала, 1960 // РФ ИИАЭ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 17.

- 1990. - Атаев Д.М., Гаджиев М.Г., Погребова М.Н. Отчет о работе Горного отряда ДАЭ в 1960 г. Махачкала, 1991 // РФ ИИАЭ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 105.

- Атаев Д.М., Котович В.М., 1958. - Отчет о работе 2-го Горного отряда ДАЭ в 1957 г. Махачкала, 1958 // РФ ИИАЭ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2.
- Атаев Д.М., Погребова М.Н., 1958. - Атаев Д.М., Погребова М.Н. Отчет о работе 2-го Горного отряда ДАЭ в 1957 г. Махачкала, 1958 // РФ ИИАЭ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2.
- 1959. - Атаев Д.М., Погребова М.Н. Отчет о работе 2-го Горного отряда ДАЭ в 1958 г. Махачкала, 1959 // РФ ИИАЭ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 1.
- 1973. - Атаев Д.М., Погребова М.Н. Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского района: (Предварительное сообщение) // МАД. Т. III. Махачкала, 1973.
- Ахундов Т.И., 1987. - Ахундов Т.И. Историческая топография поселений и система расселения в Северо-Восточном Азербайджане (середина III- середина II тысячелетия до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.
- 1996. - Ахундов Т.И. Этапы этнокультурных процессов на Кавказе: (по материалам Азербайджана) // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: (XIX "Крупновские чтения") ТД. М., 1996.
- Багаев М.Х., 1981. - Багаев М.Х. Разведки в бассейне р. Гой // АО 1980. М.: Наука, 1981.
- 1986. - Багаев М.Х. Новый могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.
- 1991. - Багаев М.Х. К вопросу о сложении древненахских народов // Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюз. науч. конф.: ТДС. Шатой, 1991.
- 1996. - Багаев М.Х. Происхождение вайнахского народа // Проблемы происхождения нахских народов: Мат-лы науч. конф., состоявшейся в Шатое в 1992 г. Махачкала, 1996.
- Бадер О.Н., 1970. - Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970.
- Батчаев В.М., 1987. - Батчаев В.М. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 1987.
- Белоглазова Т.А., 1981. - Белоглазова Т.А. Гончарные печи в окрестностях сел. Великент // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.

- Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984.* - Бетров Р.Ж., Нагоев А.Х. Курганы эпохи бронзы у селений Чегем I, Чегем II и Кишпек: (1-я и 3-я группы) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 1987.
- Бибиков С.Н., 1953.* - Бибиков С.Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевцевская на Днестре. МИА. № 38. М., 1953.
- Бикерман Э., 1975.* - Бикерман Э. Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность. М.: Наука, 1975.
- Бобринский А.А., Мунчаев Р.М., 1966.* - Бобринский А.А., Мунчаев Р.М. Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 108. М., 1966.
- Богданова М.А., 1982.* - Богданова М.А. Погребальный обряд сельского населения позднескифского государства в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Тр. ГИМ. Вып. 54. 4. 2. М., 1982.
- Богущий П., Грыгель Р., 1983.* - Богущий П., Грыгель Р. Древнейшие земледельцы Среднеевропейской равнины // В мире науки. № 6. 1983.
- Бокарев Е.А., 1961.* - Бокарев Е.А. Введение в сравнительное изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.
- Бромлей Ю.В., 1981.* - Бромлей Ю.В. Основные виды историко-культурных общностей и тенденции их динамики // СЭ. № 1. 1981.
- Бромлей Ю.В., 1983.* - Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.
- Брук С.И., Чебоксаров Н.Н., 1976.* - Брук С.И., Чебоксаров Н.Н. Метаэтнические общности // Расы и народы. М., 1976.
- Бурков С.Б., 1990а.* - Бурков С.Б. Новые катакомбные комплексы из Чечено-Ингушетии // ТД Всесоюз. семинара "Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности". Запорожье, 1990.
- Бурков С.Б., 1990б.* - Бурков С.Б. Новые погребения конца ранней бронзы из раскопок Археологической лаборатории ЧИГУ им. Л.Н. Толстого // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии. Регион. науч. конф.: ТДС. Грозный, 1990.
- Бурков С.Б., 1991.* - Бурков С.Б. Закавказские импорты из подкурганых погребений среднего течения Ассы как культурно-хронологический показатель // Университетская экспозиция результатов новостроечных и охранных археологических работ 1989-1990 годов. Грозный, 1991.

- Виноградов В.Б., 1968. - Виноградов В.Б. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г. // АЭС. Т. II. Грозный, 1968.
- 1978. - Виноградов В.Б. Через тысячи лет ... (В Юго-Восточной Чечне открыт могильник бронзового века) // Грозненский рабочий. 17 мая 1978 г.
- 1979. - Виноградов В.Б. Дискуссионные вопросы хронологии и этнокультурной атрибуции позднебронзовых памятников бассейна Сунжи // Проблемы эпохи бронзы Юго-Восточной Европы: ТДК. Донецк, 1979.
- 1981а. - Виноградов В.Б. Раскопки Бельтинского могильника // АО 1980. М.: Наука, 1981.
- 1981б. - Виноградов В.Б. Отчет о раскопках Бельтинского 2-го могильника в 1980 г. // Виноградов В.Б. и др., 1981. Сводный отчет о полевых исследованиях в 1980 г. Грозный, 1981 // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 7768.
- 1982а. - Виноградов В.Б. Новое в изучении этнокультурного процесса в Восточной Чечне: (Эпоха бронзы) // Культурный процесс в эпоху бронзы и раннего железа: ТД Всесоюз. симпозиума. Ереван, 1982.
- 1982б. - Виноградов В.Б. Отчет о раскопках Бельтинского 2-го могильника в 1981 г.: (Чечено-Ингушская АССР). Грозный, 1982 // Виноградов В.Б. и др. Сводный отчет о полевых работах в Чечено-Ингушетии и Ставропольском крае в 1981 г. Грозный, 1982 // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 8710.
- 1983а. - Виноградов В.Б. Отчет о раскопках Бельтинского 2-го могильника в 1982 г. Грозный, 1983 // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 9186.
- 1983б. - Виноградов В.Б. Работы в ущелье р. Гумс // АО 1981. М.: Наука, 1983.
- 1984а. - Виноградов В.Б. Могильники Юго-Восточной Чечни // АО 1982. М.: Наука, 1984.
- 1984б. - Виноградов В.Б. Отчет о раскопках Бельтинского 2-го могильника № 2 в 1983 г. Грозный, 1984 // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 9362.
- 1985а. - Виноградов В.Б. Отчет о раскопках Бельтинского 2-го могильника и Ялхой-Мохского 3-го могильника в 1984 г. Грозный, 1985 // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 10477.
- 1985б. - Виноградов В.Б. Раскопки в Ичкерии // АО 1983. М.: Наука, 1985.
- 1996. - Виноградов В.Б. Грозный-Армавир, 1986-1995:

- Некоторые итоги археологических исследований // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX "Крупновские чтения"): ТД. М., 1996.
- 1991. - Виноградов В.Б. Пять лет полевых трудов хоздоговорной археологической лаборатории ЧИГУ им. Л.Н. Толстого // Археология на новостройках Северного Кавказа (1986-1990 гг.): ТД регион. конф. Грозный, 1991.
- Виноградов В.Б. и др., 1985.* - Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Бакаев Х.З. Ранние этапы этногенеза вайнахов: (Первая попытка реконструкции) // Археология и краеведение - вузу и школе: (ТДС Второй регион. научно-практич. конф). Грозный, 1985.
- Виноградов В.Б., Ерзункаева К.З., 1979.* - Виноградов В.Б., Ерзункаева К.З. Бельтинский могильник в системе древностей бронзового века Юго-Восточной Чечни // IX Крупновские чтения: (ТД). Элиста, 1979.
- Виноградов В.Б. и др., 1963* - Виноградов В.Б., Лосев И.К., Саламов А.А. Чечено-Ингушетия в советской исторической науке: (Критико-библиографический обзор). Грозный, 1963.
- Виноградов В.Б., Марковин В.И., 1966.* - Виноградов В.Б., Марковин В.И. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР: (Материалы к археологической карте). Грозный, 1966.
- Виноградов В.Б., Рунич А.П., 1969.* - Виноградов В.Б., Рунич А.П. Новые данные по археологии Северного Кавказа // АЭС. Т. III. Грозный, 1969.
- Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М., 1982.* - Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М. Некоторые находки IV-II тыс. до н.э. на Северо-Восточном Кавказе // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982.
- 1986. - Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М. Бельтинский могильник эпохи бронзы: (Вопросы хронологии) // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
- 1988. - Виноградов В.Б., Хашегульгов Б.М. Бельтинский могильник эпохи бронзы (материалы раскопок 1978, 1980 гг.) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988.
- Вулли Л., 1961.* - Вулли Л. Ур халдеев. М.: Изд. вост. лит-ры, 1961.
- Гаджиев А.Г., 1965.* - Гаджиев А.Г. Происхождение народов Дагестана: По данным антропологии. Махачкала, 1965.
- 1973. - Гаджиев А.Г. Некоторые данные по краниологии

- Северо-Восточного Кавказа // МАД. Т. III. Махачкала, 1973.
- 1974. - Гаджиев А.Г. Об антропологическом типе древнего населения Дагестана // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
- 1975. - Гаджиев А.Г. Древнее население Дагестана: По данным краниологии. М.: Наука, 1975.
- Гаджиев М.Г. - Гинчинский могильник эпохи бронзы // УЗ ИИЯЛ. Т. 10. Махачкала, 1962.
- 1962б. - Гаджиев М.Г. Отчет о раскопках Гинчинского могильника в 1961 г. Махачкала, 1962 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 137.
- 1962в. - Гаджиев М.Г. Отчет о работе Гинчинской археологической экспедиции в 1962 г. Махачкала, 1962 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 162.
- 1963. - Гаджиев М.Г. Отчет о работе Гинчинского отряда ДАЭ в 1963 г. Махачкала, 1963 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 176.
- 1964а. - Гаджиев М.Г. Бронзовые булавки Дагестана эпохи бронзы // СА. № 4. 1964.
- 1964б. - Гаджиев М.Г. О погребальном обряде племен горного Дагестана в бронзовом веке // УЗ ИИЯЛ. Т. XIII. Махачкала, 1964.
- 1965. - Гаджиев М.Г. Отчет о работе 1-го Горного отряда в 1964 г. Махачкала, 1965 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 190.
- 1966. - Гаджиев М.Г. Новые данные о южных связях Дагестана в IV-III тыс. до н.э. // КСИА. Вып. 108. М., 1966.
- 1969а. - Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы: (Могильник Гинчи). Махачкала, 1969.
- 1969б. - Гаджиев М.Г. Поселения и жилища земледельцев и скотоводов Дагестана. Махачкала, 1969 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 275.
- 1969в. - Гаджиев М.Г. Раскопки памятников бронзового века // АО 1968. М.: Наука, 1969.
- 1970. - Гаджиев М.Г. Отчет о работе I Горного отряда ДАЭ в 1968 г. Махачкала, 1970 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 287.
- 1974. - Гаджиев М.Г. Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
- 1975. - Гаджиев М.Г. К вопросу о происхождении и хронологии северокавказских топоров кабардино-пятигорского типа // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа:

(ТД). Махачкала, 1975.

– 1976. - Гаджиев М.Г. Могильник Галгалатли - памятник гинчинской культуры Северо-Восточного Кавказа // VI Крупновские чтения: ТД. М., 1976.

– 1978. - Гаджиев М.Г. К выделению северовостокавказского очага каменной индустрии ранних земледельцев // Памятники эпохи бронзы и раннего железа. Махачкала, 1978.

– 1979а. - Гаджиев М.Г. Отчет о работе Прикаспийской археологической экспедиции ИИЯЛ в 1977 г. Махачкала, 1979 // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп. 3. Д. 600.

– 1979б. - Гаджиев М.Г. Северо-Восточный Кавказ и куро-аракская культура // IX Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД. Элиста, 1979.

– 1980а. - Гаджиев М.Г. Древнее земледелие и скотоводство в горном Дагестане // Северный Кавказ в древности и средние века. М.: Наука, 1980.

– 1980б. - Гаджиев М.Г. Древнейшие поселения горного Дагестана // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.

– 1980в. - Гаджиев М.Г. Изучение памятников бронзового века в Прикаспийском Дагестане // АО 1979. М.: Наука, 1980.

– 1980г. - Гаджиев М.Г. Новые данные о бронзовом веке Дагестана // МСПИЭИ ИИЯЛ в Дагестане в 1978-1979 гг. Махачкала, 1980.

– 1981. - Гаджиев М.Г. Керамика горного Дагестана эпохи раннего металла // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981.

– 1982. - Гаджиев М.Г. К истории зодчества в Дагестане // МСПИЭИ ИИЯЛ в 1980-1981 гг. : ТД. Махачкала, 1982.

– 1983а. - Гаджиев М.Г. Великентский склеп - памятник древней металлургии // Природа. № 8. 1983.

– 1983б. - Гаджиев М.Г. Поселения горного Дагестана эпохи ранней бронзы // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана.

– 1985а. - Гаджиев М.Г. К изучению древних культур Северо-Восточного Кавказа: (Предисловие) // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.

– 1985б. - Гаджиев М.Г. Северо-Восточный Кавказ как географическая и этнокультурная область // Древние культуры

- Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
- 1986а. - Гаджиев М.Г. О древней металлообработке в Дагестане // *Studia praehistorica*. 8. София, 1986.
- 1986б. - Гаджиев М.Г. Погребальные обряды раннеземледельческих племен Дагестана // *Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана*. Махачкала, 1986.
- 1987а. - Гаджиев М.Г. Древние очаги металлургии в Дагестане // *КСИА*. Вып. 192. М., 1987.
- 1987б. - Гаджиев М.Г. Культура раннеземледельческих племен Северо-Восточного Кавказа: (Эпоха энеолита и ранней бронзы): Автореф. дис. ... док. ист. наук. Ереван, 1987.
- 1987в. - Гаджиев М.Г. Развитие культуры Дагестана в эпоху раннего металла: (Вопросы периодизации) // *Этнокультурные процессы в древнем Дагестане*. Махачкала, 1987.
- 1988. - Гаджиев М.Г. Камнеобработка в Дагестане в эпоху ранней бронзы // *Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана*. Махачкала, 1988.
- 1990. - Гаджиев М.Г. К изучению искусства ранних земледельцев Дагестана // *Памятники древнего искусства Дагестана*. Махачкала, 1990.
- 1991а. - Гаджиев М.Г. Горы и равнины Дагестана в эпоху раннего металла // *Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века*. Махачкала, 1991.
- 1991б. - Гаджиев М.Г. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: (Эпоха энеолита и ранней бронзы). М.: Наука, 1991.
- 1995. - Гаджиев М.Г. О демографических и этногенетических процессах в Дагестане в первобытную эпоху // *Алародии: (Этногенетические исследования)*. Махачкала, 1995.
- Гаджиев М.Г. и др., 1966.* - Гаджиев М.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М., Федоров Г.С. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства Чиркейской ГЭС в 1965 г. Махачкала, 1966 // *РФ ИИАЭ*. Ф. 3. Оп. 3. Д. 227.
- 1967. - Гаджиев М.Г., Абакаров А.И., Магомедов М.Г., Маммаев М.М., Федоров Г.С. Отчет об археологических исследованиях в зоне строительства ГЭС в 1966 г. Махачкала, 1967 // *РФ ИИАЭ*. Ф. 3. Оп. 3. Д. 229.
- Гаджиев М.Г., Абакаров А.И., 1971.* - Гаджиев М.Г., Абакаров А.И. Отчет о работе 1-го Горного отряда ДАЭ в 1970 г. Махачкала,

1971// РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп. 3. Д. 575.

- Гаджиев М.Г. и др., 1990.* - Гаджиев М.Г., Денисова А.А., Нечитайло А.Л. Археологические свидетельства контактов племен Донеччины с южными соседями в период средней бронзы // Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: ТД обл. науч.-практ. конф. Луганск, 1990.
- Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н., 1984.* - Гаджиев М.Г., Кореневский С.Н. Металл Великентской катакомбы // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984.
- Гаджиев М.Г., Магомедов А.Г., 1991.* - Гаджиев М.Г., Магомедов А.Г. Об относительной хронологии этноязыковых процессов у восточнокавказских народов по данным грамматических классов // Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюз. науч. конф.: ТДС. Шатой, 1991.
- 1996. - Гаджиев М.Г., Магомедов А.Г. Об относительной хронологии этноязыковых процессов восточно-кавказских народов по данным грамматических классов // Проблемы происхождения нахских народов: Мат-лы науч. конф., состоявшейся в Шатое в 1992 г. Махачкала, 1996.
- Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., 1984.* - Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г. Новые материалы по погребальному обряду эпохи бронзы в Дагестане // ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1982-1983 гг. Махачкала, 1984.
- 1985. - Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г. Памятники гинчинской культуры у сел. Гагатль // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
- 1988. - Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г. Новые данные о культурных связях населения степей и гор в бронзовом веке // ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1986-1987 гг. Махачкала, 1988.
- 1990. - Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г. Об итогах охранных раскопок Ирганайского поселения - I в 1988-1989 гг. // ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1988-1989 гг. Махачкала, 1990.
- 1992. - Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г. Раскопки на Ирганайском могильнике // ТД НСПИЭИ ИИЯЛ в 1990-1991 гг. Махачкала, 1992.
- Гаджиев М.Г. и др., 1996.* - Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., Кол Филип. О радиоуглеродных датах для памятников бронзового века Дагестана // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: (XIX "Крупновские чтения") ТД. М., 1996.

- Гадзяцкая О.С., 1976. - Гадзяцкая О.С. Памятники фатьяновской культуры: Ивано-горьковская группа // САИ. Вып. VI-21. М.: Наука, 1976.
- Гей А.Н., 1986. - Гей А.Н. Погребение литейщика новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на новостройках: Древности Северного Кавказа: (Материалы работ северокавказской экспедиции). Вып. I. М.: Наука, 1986.
- Генинг В.Ф., 1973. - Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. № 1. 1973. - 1989. - Генинг В.Ф. К вопросу об археологической интерпретации "кетской проблемы": (По материалам керамики с псевдотекстильной поверхностью и фигурно-штамповым орнаментом) // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.
- Герасимова М.М., Тихонов А.Г., 1995. - Герасимова М.М., Тихонов А.Г. Очерк палеоантропологии Дагестана эпохи бронзы и раннего железа // Алародии: (Этногенетические исследования). Махачкала, 1995.
- Гершкович Я.П., 1986. - Гершкович Я.П. Фигурные поясные пряжки культуры многоваликовой керамики // СА. № 2. 1986.
- Гигинейшвили Б.К., 1977. - Гигинейшвили Б.К. Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1977.
- Глonti Л.И., Джавахишвили А.И., 1987. - Глonti Л.И., Джавахишвили А.И. Новые данные о многослойном памятнике эпохи энеолита - поздней бронзы в Шида Картли - Бериклдееби // КСИА. Вып. 192. М., 1987.
- Гобеджишвили Г.Ф., 1971а. - Гобеджишвили Г.Ф. Беденские курганы // ВНСПИПАЗИ в 1970 г.: ТД сессии и пленар. заседаний. Тбилиси, 1971. - 1971б. - Гобеджишвили Г.Ф. Раскопки на Бедени // АО 1970. М.: Наука, 1971. - 1980. - Гобеджишвили Г.Ф. Бедени - культура курганных погребений. Тбилиси: Мецниереба, 1980. (На груз. яз. с рус. резюме).
- Голан Ариэль, 1994. - Голан Ариэль. Миф и символ. Иерусалим: Тарбут; М.: Русслит, 1994.
- Голубкина Т.И., 1985. - Голубкина Т.И. О культово-ритуальных сосудах из кувшинных погребений Мингечаура // МНСПИНИР Музея за 1983. Баку: Элм, 1985.

- Голубятников В.Д., 1935. - Голубятников В.Д. Строительные материалы Дагестанской АССР // Природные ресурсы Дагестанской АССР. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935.
- Горелик М.В., 1993. - Горелик М.В. Оружие Древнего Востока: IV тысячелетие - IV в. до н.э. М.: Наука, 1993.
- Давудов О.М., 1978. - Давудов О.М. Берикейский могильник скифского времени // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
- Давудов О.М. - 1984. - Давудов О.М. Отчет об итогах археологического исследования Великентского могильника летом 1983 г. Махачкала, 1984 // Архив ИА РАН. Р. I. Д. 9585.
- Давудов О.М. - 1985. - Давудов О.М. Поселение Ачису // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
- Дебиров П.М., 1982. - Дебиров П.М. Резьба по дереву в Дагестане. М.: Наука, 1982.
- Дебиров П.М. - 1990. - Дебиров П.М. Семантика мотивов трехчастной композиции в рельефном орнаменте некоторых сосудов эпохи бронзы Дагестана // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990.
- Деген Б.Е., 1941. - Деген Б.Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика. МИА. № 3. 1941.
- Дедабришвили Ш.Ш., 1971. - Дедабришвили Ш.Ш. Курганы алазанской долины: (ТКАЭ). Вып. II. Тбилиси: Мецниереба, 1971.
- Джавахишвили А.И., 1973. - Джавахишвили А.И. Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа V-III тыс. до н.э. Тбилиси: Мецниереба, 1973.
- Джапаридзе О.М., 1960. - Джапаридзе О.М. Археологические раскопки в Триалети в 1957-1958 гг. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1960. (На груз. яз. с рус. резюме).
- Джапаридзе О.М. - 1991. - Джапаридзе О.М. Археология Грузии: (Каменный век и эпоха бронзы). Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1991. (На груз. яз.; резюме на рус. и нем. яз.).
- Джапаридзе О.М. - 1994. - Джапаридзе О.М. Триалетская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994.
- Джапаридзе О.М. и др., 1994. - Джапаридзе О.М., Кушнарера К.Х., Микеладзе Т.К. История изучения памятников средней бронзы Южного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994.

- Дьяконов И.М., 1968. - Дьяконов И.М. Предыстория армянского народа. Ереван. 1968.
- Дьяконов И.М., 1995. - Дьяконов И.М. Алародии: (Хурриты, урарты, кутии, чеченцы и дагестанцы) // Алародии: (Этногенетические исследования). Махачкала, 1995.
- Дьяконов И.М., Старостин С.А., 1988. - Дьяконов И.М., Старостин С.А. Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: Этнокультурные связи. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1988.
- Ерзункаева К.З., 1979. - Ерзункаева К.З. Новое об эволюции погребального обряда эпохи бронзы в Восточной Чечне // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979.
- Ерзункаева К.З., 1980. - Ерзункаева К.З. Металлические украшения Бельтинского могильника эпохи бронзы // Крупновские чтения: ТД. М., 1980.
- Жоржикашвили Л.Г., Гогодзе Э.М., 1974. - Жоржикашвили Л.Г., Гогодзе Э.М. Памятники Триалети эпохи ранней и средней бронзы: Каталог триалетских памятников. Вып. II. Тбилиси: Мецниереба, 1974.
- Захарук Ю.Н., 1975. - Захарук Ю.Н. К вопросу о природе археологической культуры // Новейшие открытия советских археологов: ТД. Киев. Ч. 3. 1975.
- Захарук Ю.Н., 1976. - Захарук Ю.Н. Археологическая культура: Категория онтологическая или гносеологическая? // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.: Наука, 1976.
- Зданович Г.Б., 1983. - Зданович Г.Б. Основные характеристики петровских комплексов Урало-Казахстанских степей: (К вопросу о выделении петровской культуры) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
- Золотов К.Н., 1961. - Золотов К.Н. Роль охоты и скотоводства в хозяйственной жизни населения Дагестана в древности // МАД. Т. II. Махачкала, 1961.
- Золотов К.Н., 1964. - Золотов К.Н. К истории животноводства в Дагестане // Тр. ДСХИ. Т. XIV. Вып. 1. Махачкала, 1964.
- Золотов К.Н., 1965а. - Золотов К.Н. К истории животноводства в Дагестане // Тр. ДСХИ. Т. XVI. Махачкала, 1965.
- Золотов К.Н., 1965б. - Золотов К.Н. О мясном питании населения древнего Дагестана // Тр. ДСХИ. Т. XVI. Махачкала, 1965.
- Золотов К.Н., 1966а. - Золотов К.Н. Видовой состав животных в Верхне-

гунибском поселении эпохи бронзы и основа мясного питания населения // Тр. ДСХИ. Т. XVII. Вып. 1. Махачкала, 1966.

– 1966б. - Золотов К.Н. О стратиграфии культурных слоев в Верхнегунибском поселении // Тр. ДСХИ. Т. XVII. Вып. 2. Махачкала, 1966.

– 1968а. - Золотов К.Н. О животноводстве в древнем Дагестане // Тр. ДСХИ. Т. XVIII. Махачкала, 1968.

– 1968б. - Золотов К.Н. Osteологические особенности сельскохозяйственных животных по материалам археологических раскопок // Тр. ДСХИ. Т. XVIII. Махачкала, 1968.

Золотов К.Н. и др., 1964. - Золотов К.Н., Балдина К.А., Фролова А.С. Изменение животных при одомашнивании // Тр. ДСХИ. Т. XIV. Вып. 1. Махачкала, 1964.

Иессен А.А., 1935а. - Иессен А.А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // ИГАИМК. Вып. 120. М., 1935.

– 1935б. - Иессен А.А. Работы на Сулаке: Отчет о работах в 1933 г. // ИГАИМК. Вып. 110. М., 1935.

Ильюков Л.С., 1984. - Ильюков Л.С. Глиняные колесики эпохи раннего металла из Нижнего Подонья // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.

Исаков М.И., 1966. - Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана: (Материалы к археологической карте). Махачкала, 1966.

Историзм, 1976. - Историзм археологии: Методологические проблемы: (ТДК). М., 1976.

История Дагестана, 1967. - История Дагестана в 4-х т. Т. I. М.: Наука, 1967.

История народов, 1988. - История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. М.: Наука, 1988.

История Чечено-Ингушской АССР, 1983. - История Чечено-Ингушской АССР: Проспект I-го тома. Грозный, 1983.

Кавтарадзе Г., 1983. - Кавтарадзе Г. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1983.

Каменецкий И.С., 1970. - Каменецкий И.С. Археологическая культура - ее определение и интерпретация // СА. №2. 1970.

Каменский А.Г., 1988. - Каменский А.Г. Металлографическое исследование орудий эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Медные рудники Западного Кавказа III-I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения: ТД Башкапсарского полевого археологического семинара. Сухуми, 1988.

- 1989. - Каменский А.Г. О некоторых ранних находках эпохи средней бронзы в бассейне Терека // Археология и краеведение - вузу и школе: ТДС 3-й регион. науч.-практ. конф. Грозный, 1989.
- 1990а. - Каменский А.Г. Металл Бельтинского могильника эпохи средней бронзы // Вестник МГУ. Сер. 8. История. № 4. 1990.
- 1990б. - Каменский А.Г. Металлопроизводство племен Северо-Восточного Кавказа в период средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.

Канивец В.И., 1957. - Канивец В.И. Вопросы периодизации и хронологии бронзового века Дагестана. Махачкала, 1957 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 59.

- 1959. - Канивец В.И. Миатли - новый памятник бронзового века в Северном Дагестане // МАД. Т. I. Махачкала, 1959.

Канивец В.И., Березанская С.С., 1959. - Канивец В.И., Березанская С.С. Курганы бронзового века на Сулаке // МАД. Т. I. Махачкала, 1959.

Кашкай М.А., Селимханов И.Р., 1973. - Кашкай М.А., Селимханов И.Р. Из истории древней металлургии Кавказа. Баку: Элм, 1973.

Кияшко В.Я., 1973. - Кияшко В.Я. Константиновское поселение эпохи энеолита // Археологические раскопки на Дону. Ростов: Изд-во РГУ, 1973.

- 1984. - Кияшко В.Я. Семантика молоточковидных "булавок" // XIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа: (ТД). Майкоп, 1984.

Клейн Л.С., 1970. - Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА. № 2. 1970.

Клейн Л.С. и др., 1970. - Клейн Л.С. и др. Дискуссия о понятии "археологическая культура" в проблемном семинаре Ленинградского университета // СА. №2. 1970.

Козенкова В.И., 1982. - Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант. САИ. Вып. В-2-5. М.: Наука, 1982.

Кореневский С.Н. - Кореневский С.Н. О металле эпохи ранней бронзы Дагестана // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.

- 1980. - Кореневский С.Н. О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980.

– 1982. - Кореневский С.Н. Сравнительная характеристика металла гинчинской культуры эпохи средней бронзы // Конф.

по археологии Северного Кавказа: XII Крупновские чтения. ТД. М., 1982.

– 1984. - Кореневский С.Н. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 1984.

– 1986а. - О металле эпохи средней бронзы в горной зоне Северо-Восточного Кавказа // СА. № 3. 1986.

– 1986б. - Кореневский С.Н. О поясных наборах периода средней бронзы из Центрального Предкавказья // КСИА. Вып. 185. М., 1986.

– 1990. - Кореневский С.Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья: (Неженские курганы эпохи бронзы) района Кавказских минеральных вод. М., 1990.

– 1992. - Кореневский С.Н. К вопросу о датирующих возможностях комплекса из нижнего слоя эперских дольменов Абхазии // РА. 1992. №2.

– 1996. - Кореневский С.Н. Рец. на кн.: Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994 // РА. №2. 1996.

Костюченко И.П., 1959. - Костюченко И.П. Раскопки Миатлинского курганного поля в 1955г. // МАД. Т. I. Махачкала, 1959.

Котович В.Г., 1956. - Котович В.Г. Отчет о работе горного отряда ДАЭ в 1955 г. Махачкала, 1955 // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1.

– 1957. - Котович В.Г. Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ в 1956 г. Махачкала, 1957 // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 38.

– 1958. - Котович В.Г. Отчет о работе 1-го горного отряда ДАЭ в 1957 г. Махачкала, 1958 // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 40.

– 1959. - Котович В.Г. Новые археологические памятники Южного Дагестана // МАД. Т. I. Махачкала, 1959.

– 1960. - Котович В.Г. Отчет о работе 2-го Чиркейского отряда ДАЭ в 1959 г. Махачкала, 1960 // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 41.

– 1961а. - Котович В.Г. Археологические работы в горном Дагестане // МАД. Т. II. Махачкала, 1961.

– 1961б. - Котович В.Г. К вопросу о древнем земледелии и скотоводстве в горном Дагестане // УЗ ИИЯЛ. Т. IX. Махачкала, 1961.

– 1964. - Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.

– 1965. - Котович В.Г. О хозяйстве населения горного

Дагестана в древности // СА. № 3. 1965.

– 1967. - Котович В.Г. Бытовые памятники эпохи раннего железа на территории Дагестана. Махачкала, 1967 // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 36.

– 1978а. - Котович В.Г. Археологические данные к древней истории Прикаспийского пути // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978.

– 1978б. - Котович В.Г. К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.

– 1982. - Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982.

Котович В.Г., Котович В.М., 1973. - Котович В.Г., Котович В.М.

Находки древних бронзовых топоров в Дагестане // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.

Котович В.Г. и др., 1980. - Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов

С.М. Утамышские курганы // Северный Кавказ в древности и средние века. М.: Наука, 1980.

Котович В.Г. и др., 1961. - Котович В.Г., Котович В.М., Путинцева

Н.Д. Отчет о работе Приморского отряда ДАЭ в 1960 г. Махачкала, 1961 // РФ ИИАЭ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 16.

Котович В.Г., Шейхов Н.Б., 1960. - Котович В.Г., Шейхов Н.Б.

Археологическое изучение Дагестана за 40 лет: (Итоги и проблемы) // УЗ ИИЯЛ. Т. VIII. Махачкала, 1960.

Котович В.М., 1960. - Котович В.М. Отчет о работе Гунибского отряда

ДАЭ в 1959 г. Махачкала, 1960 // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 1948.

– 1963. - Котович В.М. Дагестанская культура эпохи ранней бронзы. Махачкала, 1963 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 173.

– 1964. - Котович В.М. К истории дагестанского поселения и жилища на ранних этапах медно-бронзового века // УЗ ИИЯЛ. Т. XII. Махачкала, 1964.

– 1965. - Котович В.М. Верхнегунибское поселение - памятник эпохи бронзы горного Дагестана: К истории дагестанских племен в конце III-II тысячелетиях до н.э. Махачкала, 1965.

– 1966. - Котович В.М. Отчет о работе Гунибского отряда ДАЭ в 1964 г. Махачкала, 1966 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 226.

– 1984. - Котович В.М. К вопросу о древних разработках сидеритовых руд в горном Дагестане и их первоначальном использовании // Древние промыслы, ремесло и торговля в

- Дагестане. Махачкала, 1984.
- 1985. - Котович В.М. Курган Торпак-Кала // Древние культуры Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1985.
- 1986. - Котович В.М. Зооморфные образы раннеземледельческого культа плодородия в горном Дагестане // Обряды и культы древнего и средневекового населения Дагестана. Махачкала, 1986.
- 1994. - Котович В.М. Путешествие в тысячелетия: (Записки дагестанского археолога). Махачкала, 1994.
- Котович В.М. и др., 1973.* - Котович В.М., Марковин В.И., Хехнева Т.Д. Древние и современные ареалы диких копытных на территории Дагестана // МАД. Т. III. Махачкала, 1973.
- Крайнов Д.А., 1972.* - Крайнов Д.А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура II тыс. до н.э. М.: Наука, 1972.
- Круглов А.П., 1958.* - Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II-I тысячелетиях до н.э. // Древние племена и народности Кавказа. МИА. № 68. М.; Л., 1958.
- Крупнов Е.И., 1940.* - Крупнов Е.И. Каякентский могильник - памятник древней Албании // Тр. ГИМ. Вып. II. М., 1940.
- 1951. - Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода: (Опыт периодизации памятников эпохи энеолита и бронзы). МИА. № 33. М.; Л., 1951.
- 1961. - Крупнов Е.И. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, Чеч.-Инг. книж. изд-во, 1961.
- 1962. - Крупнов Е.И. К историко-археологическому изучению степного Дагестана и Северо-Западного Прикумья // МАД. Т. II. Махачкала, 1962.
- 1969. - Крупнов Е.И. Десять лет деятельности Северокавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР // АЭС. Т. III. Грозный, 1969.
- Крупнов Е.И. и др., 1967.* - Крупнов Е.И. и др. Северокавказская экспедиция // АО 1966. М.: Наука, 1967.
- Кузнецов В.А., 1980.* - Кузнецов В.А. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе // ВОАЭ. Вып. 1. Т. XXXVI. Орджоникидзе, 1980.
- Куфтин Б.А., 1949.* - Куфтин Б.А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.

- Кухаренко Ю.В., 1969. - Кухаренко Ю.В. Археология Польши. М.: Наука, 1969.
- Кушнарeва К.Х., 1965. - Кушнарeва К.Х. Новые данные о поселении Узерлик-Тепе, около Агдама // Тр. ААЭ. Т. II. М.; Л.: Наука, 1965.
- 1982. - Кушнарeва К.Х. К выделению культур эпохи средней бронзы Южного Кавказа // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: ТД. Ереван, 1982.
- 1983. - Кушнарeва К.Х. К проблеме выделения археологических культур периода средней бронзы Южного Кавказа // КСИА. Вып. 176. М., 1983.
- 1985. - Кушнарeва К.Х. Севано-узерлицкая культура периода средней бронзы на территории Южного Кавказа // Культурное наследие Востока: Проблемы, поиски, суждения. Л.: Наука, 1985.
- 1986. - Кушнарeва К.Х. Южный Кавказ в VI-II тыс. до н.э.: (Этапы культурного и социально-экономического развития): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ереван, 1986.
- 1993. - Кушнарeва К.Х. Еще раз о некоторых аспектах триалетской культуры // КСИА. Вып. 209. М., 1993.
- 1994а. - Кушнарeва К.Х. Кармирбердская (тазекендская) культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994.
- 1994б. - Кушнарeва К.Х. Материалы к проблеме выделения кармирванкской (кызылванкской) культуры // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994.
- 1994в. - Кушнарeва К.Х. Памятники триалетской культуры на территории Южного Закавказья // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994.
- 1994г. - Кушнарeва К.Х. Севано-узерлицкая группа памятников // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994.
- 1994д. - Кушнарeва К.Х. Хозяйство, связи, элементы общественного строя // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994.
- Кушнарeва К.Х., Чубинишвили Т.Н., 1970. - Кушнарeва К.Х., Чубинишвили Т.Н. Древние культуры Южного Кавказа. Л.:

Наука, 1970.

- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н., 1955. - Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. № 4. 1955.
- Лордкипанидзе О., 1982. - Лордкипанидзе О. Археология в Грузинской ССР. Тбилиси: Мецниереба, 1982.
- Магомедов А.Г., Гаджиев М.Г., 1995. - Магомедов А.Г., Гаджиев М.Г. Дагестанско-нахское языковое единство по данным истории систем организаций имен по грамматическим классам // Алародии: (Этногенетические исследования). Махачкала, 1995.
- Магомедов А.Р., 1976. - Магомедов А.Р. Археологические находки в с. Каякент // ВИЭД: Сб. науч. сообщ. Вып. VI. Махачкала, 1976.
- Магомедов М.Г., 1977. - Магомедов М.Г. Гробницы эпохи бронзы в урочище "Гентал" // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
- Магомедов Р.Г., 1984. - Магомедов Р.Г. Закавказский керамический импорт в Дагестане и вопросы хронологии памятников эпохи средней бронзы // XIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД. Майкоп, 1984.
- 1985а. - Магомедов Р.Г. Историко-культурная характеристика памятников, выявленных Археологической службой Дагестана. Махачкала, 1985 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 607.
- 1985б. - Магомедов Р.Г. К изучению погребального обряда племен горного Дагестана в эпоху средней бронзы // ТД V конф. молодых ученых. Махачкала, 1985.
- 1985в. - Магомедов Р.Г. К выделению памятников великентской группы эпохи средней бронзы // Всесоюз. археол. конф. "Достижения советской археологии в XI пятилетке": ТД. Баку, 1985.
- 1985д. - Магомедов Р.Г. Отчет об итогах археологических исследований Великентского могильника летом 1984 г. Махачкала, 1985 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 603.
- 1986. - Магомедов Р.Г. об одной группе археологических комплексов эпохи ранней бронзы Дагестана // XIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД. Орджоникидзе, 1986.
- 1987а. - Магомедов Р.Г. К изучению этнокультурной ситуации на Северо-Восточном Кавказе в эпоху средней бронзы // Этнокультурные процессы в древнем Дагестане. Махачкала, 1987.

- 1987г. - Магомедов Р.Г. Отчет об итогах работ в полевом сезоне 1986 г. Махачкала, 1987 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 651.
- 1988. - Магомедов Р.Г. Отчет о полевых исследованиях ГАЭ в 1987 г. в зоне строительства Ирганайской ГЭС. Махачкала, 1988 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 669.
- 1989. - Магомедов Р.Г. Отчет об итогах работ ИНАЭ ИИЯЛ в 1988 г. Махачкала, 1989 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 683.
- 1990. - Магомедов Р.Г. Фигурная костяная пряжка из Ирганайского могильника // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала, 1990.
- 1991а. - Магомедов Р.Г. К вопросу об Юго-Восточной границе распространения майкопской культуры // Майкопский феномен в древней истории Кавказа и Восточной Европы: ТД Междун. симпозиума. Л., 1991.
- 1991б. - Магомедов Р.Г. О комплексах майкопской культуры на территории Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991.
- 1992а. - Магомедов Р.Г. Горный Дагестан и Юго-Восточная Чечня в эпоху средней бронзы: (Гинчинская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
- 1992б. - Магомедов Р.Г. О выделении понятия "археологическая метакультурная общность": (На материалах эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа) // XVII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: (ТД). Майкоп, 1992.
- 1992в. - Магомедов Р.Г. Работы на Ирганайском поселении-I в 1990 г. // ТД НСПИЭИ ИИЯЛ В 1990-1991 гг. Махачкала, 1992.
- 1992г. - Магомедов Р.Г. Отчет о полевых исследованиях Ирганайской новоэнеолитической экспедиции в 1990 г. // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д.
- 1993. - Магомедов Р.Г. Периодизация и хронология гинчинской культуры // ТД респ. науч. конф. молодых ученых Дагестана по проблемам гуманитарных наук. Махачкала, 1993.
- 1994. - Магомедов Р.Г. Гинчинская и каякентско-хорочоевская культуры: проблема преемственности // XVIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа: (ТД). Кисловодск, 1994.

Магомедов Р.Г., Хангишиев Г. Дж., 1988. - Магомедов Р.Г., Хангишиев Г. Дж. Новые исследования памятников эпохи средней

бронзы в зоне водохранилища Ирганайской ГЭС // XV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД. Махачкала, 1988.

Магомедов Р.М., 1960. - Магомедов Р.М. Проблема происхождения дагестанских народов в дореволюционной историографии // УЗ ДГУ. Т. VI. Махачкала, 1960.

- 1971. - Магомедов Р.М. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1971.

Магомедов С.М., 1974. - Магомедов С.М. К вопросу о культурных связях племен Дагестана с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

- 1975. - Магомедов С.М. К вопросу о металлопроизводстве в Дагестане в III-II тыс. до н.э. // V Крупновские чтения по археологии Кавказа: (ТД). Махачкала, 1975.

Маммаев М.М., 1979. - Маммаев М.М. Художественная обработка кости в древнем и средневековом Дагестане // Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979.

- 1989. - Маммаев М.М. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: Истоки и становление. Махачкала, 1989.

Марина З.П., 1981. - Марина З.П. Некоторые аспекты социальной структуры и идеологии древнеямного общества // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. Днепропетровск, 1981.

Марковин В.И., 1954. - Марковин В.И. Археологические памятники в районе сел. Капчугай Дагестанской АССР // СА. Вып. XX. 1954.

- 1956. - Марковин В.И. Отчет о работе Северо-Кавказской археологической экспедиции ИИМК АН СССР и Грозненского Краевого музея. М., 1956 // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 1341.

- 1957. - Марковин В.И. Археологические находки с территории Тарнаира: (Дагестан) // КСИИМК. Вып. 67. 1957.

- 1960а. - Марковин В.И. Изучение культуры племен Северного Кавказа эпохи бронзы: (Обзор литературы за 1950-1959 гг.) // СА. № 2. 1960.

- 1960б. - Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы: (II тыс. до н.э.). МИА. № 93. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

- 1961. - Марковин В.И. Археологические работы в Аргунском ущелье // КСИА. Вып. 84. М., 1961.
- 1962. - Марковин В.И. Памятники эпохи бронзы в ущелье реки Аргун // КСИА. Вып. 88. М., 1962.
- 1963а. - Марковин В.И. Археологические разведки в восточных районах Чечни // КСИА. Вып. 93. М., 1963.
- 1963б. - Марковин В.И. Новые памятники эпохи бронзы в горной Чечне: (Могильник Гатын-Кале) // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
- 1964. - Марковин В.И. О памятниках эпохи бронзы Чечено-Ингушетии и Дагестана // Сб. статей. Тр. ЧИНИИ. Т. IX. Грозный, 1964.
- 1965. - Марковин В.И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М.: Наука, 1965.
- 1966. - Марковин В.И. Материалы по археологии горной части Восточной Чечни // АЭС. Т. I. Грозный, 1966.
- 1967. - Марковин В.И. Отчет о работе I (нагорного) отряда СКАЭ в 1966 г. // Виноградов В.Б. и др. Полный научный отчет о работах СКАЭ летом 1966 г. Грозный, 1966 // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 3293.
- 1968. - Марковин В.И. Рец. на кн.: Котович В.М. Верхнегунибское поселение - памятник эпохи бронзы Горного Дагестана. Махачкала, 1965 // СА. № 2. 1968.
- 1969а. - Марковин В.И. Дагестан и Горная Чечня в древности: Каякентско-хорочоевская культура / МИА. № 122. М.: Наука, 1969.
- 1969б. - Марковин В.И. Некоторые итоги археологических разведок в Северной Осетии // МАДИСО. Т. II. Орджоникидзе, 1969.
- 1970. - Марковин В.И. Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии // СА. № 4. 1970.
- 1971. - Марковин В.И. Курганы у Константиновского плато у г. Пятигорска // КСИА. Вып. 127. М., 1971.
- 1972. - Марковин В.И. Рец. на кн.: Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана. Махачкала, 1969 // СА. № 1. 1972.
- 1978. - Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978.
- 1980. - Марковин В.И. О некоторых вопросах интерпретации дольменных и других археологических памятников Кавказа // КСИА. Вып. 161. М., 1980.

- 1982а. - Марковин В.И. Взаимодействие культур Северного Кавказа в эпоху бронзы // Культурный процесс в эпоху бронзы и раннего железа: ТД Всесоюзн. симпозиума. Ереван, 1982.
- 1982б. - Марковин В.И. К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 169. М., 1982.
- 1982в. - Марковин В.И. К вопросу о социально-экономической интерпретации древностей Кавказа // КСИА. Вып. 176. М., 1982.
- 1982г. - Марковин В.И. К вопросу о хронологии археологических культур эпохи бронзы на территории Северного Кавказа // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1994.
- 1984. - Марковин В.И. Новейшие вопросы изучения дольменов Западного Кавказа в связи с проблемой их происхождения // КСИА. Вып. 177. М., 1984.
- 1985. - Марковин В.И. Испун - дома карликов: Заметки о дольменах Западного Кавказа. Краснодар, 1985.
- 1985. - Марковин В.И. К вопросу о происхождении западнокавказских дольменов // ВАА. Майкоп, 1985.
- 1987. - Марковин В.И. Еще раз о племенах Западного Кавказа, их происхождении и о северокавказской культурно-исторической общности // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии: (Материалы I симпозиума "Кавказ и Юго-Восточная Европа в эпоху раннего металла" в Телави-Сигнахи, 1983). Тбилиси, 1987.
- 1991. - Марковин В.И. Об археологическом аспекте в изучении этногенеза вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюз. науч. конф.: ТДС. Шатой, 1991.
- 1994а. - Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994.
- 1994б. - Марковин В.И. Каякентско-харачоевская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994.
- 1994в. - Марковин В.И. Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994.
- 1994г. - Марковин В.И. Северокавказская культурно-

историческая общность // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994.

– 1995. - Марковин В.И. Могильник эпохи бронзы у селения Малый Харсеной в Чечне // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир; М., 1995.

– 1996. - Марковин В.И. Археологический аспект в изучении этногенеза вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Материалы науч. конф., состоявшейся в Шатое в 1992 г. Махачкала, 1996.

Марковин В.И., Мужухоев М.Б., 1979. - Марковин В.И., Мужухоев М.Б. Некоторые итоги изучения древностей Чечено-Ингушетии // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.

Марр Н.Я., 1920. - Марр Н.Я. Племенной состав населения Кавказа: Классиф. народов Кавказа. / Тр. комис. по изуч. племенного состава населения России. Вып. 3. С.-П., 1920.

МАД, 1959. - Материалы по археологии Дагестана. Т. I. Махачкала, 1959.

– 1961. - Материалы по археологии Дагестана. Т. II. Махачкала, 1961.

– 1973. - Материалы по археологии Дагестана. Т. III. Махачкала, 1973.

Мелларт Дж., 1982. - Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1982.

Мерперт Н.Я., 1988. - Мерперт Н.Я. Об этнокультурной ситуации IV-III тысячелетий до н.э. в Циркумпонтийской зоне // Древний Восток: Этнокультурные связи. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1988.

Мизиев И.М., 1984. - Мизиев И.М. Два кургана у селений Кишпек и Кызбурун III // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Нальчик: Эльбрус, 1984.

Миллер А.А., 1933. - Миллер А.А. Работы Северокавказской экспедиции ГАИМК в 1932 г. // Проблемы истории материальной культуры. №№ 1-2. М.; Л., 1933.

Мирзоев Р.Н., 1975. - Мирзоев Р.Н. К характеристике некоторых видов оружия из дагестанских памятников эпохи ранней бронзы // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: (ТД). Махачкала, 1975.

– 1976. - Мирзоев Р.Н. К характеристике металлического оружия Дагестана эпохи средней и поздней бронзы //

Археология Северного Кавказа: VI Крупновские чтения в Краснодаре: (ТД). М., 1976.

– 1978. - Мирзоев Р.Н. Вооружение племен Северо-Восточного Кавказа в III-II тысячелетиях до н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1978.

Мунчаев Р.М., 1954. - Мунчаев Р.М. Отчет ДАЭ 1954 г. Махачкала, 1954 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 20.

– 1958. - Мунчаев Р.М. Археологические исследования в нагорном Дагестане в 1954 г. // КСИИМК. Вып. 71. 1958.

– 1959. - Мунчаев Р.М. К истории археологического изучения Дагестана // МАД. Т. I. Махачкала, 1959.

– 1961а. - Мунчаев Р.М. Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа // МИА. № 100. М., 1961.

– 1961б. - Мунчаев Р.М. Энеолитическая культура Северо-Восточного Кавказа // МАД. Т. II. Махачкала, 1961.

– 1962. - Мунчаев Р.М. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии: (Из результатов работ Северо-Восточной экспедиции) // СА. № 3. 1962.

– 1965. - Мунчаев Р.М. Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ // Новое в советской археологии. М., 1965.

– 1975. - Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века: Неолит, энеолит, ранняя бронза. М.: Наука, 1975.

– 1986. - Мунчаев Р.М. Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.

– 1991. - Мунчаев Р.М. Раннебронзовый век Северного Кавказа и проблема этногенеза вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Всесоюз. науч. конф.: ТДС. Шатой, 1991.

– 1994а. - Мунчаев Р.М. Куро-аракская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994.

– 1994б. - Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994.

– 1996. - Мунчаев Р.М. Раннебронзовый век Северного Кавказа и проблема этногенеза вайнахов // Проблемы происхождения нахских народов. Материалы науч. конф., состоявшейся в Шатое в 1992 г. Махачкала, 1996.

- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956.* - Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Памятники эпохи бронзы в Дагестане: (Курганная группа у станции Манас) // СА. Вып. XXVI. 1956.
- 1958. - Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Археологические памятники близ села Карабудахкент: (Дагестанская АССР) // Древние племена и народности Кавказа. МИА. № 68. 1958.
- Мурадова Ф.М., 1979.* - Мурадова Ф.М. Гобустан в эпоху бронзы. Баку: Элм, 1979. (На азерб. яз.; с рус. резюме).
- Нариманов И.Г., Ахундов Т.И., 1992.* - Нариманов И.Г., Ахундов Т.И. К этно-культурным связям на Кавказе в эпоху бронзы // XVII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа: (ТД). Майкоп, 1992.
- 1994. - Нариманов И.Г., Ахундов Т.И. К выделению культуры "Подкурганных склепов" // XVII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа: (ТД). Кисловодск, 1994. С. 24-25.
- Нариманов И.Г., Исмаилов Г.С., 1961.* - Нариманов И.Г., Исмаилов Г.С. Археологические раскопки в Хачбулаге в 1959 г. // Изв. АН Аз. СССР. Сер. обществ. наук. № 3 (на азерб. яз.; с рус. резюме).
- Нечаева Л.Г., 1968.* - Нечаева Л.Г. Происхождение осетинских погребальных склепов и этногенез осетин / ТД годичной. научн. сессии (май 1968).
- 1971. - Нечаева Л.Г. Составные дольмены Осетии, Ингушетии, Карачая: (Постановка вопроса) // Тр. СПИПАИ в 1970 г. в СССР: (Археол. секции). Тбилиси, 1971.
- 1972. - Нечаева Л.Г. Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин // Этническая история народов Азии. М., 1972.
- Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В., 1975.* - Нечаева Л.Г., Кривицкий В.В. Ирганайские гробницы эпохи бронзы и составные дольмены Северного Кавказа // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: (ТД). Махачкала, 1975.
- Нечитайло А.Л., 1978.* - Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова думка, 1978.
- 1979. - Нечитайло А.Л. Суворовский курганный могильник. Киев: Наукова думка, 1979.
- 1990. - Нечитайло А.Л. Распространение керамики с "обмазкой" в культурах Северного Кавказа и Украины // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: (ТД). Ставрополь, 1990.

- 1991. - Нечитайло А.Л. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев: Наукова думка, 1991.
- Нечитайло А.Л., Гаджиев М.Г., 1990.* - Нечитайло А.Л., Гаджиев М.Г. Традиции древних культур Дагестана в катакомбных памятниках Украины // ТД Всесоюз. семинара "Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности". Запорожье, 1990.
- Никитин В.И., 1989.* - Никитин В.И. Матвеевка I - Поселение катакомбной культуры на Южном Буге // СА. № 2. 1989.
- Николаева Н.А., 1980.* - Николаева Н.А. Выделение кубано-терской культуры и ранне- и среднебронзового века на Северном Кавказе // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
- 1981. - Николаева Н.А. Периодизация кубано-терской культуры: Исторические судьбы КТК в катакомбную эпоху // Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
- 1983. - Николаева Н.А. Основные тенденции в сложении концепции среднебронзового века Северного Кавказа и Предкавказья в 50-70-е гг. XX века // Кочевники Азово-Черноморского Междуморья. Орджоникидзе, 1983.
- Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1980.* - Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980.
- Очерки истории, 1957.* - Очерки истории Дагестана. Т. 1. Махачкала, 1957.
- Ошаев М.Х., 1969.* - Ошаев М.Х. Новый археологический материал эпохи бронзы // АЭС. Т. III. Грозный, 1969.
- 1971. - Ошаев М.Х. Новый памятник эпохи бронзы на территории Большой Чечни // ТД СПИАИ в СССР в 1970 г.: (Археол. секция). Тбилиси, 1971.
- 1975. - Ошаев М.Х. Новые данные о памятниках эпохи бронзы предгорий Восточной Чечни // Пятые Крупновские чтения по археологии Кавказа: (ТД). Махачкала, 1975.
- 1976. - Ошаев М.Х. Материалы из Чечни по археологии бронзового века // АЭС. Т. IV. Грозный, 1976.
- 1979. - Ошаев М.Х. Археологические работы у сел. Бачиюрт // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979.
- 1982. - Ошаев М.Х. Могильники эпохи средней бронзы у

сел. Дай // Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982.

– 1983. – Ошаев М.Х. Могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983.

Петренко В.А., 1979. – Петренко В.А. Отчет об археологической экспедиции ЧИГУ им. Л.Н. Толстого Грозный, 1979 // Архив ИА РАН. Р. I. Д. 7386.

Петренко В.А., Ерзункаева К.З., 1979. – Петренко В.А., Ерзункаева К.З. Исследования в Юго-Восточной Чечне // АО 1978. М.: Наука, 1979.

Пикуль М.И., 1957. – Пикуль М.И. Результаты археологических исследований II Горного отряда ДАЭ в 1956 г.: (Отчет). Ч. I. Махачкала, 1957 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 23.

– 1961. – Пикуль М.И. Дагбашский могильник // УЗ ИИЯЛ. Т. IX. Махачкала, 1961.

Пиотровский Б.Б., 1949. – Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н.э. Л., 1949.

Пиотровский Ю.Ю., 1988. – Пиотровский Ю.Ю. К толкованию вторичного погребального обряда // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988.

Погребова М.Н., 1959. – Погребова М.Н. Памятники эпохи бронзы Унцукульского района Дагестанской АССР // ТД НС ИИЯЛ, посвящ. археологии Дагестана. Махачкала, 1959.

– 1961. – Погребова М.Н. Ирганайский склеп эпохи бронзы // МАД. Т. II. Махачкала, 1961.

Пряхин А.Д., 1982. – Пряхин А.Д. Абашевские древности и проблемы культурного развития эпохи бронзы Евразийской лесостепи // Культурный процесс в эпоху бронзы и раннего железа: ТД Всесоюз. симпозиума. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1982.

Путинцева Н.Д., 1959. – Путинцева Н.Д. Отчет о работе 2 Бавтугайского отряда в зонах строительства Чирюртовской и Чиркейской ГЭС в 1958 г. Махачкала, 1959 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 83.

– 1960. – Путинцева Н.Д. Отчет о полевых исследованиях I Чиркейского отряда в 1959 г. Махачкала, 1960 // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 97.

Пятых Г.Г., 1984. – Пятых Г.Г. О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья // СА. № 2. 1984.

- Рапишвили А., 1980.* - Рапишвили А. Археологические раскопки в с. Цагвали: (Предварительный отчет) // Полевые археологические исследования в 1977 г.: (Краткие сообщения). Тбилиси: Мецниереба, 1980.
- Ростунов В.Л., 1992.* - Ростунов В.Л. К вопросу о памятниках эпохи средней бронзы в горах Северной Осетии // XXII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа: (ТД). Майкоп, 1992.
- Ростунов В.Л., Хашегульгов Б.М., 1985.* - Ростунов В.Л., Хашегульгов Б.М. К хронологии височных подвесок в 1,5-2,5 оборота эпохи ранней бронзы Северного Кавказа // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1985.
- 1990. - Ростунов В.Л., Хашегульгов Б.М. К этнокультурной истории горной зоны Чечено-Ингушетии в конце ранней и начале среднебронзовой эпох // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии / Регион. научн. конф.: ТДС. Грозный, 1990.
- Русов А.А., 1882.* - Русов А.А. Отчет о летних и осенних археологических работах в Южном Дагестане // Тр. Предварительного комитета. V археол. съезд. М., 1882.
- Сафронов В.А., 1974.* - Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // СМСОПК. Вып. 7. М., 1974.
- 1983. - Сафронов В.А. Проблема культурного единства степи и предгорий в концепции бронзового века Северного Кавказа в дореволюционной и довоенной литературе // Кочевники Азово-Черноморского междуморья. Орджоникидзе, 1983.
- Свешников И.К., 1973.* - Свешников И.К. Памятники почапского типа в верховьях Западного Буга // Slovenska archeologia. XXI-I. 1973.
- Семенов С.А., Коробкова Г.Ф., 1983.* - Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Л.: Наука, 1983.
- Синицын И.В., Эрдиев У.Э., 1971.* - Синицын И.В., Эрдиев У.Э. Элистинский курганный могильник: (По раскопкам 1964 г.). Элиста, 1971.
- Смирнов К.Ф., 1951.* - Смирнов К.Ф. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948-1949 гг. // МИА. Вып. 23. М., 1951.
- Современная культура, 1971.* - Современная культура и быт народов Дагестана. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1971.

- Сорокина И.А., 1986. - Сорокина И.А. Погребения эпохи средней бронзы в Западном Предкавказье: (К методике исследования) // Археологические открытия на новостройках: Древности Северного Кавказа: (Материалы Северокавказской экспедиции). Вып. I. М.: Наука, 1986.
- Старостин С.А., 1985. - Старостин С.А. Культурная лексика в общесеверовосточном словарном фонде // Древняя Анатолия. М.: Наука, 1985.
- 1995. - Старостин С.А. Проблема генетического родства и классификации кавказских языков с точки зрения базисной лексики // Алародии: (Этногенетические исследования). Махачкала, 1995.
- Столяр А.Д., 1961. - Столяр А.Д. Мешоко - поселение майкопской культуры // СМАА. Т. II. Майкоп, 1961.
- Техов В.Б., 1977. - Техов В.Б. Центральный Кавказ в XVI-X вв. до н.э. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1977.
- Тменов В.Х., 1980. - Тменов В.Х. Новые археологические памятники на территории Северной Осетии // ВOAЭ. Вып. I. Т. XXXVI. Орджоникидзе, 1980.
- Усачук А.Н., 1996. - Усачук А.Н. К вопросу о тупиках - орудиях кожевенного производства на поселениях позднего бронзового века // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: Мат-лы междунар. науч. конф. Волгоград, 15-17 апр. 1996 г. Волгоград: Перемена, 1996.
- Федоров Г.С., 1977. - Федоров Г.С. Еще одна манасская катакомба // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1970. - Федоров-Давыдов Г.А. Понятие "археологическая культура" в "Аналитической археологии" Дэвида Кларка // СА. № 3. 1970.
- Фрай Р.Н., 1972. - Фрай Р.Н. Население Ирана. М.: Наука, 1972. (Пер. с англ. яз.).
- Халилов Дж. и др., 1991. - Халилов Дж.А., Кесаманлы К.О., Аразова Р.Б. Археологические памятники Северо-Восточного Азербайджана / Свод археологических памятников Азербайджана. Вып. 1. Баку: Элм, 1991.
- Хашегульгов Б.М., 1985. - Хашегульгов Б.М. Участие волго-днепровских племен в этнических процессах на Северном Кавказе: (Конец III - первая половина II тысячелетия до н.э.) // Археология и краеведение - вузу и школе: (Вторая регион.

научно-практич. конф.). Грозный, 1985.

– 1986. - Хашегульгов Б.М. К вопросу о происхождении обряда вытянутого труположения на Северном Кавказе в эпоху бронзы // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1986.

– 1988. - Хашегульгов Б.М. Бельтинский могильник в системе древностей Северо-Восточного Кавказа в эпоху бронзы // Проблемы археологии и этнографии Северного Кавказа. Краснодар, 1988.

– 1990. - Хашегульгов Б.М. К эволюции погребальных сооружений эпохи бронзы в горной Ингушетии // Актуальные проблемы истории дореволюционной Чечено-Ингушетии: ТД регион. науч. конф. Грозный, 1990.

– 1991. - Хашегульгов Б.М. Типологическая классификация бронзового инвентаря Эгикальского могильника // Университетская экспозиция результатов новостроечных и охранных археологических работ 1989-1990 годов. Грозный, 1991.

Чайлд Г., 1952. - Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952.

Чайлд Г., 1956. - Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956.

Черных Е.Н., 1963. - Черных Е.Н. Спектральные исследования металлических изделий из могильника Гатын-Кале // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.

– 1989. - Черных Е.Н. Металл и древние культуры: Узловые проблемы исследования // Естественнонаучные методы в археологии. М.: Наука, 1989.

Чеченов И.М., 1973. - Чеченов И.М. Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик: Эльбрус, 1973.

– 1984. - Чеченов И.М. Вторые курганные группы у селений Кишек и Чегем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 1984.

Чубинишвили Т.Н., 1971. - Чубинишвили Т.Н. К древней истории Южного Кавказа: Т. I. Древняя история Южной Грузии (V-III тыс. до н.э.) и проблема становления куро-аракской культуры на Южном Кавказе. Тбилиси: Мецниереба, 1971.

Шепель Е.А., 1995. - Шепель Е.А. Антропологическая характеристика черепов из Великентского могильника // Алародии: (Этногенетические исследования). Махачкала, 1995.

Шилов Ю.А., 1995. - Шилов Ю.А. Прародина ариев: История, обряды и мифы. Киев: Синто, 1995.

- Gimbutas M., 1965.* - Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. P.; L., 1965.
- Machnik J., 1972-1973.* - Machnik J. Umagi o zwiazkach obszarow Karpackich z alpejskimi u Schylku eneolitu i w poczatkach epoki brazu // Acta archaeologica Carpathnica. T.XIII. 1972-1973. - 1973. - Machnik J. Ze studiów nad zwiazkami Kaukazu z obszarami Karpackimi w Poczatkach epoki brazu // Archeologia Polski. T. XVIII. z.1. 1973.
- Schaeffer Cl. F.A., 1948.* - Schaeffer Cl. F.A. Stratigraphie Comparée et chronologie de l'Asie Occidentale (III -e et II-e mil.). L., 1948.
- Schliemans H., 1902.* - Schliemans H. Sammlung beschrieben von Hubert Schmidt. Berlin, 1902.
- Schmidt E., 1934.* - Schmidt E. Tepe-Hissar Excavations, 1931 // Museum Journal Philadelphia. Vol. 18. № 1. 1933.
- Točik A., 1963.* - Točik A. Die nitra-Gruppe Cultureeologicke rozhledy. Praha: Academia. 15. 1963.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ** - Азербайджанская археологическая экспедиция
- АО** - Археологические открытия. М.
- АС** - Археологический сборник. Саратов
- АЭС** - Археолого-этнографический сборник. Грозный
- ВАА** - Вопросы истории Адыгеи. Майкоп
- ВИЭД** - Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала
- ВНСПИЦАЭИ** - Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований
- ВОАЭ** - Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе
- ГИМ** - Государственный Исторический музей.
- ДФ АН СССР** - Дагестанский филиал Академии наук СССР
- ДАЭ** - Дагестанская археологическая экспедиция.
- ДНЦ РАН** - Дагестанский научный центр РАН
- ДСХИ** - Дагестанский сельскохозяйственный институт
- ИА** - Институт археологии. М.
- ИГАИМК** - Известия Государственной академии истории материальной культуры
- ИИАЭ** - Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН
- ИИМК** - Институт истории материальной культуры
- ИИЯЛ** - Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы дагестанского научного центра АН СССР
- ИНАЭ** - Ирганайская новостроечная археологическая экспедиция ИИЯЛ
- ИРГО** - Известия Российского географического общества
- ИЯЛИ** - Институт языка, литературы и искусства им. Г.Цадасы Дагестанского научного центра РАН
- КСИА** - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М.
- КСИИМК** - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
- ЛГУ** - Ленинградский гос. университет
- МАД** - Материалы по археологии Дагестана. Махачкала.

- МАДИСО** - Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе
- МГУ** - Московский гос. университет
- МИА** - Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- МКАЭН** - Международный конгресс антропологических и этнографических наук.
- МНСПИНЕР** - Материалы научной сессии, посвященной итогам научно-исследовательских работ
- МСПИЭИ** - Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований ИИЯЛ. Махачкала
- РА** - Российская археология. М.
- РФ ИИАЭ** - Рукописный фонд ИИАЭ ДНЦ РАН
- СА** - Советская археология. М.
- САИ** - Археология СССР: Свод археологических источников. М.
- СГУ** - Саратовский гос. университет.
- СКАЭ** - Северокавказская археологическая экспедиция
- СНМСОПК** - Сообщения. (Научно-методический совет по охране памятников культуры Министерства культуры СССР). М.
- СМАА** - Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп
- СЭ** - Советская этнография. М.
- ТГУ** - Тбилисский гос. университет.
- ТДК** - Тезисы докладов конференций
- ТД НСПИЭИ** - Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований
- ТД СПИПАИ** - Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований
- ТДС** - Тезисы докладов и сообщений
- ТКАЭ** - Труды Кахетской археологической экспедиции. Тбилиси.
- Тр. ИГ ДФ** - Труды Института геологии Дагестанского филиала АН СССР
- Тр. ГИМ** - Труды Государственного исторического музея. М.
- Тр. ЧИНИИ** - Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Грозный
- УЗ** - Ученые записки
- ЧИГУ** - Чечено-Ингушский гос. университет

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакаров А.И. 19, 32, 37
Абрамова М.П. 58, 78
Агларов М.А. 34
Акаев Б.А. 73
Алексеев В.П. 34, 182
Амирханов Х.А. 8, 28, 42, 45, 72, 76, 181
Андрианов Б.М. 134
Андреева М.В. 124, 125, 173
Антонова Е.В. 48
Анучин Д.Н. 12, 13, 37
Артеменко И.И. 118
Асиятилов С.Х. 129
Атаев Г.Д. 18, 28, 40, 50, 97, 99, 106, 111, 124, 135, 176
Атаев Д.М. 10, 15, 16, 39, 40, 50, 63, 172
Ахундов Т.И. 148
- Багаев М.Х. 24, 31, 34, 74, 97, 98, 104, 128, 130
Бадер О.Н. 118
Бакаев Х.З. 30
Батчаев В.М. 121, 123
Белоглазова Т.А. 26, 81, 82, 87, 101
Березанская С.С. 16, 87, 91, 97, 122, 123, 126, 167
Бетровов Р.Ж. 123
Бибииков С.Н. 79, 109
Бикерман Э. 157
Блок Марк 8, 11, 37, 54, 71, 132, 185
Бобринский А.А. 13, 74
Богданова М.А. 68
Богущкий П. 117, 118
Бокарев Е.А. 181
Бромлей Ю.В. 146, 147
Брук С.И. 147
Бурков С.В. 31
- Виноградов В.Б. 9-12, 22, 23, 29, 30, 56-58, 66, 67, 70, 74, 86, 87,
89, 107, 110-112, 115-117, 122, 126, 148, 168, 169, 173, 176, 178
Вулли Л. 79

- Гаджиев А.Г. 182
 Гаджиев М.Г. 5-11, 15-20, 25-28, 30-32, 34, 35, 38-40, 42-47, 49, 50, 52, 54-57, 60-69, 72, 74, 76-78, 81, 84, 85, 87-99, 101-103, 105, 107, 109, 110, 112-116, 118, 121-123, 125, 126, 129, 130, 134, 135, 141, 144, 152-155, 157, 158, 160, 162-167, 169-173, 175-183, 189
 Гаджиев М.С. 5, 115, 179
 Гадзяцкая О.С. 118-119
 Галкин П.Н. 12
 Гей А.Н. 107, 169
 Генинг В.Ф. 82
 Герасимова М.М. 34
 Гершкович Я.П. 125
 Гигинейшвили Б.К. 181
 Гимбутас М. (Gimbutas M.) 119
 Глonti Л.И. 94, 95, 156
 Гобеджишвили Г.Ф. 94, 95, 105, 115, 116, 156, 165, 168, 169
 Гогодзе Э.М. 105, 115, 119
 Голан Ариэль 128
 Голубкина Т.И. 68
 Голубятников В.Д. 73
 Горелик М.В. 106
 Грыгель Р. 117, 118
 Давудов О.М. 5, 32, 37, 78, 103, 129, 135, 167, 172
 Дебилов П.М. 141
 Деген Б.Е. 114, 117
 Дедабришвили Ш.Ш. 94.
 Долбежев В.И. 12, 151
 Джавахишвили А.И. 41, 47, 48, 94, 95, 156
 Джапаридзе О.М. 161
 Дударев С.Л. 30
 Дьяконов И.М. 33, 182
 Ерзункаева К.З. 29, 30, 56, 63, 64, 69, 70, 176
 Жоржикашвили Л.Г. 105, 115, 119
 Захарук Ю.Н. 133, 146
 Зданович Г.Б. 145
 Золотов К.Н. 109, 124, 127, 154, 188-191, 193

- Иессен А.А. 12, 13, 158
Ильюков Л.С. 129
Исаков М.И. 18, 32, 118, 148
Исмаилов Г.С. 157
Кавтарадзе Г. 157
Каменецкий И.С. 133
Каменский А.Г. 13, 35
Канивец В.И. 16, 87, 91, 97, 122, 123, 126, 167, 177
Кияшко В.Я. 41, 127
Клейн Л.С. 133, 145
Козенкова В.И. 127
Комаров А.В. 12
Корневский С.Н. 5, 26, 34, 35, 85, 87, 95, 105, 116, 120-123, 126, 127, 135, 152, 153, 157-159, 163, 164, 170, 179
Коробкова Г.Ф. 73-75, 79, 80
Костюченко И.П. 16, 83, 91, 97, 99, 123, 126, 173
Котович В.Г. 8, 11, 15, 17, 18, 20, 26, 27, 39, 43, 56, 59, 66, 78, 81, 100, 101, 106, 112, 115, 120, 121, 123, 129, 134, 142, 152-155, 160-162, 164-166, 170, 172-175, 177-179, 183, 189
Котович В.М. 8-11, 15-18, 27, 38-43, 45, 46, 48-50, 62, 72-74, 76-78, 81, 85, 86, 93, 95, 102, 103, 105, 106, 108, 110, 112, 117, 128-130, 142, 154-157, 160, 162, 166, 170, 174, 177, 189, 191
Кривицкий В.В. 26, 58, 152, 184
Круглов А.П. 8, 13, 14, 37, 46, 59, 129
Крупнов Е.И. 8, 11, 13, 14, 21, 64, 75, 106, 114, 148, 158, 174
Кузнецов В.А. 117
Кузьмина Е.Е. 129
Кутик-Инпушинак 157. См. также: Пузур Шушинак
Куфтин Б.А. 120, 157
Кухаренко Ю.В. 118, 119, 166
Кушнарева К.Х. 41, 105, 109, 112, 114, 117, 128, 129, 132, 152, 157-160, 169
Левин М.Г. 134
Лордкипанидзе О. 152
Магомедов А.Г. 34
Магомедов А.Р. 5, 72, 177
Магомедов М.Г. 20, 85

- Магомедов Р.Г. 5, 7, 9, 19, 27, 28, 34, 38, 47, 50, 52, 61, 66, 68, 72,
74, 87, 92, 93, 95, 97, 99, 124, 125, 135, 153, 155, 156, 166,
172, 176-178, 184
- Магомедов Р.М. 181
- Магомедов С.М. 25, 26, 112
- Магомедова З. 5
- Малагитинов М.М. 28
- Маммаев М.М. 31, 72
- Маништусу 157
- Марина З.П. 106
- Марковин В.И. 5, 8-13, 18-24, 26, 28-31, 33, 34, 36, 47, 52, 54-67,
69, 70, 75, 78, 81, 88, 94, 95, 97, 100, 101, 103, 104, 106-109,
112, 114, 116, 117, 120-122, 126, 129, 130, 133, 134, 144, 146,
148, 151, 161, 165, 167-169, 173-178, 180, 183, 184, 188, 189
- Маркарян Э.С. 146
- Марр Н.Я. 180
- Махник Я. (Machnik J.) 35
- Мелларт Дж. 48
- Мельник В.И. 5
- Мерперт Н.Я. 35
- Мизиев И.М. 123
- Миллер А.А. 37
- Мирзабеков М.А. 4, 5
- Мирзоев Р.Н. 26
- Млюкосевич А.Л. 12
- Мунчаев Р.М. 8, 11, 14, 15, 34, 38, 45, 47, 53, 55, 60, 61, 63, 66, 69,
72, 74, 78, 81, 84, 85, 87, 91, 93, 98, 105, 106, 108, 112, 118,
119, 125, 136, 152, 157, 160-162, 167-169, 174, 182, 183
- Мужухоев М.Б. 9, 11, 23 24, 28, 29, 64, 146
- Мурадова Ф.М. 78
- Нагоев А.Х. 123
- Нариманов И.Г. 124, 148, 157
- Нечаева Л.Г. 26, 58, 152, 184
- Нечитайло А.Л. 75, 78, 120-122, 126, 152, 183
- Никитин В.И. 109
- Николаева Н.А. 117, 133, 161, 167
- Орел Н.В. 12, 13
- Ошаев М.Х. 9, 22-24, 26, 28, 29, 58, 64, 65, 86, 87, 151

- Петренко В.А. 10, 29, 82-84, 87, 98
Пикуль М.И. 10, 15, 78, 188
Пиотровский Б.Б. 129
Пиотровский Ю.Ю. 67
Погребова М.Н. 5, 10, 16, 17, 40, 50, 63, 66, 96, 99, 100, 172, 175,
183
Пряхин А.Д. 145
Пузур Шупинак 157. См. также: Кутик-Иншупинак
Путинцева Н.Д. 95
Пятых Г.Г. 72
- Рамишвили А. 119
Ростунов В.Л. 9, 31, 120, 125
Рунич А.П. 46
Русов А.А. 46
- Саламов А.А.
Сафронов В.А. 117, 120, 133, 161, 167
Свадеш 181
Свешников И.К. 118, 119
Семенов Н.С. 12
Семенов С.А. 73-75, 79, 80, 109
Селимханов И.Р. 35, 170
Синицын И.В. 129
Смирнов К.Ф. 14, 66, 72, 85, 87, 91, 98, 105, 116, 118, 125, 161, 177,
178, 183
Сорокина И.А. 82
Старостин С.А. 34, 181, 182
Столяр А.Д. 41
Сулейманов А.С. 5
- Техов Б.В. 72, 114, 116
Тменов В.Х. 123
Титов В.С. 104
Тихонов А.Г. 34
Точик А. (Тосік А.) 119
- Умаров С.Ц. 24
Усачук А.Н. 109

- Федоров Г.С. 20
Федоров-Давыдов Г.А. 133
Флэннери К. 48, 49
Формозов А.А. 189
Фрай Р.Н. 181
- Халилов Дж.А. 148
Хангишиев Г.Дж. 28
Хашегульгов Б.М. 5, 9, 30, 31, 68, 115-117, 120, 122, 148, 168, 169,
173,
Хехнева Т.Д. 189
- Чайлд Г. 113, 118
Чебоксаров Н.Н. 134, 147
Черных Е.Н. 34
Чеченов И.М. 75, 78
Чубинишвили Т.Н. 41, 45, 112, 114, 128, 129, 157, 158, 160, 169
- Шаркалишарри 157
Шейхов Н.Б. 11, 175
Шепель Е.А. 34, 182
Шеффер К. (Schaeffer Cl.) 114, 118, 119, 166
Шилов Ю.А. 106, 113, 127, 130
Шмидт Е. (Schmidt E.) 118
Штейн В.Ф. 12
- Эрдниев У.Э. 129

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ И КУЛЬТУР

- Абашевская культура 118
Айдильго (могильник) 177
Алазано-беденская культура 47, 95, 105, 156, 159, 161, 165, 168, 185
Алишар-Хуюк (могильник) 114
Амиранис-гора (поселение) 41, 48
Анди (поселение) 13, 14, 20
Андреевская долина (находка) 167
Аркас (поселение) 175
Ачису (поселение) 129
Ашали (поселение II) 38
- Бамут (курганы) 112, 157, 161, 167-169
Бачи-Юрт (могильники II, IV) 24, 28, 54, 57, 64, 67, 82, 86, 87, 138, 151, 186
Бачи-Юрт (поселение) 24, 38, 151, 170
Бедени (курганы) 115, 116, 159, 169
Белгатой (могильник) 13
Бельты (могильник) 5, 10, 28-31, 35, 36, 54, 56-60, 64, 66, 67, 69, 71, 73, 77, 80, 82-84, 86, 87, 89, 98-101, 104, 105, 107, 110-112, 115, 117, 121, 126, 136-138, 140, 143, 150, 151, 168, 169, 171, 173, 176, 178, 179
Берикей (могильник) 103
Бериклдееби (поселение) 94
Бураган-Шоб (могильник) 172
- Вачи (поселение) 38
Ведено (находки) 12
Великент (могильник I) 45, 83, 85, 87, 90, 92, 95, 97, 105, 119, 121-123, 125, 126, 129, 135, 141, 148, 156, 163, 182, 184, 187
Великент (могильник II) 135
Великент (могильник III) 135
Великент (поселение I) 20, 33, 44, 81-83, 87, 95, 97, 103, 129, 135, 141, 152, 187
Великент (поселение II) 44, 74, 103, 129
Великентская группа памятников 9, 33, 35, 135, 145, 148, 185

- Великентская культура 32
- Верхнесулакский локальный участок металлообработки 34
- Верхний Гуниб (поселение) 10, 15-18, 20, 26, 27, 33-35, 36, 38-43, 46, 48-51, 71, 73, 75-77, 80-83, 85, 86, 90-96, 99-105, 107, 108, 110-113, 116, 117, 128, 130, 143, 153, 154, 156, 157, 160, 162, 167, 170, 175, 176, 179, 180, 189-191
- Восточнокавказская культурно-историческая общность 9, 29, 30, 144
- Восточнокавказская метакультурная общность 148-150, 156, 185
- Восточнокавказская прадагестанская культурно-историческая область 30
- Гагатль (могильник) 13
- Галгалатли (могильник) 10, 19, 27, 36, 46, 54, 57, 59, 66, 73, 82, 83, 88-90, 98-100, 104, 111, 113, 114, 11-121, 123, 130, 149, 165, 166, 170, 172, 182
- Галгалатли (поселение I) 39, 44, 153, 157, 163
- Галгалатли (поселение II) 19, 27, 38, 52, 54, 82, 99, 101, 103, 149, 166, 178
- Гапшима (поселение) 105
- Гарни (поселение) 48
- Гатын-Кале (могильник) 10, 21-25, 28-30, 33-36, 54-60, 64-69, 71, 73, 74, 77, 80-83, 89, 90, 95, 97, 99-101, 103-105, 107, 109, 111-114, 116, 117, 120-124, 130, 136-138, 140, 149, 151, 168, 170, 173, 178, 182, 184
- Гатын-Кале I (поселение) 21, 52-54, 170
- Гатын-Кале II (поселение) 38, 170
- Геме-Тюбе I (поселение) 44, 45, 129
- Геме-Тюбе II (поселение) 44, 118, 129
- Гентал (курганы) 20, 85
- Гинчи (могильник) 6, 10, 15, 17-20, 24, 25, 29, 30, 33, 34, 36, 46, 49, 54-60, 62, 64-69, 71, 73, 74, 77, 80-84, 87-93, 95-99, 101, 110-115, 117, 119-122, 124-126, 129, 137-139, 149, 151, 156, 158, 159, 162-165, 167, 169-172, 175, 177, 179, 182, 184
- Гинчи (поселение I) 42, 45-47, 76, 84, 92, 109, 171, 181, 182
- Гинчи (поселение II) 38, 40, 54, 82, 166, 170
- Гинчинская культура 5, 6, 9, 19, 20, 25, 28-36/38, 55, 57, 69, 70, 144, 145, 148-156, 160, 165, 168-170, 173, 174, 176, 178, 180, 185, 186
- северо-западный (ичкерийский) вариант гинчинской культуры 149, 150, 152, 186

- юго-восточный вариант (койсугский) вариант гинчинской культуры 149, 150, 179, 180, 186
- Гинчинско-гатынкалинский этап эпохи средней бронзы 27, 154, 165, 170, 172
- Гиссар II и III (могильники) 118
- Гоно (могильник) 15, 17, 20, 33, 46, 55, 62, 89, 121, 155, 156, 159, 160, 182
- Гонода (находки) 17, 121
- Гудабертка-Цихиагора (поселение) 48
- Гуни (могильник) 12, 20, 54, 57, 82, 170
- Гуниб (находки) 13
- Дагестанская культура эпохи бронзы 17, 19, 21, 133, 174
- Дагогни (курганы) 170
- Дай (могильник) 24, 54, 57, 60, 64, 69, 73, 82, 83, 89, 103, 104, 123, 170
- Дарго (находка) 112
- Джемикент (поселение) 13, 33, 45, 46, 129
- Дзуарикау (могильник) 161, 167
- Дольменная культура 26, 35, 58, 133, 184
- Дуба-Юрт (могильник) 22, 54, 57, 59, 73, 82, 89, 98, 107, 170
- Западнокавказская или протоколхская культура 132
- Зонах (могильник) 22, 54, 57, 59, 170
- Имирис-Гора (поселение) 48
- Ингердах (поселение) 15, 18, 39, 82, 166, 167
- Ирганай (могильник I) 10, 16-18, 26, 28, 29, 33, 51, 54, 57, 63, 66-67, 69-73, 80, 82, 83, 85, 87, 92-96, 98-101, 104, 105, 110, 124, 127, 130, 136, 143, 144, 150-152, 170-173
- Ирганай (поселение I) 10, 16, 18, 27, 28, 29, 33, 36, 38-42, 43, 50-52, 54, 71, 73, 75, 76, 80, 82, 83, 85, 92-95, 99-104, 107-109, 111, 126, 130, 137, 141, 144, 150, 170, 172, 173, 182, 186-190, 193
- Ирганай (поселение II) 16, 28, 38, 40, 82, 150, 166, 170, 186
- Ирганай (поселение III) 16, 40
- Кабардинский парк (могильник) 114
- Карабудахкент (могильник II) 14, 33, 45, 98, 118, 156, 161
- Карабудахкент (поселение) 14, 20, 105
- Карабудахкентско-гонобский этап бронзового века 17, 18, 154, 156, 160

- Карацан (поселение) 129
 Карлобко (поселение) 167
 Кармирбердская (тазакендская) культура 132
 Кармирванкская (кизылванкская) культура 132
 Катакомбная культура 47, 109, 120, 125, 133, 160, 183, 184
 Катакомбная (предкавказская) культура 26, 120, 133
 Кафыр-Кумух (могильник) 153, 178
 Каякент (каменный ящик) 72, 173, 177
 Каякент (могильник) 115, 174,
 Каякент (поселение); 13, 20, 135, 152, 187. См. также: Геме-Тюбе
 (поселения I и II)
 Каякентско-хорочоевская культура 7, 9, 13, 14, 17, 19-22, 24, 27, 30,
 33, 37, 56, 64, 67, 69, 70, 72, 85, 87, 88, 91, 117, 120, 122,
 129, 137, 151, 153, 154, 163, 164, 170-180, 186, 187
 Каякентско-хорочоевский этап бронзового века 17, 19, 27, 154
 Квацхелеби (поселение) 48
 Кобанская культура 21, 72
 Константиновск (поселение) 41
 Кули (могильник) 54, 57, 59
 Курен-Беной (могильник) 12, 142, 170
 Куро-аракская культура 7, 31-33, 35-37, 39, 44, 45, 48, 62, 63, 69,
 72, 76, 90, 97, 98, 100, 101, 103, 117, 135, 136, 139, 142, 152,
 153, 155, 157, 159, 160-162, 169, 182, 183, 185
 – северовостокавказский (северо-восточный) вариант куро-
 аракской культуры 135, 152, 155, 180
 Курчалой (поселение; зольник) 20-22, 38, 52, 82, 103, 104, 107,
 108, 129
 Кучраб (поселение) 15, 38, 39, 166
 Кюль-Тепе I (поселение) 48
 Кяхулай (курбан) 116, 148
 Луговое (поселение) 53, 136
 Ленгильская культура 117, 118
 Лендельская культура 118
 Маджалис (могильник) 115, 179
 Майкопская культура 35, 47, 74, 93, 105, 135, 155, 160, 161, 182, 184
 Малый Харсеной (могильник) 5, 10, 23, 28-30, 33, 36, 54, 57, 64, 71,
 73, 74, 77, 80, 82
 Мамай-Кутан (поселение) 135, 152

- Мамай-Кутан (гробница) 173, 177
Манас (катакомба) 20, 85
Манас (могильник; курганы) 14, 33, 72, 87, 97, 98, 118, 125, 170, 182, 183
Манаскент (курганы) 173, 187
Манасская группа памятников 9, 25, 32, 135, 145, 148, 185
Манасско-гинчинский этап бронзового века 17, 19
Матвеевка I (поселение) 109
Мекеги (поселение) 39, 105, 156, 157, 162
Мескеты (находки) 12, 151
Местерух (поселение) 15, 38, 166, 167
Мешоко (поселение) 41
Миатлы (курганы) 16, 20, 24, 55, 68, 83, 87, 88, 91, 97, 99, 122, 123, 126, 135, 141, 150, 161, 167, 170, 172, 177, 178, 184, 186
Миатлинский Большой курган 184
Миатлинский этап эпохи средней бронзы 27, 154, 191
Мингучаури (могильник) 68
Мингечаури (поселение) 48
Мискинбулак (могильник) 184
Михайловка (находка) 107
Многоваликовой керамики культура 125
Монтеору культура 119
Муги (могильник) 14, 15, 18, 54, 57, 59-61, 82, 136, 166, 170
Муги (поселение) 18, 38, 166, 170
Нижняя Сигитма (поселение) 175
Никар (находка) 12, 115, 148
Ниневия V (город, слой) 86
Нитранская группа памятников 119
Новосвободненский этап майкопской культуры 160
Новые Аршты (могильник) 161
Новый Кафыр-Кумух (находки) 115
Обмазанной керамики культура 19, 134, 174
Полтавкинская культура 26
Почапского типа памятники 118, 119
Приаргунский локальный участок металлообработки 35
Приморская группа памятников 33
Присулакская группа памятников 9, 25, 32, 33, 99, 134, 145, 148, 185
Ругуджа (могильник) 15, 17, 18, 46, 54, 57, 59, 73, 82, 83, 149, 166, 170

- Ругуджа (стоянки) 38, 181
- Саади-Котар (могильник) 31, 54, 57, 68, 73, 74, 77, 82, 90, 97-99,
104, 105, 128, 138, 142, 148, 150, 160, 161, 167, 186
- Саади-Котар (поселение) 31, 38, 103, 128, 130, 140, 148, 151, 170, 186
- Сачхере (могильник) 157, 161
- Севано-узерлицкая культура 105, 132
- Северокавказская культура 21-23, 25, 28, 30, 35, 36, 47, 65, 97, 107,
133, 161, 167, 182
- Северокавказская культурно-историческая общность 69, 120-123, 126,
133, 142, 165, 169, 184
- Серженьюрт (поселения) 38, 53, 119, 128, 136
- Сигитма (поселение) 15, 33, 39, 46, 50, 125, 155, 156
- Согратль (находка) 12, 122
- Согунты (могильник) 20, 54, 57, 64, 138, 151, 170, 186
- Среднеднепровская культура 26, 118
- Срубная культура 26
- Сузы I (город) 86
- Тад-Шоб (поселение) 33, 39, 44, 92, 105, 109, 118, 130, 156, 157,
163. См. также: Чиркей (поселение)
- Талги (могильник) 178
- Тарки (курган) 178
- Тарнаир (находка) 114
- Тетрицкаро (курганы) 165
- Тинди (находка) 95, 148
- Тли (могильник) 72
- Торпах-Кала (курган) 155, 184
- Триалетская культура 105, 132
- Триалети (курганы) 119
- Трипольская культура 79
- Троя (город) 79, 118, 119, 166
- Унетицкая культура 119, 166
- Ур (город) 79, 120, 157
- Урцеки (могильник II) 177
- Усиша (поселение) 18, 35, 38, 39, 160
- Утамыш (курганы) 20, 33, 123
- Фатьяновская культура 118
- Хаджалмахи (могильник) 54, 57, 59, 166

- Харбузи-Дук (поселение III) 24, 28, 38
Хачбулаг (курган) 157
Хорочой (могильник) 13, 59, 172, 182
Хизанаант-Гора (поселение) 48
- Цагвли (могильник) 119
Цалка (курган) 115
Царцис-Гора (поселение) 157
- Чинна (поселение) 38, 84, 181
Чирката (поселение) 38
Чиркей (курганы) 18, 95, 99, 115, 135, 141, 150, 161, 170, 173, 177-179, 187
Чиркей (поселение) 92, 163. См. также: Тад-Шоб (поселение)
Чограй (курганная группа VIII) 124, 173
Чох (могильник) 14, 17, 18, 20, 35, 46, 54, 55, 59-62, 66, 67, 82, 108, 117, 119, 122, 136, 137, 149, 160, 170, 174, 175
Чох (поселение) 28, 42, 45, 47, 72, 181
- слой С1 38
Чочети (поселение) 43
Чувал-хвараб-нохо (наскальные изображения) 160
- Шалушинское (находка) 107
Шнуровой керамики культура 119, 166
Шому-Тепе (поселение) 48
Шулавери (поселение) 48
- Щебоха (могильник) 45, 56, 62, 63, 137, 159
- Эгикал (могильник) 26, 31, 58-60, 82-84, 136, 151, 152, 184
Элар (поселение) 48
Элам (государство) 157
- Юхари-Стал (могильник) 148
Южнокавказский энеолит 98
- Ямная культура 93, 94
Янгикент (каменный ящик) 115, 129, 179

И Л Л Ю С Т Р А Ц И И

Памятники эпохи средней бронзы
Северо-Восточного Кавказа
(см.: рис. 1)

40, 41 - Чох	1, 2 - Саади-Котар
42 - Согратль	3 - Малый Харсеной
43 - Кучраб	4 - Зонах
44 - Хаджалмахи	5 - Дуба-юрт
45 - Кумух	6, 7, 8 - Гатын-кале
46 - Хуни	9 - Дай
47, 48 - Муги	10 - Шали
49 - Усиша	11 - Сержень-юрт
50 - Вачи	12, 13 - Курчалой
51, 52 - Кули	14 - Гуни
53, 54 - Хасавюрт	15 - Ведено
55 - Миатлы	16, 17, 18 - Бачи-юрт
56 - Чиркей	19 - Бельты
57 - Гентал	20 - Мескеты
58 - Кяхулай	21 - Согунты
59 - Тарки	22 - Дарго
60 - Манаскент	23 - Курен-Беной
61 - Манас	24, 25 - Галгалатли
62 - Ярти-тюбе	26 - Тинди
63 - Карабудахкент	27 - Ингердах
64 - Ачису	28 - Местерух
65, 65а - Сергокала	29 - Тануси
66 - Утамыш	30, 31, 32 - Ирганай
67 - Геме-тюбе I	33 - Гонода
68 - Мамраш	34, 35 - Гинчи
69, 70 - Великент	36 - Гоно
71 - Даг. Огни	37 - Никар
72 - Дербент	38 - Ругуджа
73 - Ашага-Стал	39 - Верхний Гуниб

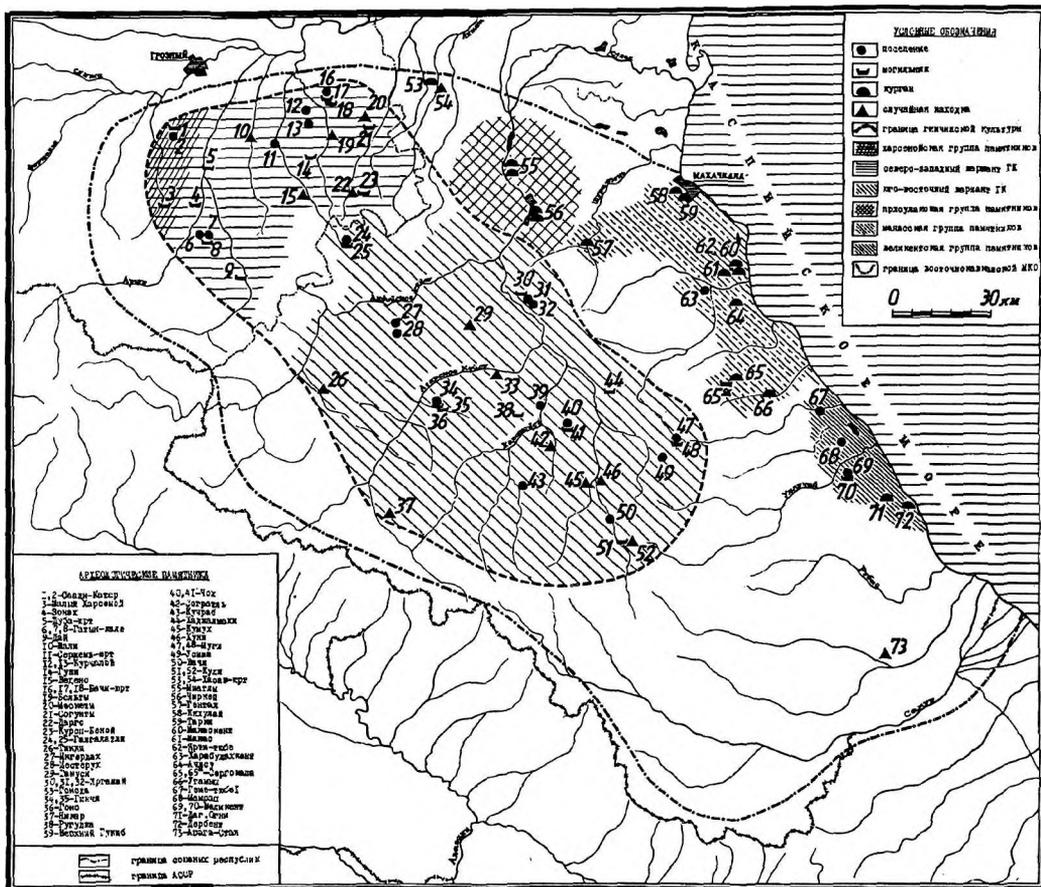

Рис. 1. Памятники эпохи средней бронзы Северо-Восточного Кавказа

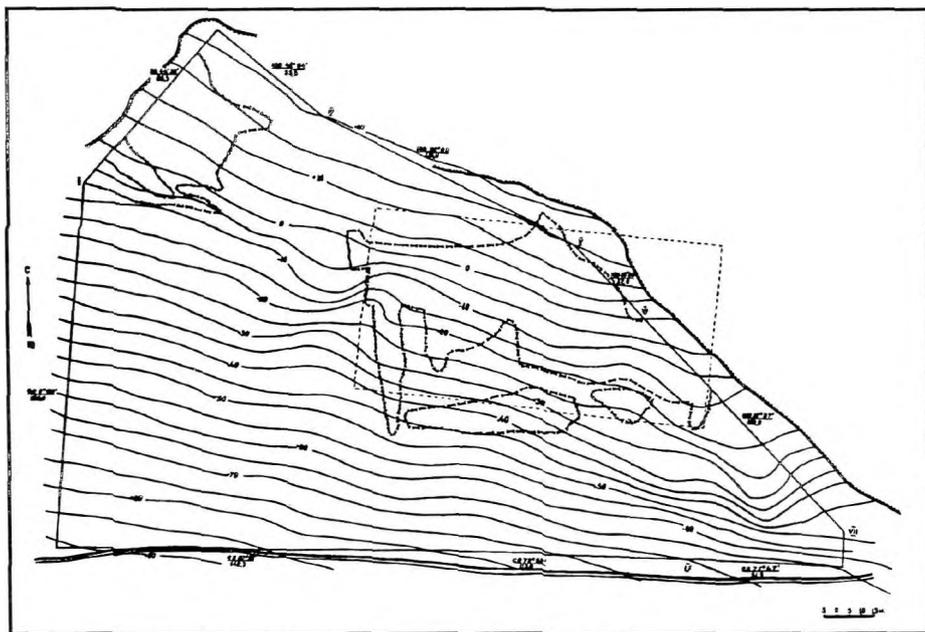
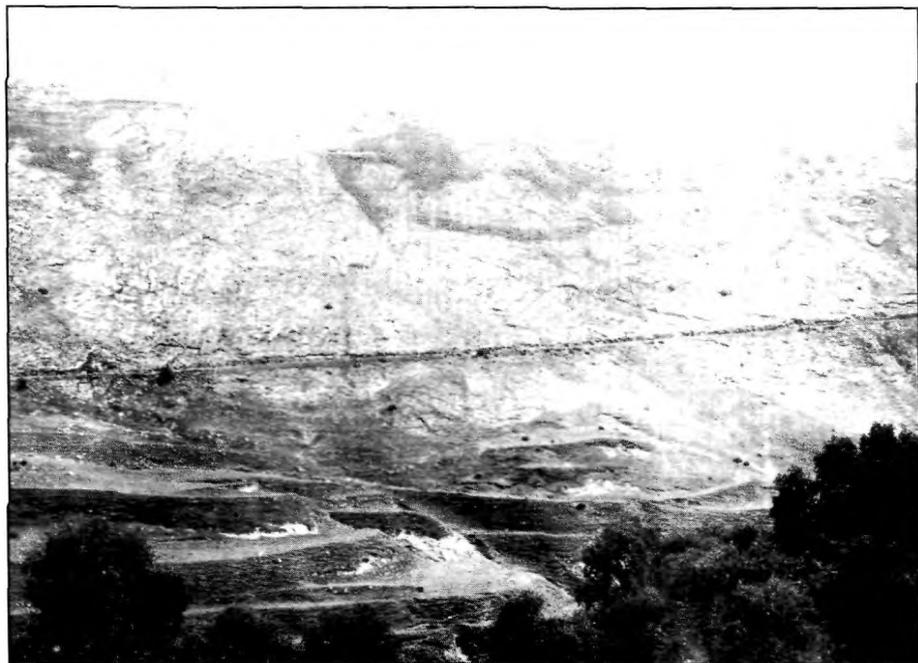

Рис. 3. Топоплан Верхнегунибского поселения (по В.М. Котович)

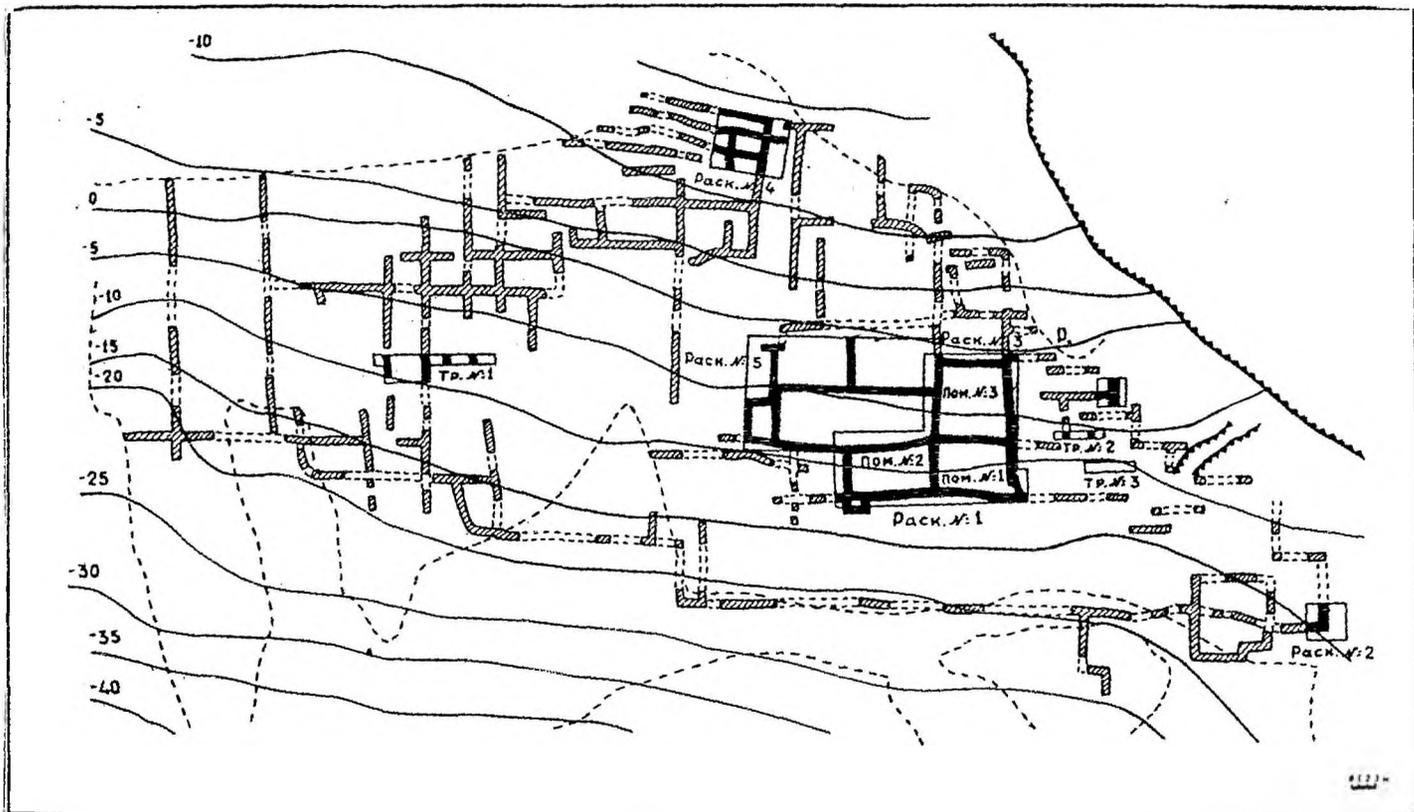

Рис. 4. Верхнегунибское поселение. План раскопов и строительных остатков (по В.М. Котович)

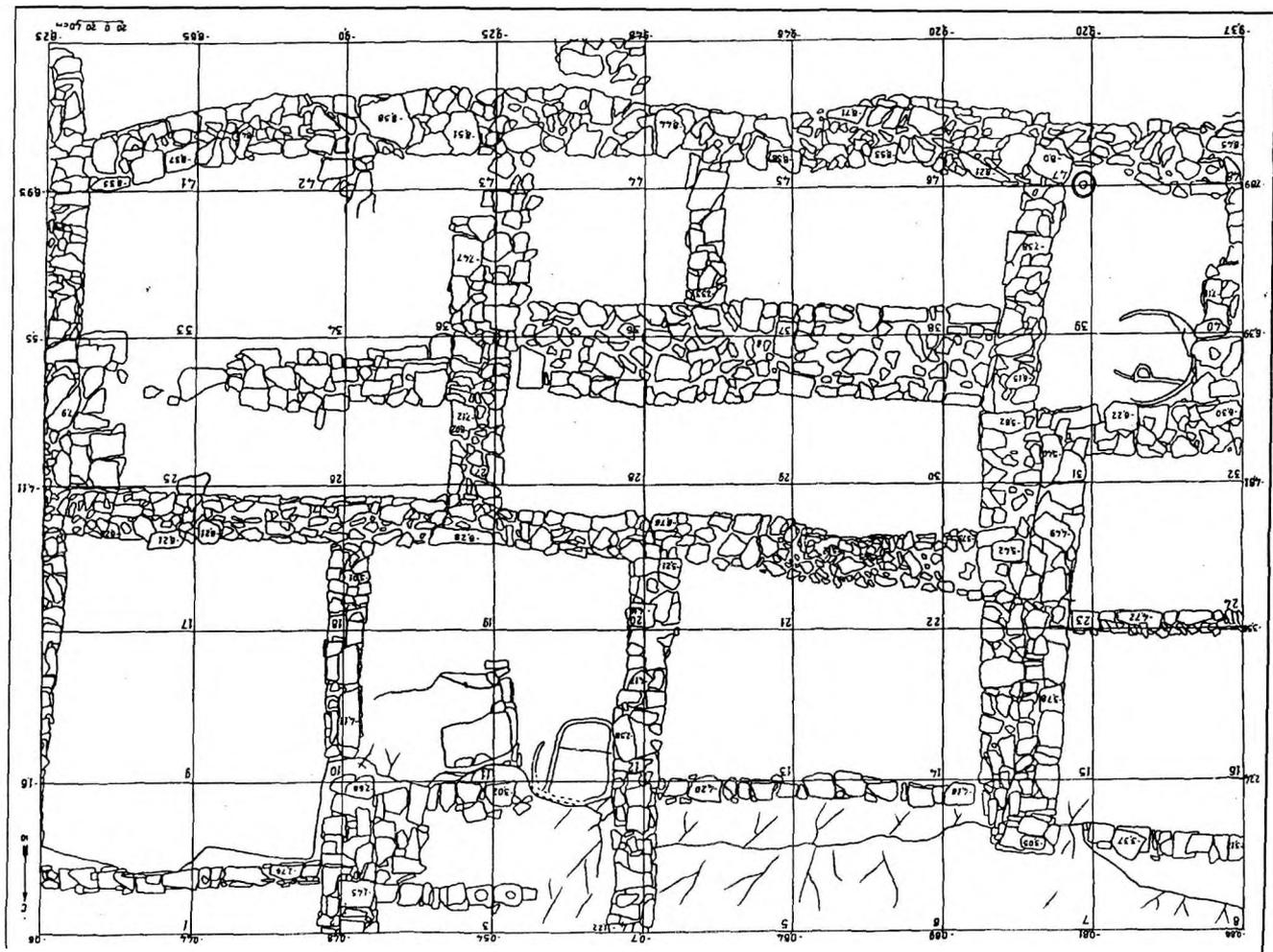

Рис.5. Верхнегунибское поселение. План строительных остатков на раскопе № 5, 1964 г. (по В.М. Котович)

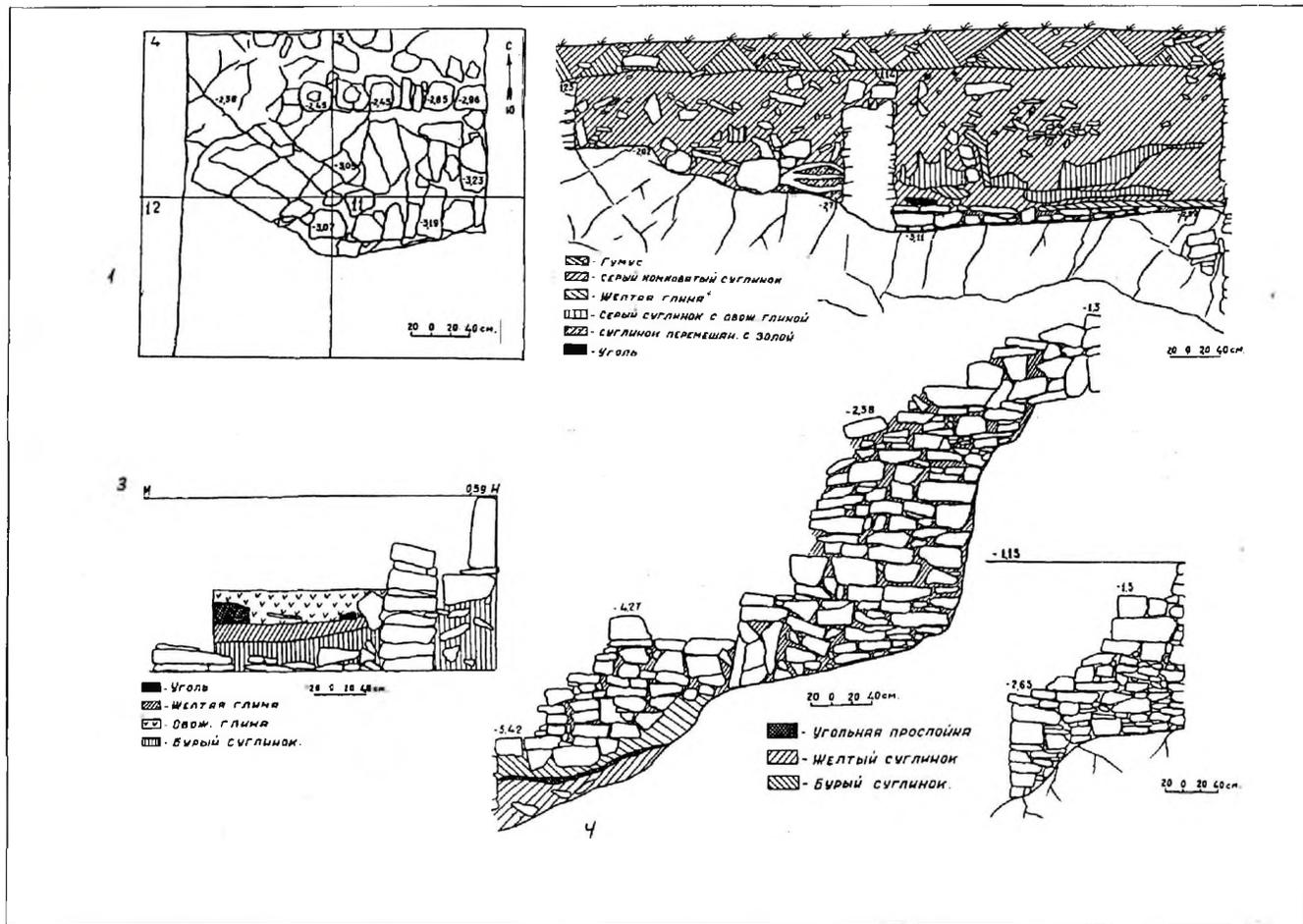

Рис. 6. Верхнегубинское поселение. Раскоп № 5, 1964 г. (по В.М. Котович): 1- каменная вымостка в СЗ углу помещения № 1; 2- профиль северной стенки раскопа в пределах помещения № 1; 3- разрез в кв. 3 помещения № 1; 4- профиль западной стены помещения № 1; 5- профиль внутренней стены в помещении № 1

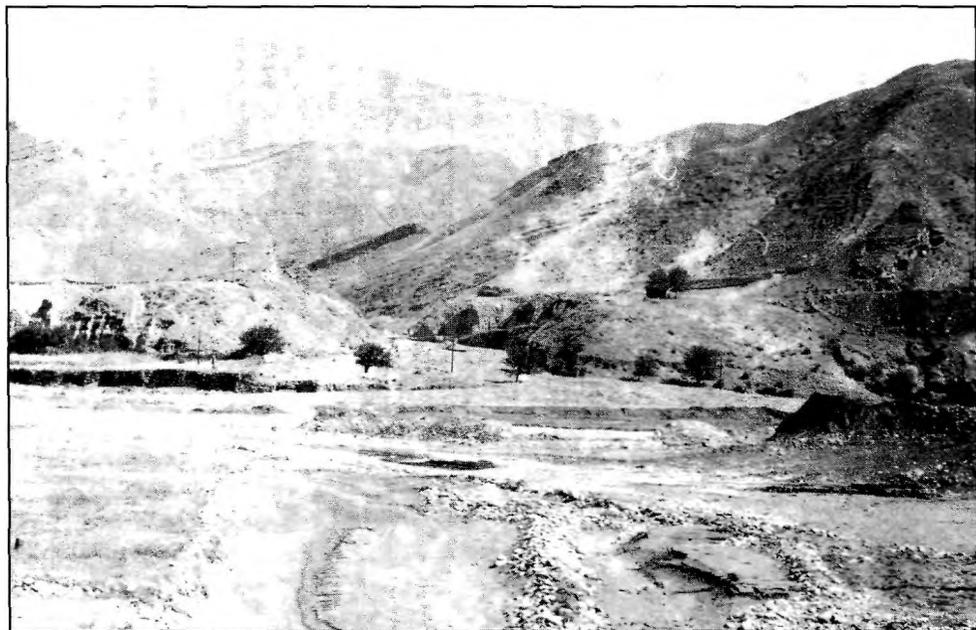

Рис. 7. Вид (с юга) на памятники эпохи бронзы (поселение I и могильник I) у сел. Ирганай

Рис. 8. Ирганайское поселение I (вид с запада)

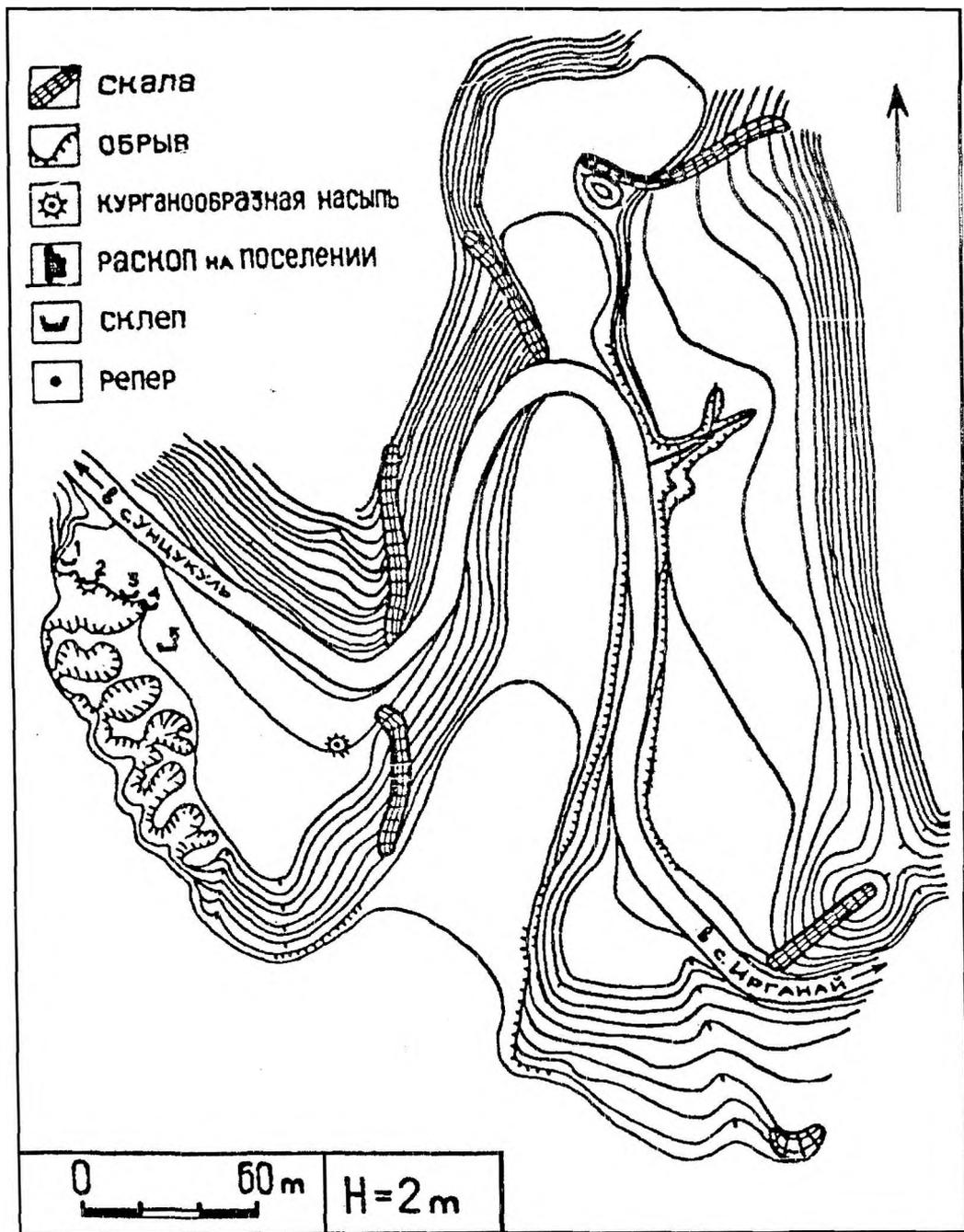

Рис. 9. Топоплан памятников у сел. Ирганай (поселение I и могильник I)

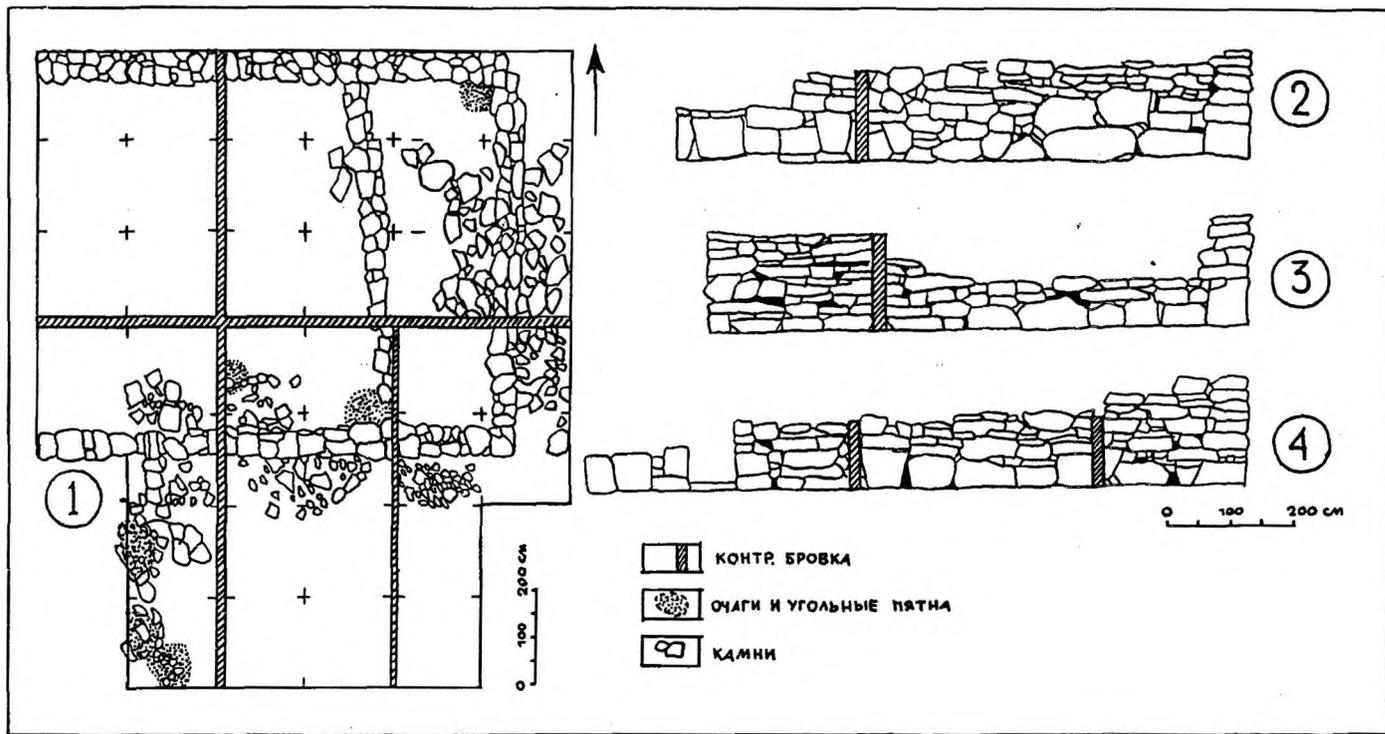

Рис. 10. Ирганайское поселение I. Раскоп № 1, 1958-1960 гг. (по Д.М. Атаеву, М.Н. Погребовой и М.Г. Гаджиеву): 1- план раскопа; 2-4 - профили каменных стен помещений

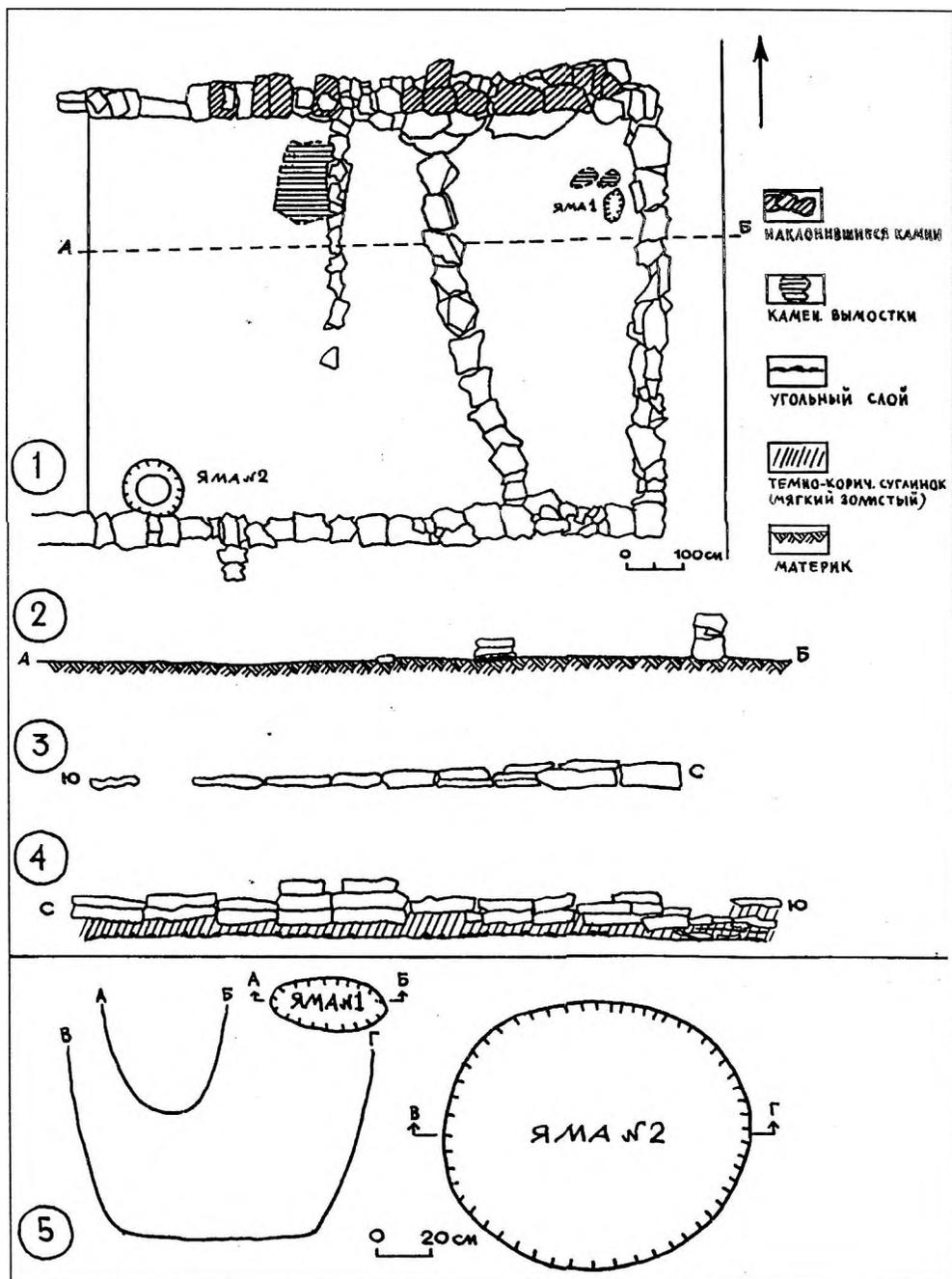

Рис. 11. Ирганайское поселение I. Раскоп № 1, 1958-1960 гг. (по Д.М. Атаеву, М.Н. Погребовой и М.Г. Гаджиеву): план (1) и разрез (2) помещений, профили остатков стен (3-4), планы и разрезы хозяйственных ям (5)

Рис. 12. Ирганайское поселение I. Раскоп № 2 (1986 г.): остатки строительных построек (вид с юго-запада)

Рис. 13. Ирганайское поселение I. Раскоп № 2 (1986 г.): остатки строительных построек (вид с севера)

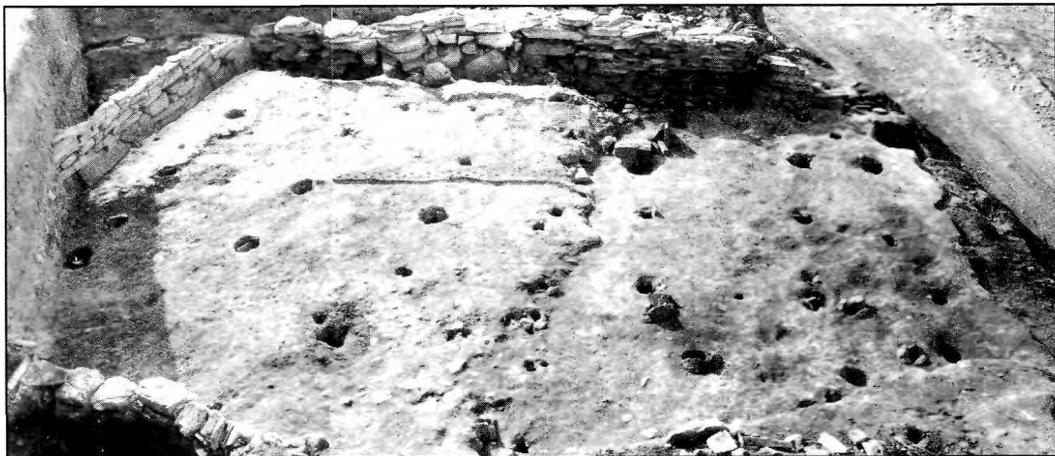

Рис. 14. Ирганайское поселение I. Раскопы № 3 (1987-1988 гг.): вид с севера на строительные остатки

Рис. 15. Ирганайское поселение I. Раскопы №№ 3-4 (1987-1989 гг.): вид с севера на строительные остатки

Рис. 16. Ирганайское поселение I. Раскопы №№ 3-4 (1987-1990 гг.): вид с юго-запада на строительные остатки

Рис. 17. Ирганайское поселение I. Раскоп № 3: остатки печного сооружения типа "кор" (вид с юго-запада)

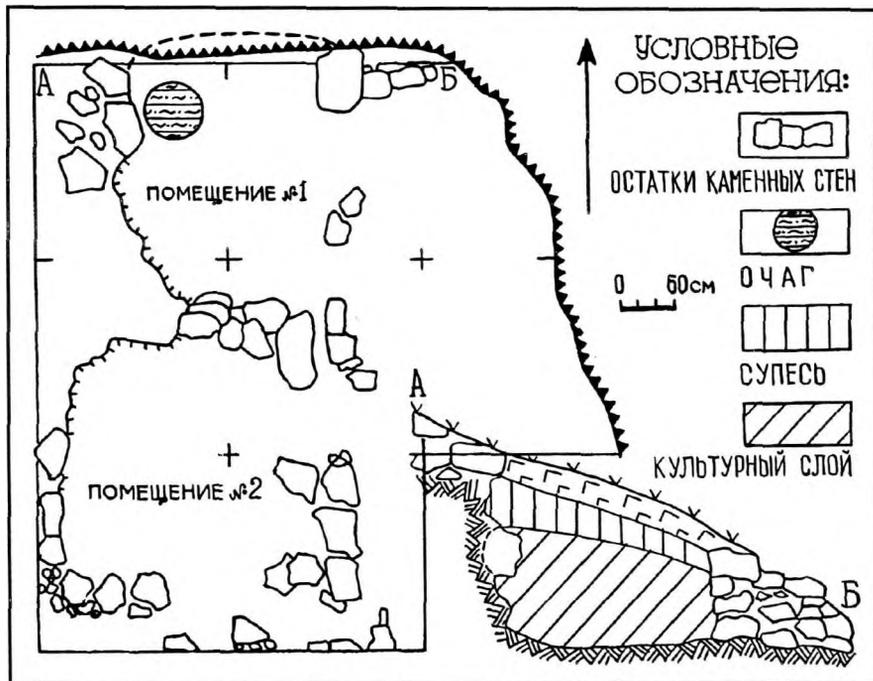

Рис. 18. Поселение Галгалатли II. План (А) и разрез (Б) раскопа

Рис. 19. Могильник Гинчи (вид с севера-запада - фото М.Г. Гаджиева)

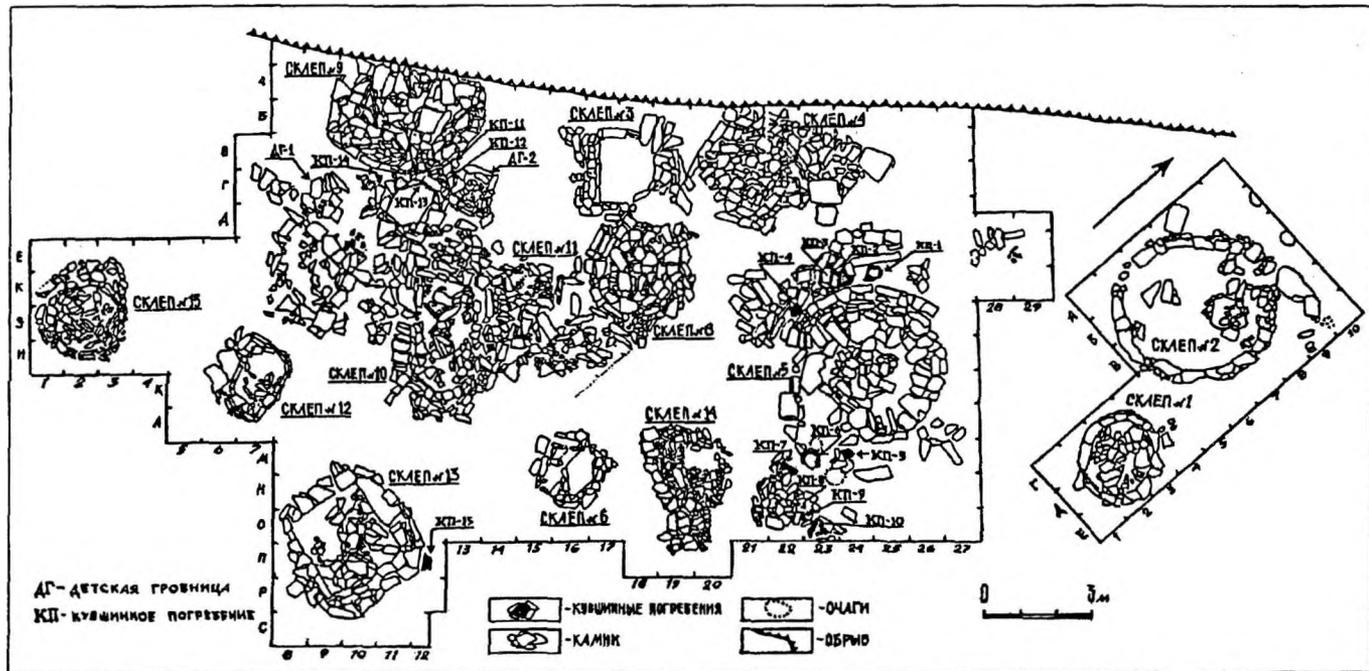

Рис. 20. Могильник Гинчи. Общий план (по М.Г. Гаджиеву)

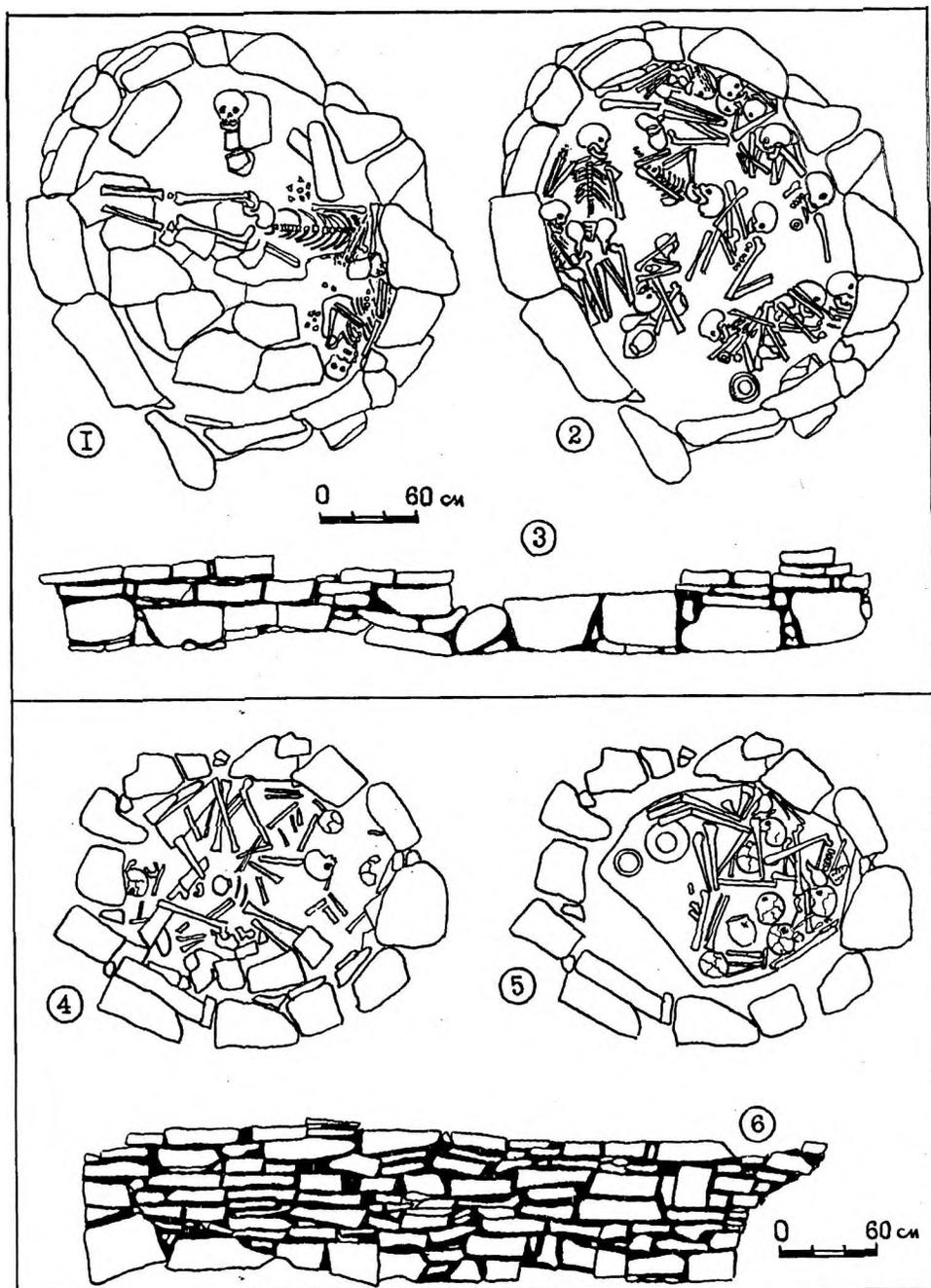

Рис. 21. Могильник Гинчи. Планы и развертки стен склепов № 1 (1-3) и № 8 (4-6) - по М.Г. Гаджиеву

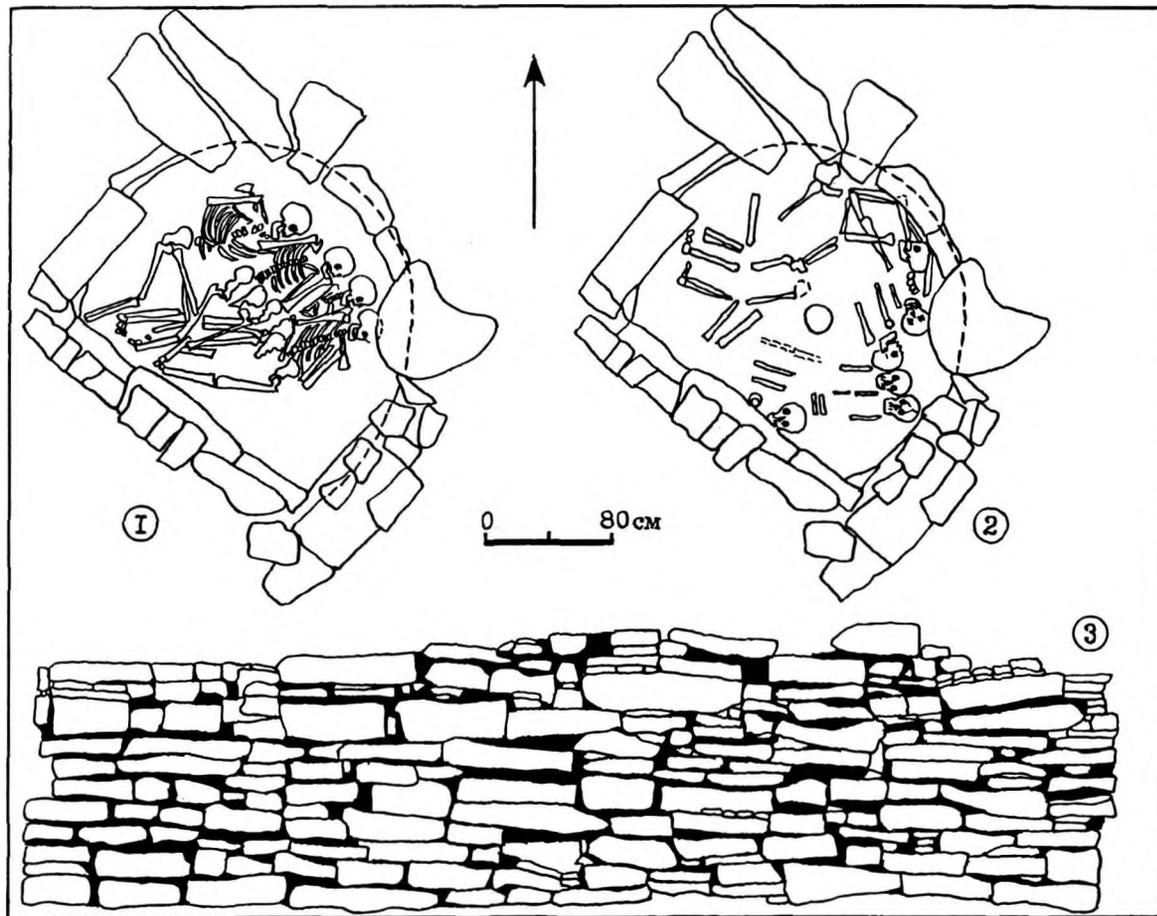

Рис. 22. Могильник Гинчи.
Послойные планы (1-2) и развертка стены склепа № 3 (по М.Г.Гаджиеву)

Рис. 23 а. Могильник Гинчи. Склеп № 5: внешний вид (с юго-востока) после расчистки (фото М.Г. Гаджиева)

Рис. 23 б. Могильник Гинчи. Склеп № 5: Один из уровней внутреннего заполнения (фото М.Г. Гаджиева)

Рис. 24. Могильник Гинчи. Склеп № 9: внешний вид (с востока) после расчистки (фото М.Г. Гаджиева)

Рис. 25. Могильник Гинчи. Склеп № 9: вид на внутреннее устройство конструкции (фото М.Г. Гаджиева)

Рис. 26. Могильник Гинчи. Склепы №№ 10-11: ход расчистки
(вид с юго-востока - фото М.Г. Гаджиева)

Рис. 27. Могильник Гинчи. Склеп № 11: ход расчистки
(вид с юга - фото М.Г. Гаджиева)

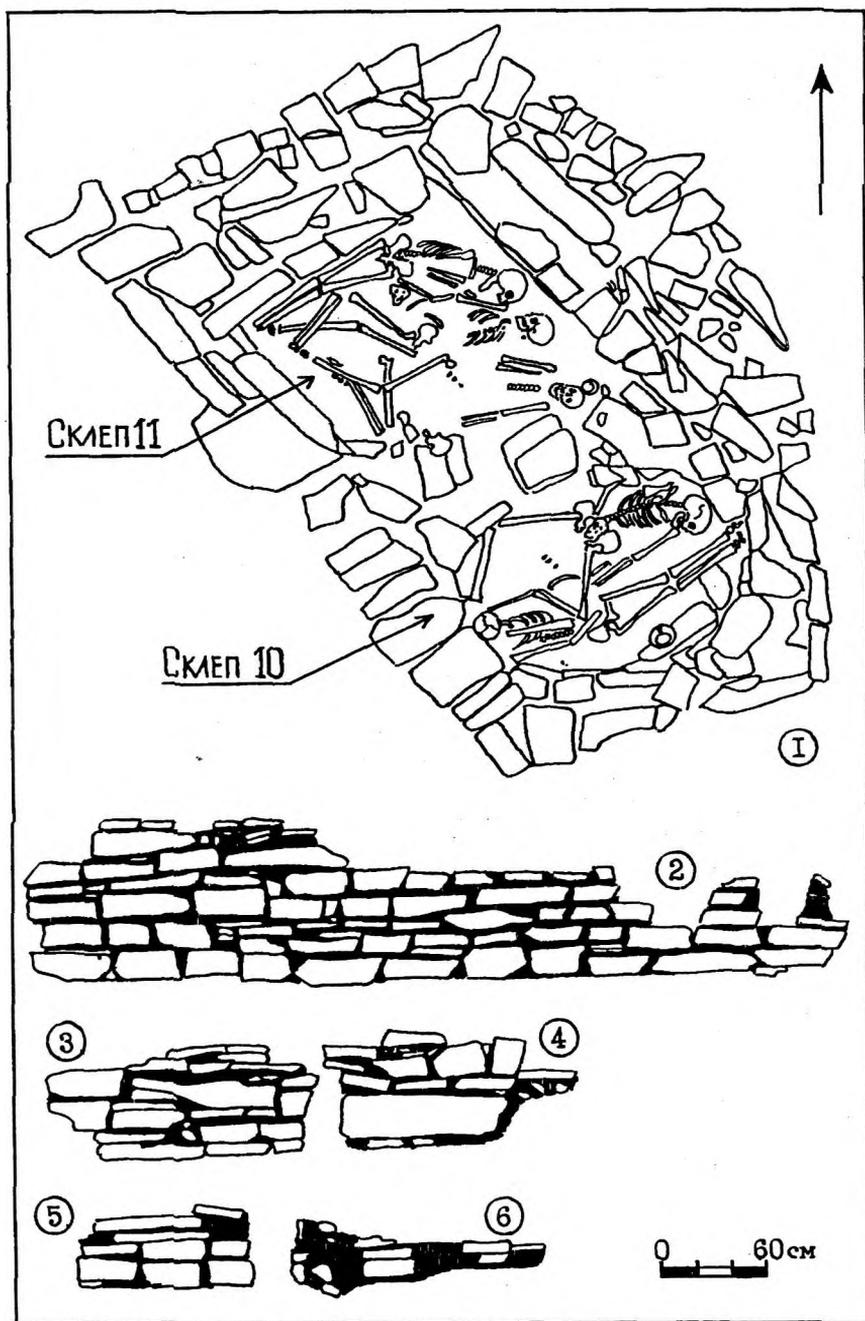

Рис. 28. Могильник Гинчи. Склепы №№ 10-11: план (1) и профили стен (2-6) - по М.Г. Гаджиеву.

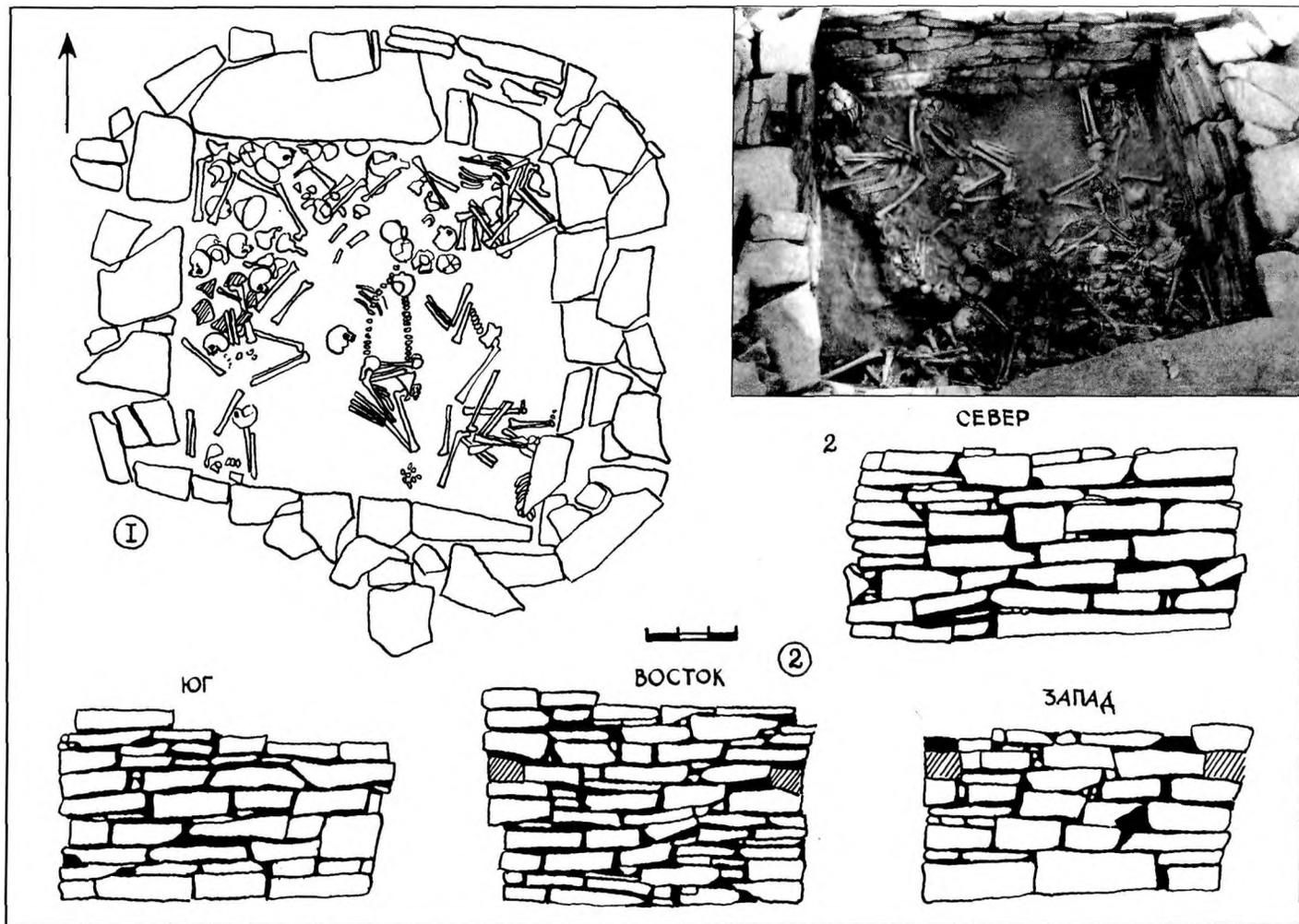

Рис. 29. Могильник Гинчи. Склеп №13:
 план (1), профили стен (2) и общий вид (с севера) на расчистки погребений (фото и чертежи М.Г. Гаджиева).

Рис. 30. Могильник Гинчи. Детская гробница № 1 (вид с востока - фото М.Г. Гаджиева)

Рис. 31. Могильник Гинчи. Детская гробница № 2 (вид с юга - фото М.Г. Гаджиева)

Рис. 32. Могильник Гинчи. Общий вид на кувшинные погребения
(фото М.Г. Гаджиева)

Рис. 33. Могильник Гинчи. Кувшинное погребение № 12
(вид с запада - фото М.Г. Гаджиева)

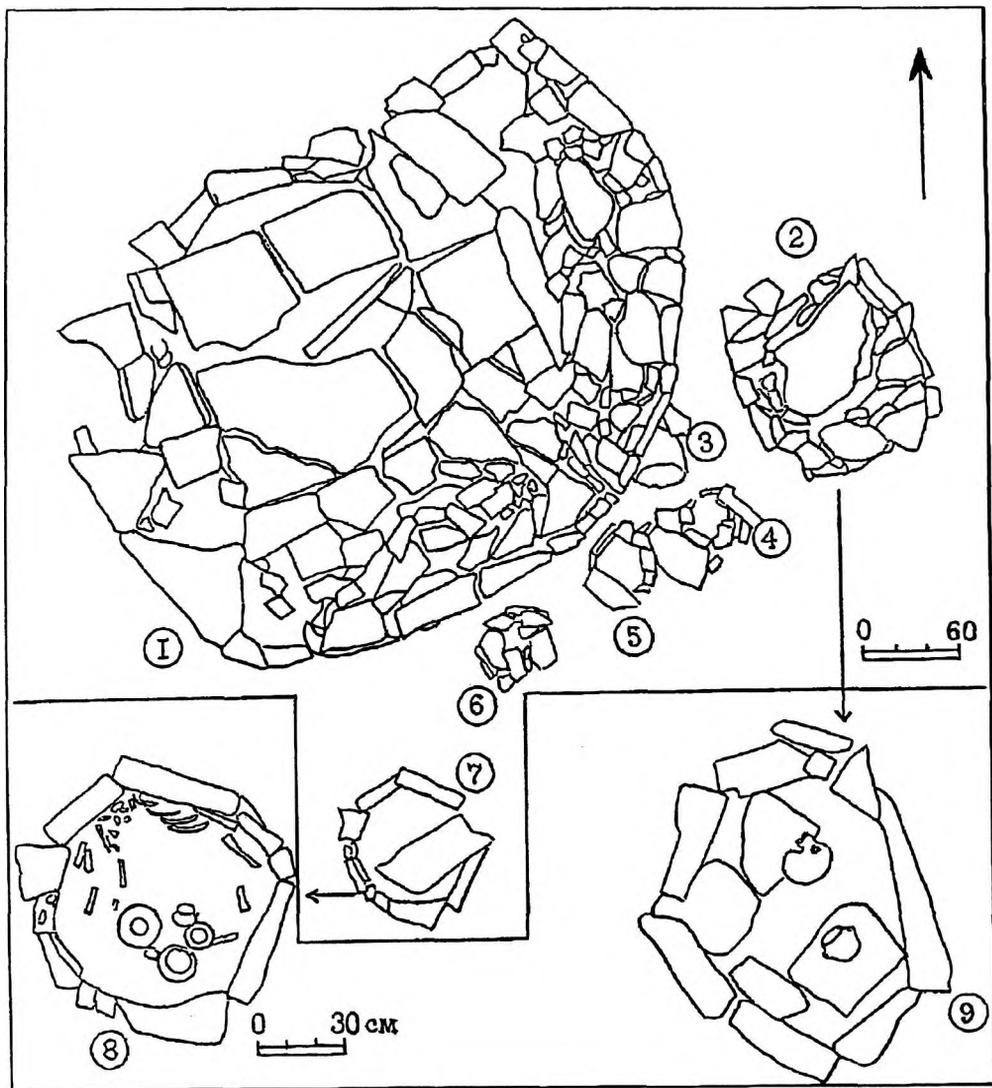

Рис. 34. Могильник Гинчи. Планы склепа № 9 (1), детских гробниц №№ 1-2 (2, 9 и 7,8) и кувшинных погребений №№ 11-14 (3-6) - по М.Г. Гаджиеву

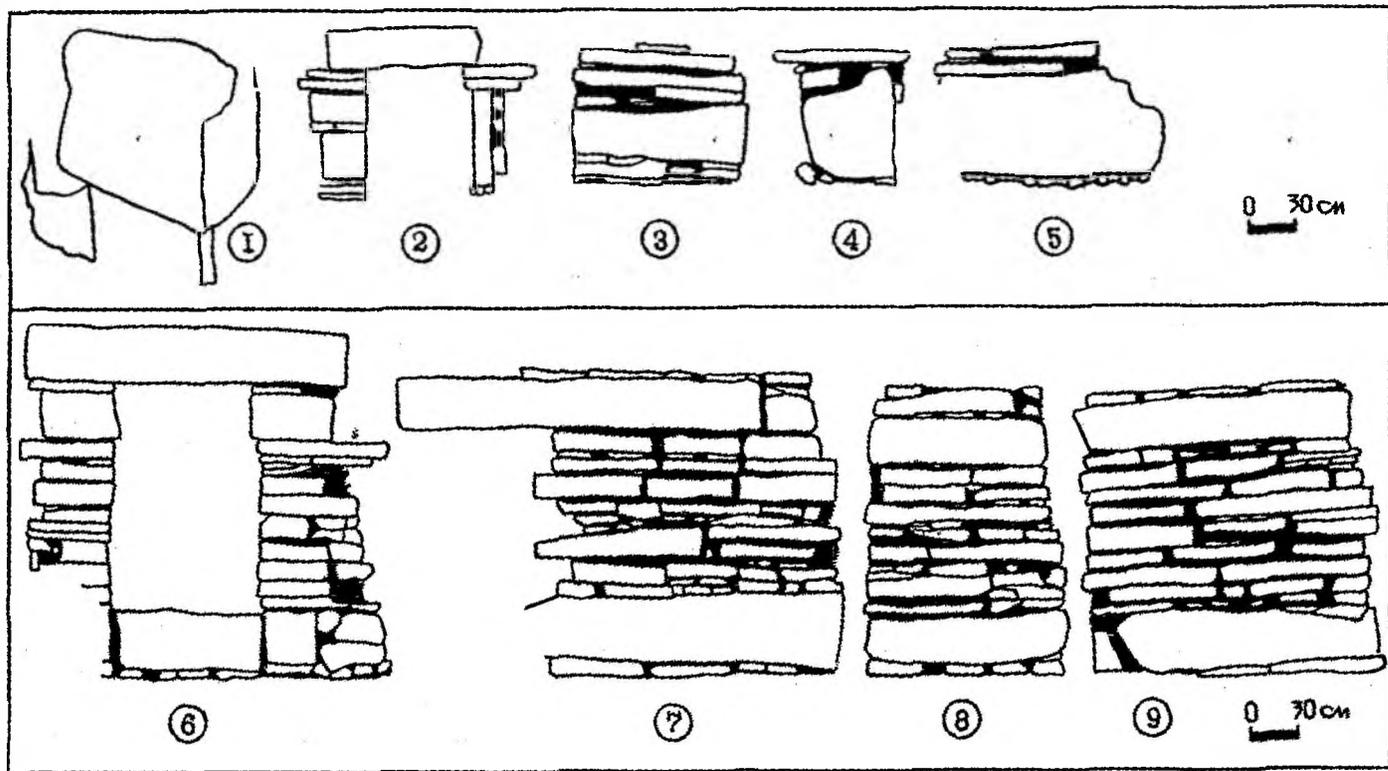

Рис. 35. Ирганайский могильник I. Планы и профили стен склепов
 №№ 1 (1-5) и 2 (6-9) - по Д.М. Атаеву и М.Н. Погребовой

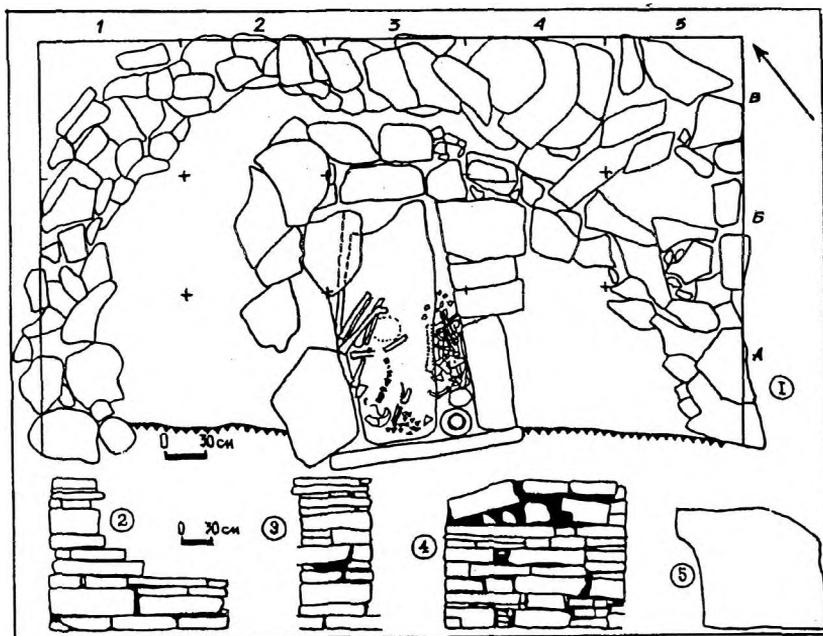

Рис. 36. Ирганайский могильник I. Склеп № 4: план (1) и профили стен (2-5) - по Д.М. Атаеву и М.Н. Погребовой и М.Г. Гаджиеву

Рис. 37. Ирганайский могильник I. Склеп № 4: зачистка кромлеха в 1989 г. (вид с северо-востока)

Рис. 38. Ирганайский могильник I. Склеп № 5: общий вид (вид с юго-востока)

Рис. 39. Ирганайский могильник I. Склеп № 5: вид с юго-запада на входную часть

instituteofhistory.ru

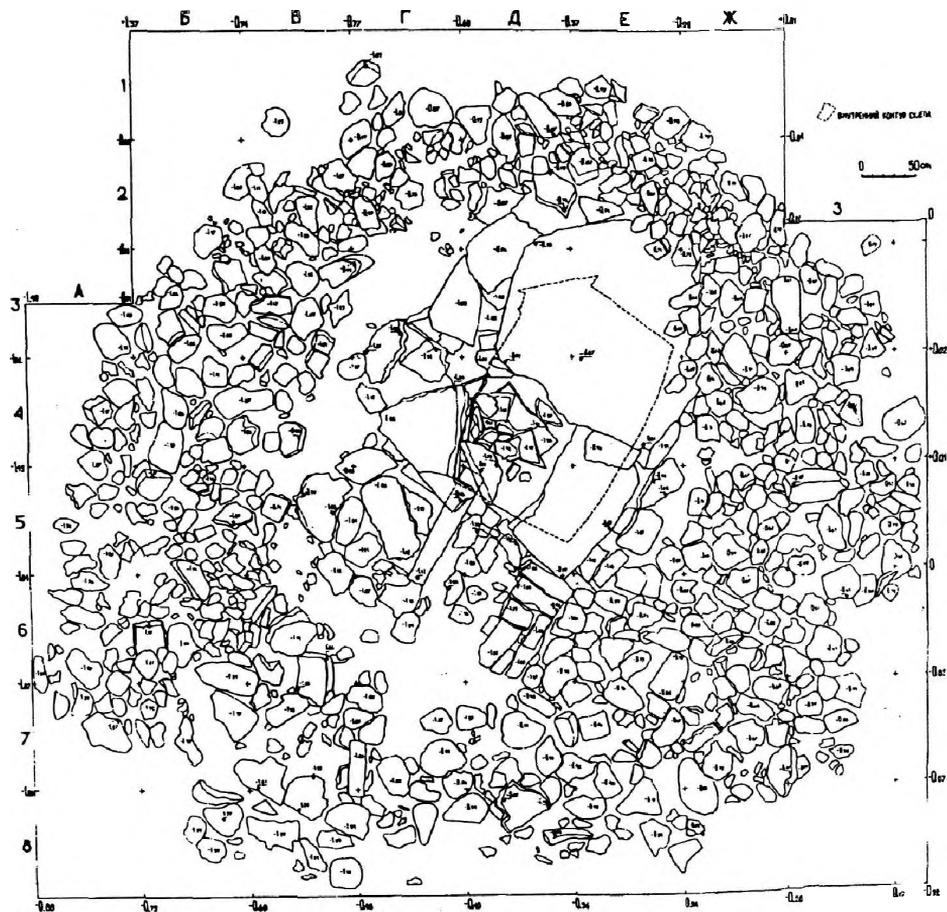

Рис. 40. Ирганайский могильник I. Склеп № 5; общий план (чертеж № 1)

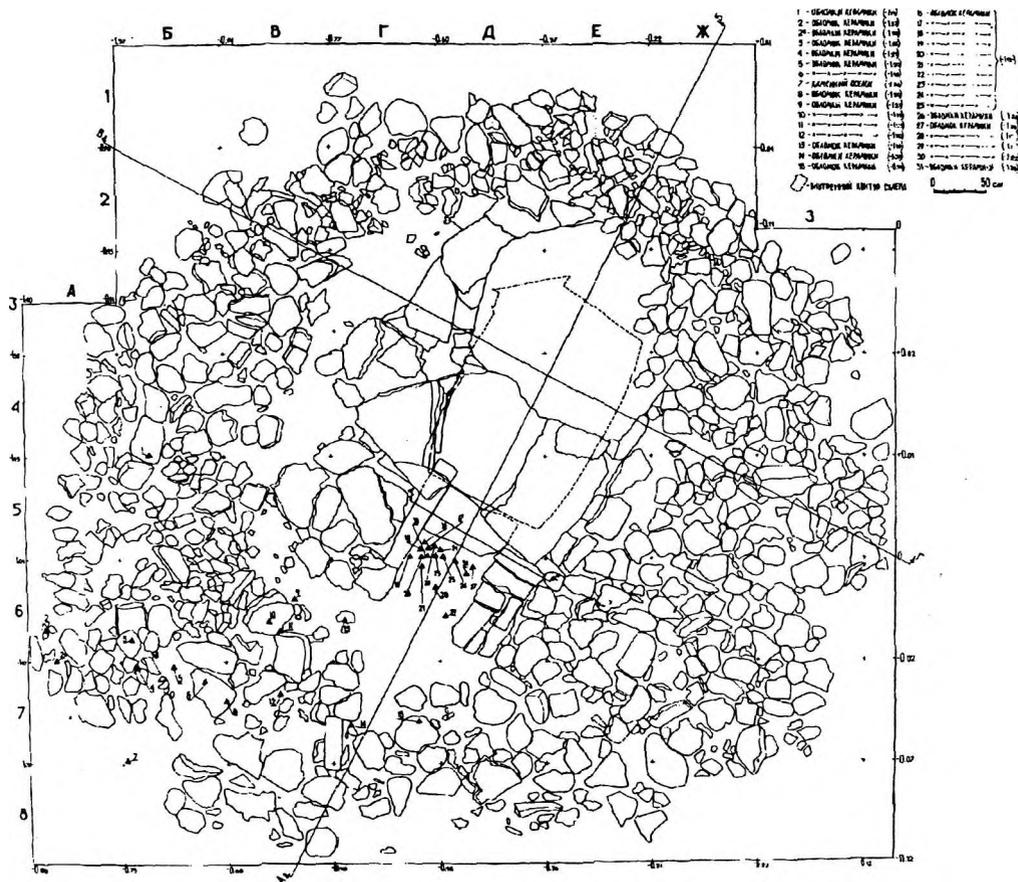

Рис. 41. Ирганайский могильник I. Склеп № 5: общий план (чертеж № 2)

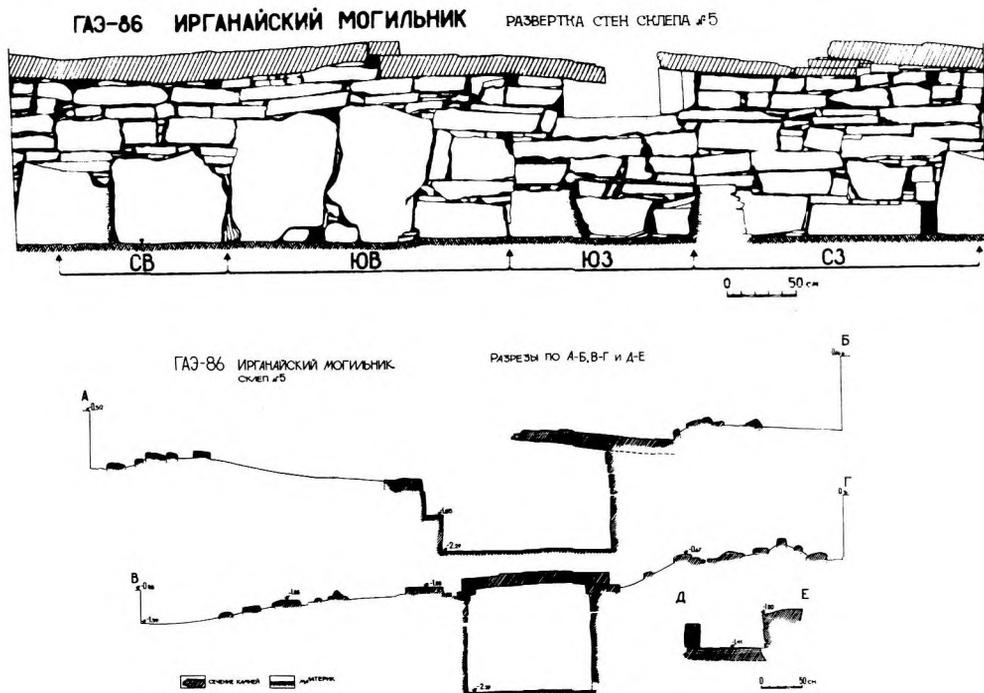

Рис. 42. Ирганайский могильник I. Склеп № 5: развертка стен (1) и разрезы (2-4)

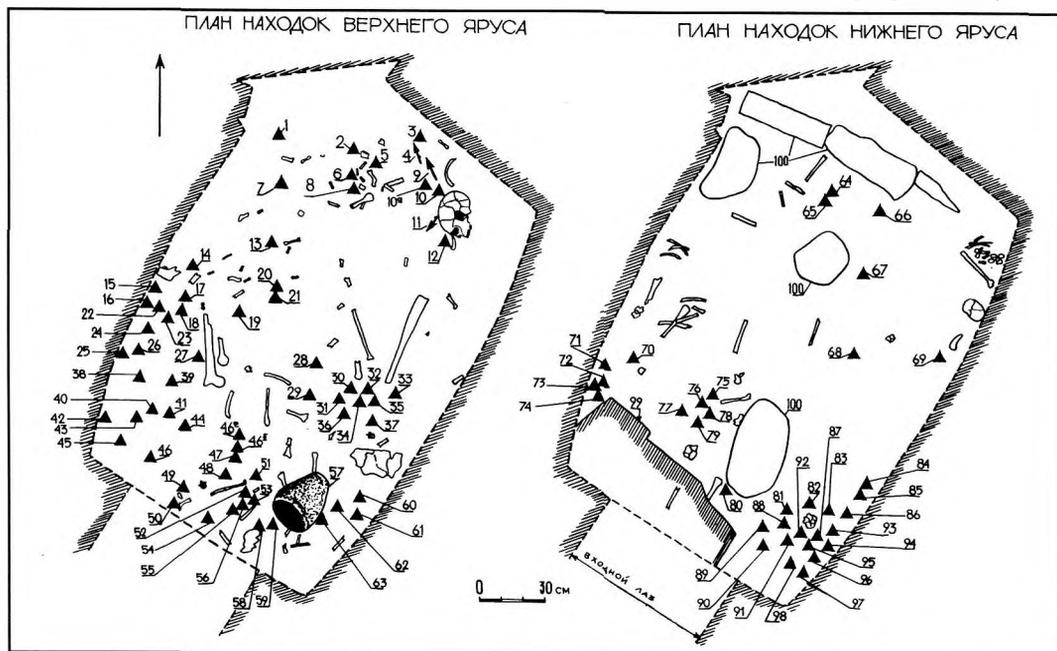

Рис. 43. Ирганайский могильник I. Склеп № 5: послынные планы расчистки (А, Б)

Рис. 44. Ирганайский могильник I. Склеп № 6:
общий вид (с северо-запада) расчистки каменной насыпи

Рис. 45. Ирганайский могильник I. Курган:
общий вид (с севера) каменной насыпи после расчистки

Рис. 46. Ирганайский могильник I. Курган: вид с юга на перекрытие склепа

Рис. 47. Ирганайский могильник I. Курган: вид (с запада) на дромос склепа

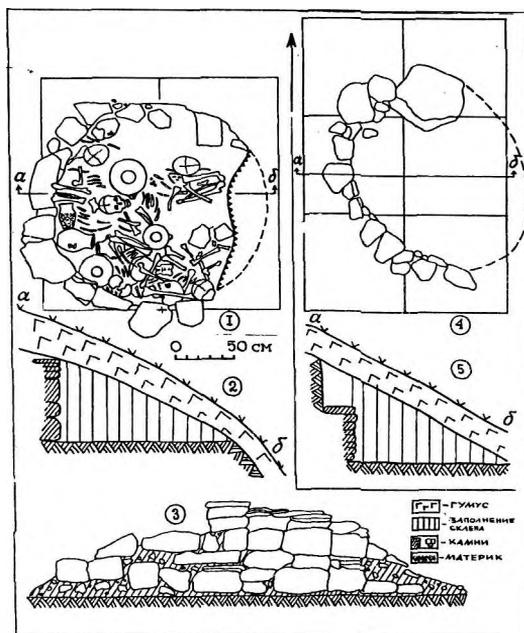

Рис. 48. Могильник Галгалатли. Склепы №№ 1
(1 - план, 2 - разрез, 3 - развертка стены) и 2 (4 - план, 5 - разрез)

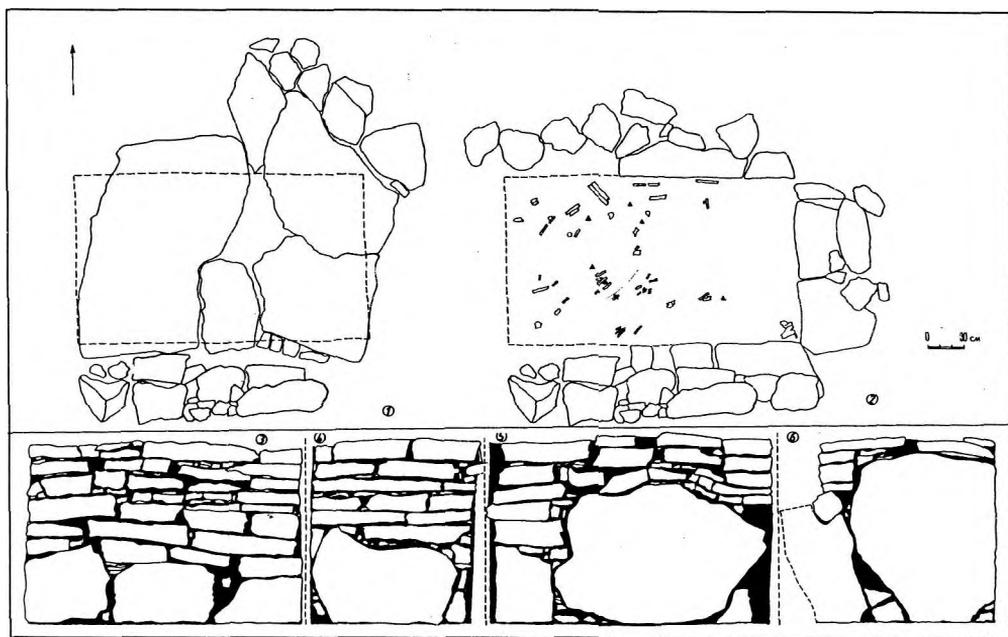

Рис. 49. Могильник Муги. Склеп № 1:
планы (1-2) и профили стен (3-6) - по Р.М. Мунчаеву

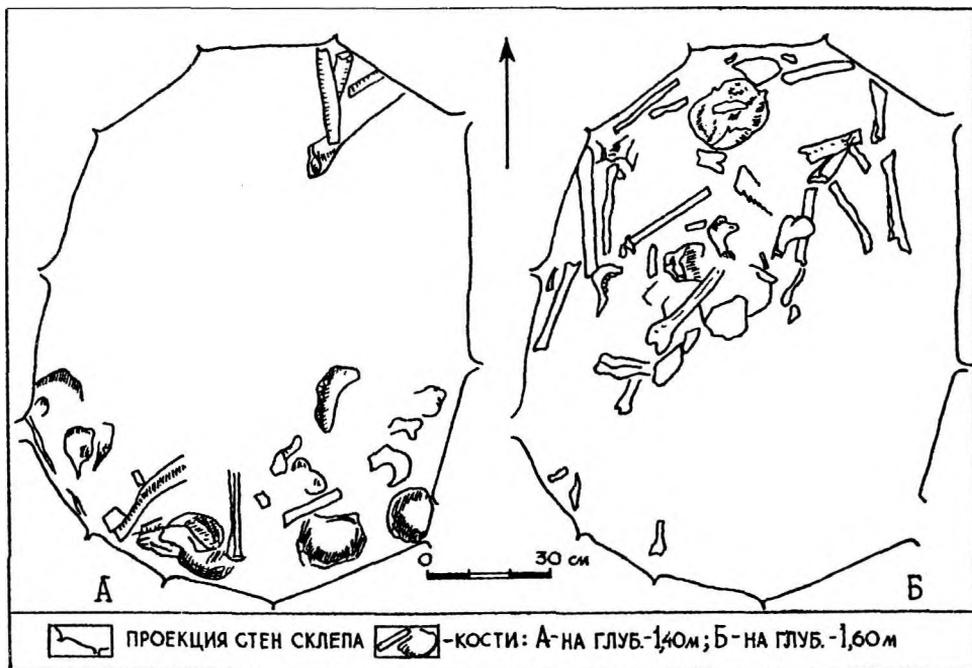

Рис. 50. Могильник Чох. Склеп № 3 : А, Б - послойные планы (по Р.М. Мунчаеву)

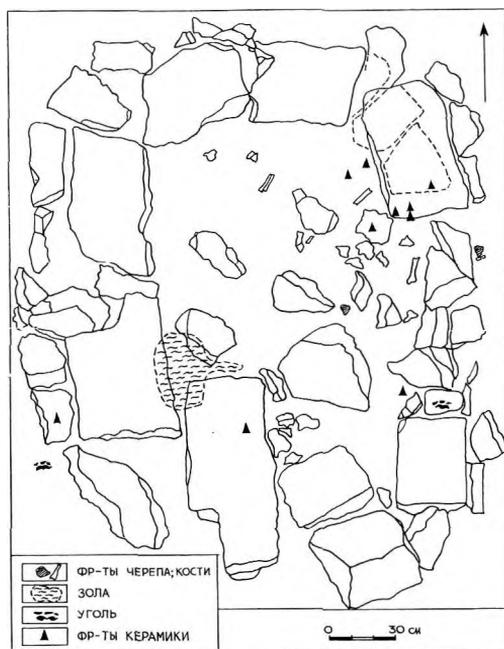

Рис. 51. Могильник Чох. Склеп № 1 : план (по Р.М. Мунчаеву)

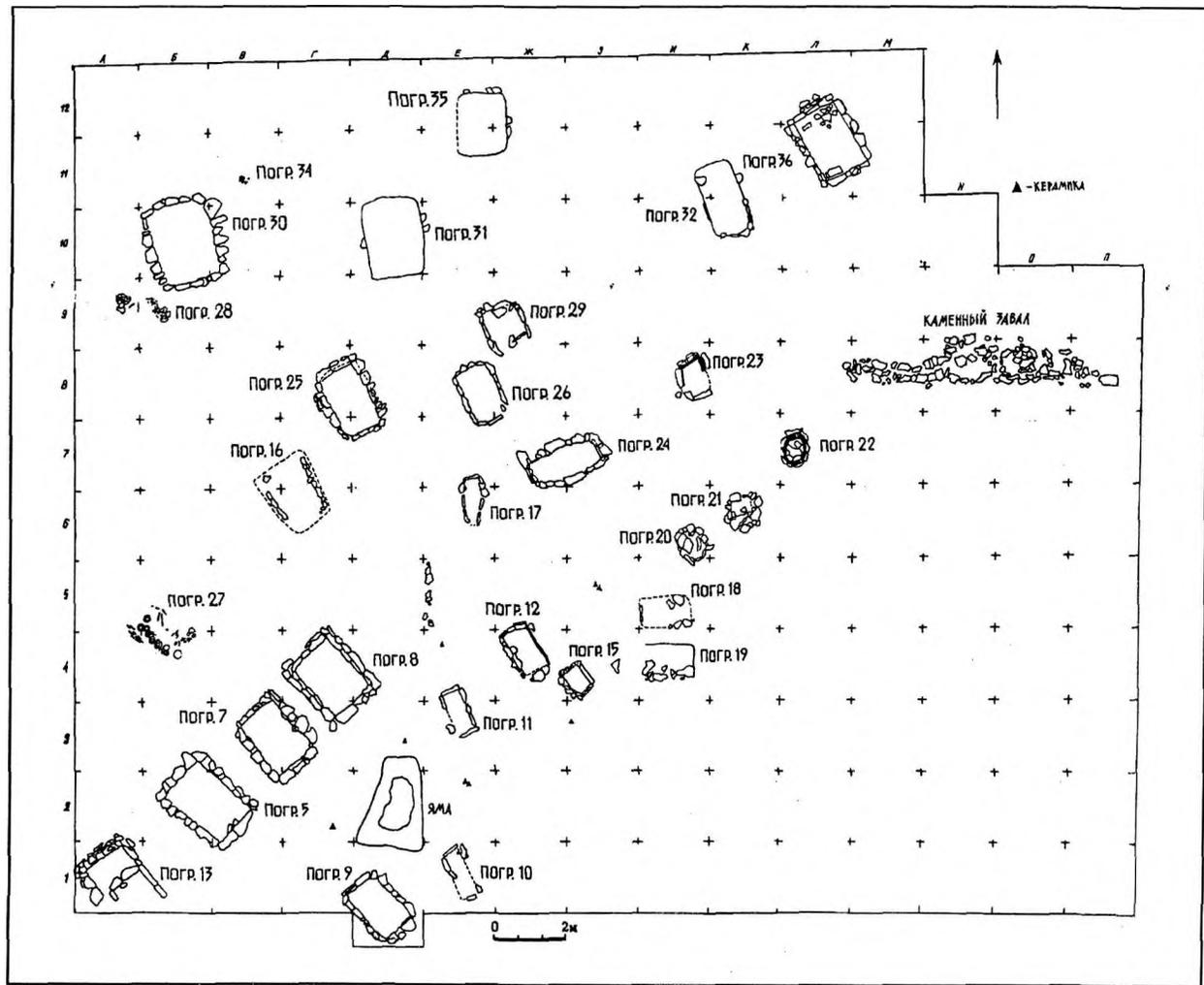

Рис. 52. Могильник Гатын-Кале. Общий план (по В.И. Марковину)

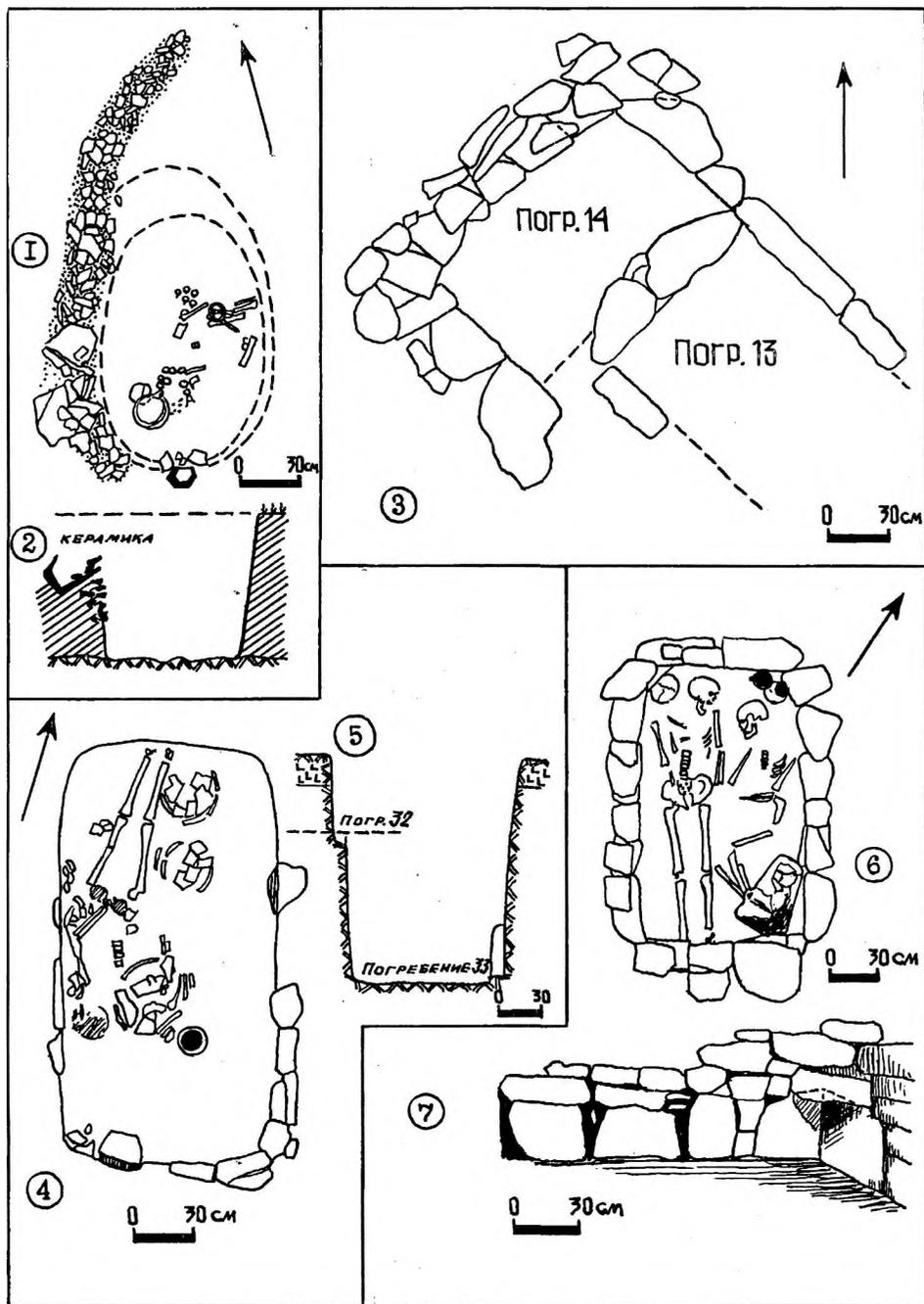

Рис. 53. Могильник Гатын-Кале. Погребения №№ 1 (1-2), 9 (6 - план, 7 - профиль стены), 13 и 14 (3 - план), 33 (4 - план, 5 - разрез) - по В.И. Марковину

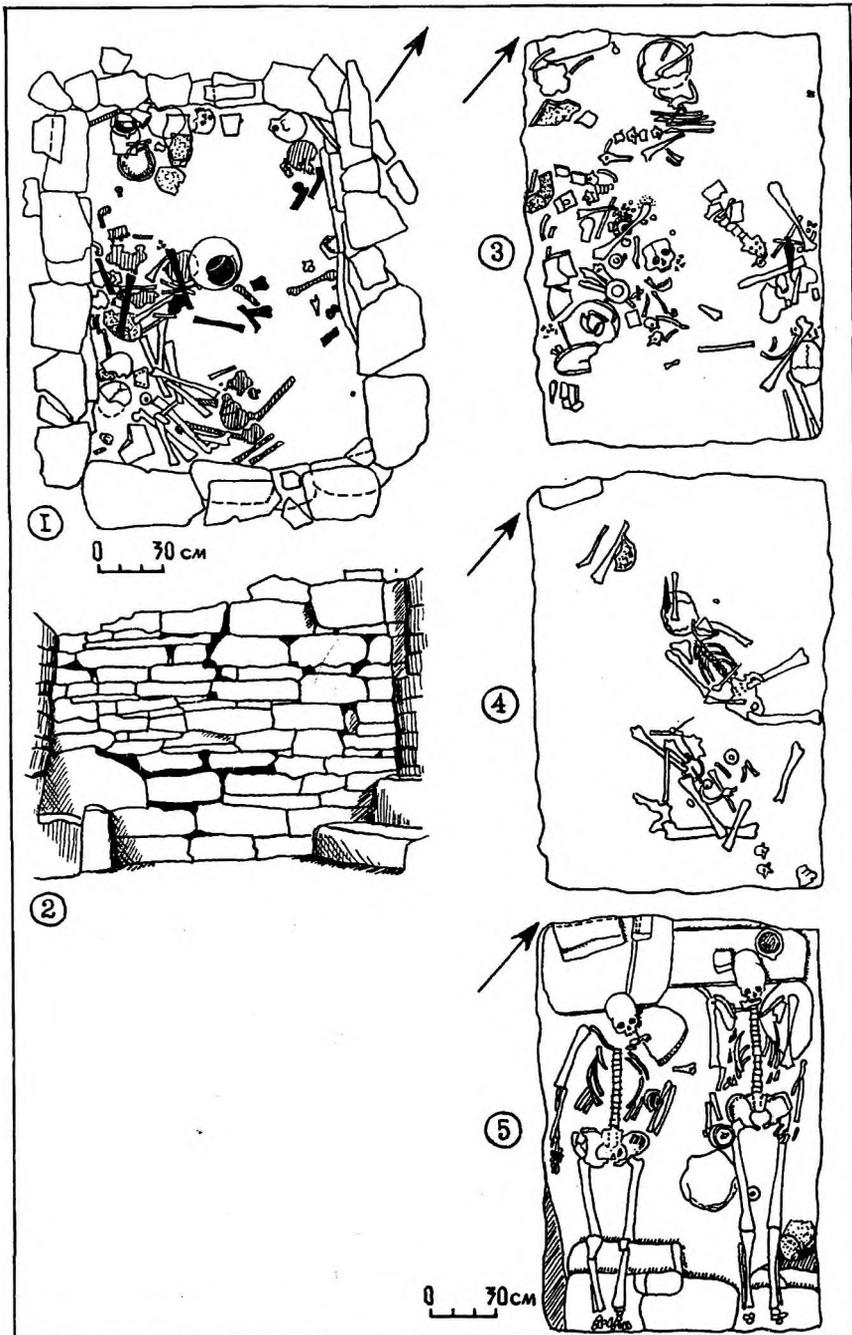

Рис. 54. Могильник Гатын-Кале. Погребение № 7: послойные планы (1, 3-5) и профиль стены (2) - по В.И. Марковину

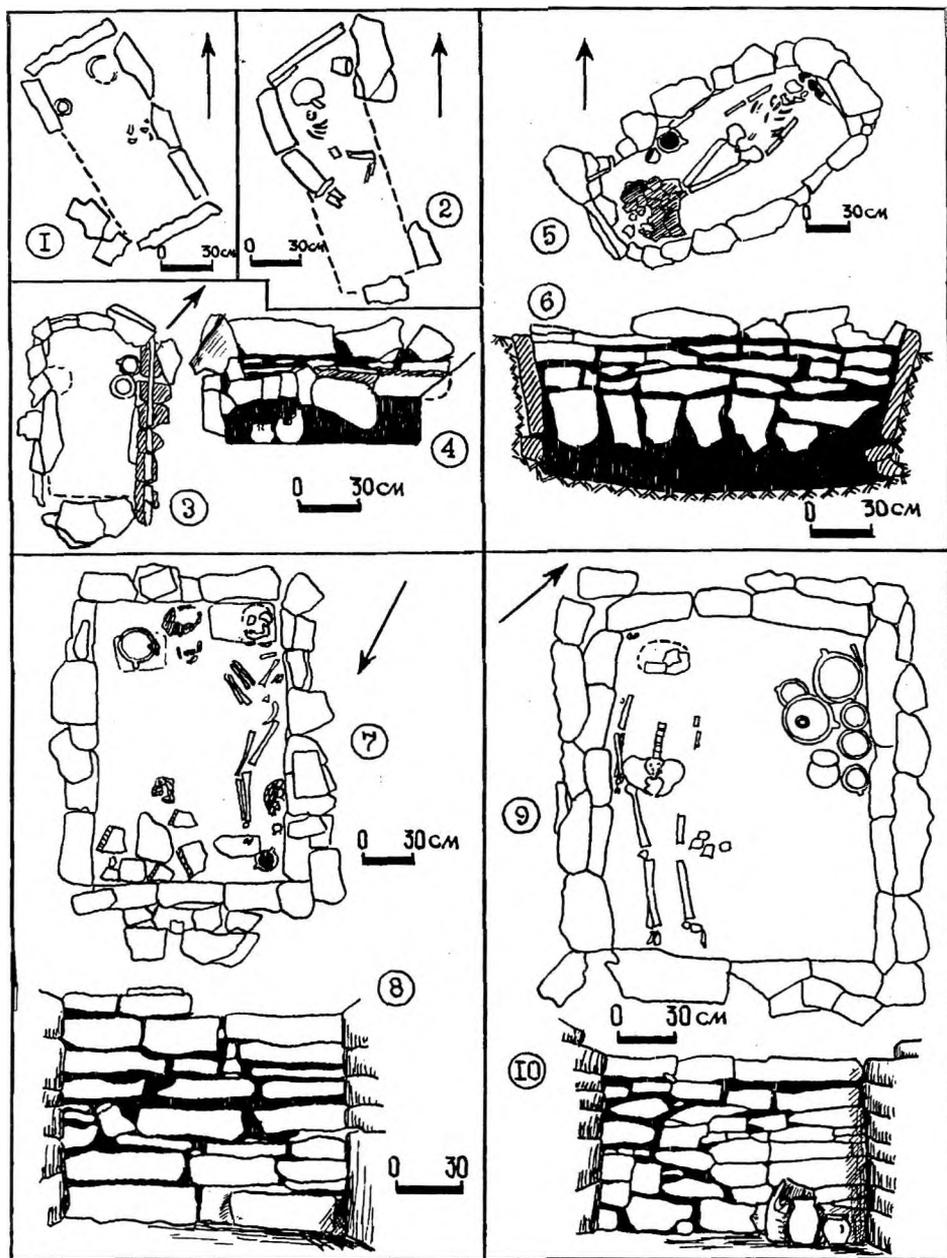

Рис. 55. Могильник Гатын-Кале. Погребения №№ 8 (9 - план, 10 - развертка стены), 10 (2 - план), 11 (1 - план), 12 (3 - план, 4 - профиль стены), 24 (5 - план, 6 - профиль стены) и 36 (7 - план, 8 - профиль стены) - по В.И. Марковину

instituteofhistory.ru

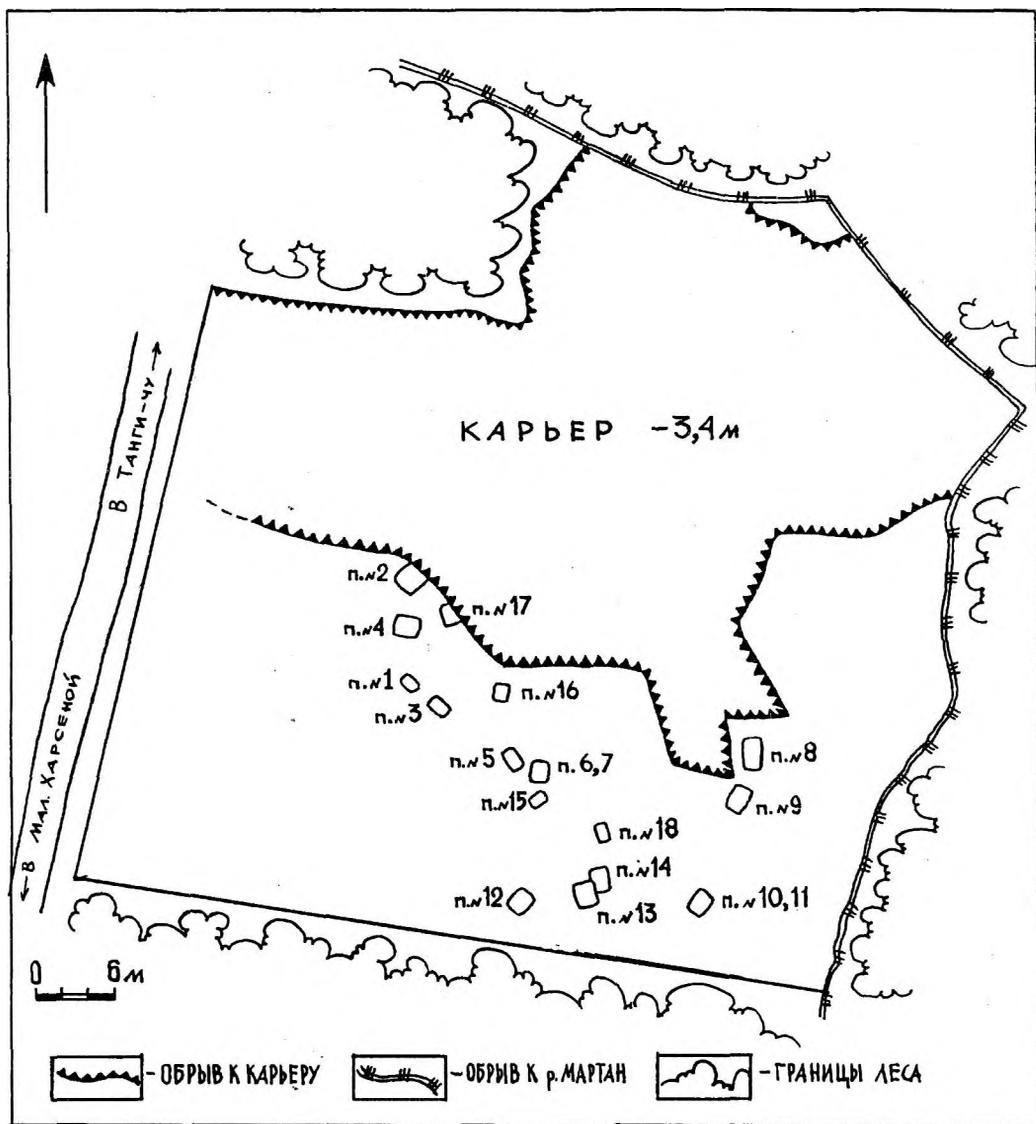

Рис. 56. Топоплан Малохарсеноевского могильника (по В.И. Марковину)

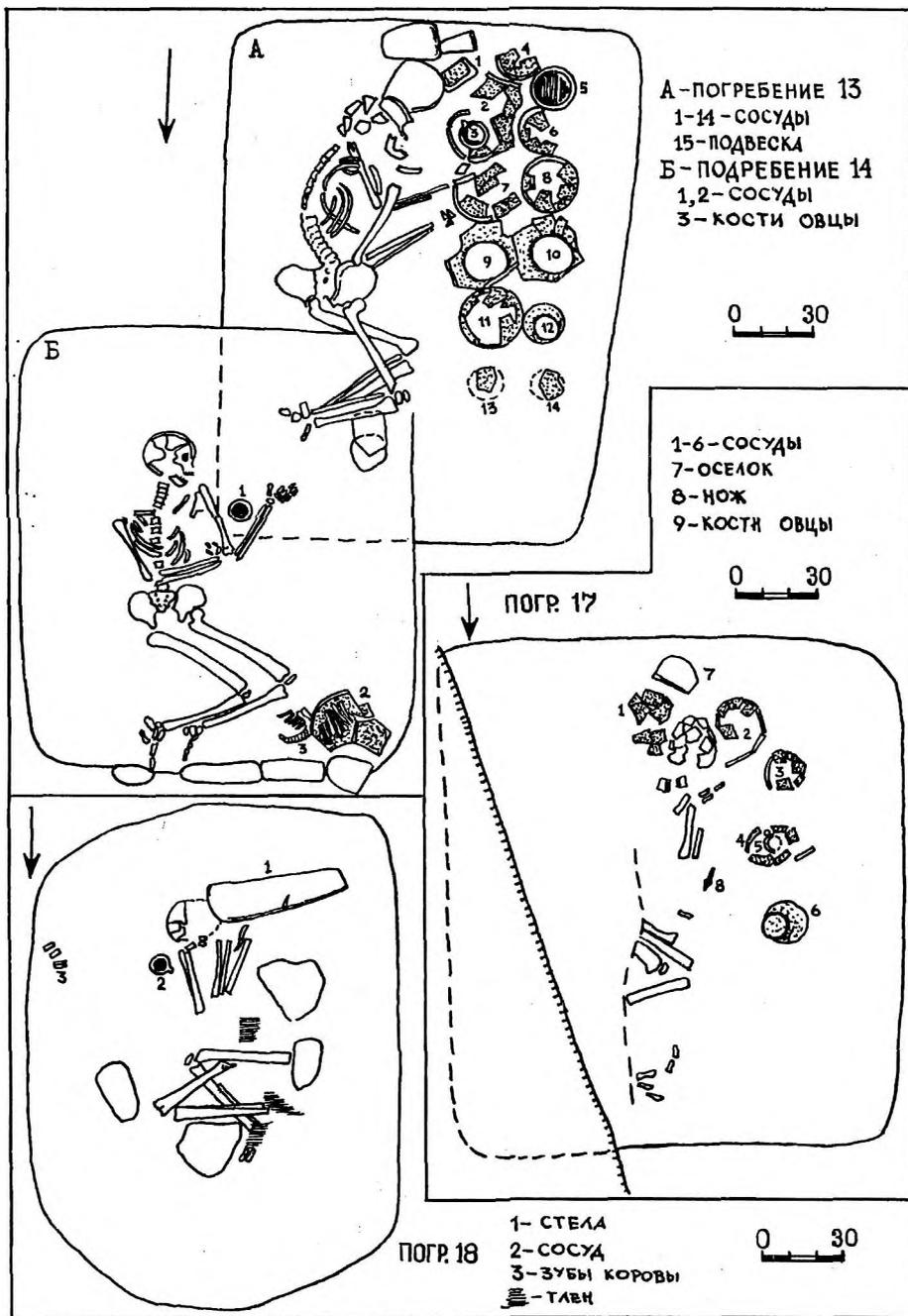

Рис. 57. Малохарсеноевский могильник. Планы погребений №№ 13, 14, 17 и 18 (по В.И. Марковину)

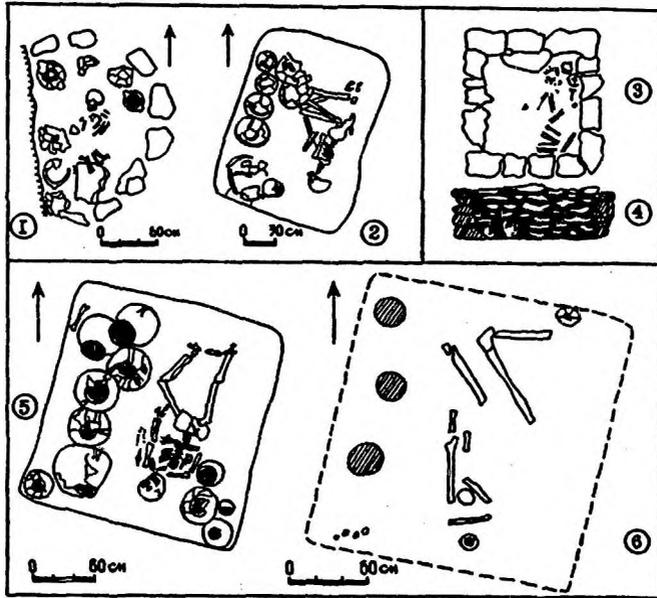

Рис. 58. Планы погребений могильников: Малый Харсеной - 1, 2 (по В.И.Марковину), Дай (3-4 - по М.Х. Ошаеву) и Саади-Котар (5-6 - М.Х. Багаеву)

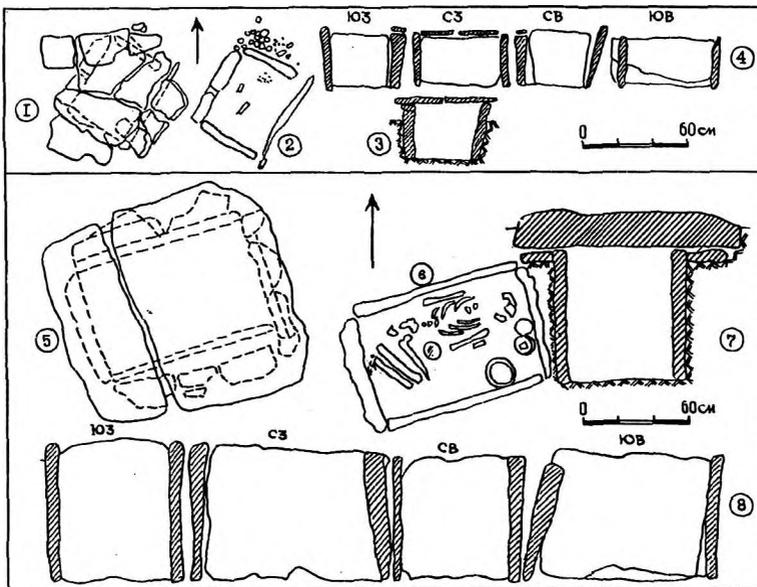

Рис. 59. Могильник Бельты. Погребения №№ 3 (5-6 - планы, 7 - разрез, 8 - профили стен) и 9 (1-2 - планы, 3 - разрез, 4 - профили стен) - по В.А.Петренко

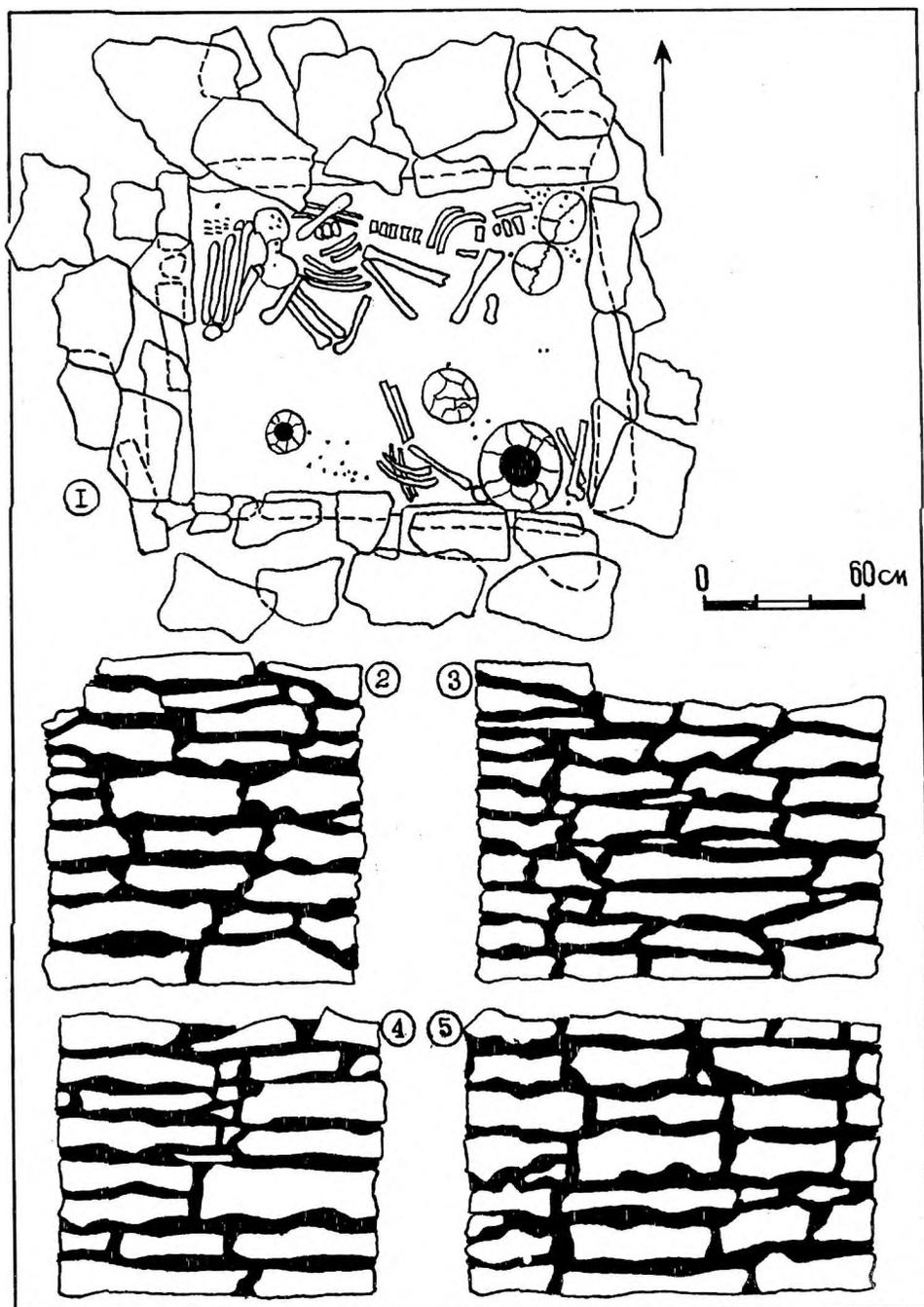

Рис. 60. Могильник Бельты. Погребение № 10: 1 - план, 2-5 - профили стен (по В.А. Петренко)

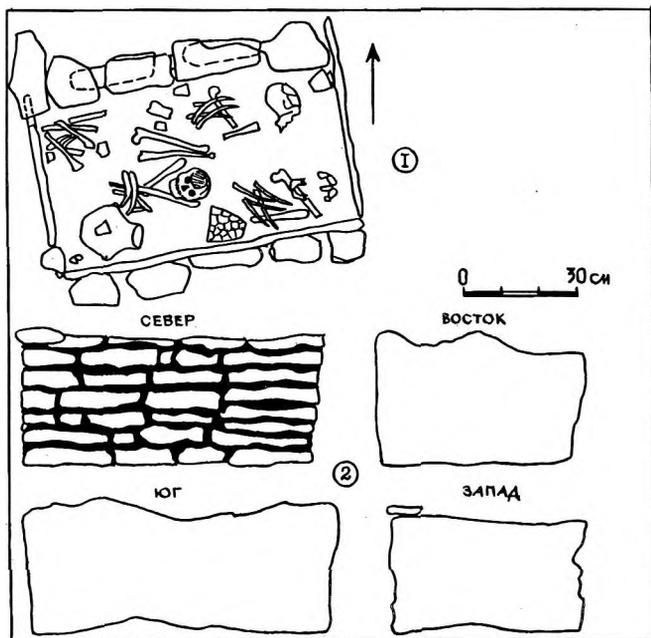

Рис. 61. Могильник Бельты. Погребение № 12:1 - план, 2 - профили стен (по В.А.Петренко)

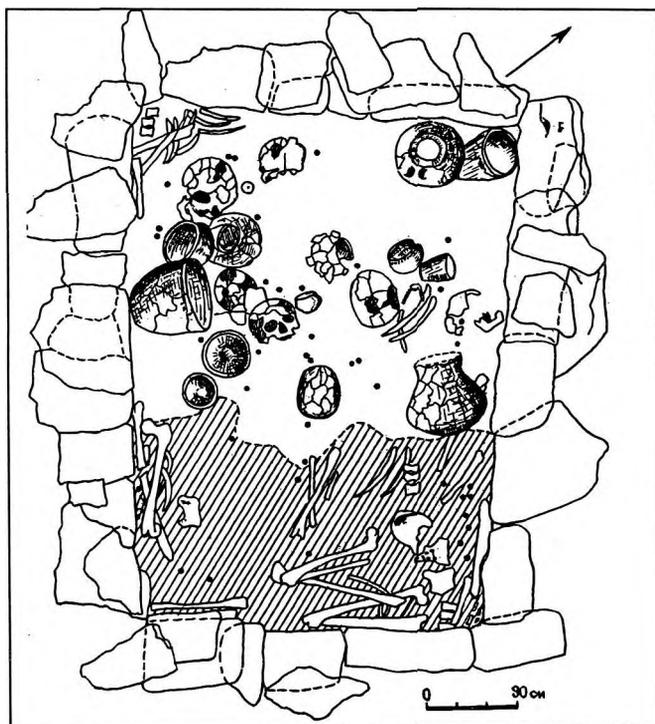

Рис. 62. Могильник Бельты. План погребения № 14 (В.Б.Виноградову)

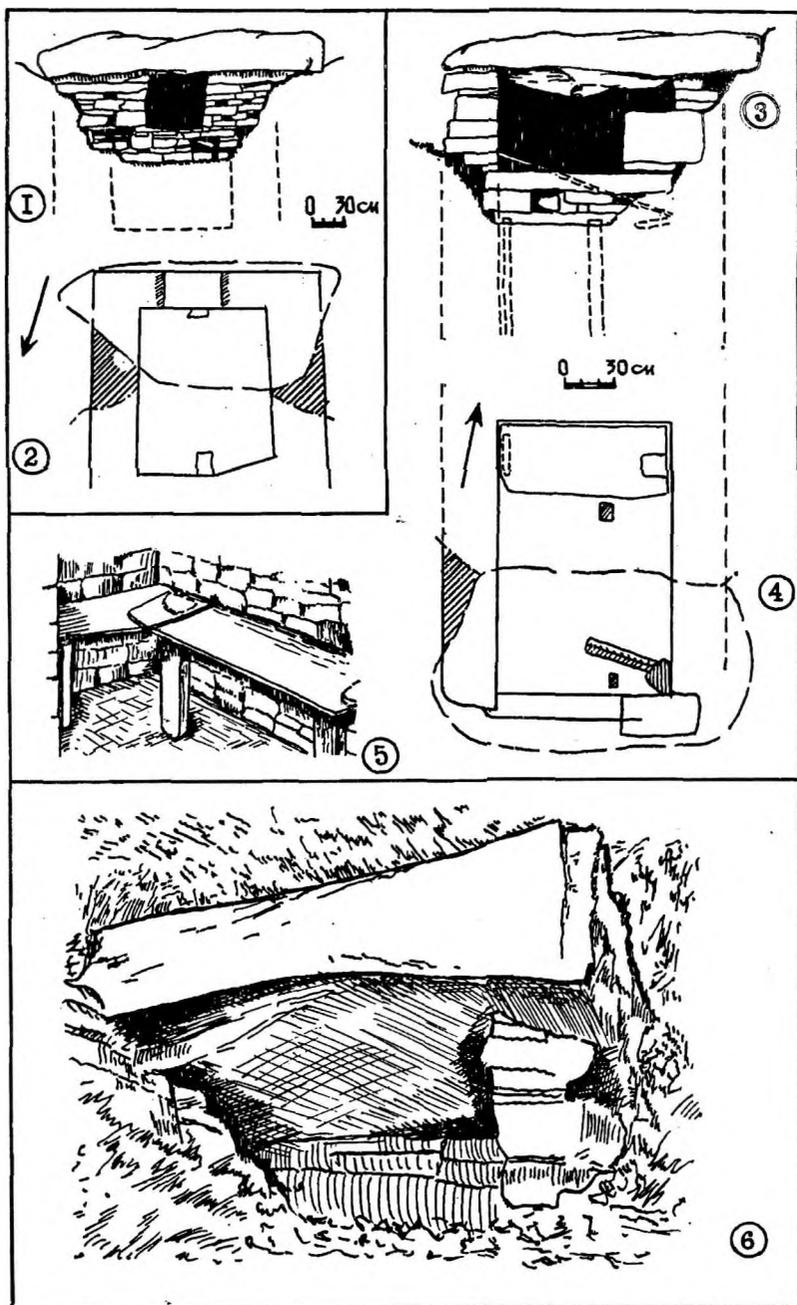

Рис. 63. Эгикальский могильник. Склепы №№ 1 (1 - профиль входной части, 2 - план), 2 (3 - профиль входной части, 4 - план, 5 - полки вдоль стен) и 3 (6 - зарисовка входной части) - по В.И. Марковину

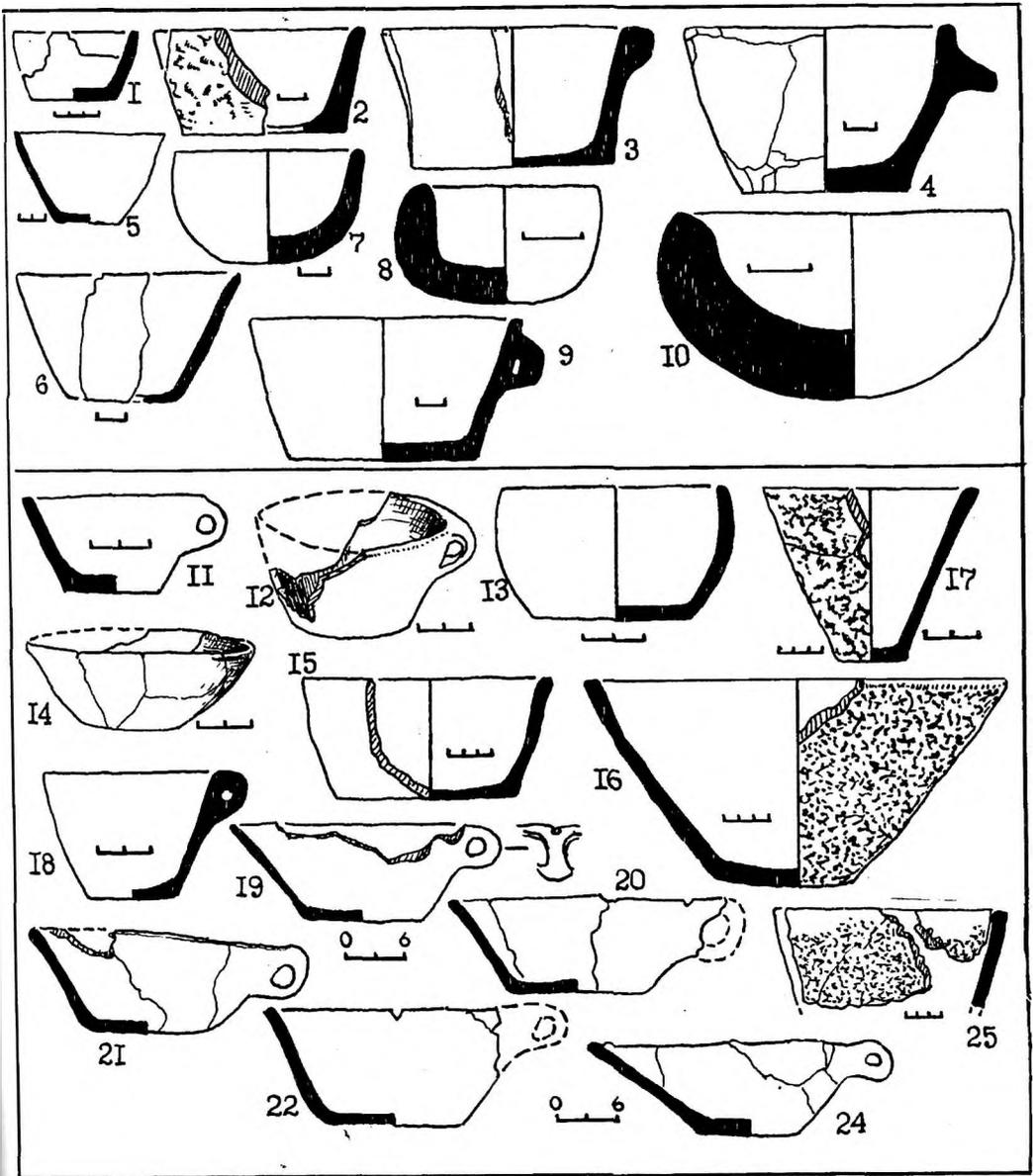

Рис. 64. Керамика (плошки, миски) памятников Горного Дагестана

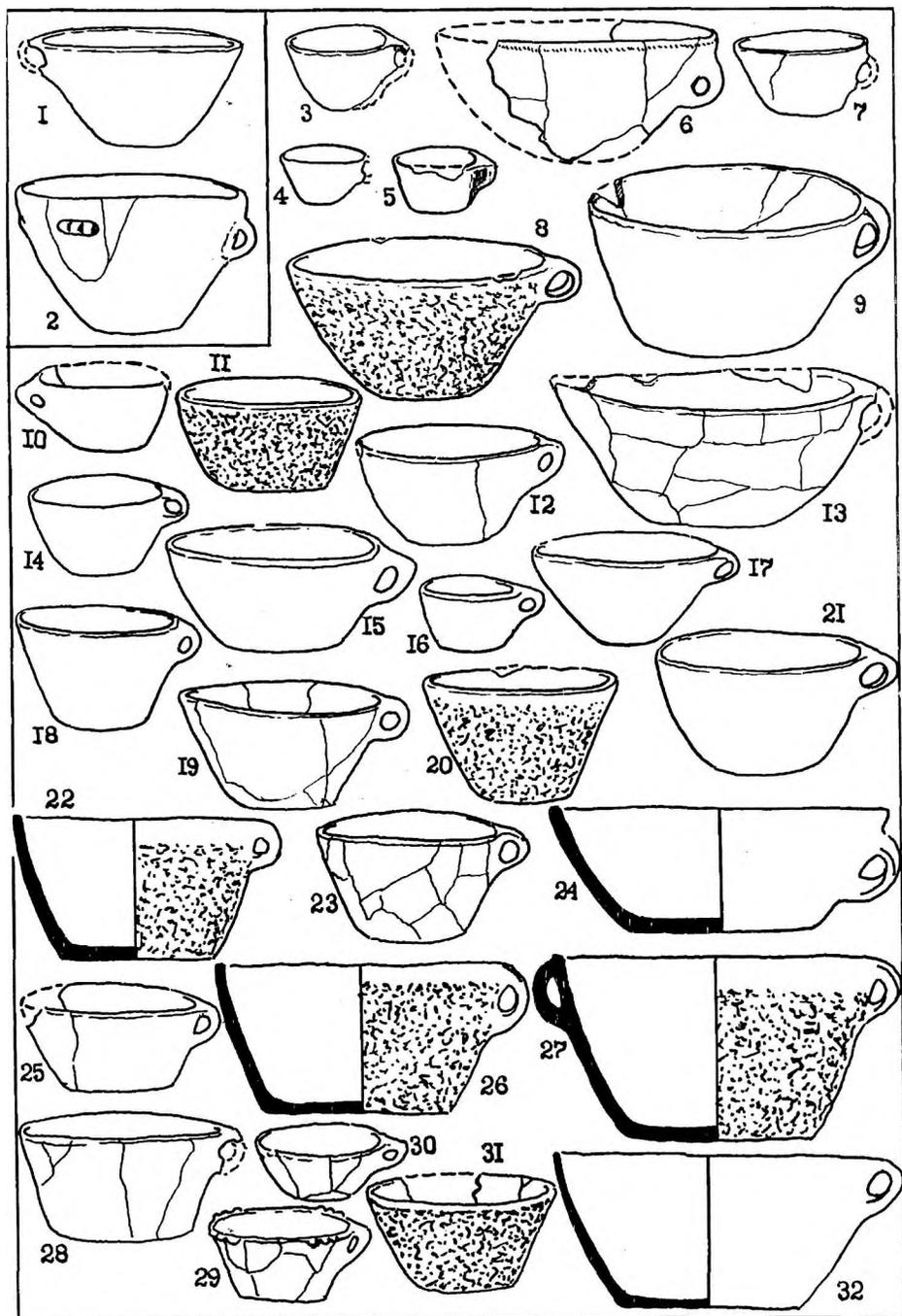

Рис. 65. Керамика (миски, чаши) Горного Дагестана

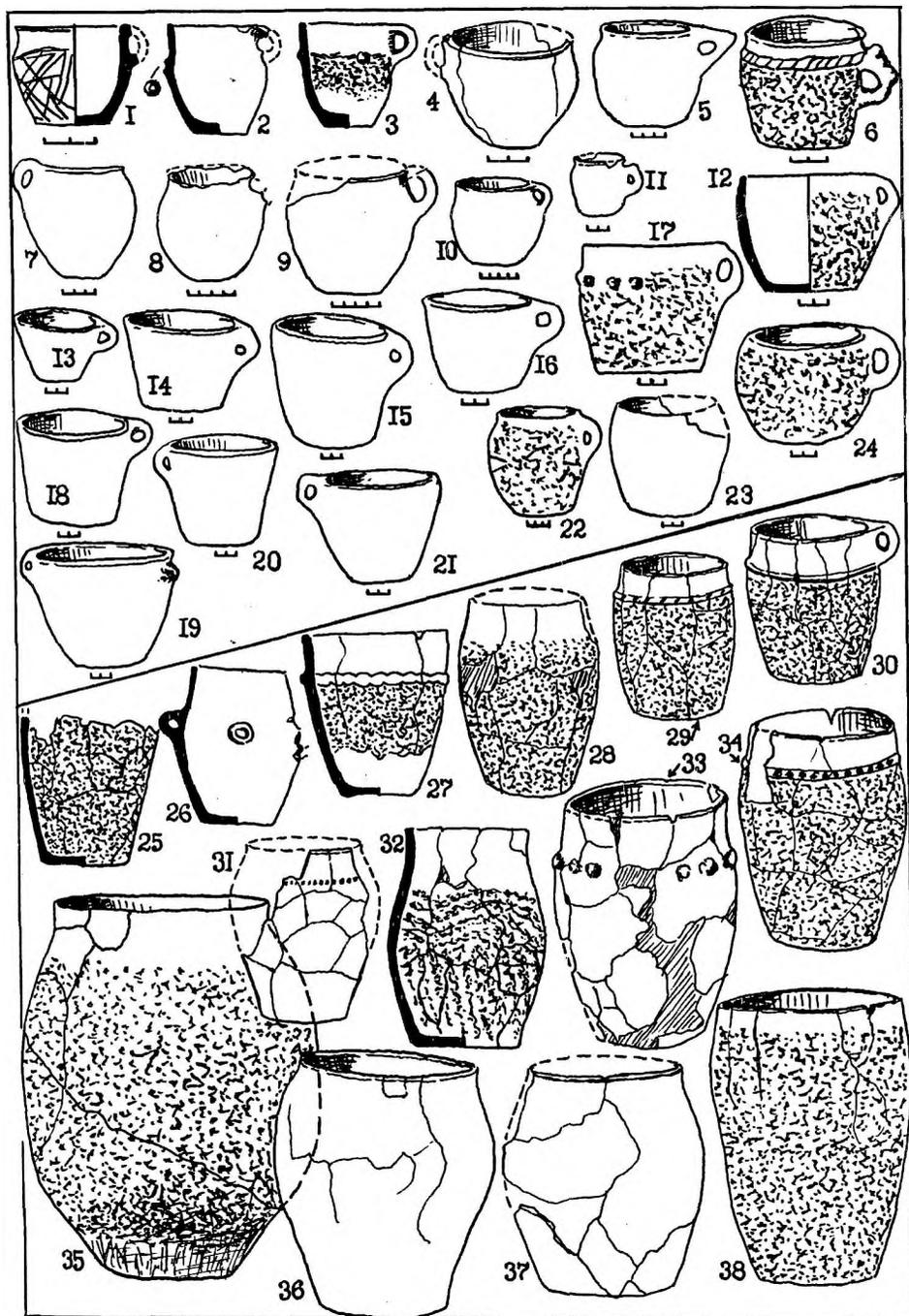

Рис. 66. Керамика (кружки, банки, ведерки) памятников Горного Дагестана

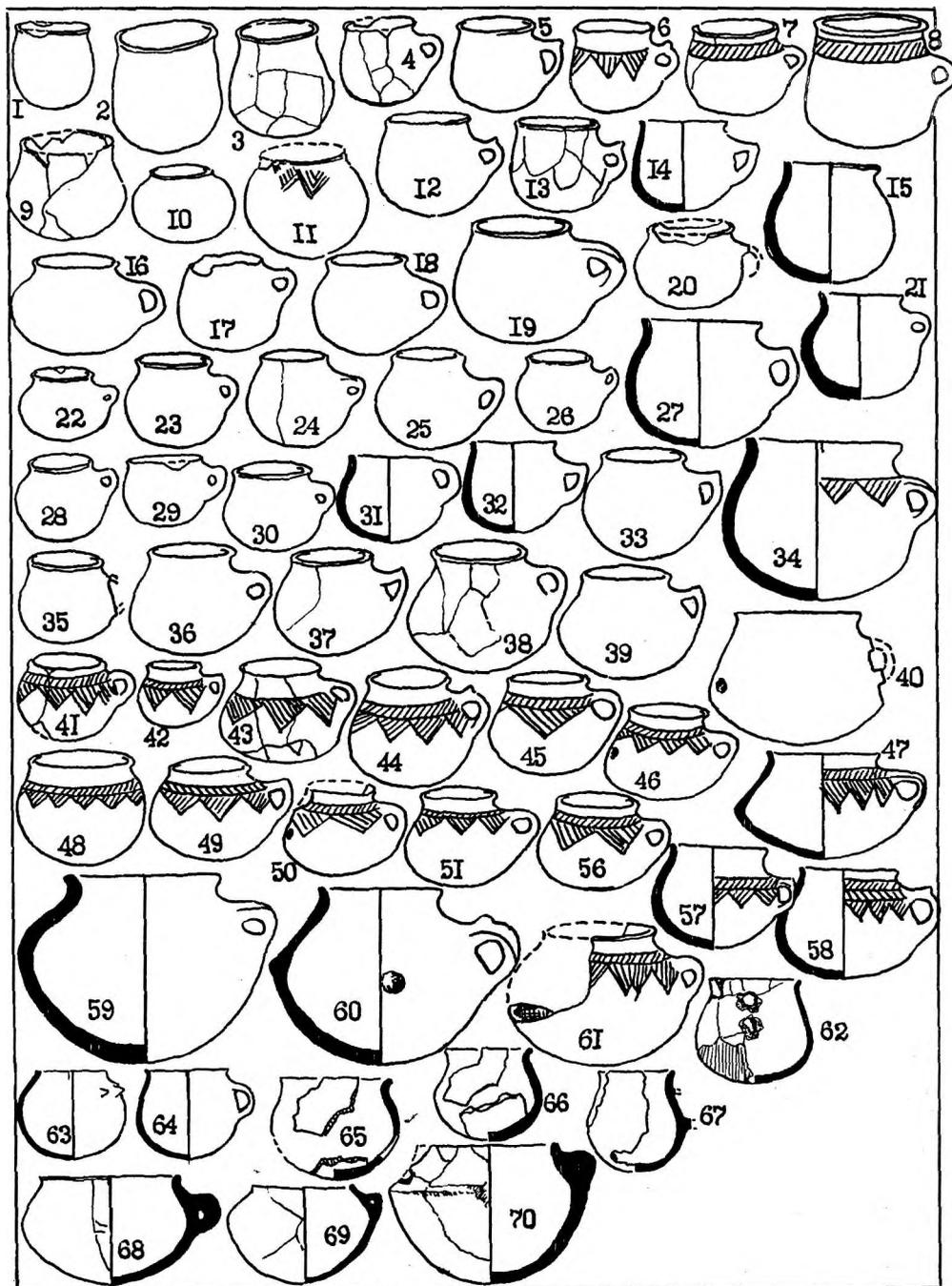

Рис. 67. Керамика (кружки, горшочки) памятников Горного Дагестана

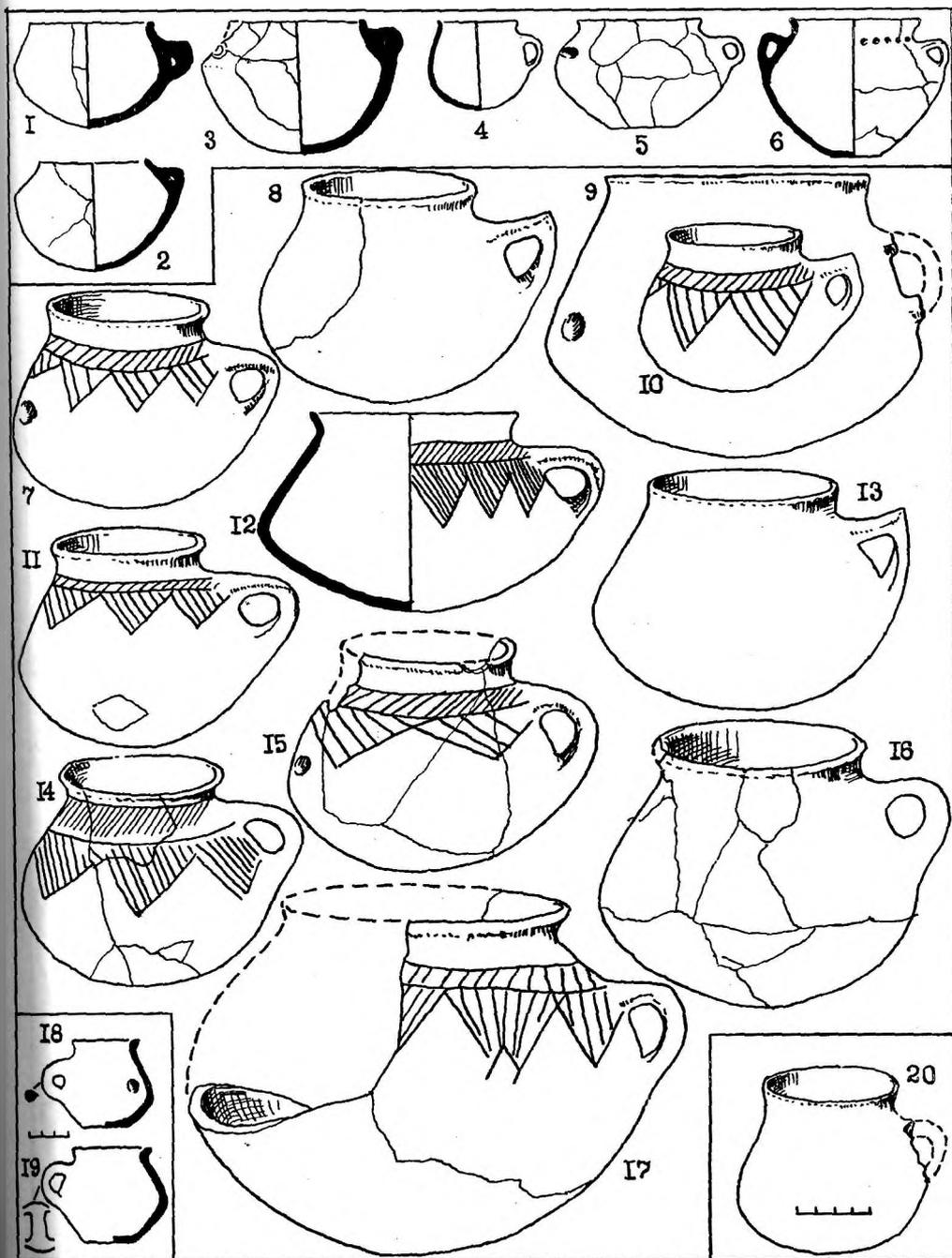

Рис. 68. Керамика (кружки, горшочки) памятников Горного (1-17) и Равнинного (18-19) Дагестана

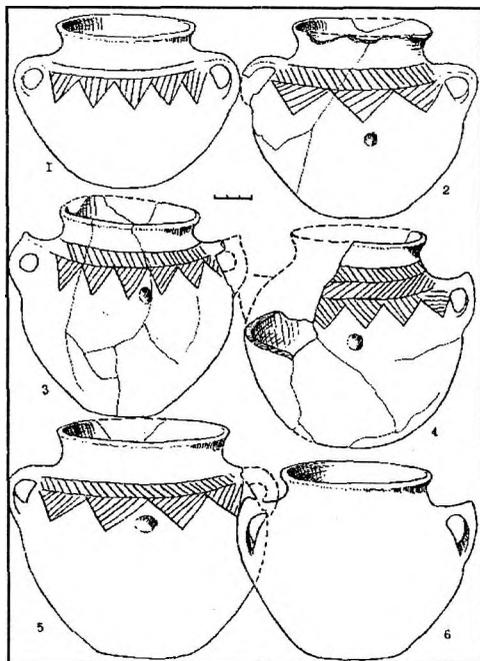

Рис. 69. Керамика (горшки) памятников Горного Дагестана

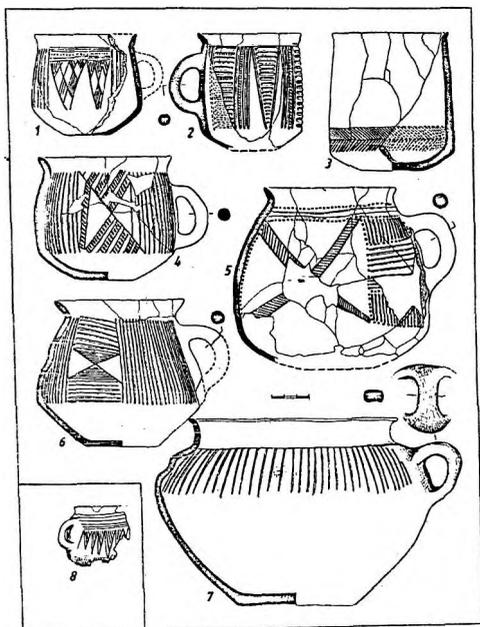

Рис. 70. Керамика алазано-беденского импорта, найденная на территории Дагестана (1 - Тинди, 2-5, 7-8 - Великент, 6 - Чиркей)

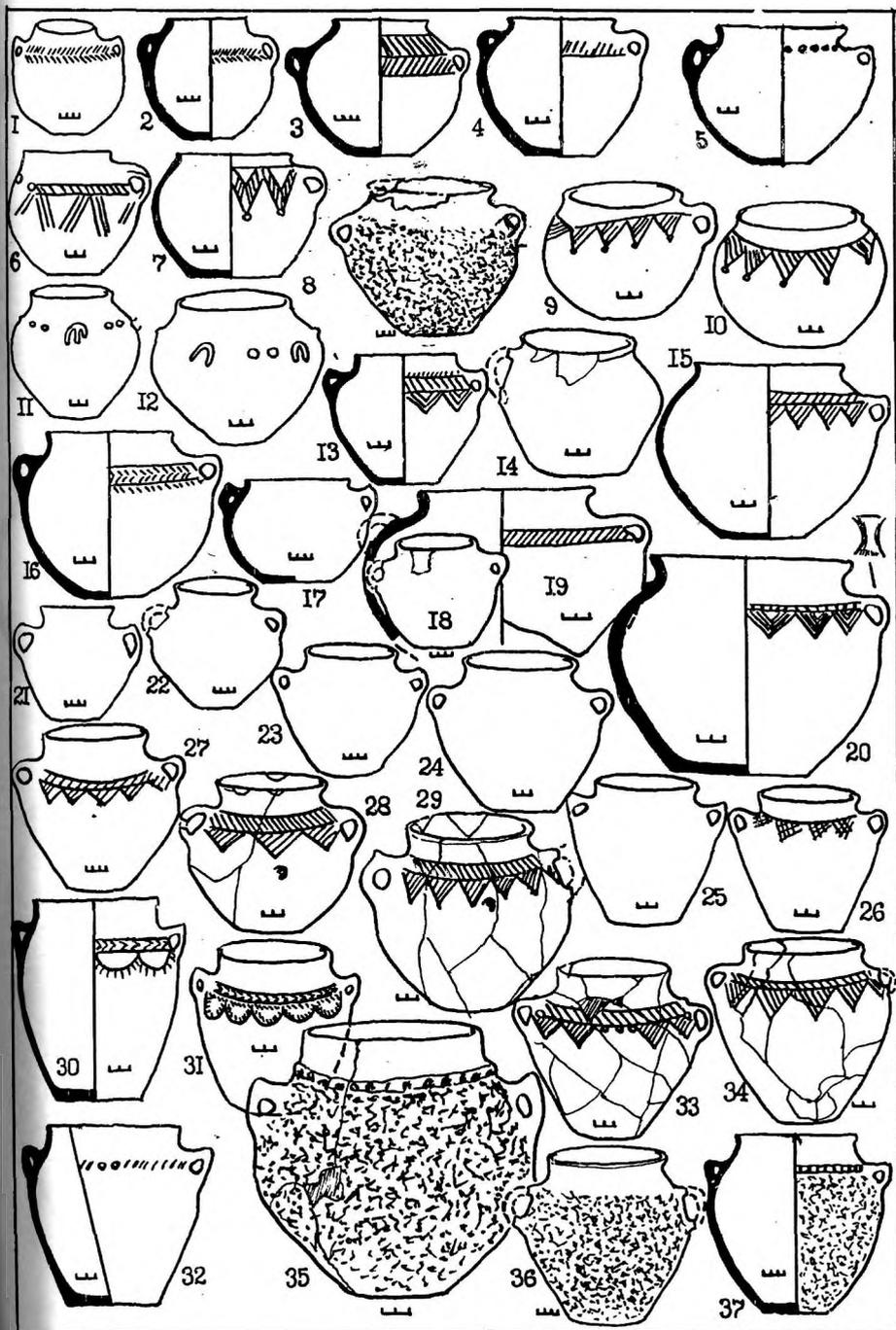

Рис. 71. Керамика (горшки) памятников Горного Дагестана

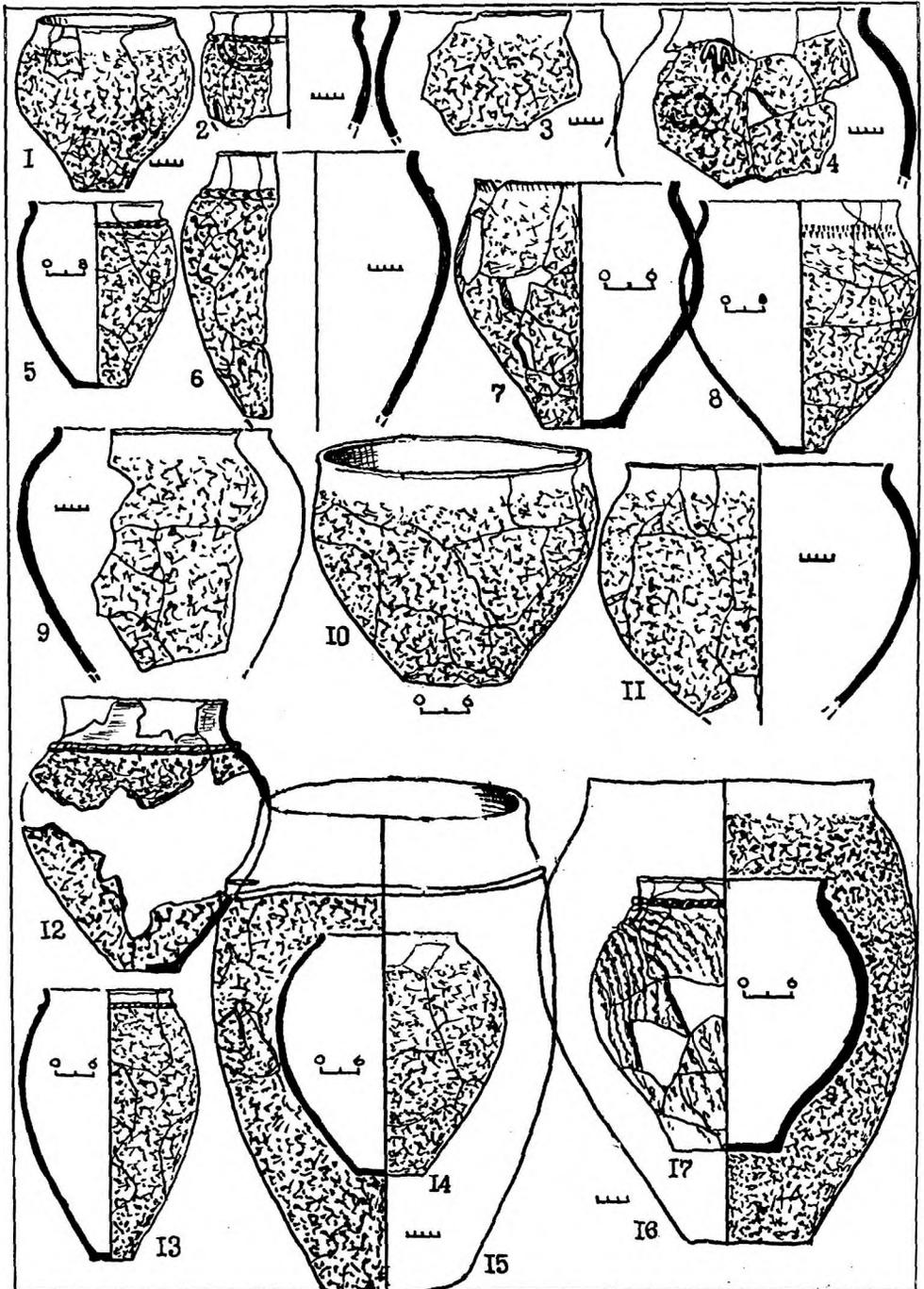

Рис. 72. Керамика (корчаги) памятников Горного Дагестана

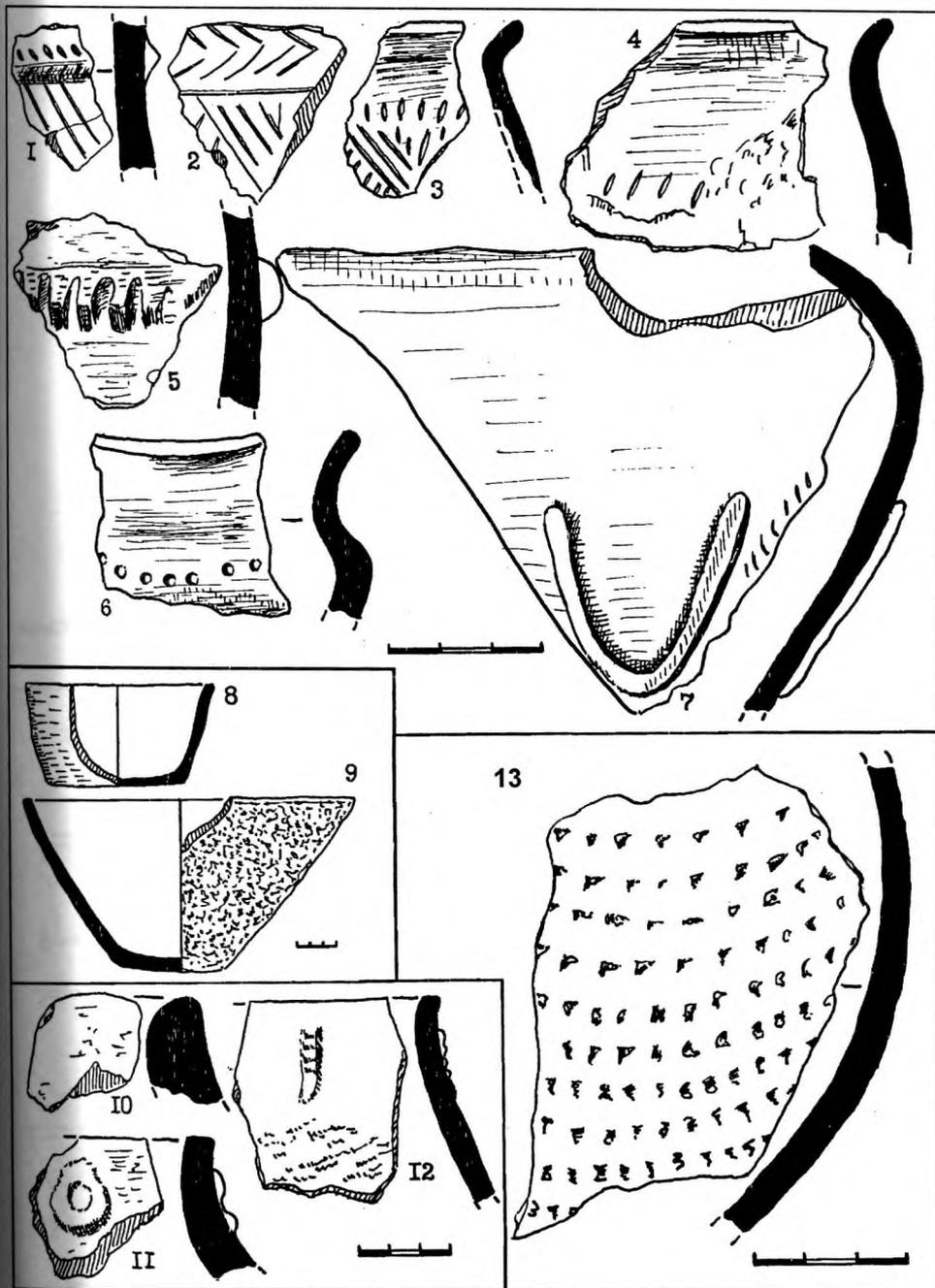

Рис. 73. Керамика памятников Горного Дагестана:
1-7 - Чох, 8-9 - Ругуджа, 10-12 - Гинчи (поселение II), 13 - Муги

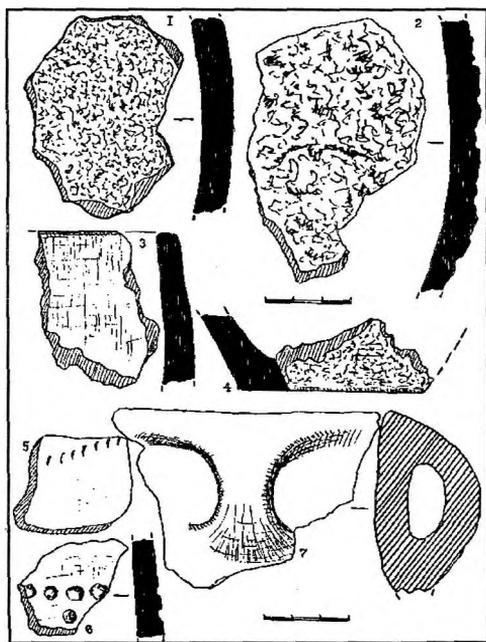

Рис. 74. Керамика памятников Горного Дагестана: 1-4 - Местерух, 5-7 - Ирганай (поселение II)

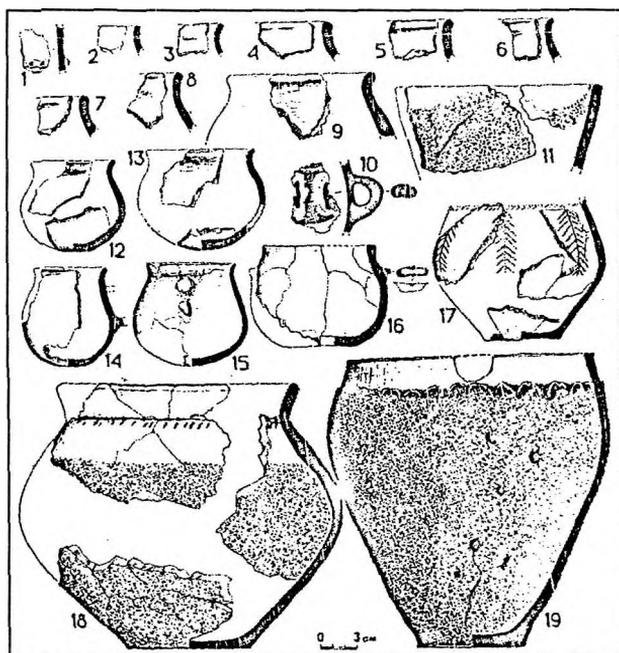

Рис. 75. Ирганайский могильник I. Керамика из склепа № 5

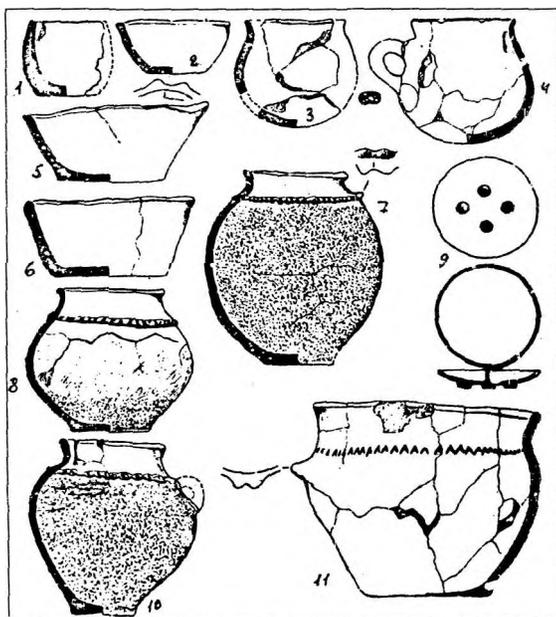

Рис. 76. Ирганайский могильник I. Керамика (1-8, 10-11) и деревянное блюдо (9) из склепа № 6

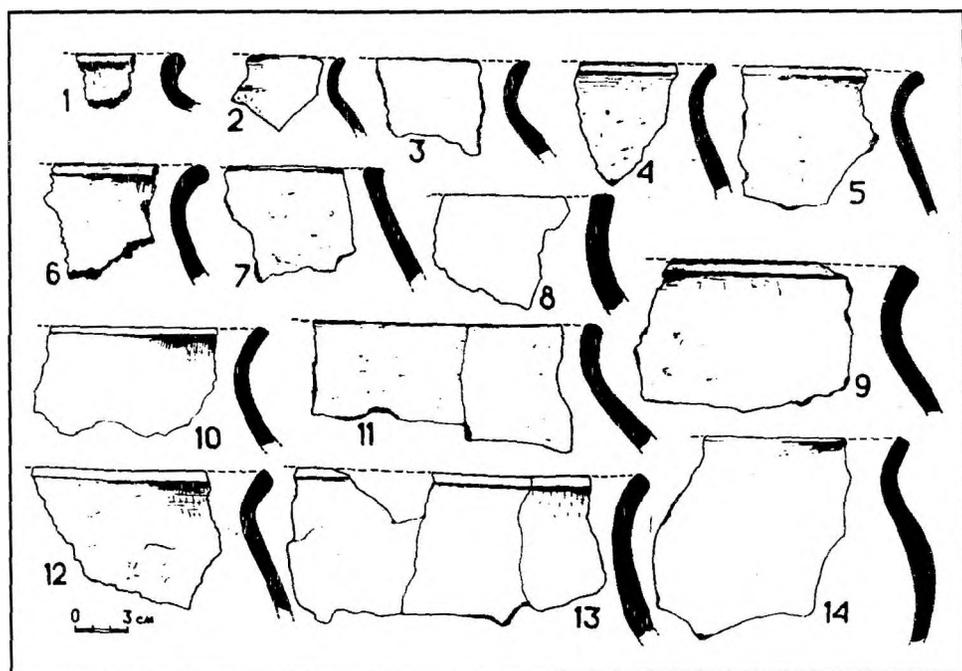

Рис. 77. Ирганайское поселение I. Обломки гладкостенных глиняных сосудов

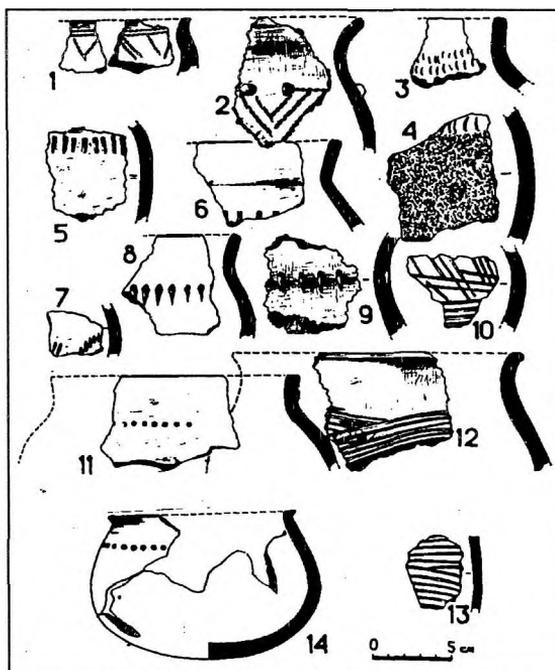

Рис. 78. Ирнайское поселение I. Образцы керамики с гравированной орнаментацией

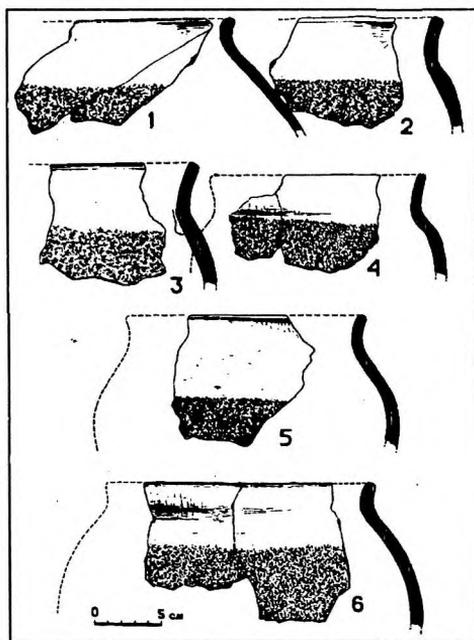

Рис. 79. Ирнайское поселение I. Обломки глиняных сосудов с обмазкой по тулову

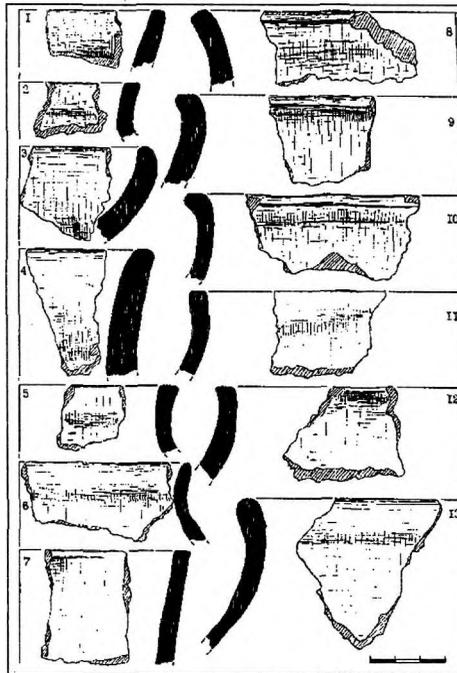

Рис. 80. Ирганайское поселение I. Обломки глиняных сосудов

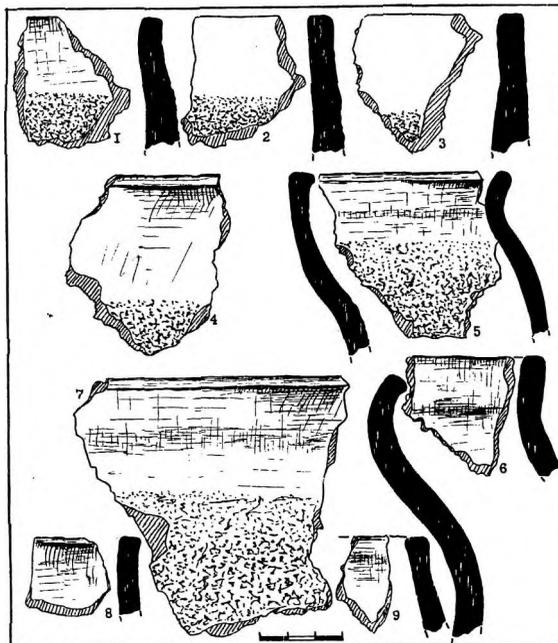

Рис. 81. Ирганайское поселение I. Обломки глиняных сосудов с обмазкой по тулову

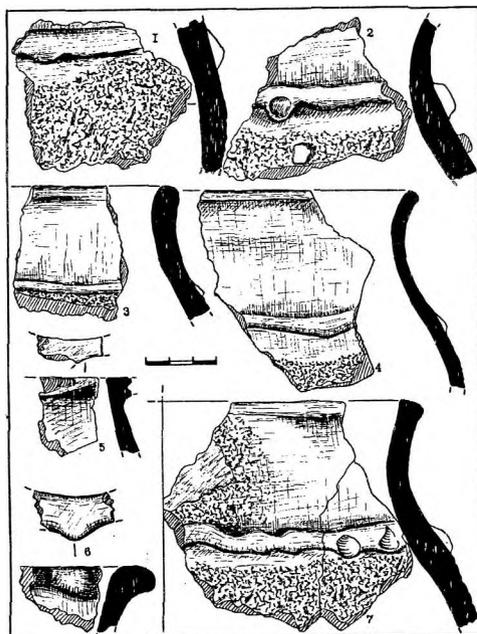

Рис. 82. Ирганайское поселение I
Обломки глиняных сосудов с обмазкой и валиковым орнаментом

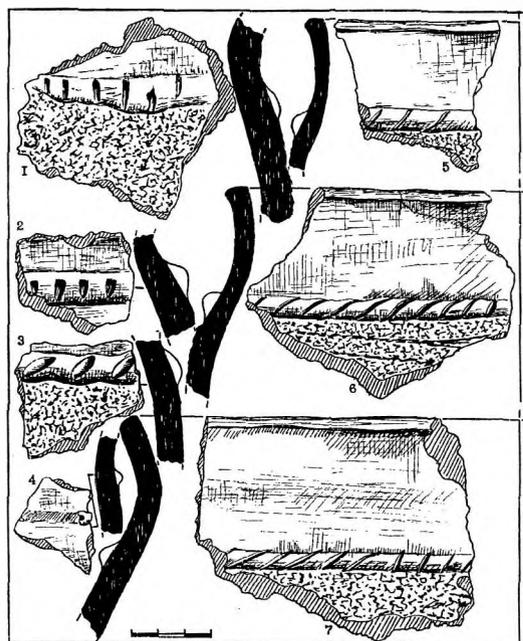

Рис. 83. Ирганайское поселение I
Обломки глиняных сосудов с обмазкой и валиковым орнаментом

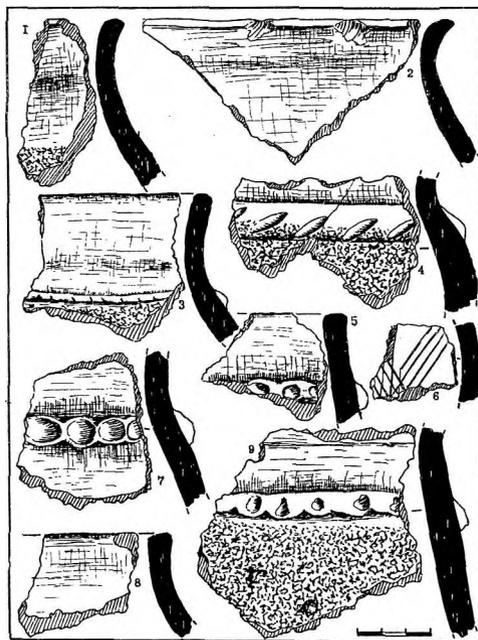

Рис. 84. Ирганайское поселение I
Обломки глиняных сосудов с гладкой и обмазанной поверхностью

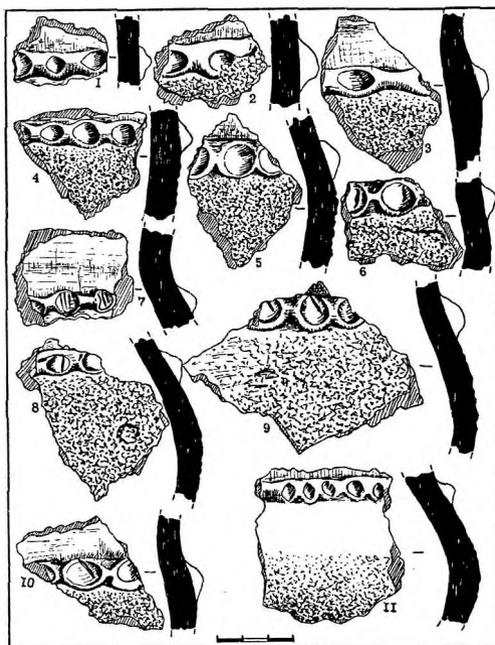

Рис. 85. Ирганайское поселение I
Обломки глиняных сосудов с обмазкой и валиковым орнаментом

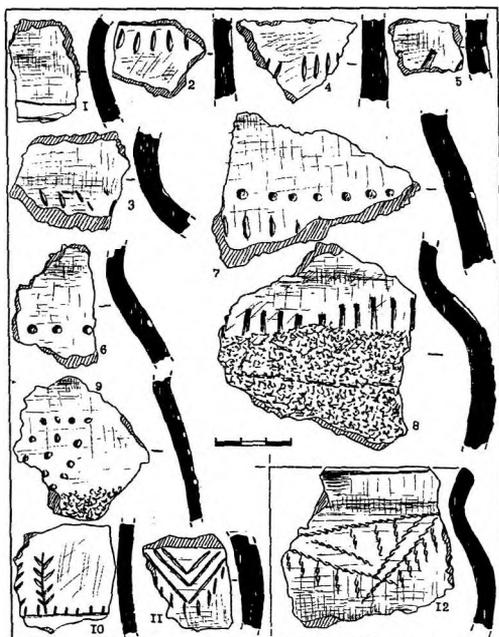

Рис. 86. Ирганайское поселение I. Обломки гладкостенных и обмазанных сосудов с гравированным орнаментом

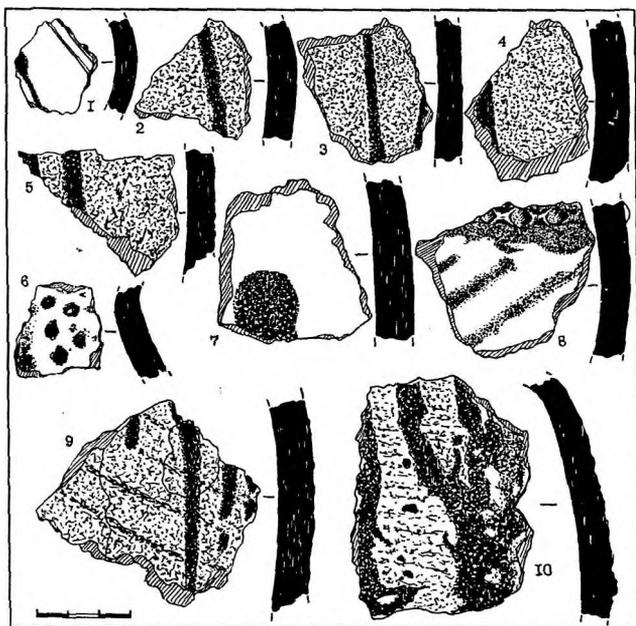

Рис. 87. Ирганайское поселение I. Обломки глиняных сосудов со следами краски

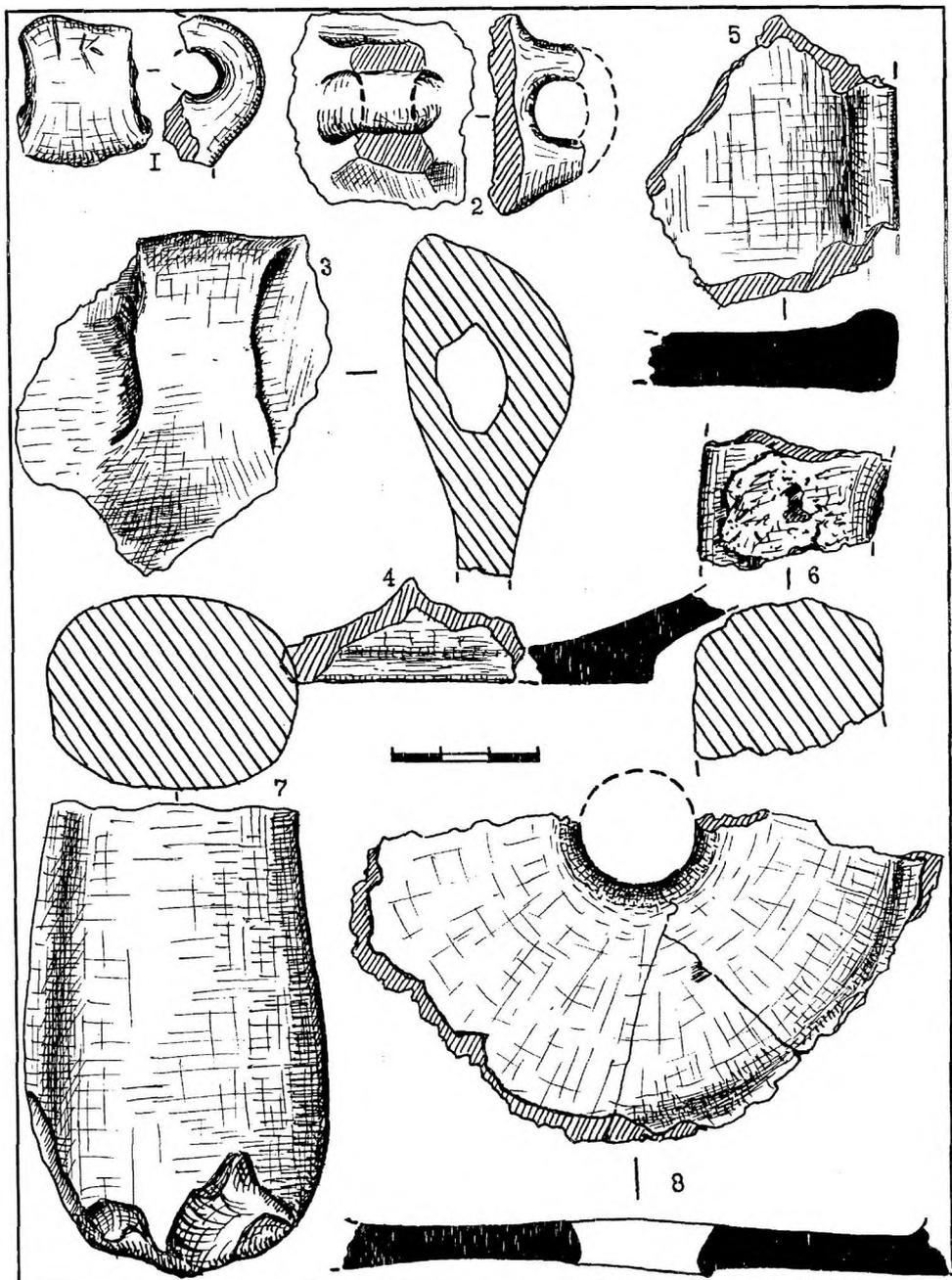

Рис. 88. Ирганайское поселение I. Находки: 1-3 - образцы ручек сосудов, 4 - обломок дна сосуда, 5 - обломок глиняной сковороды, 6 - обломок лячек, 7 - обломок каменного песта, 8 - обломок сосуда специального назначения

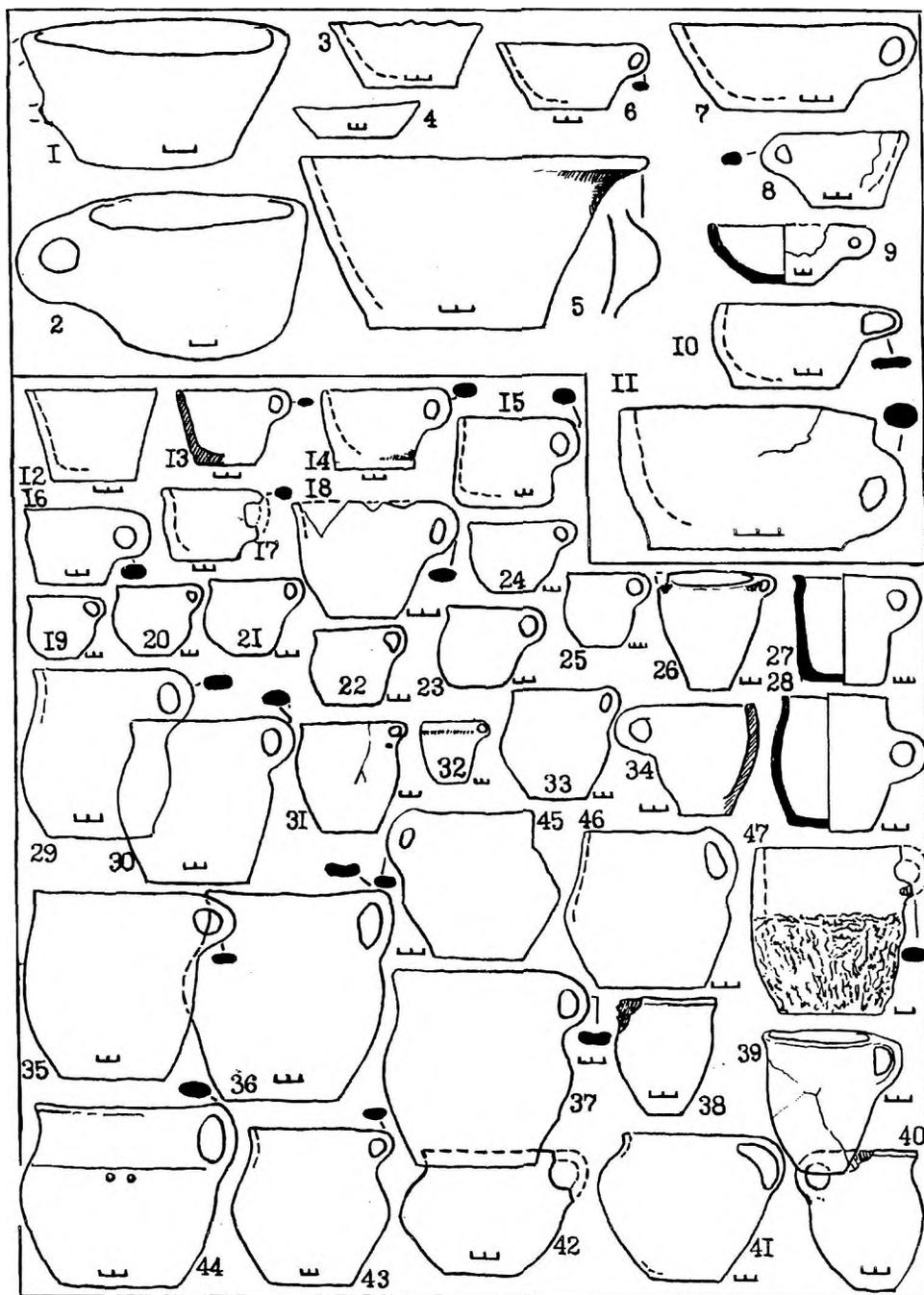

Рис. 89. Керамика (плошки, миски, кружки) памятников Юго-Восточной Чечни

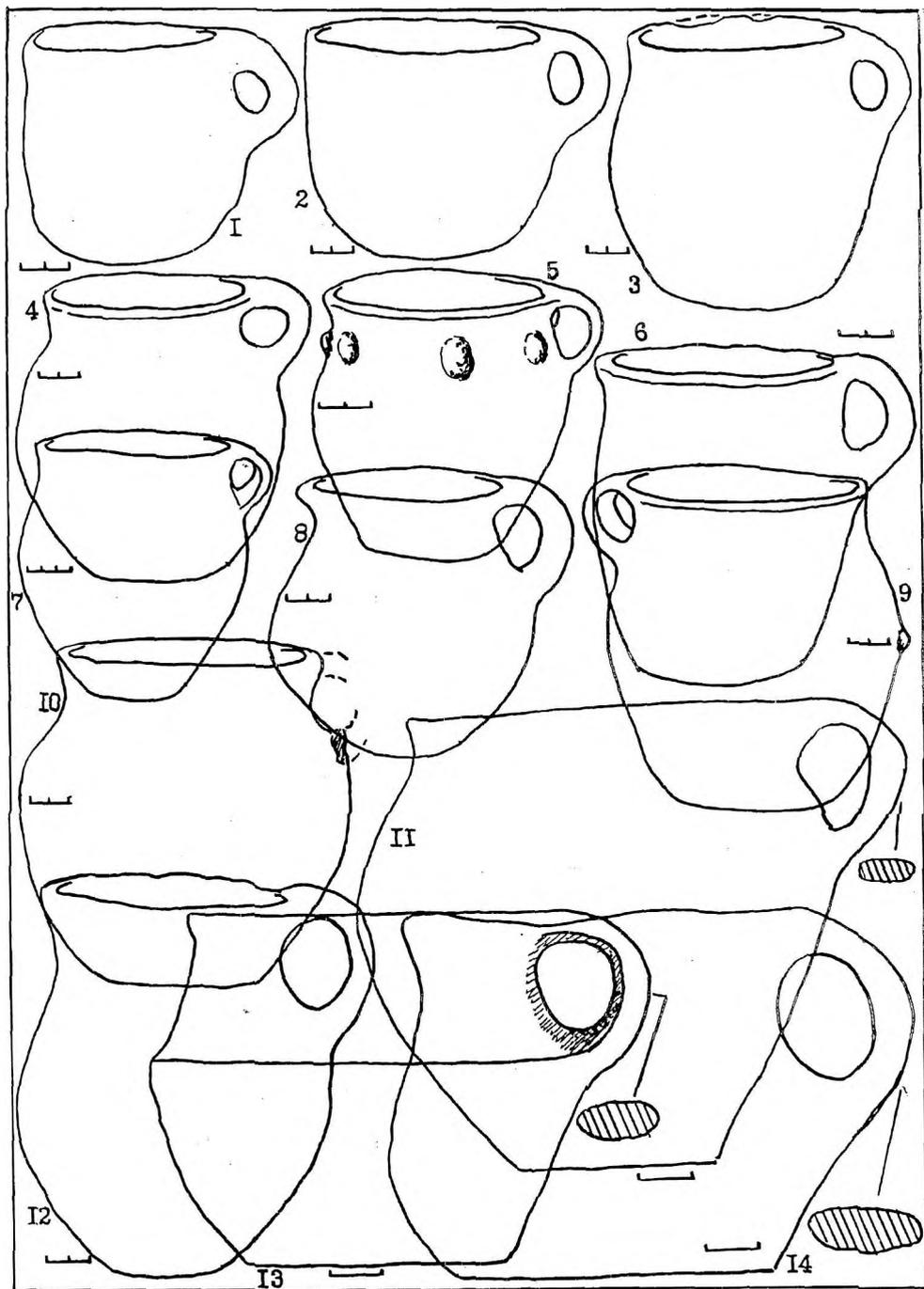

Рис.90. Керамика (кружки) памятников Юго-Восточной Чечни

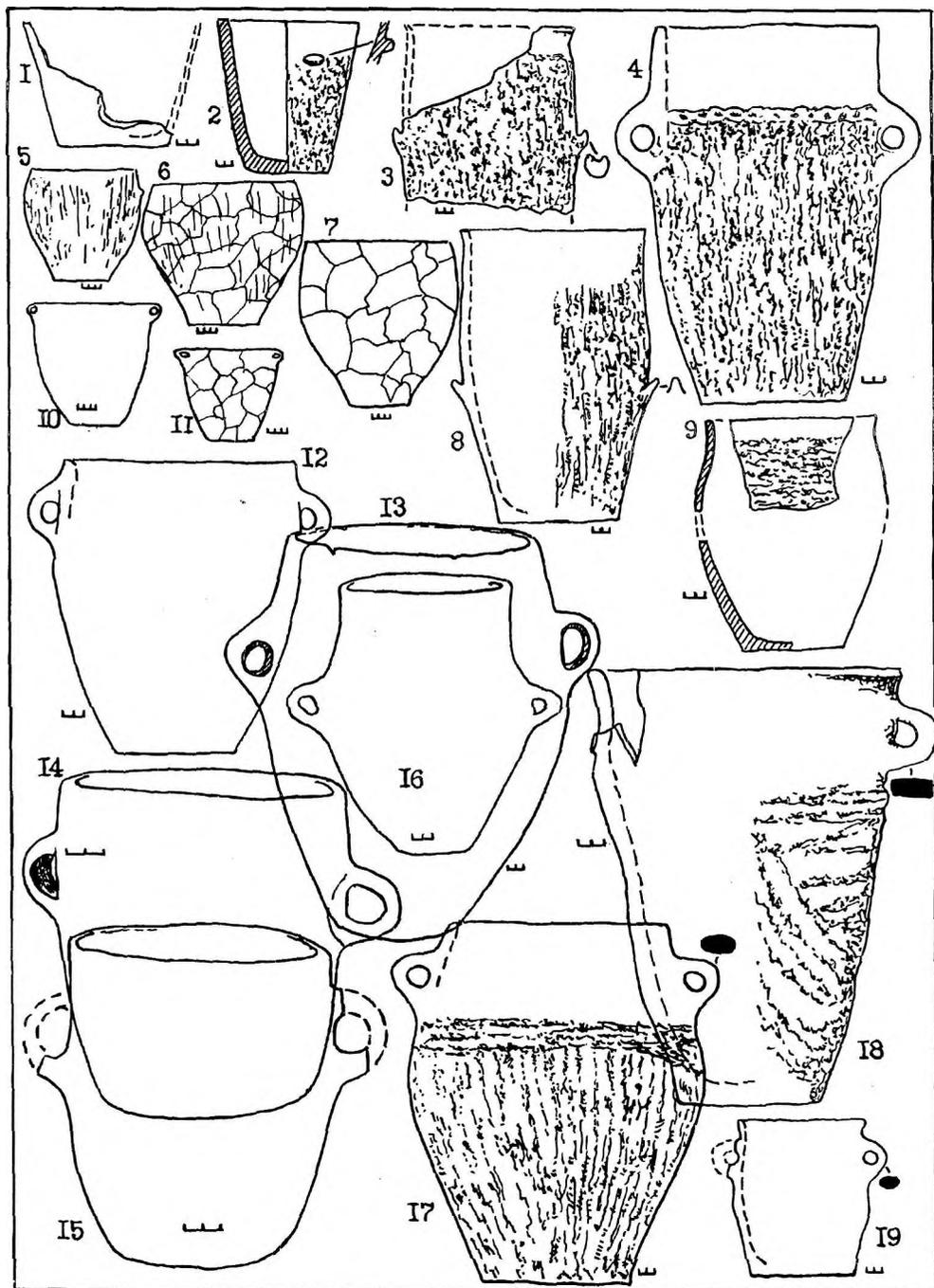

Рис.91. Керамика (банки, ведерки, корчаги) памятников Юго-Восточной Чечни

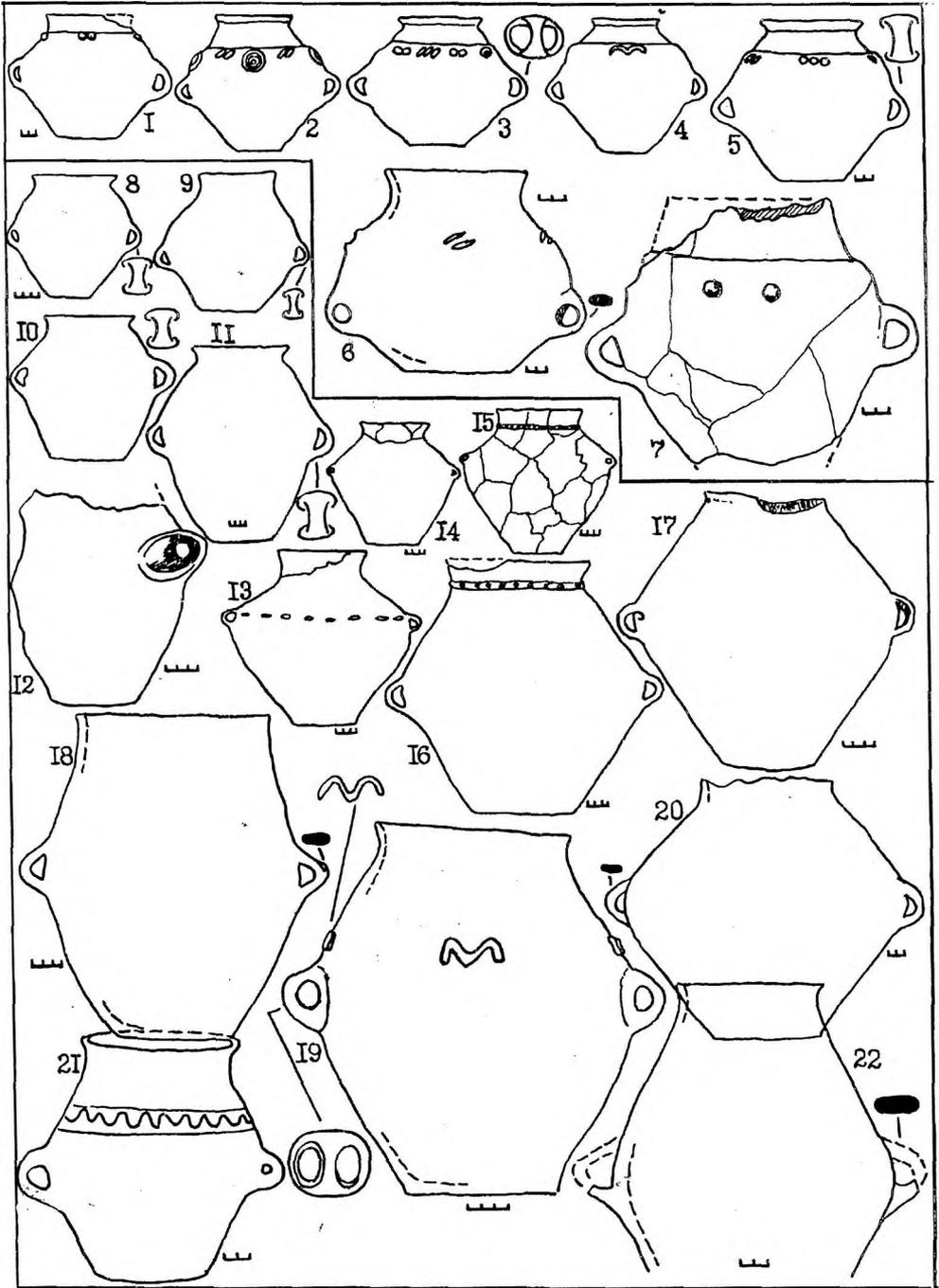

Рис.92. Керамика (горшки) памятников Юго-Восточной Чечни

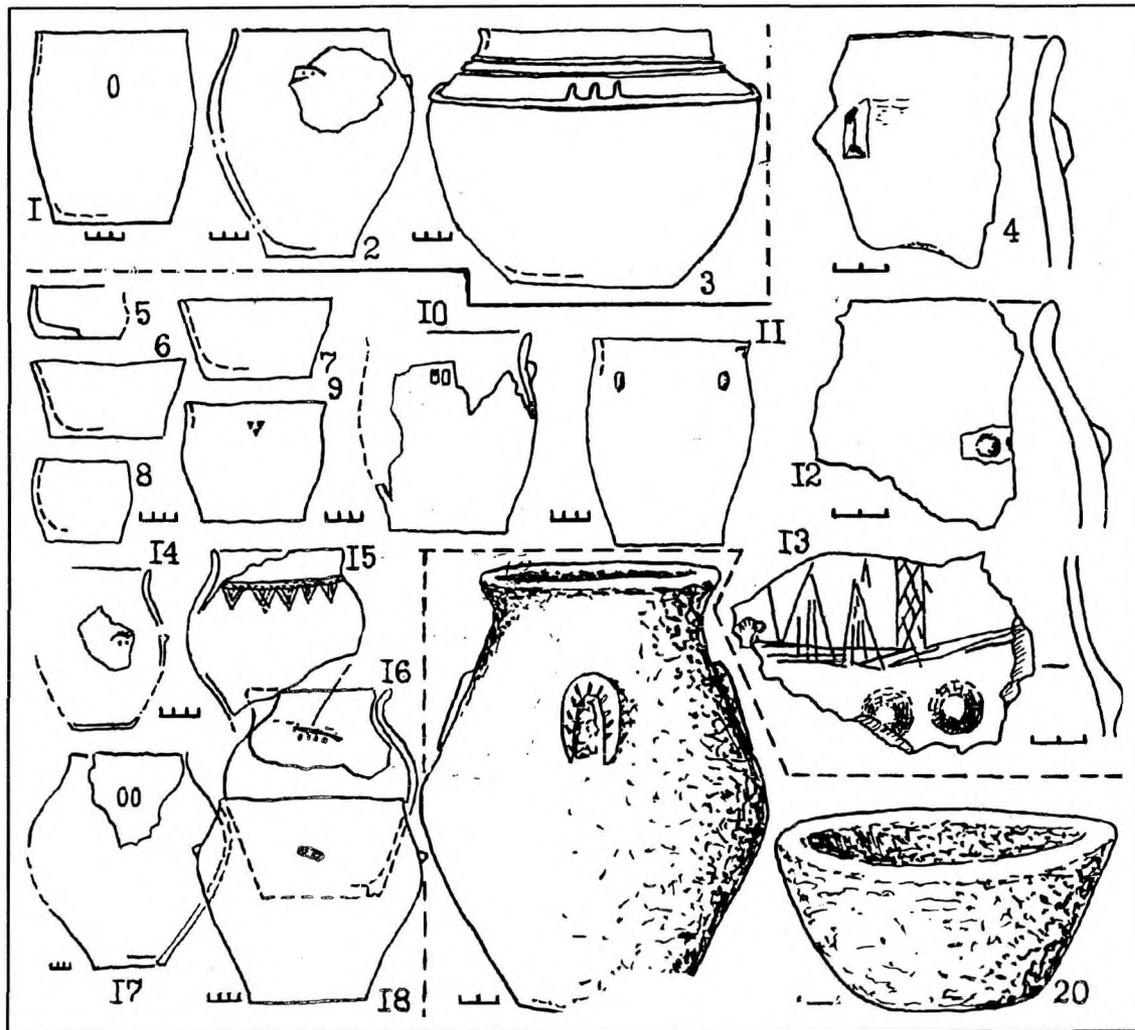

Рис. 93. Керамика из склепов Эгикальского могильника (Ингушетия)

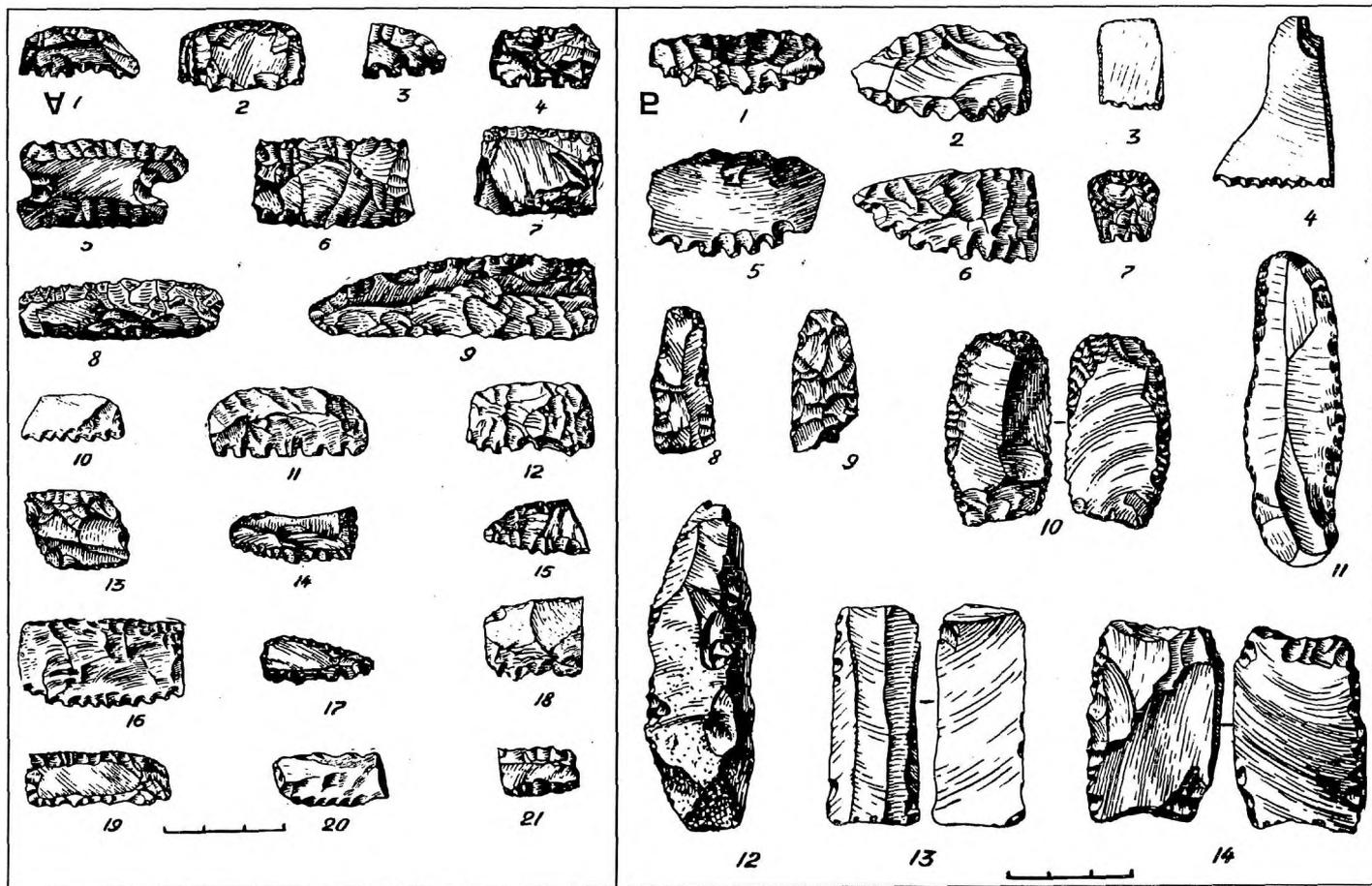

Рис. 94. Верхнегубинское поселение. Орудия из кремня

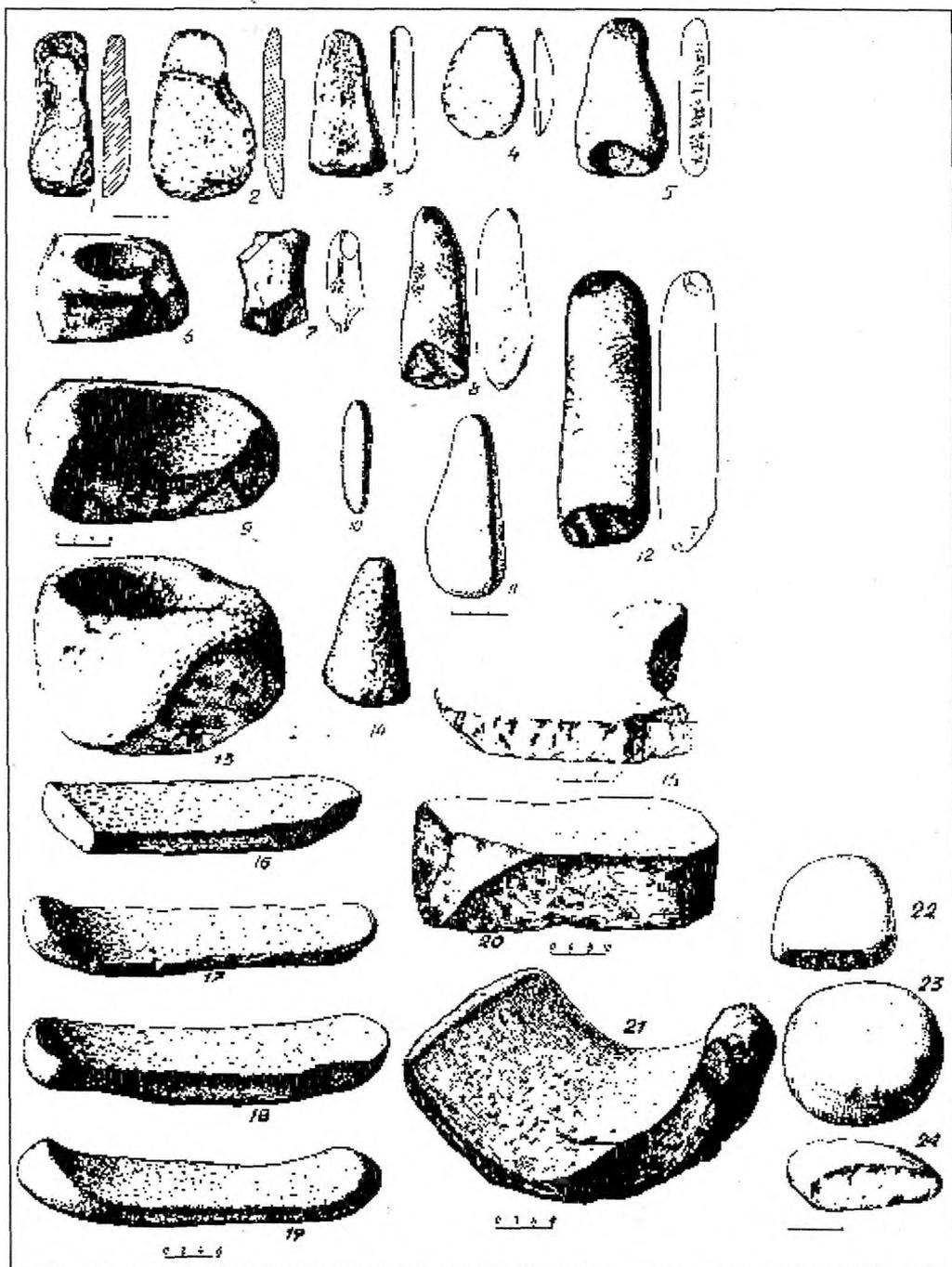

Рис. 95. Верхнегубинское поселение. Орудия из камня

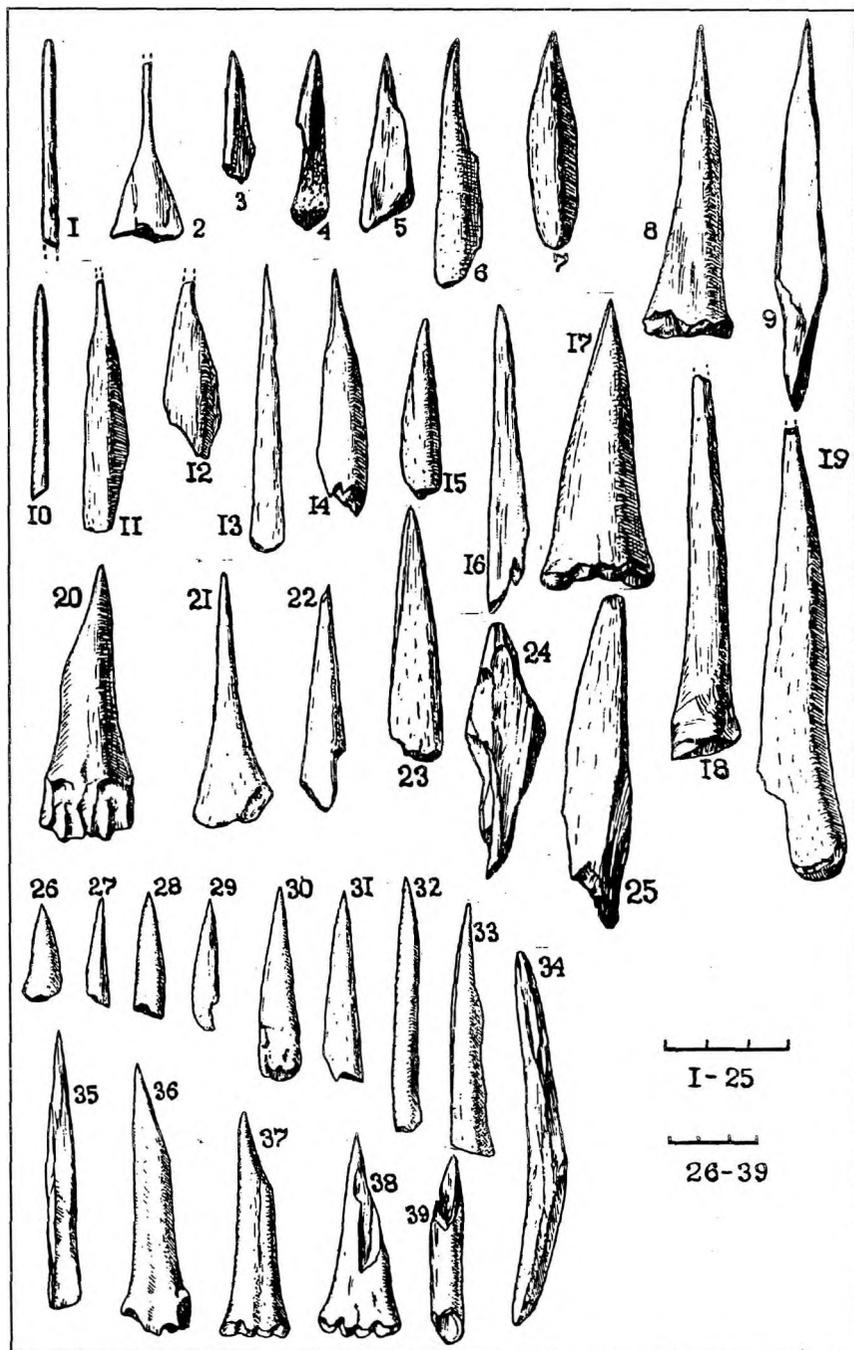

Рис.96. Верхнегунибское поселение. Орудия из кости

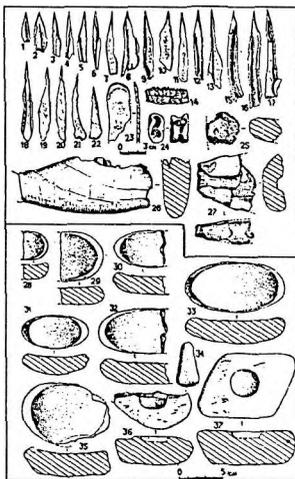

Рис.97. Ирганайское поселение I. Находки: 1-23 - костяные орудия (шилья, проколки, лощило), 24 - альчик, 14 - кремневый вкладыш серпа, 25, 27 - обломки льячек и тиглей, 26 - струг из челюсти животного; 28 - 37 - каменные орудия (ступки, зернотерки, пест)

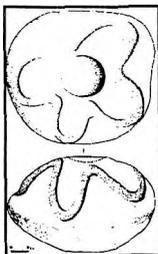

Рис. 98. Ирганайское поселение I. Камень-ступка с лепестковым орнаментом

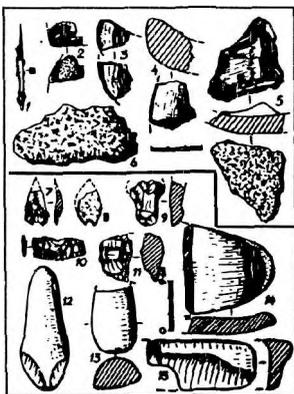

Рис. 99. Ирганайское поселение I. Находки: 1 - бронзовое шило, 2-5 - обломки льячек и тиглей, 6 - кусок шлака, 7-9 - бракованные наконечники стрел из кремня, 10 - кремневый вкладыш серпа, 11 - обломок орудия из кремня, 12-13 - каменные песты, 14 - каменная зернотерка, 15 - обломок каменного орудия

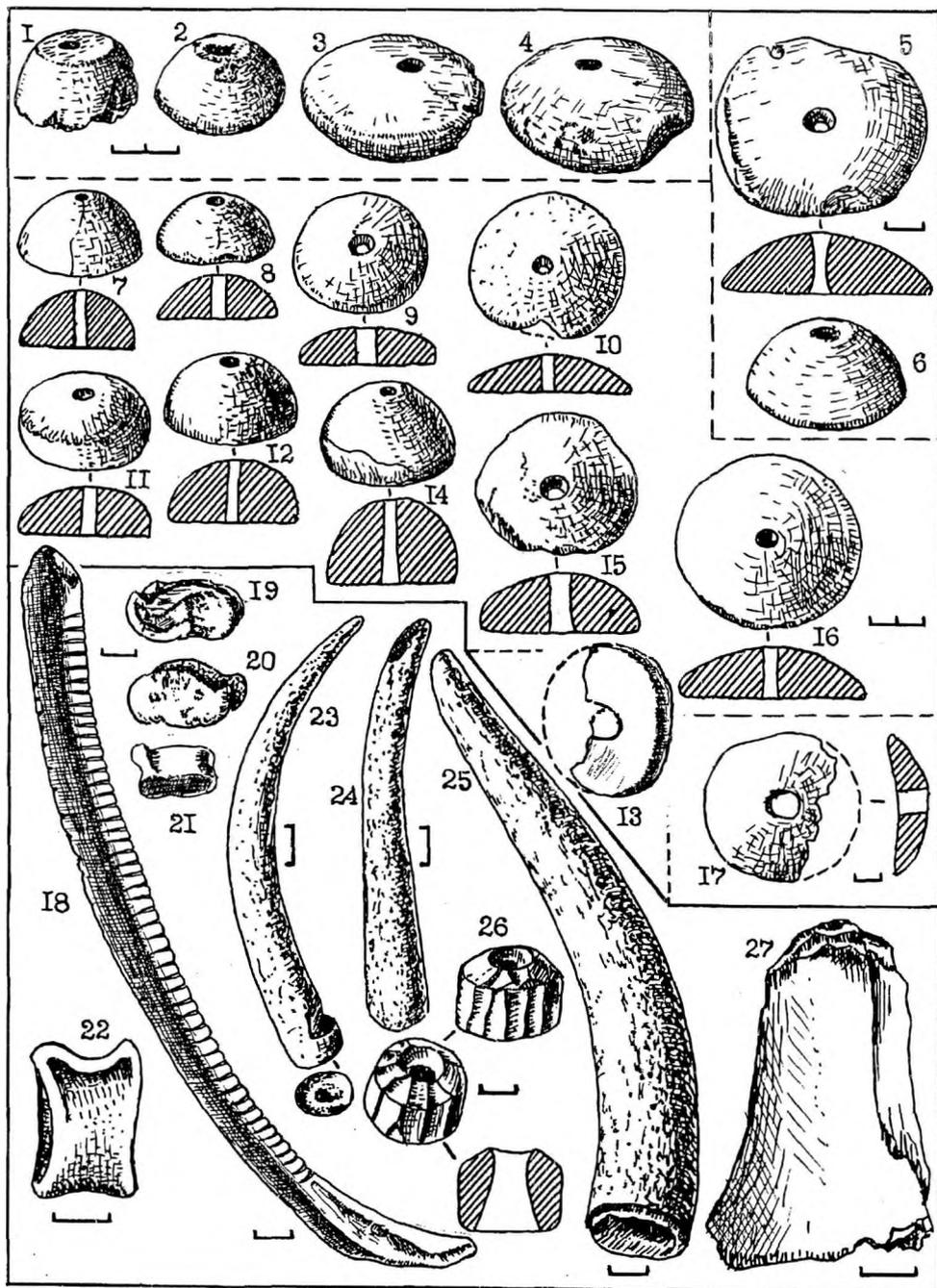

Рис. 100. Костяные изделия памятников Горного Дагестана

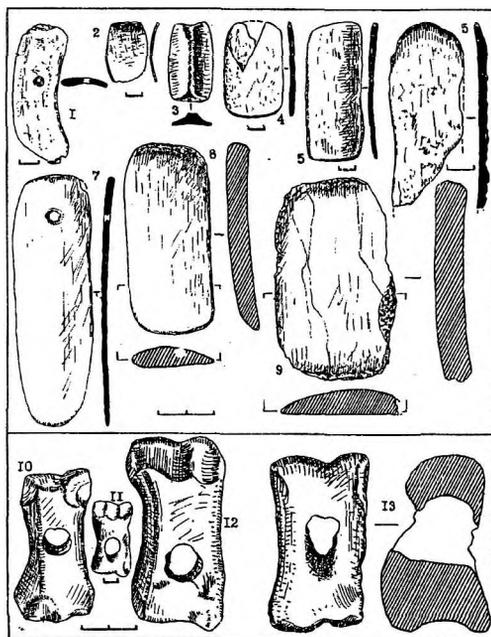

Рис. 101. Костяные изделия памятников Горного Дагестана

Рис. 102. Орудия труда памятников Горного Дагестана: 1-6 - костяные иглы, 7-11 - бронзовые иглы, 13-16 - бронзовые шилья, 17- бронзовая спица (?), 18-21 - костяные поделки-лопаточки, 22-23 - струги из челюстей животных

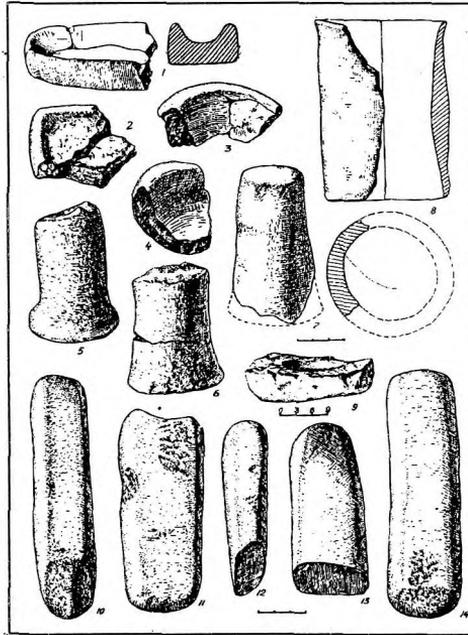

Рис. 103. Верхнегунибское поселение. Комплекс находок из "литейной мастерской" (по В.М. Котович)

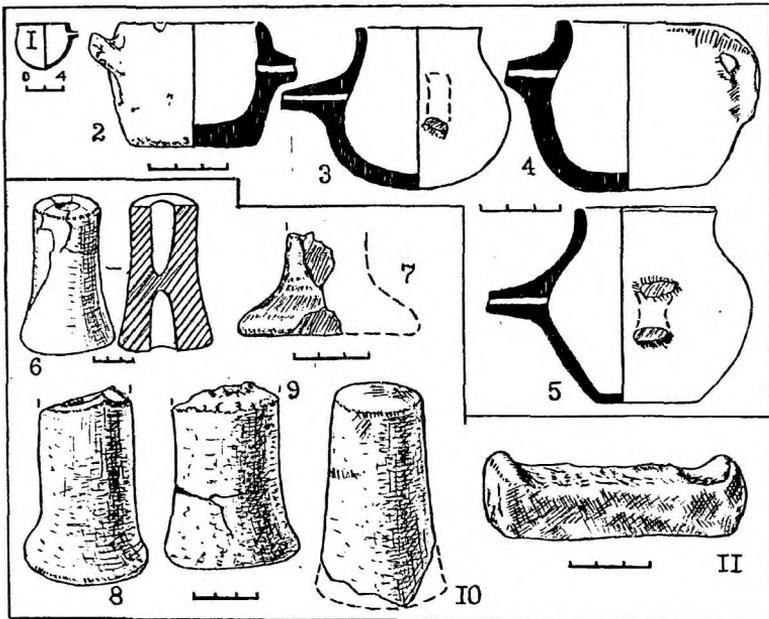

Рис. 104. Керамика памятников Горного Дагестана: 1-5 - чайнички, 6-11 - очажные подставки

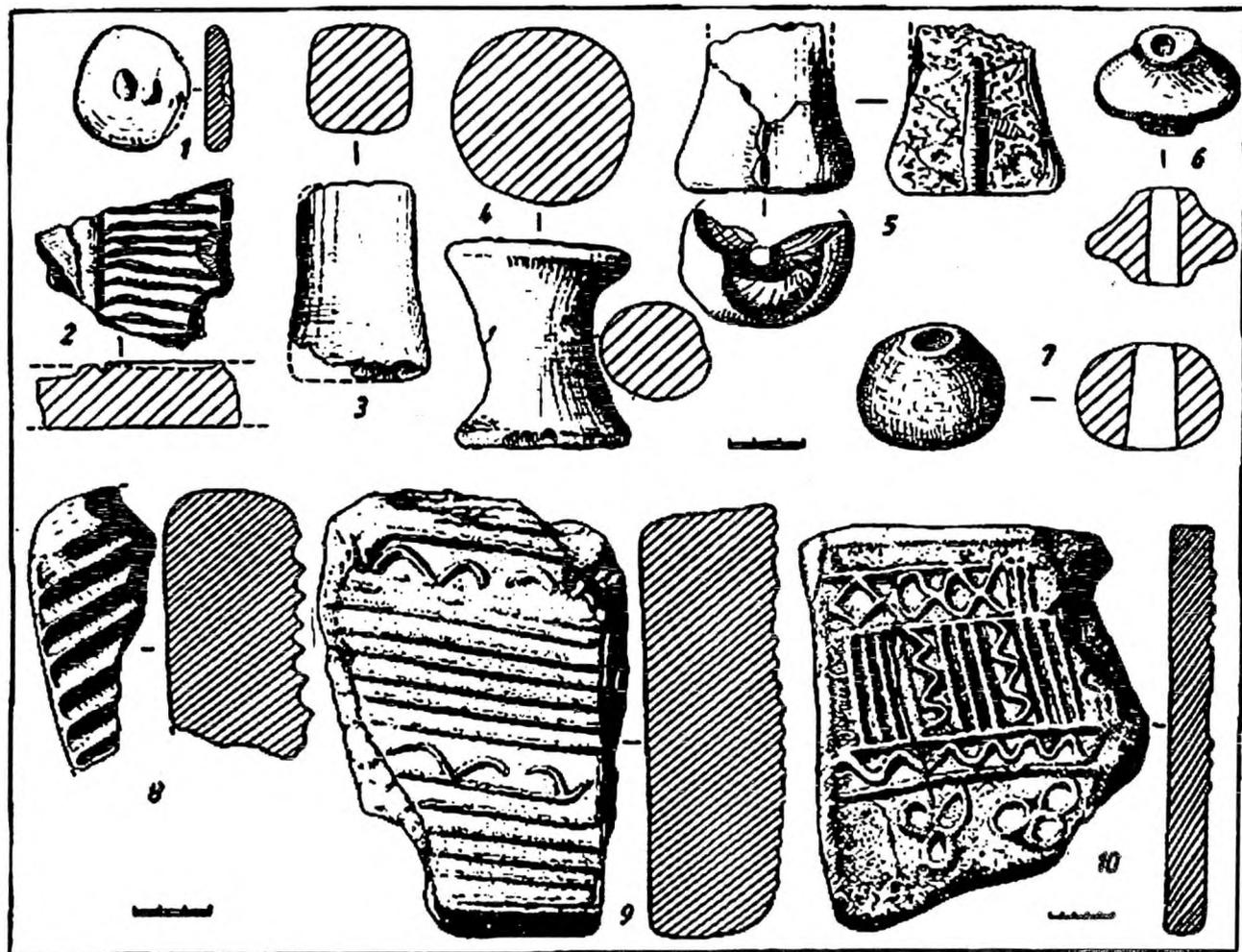

Рис. 105. Керамика памятников Горного Дагестана: 1 - глиняная шашечка, 2, 8-10 - рельефы, 3-5 - очажные подставки, 6 - модель колеса, 7 - навершие булавы (?)

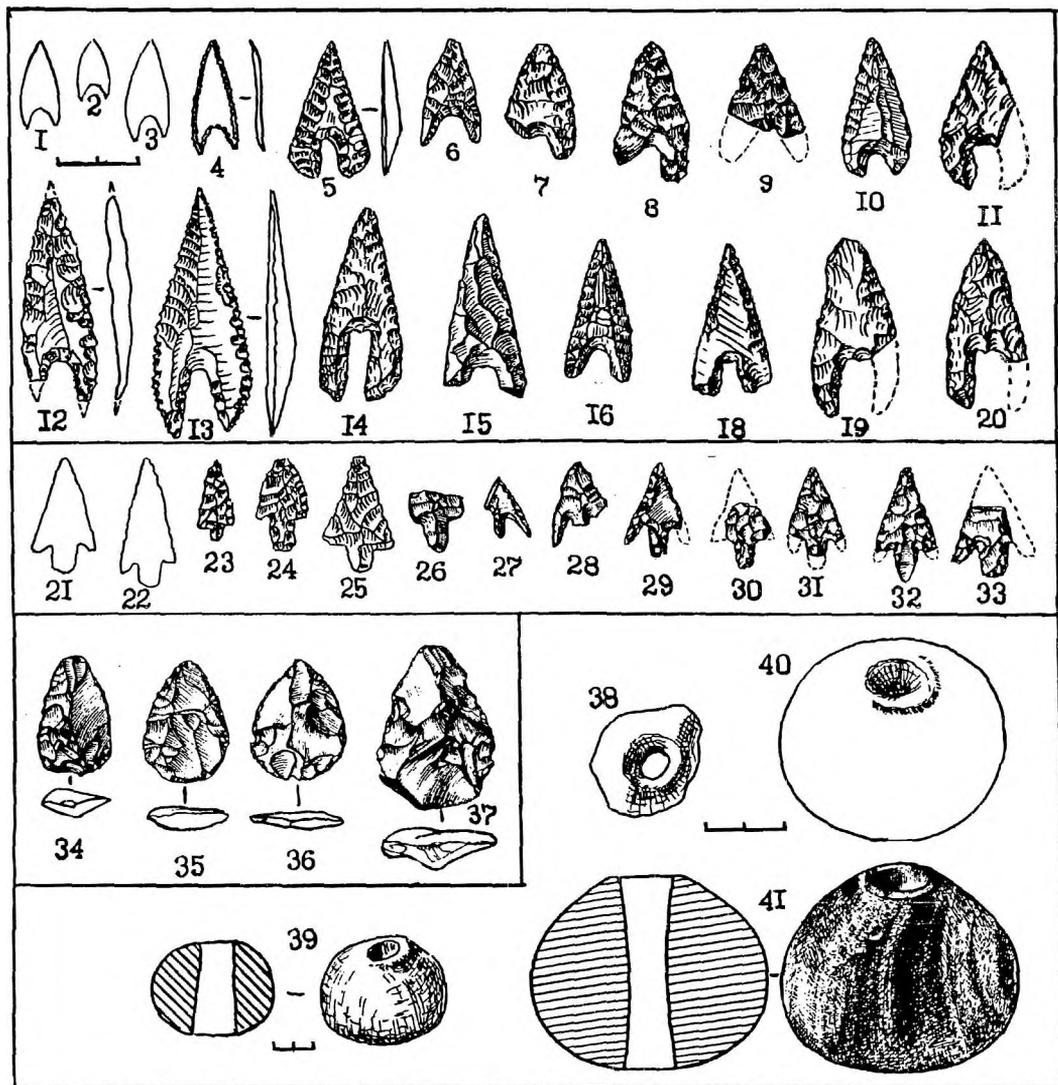

Рис.106. Предметы вооружения памятников Горного Дагестана: 1-37 - кремневые наконечники стрел и дротиков, 39-41 - каменные навершия булав

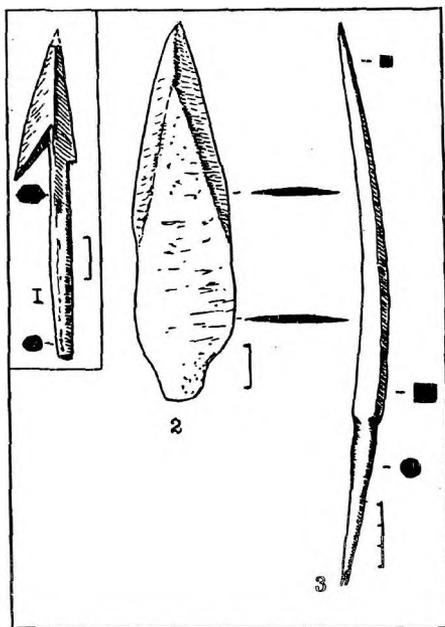

Рис.107. Предметы вооружения: 1 - костяной наконечник стрелы - ? (Гинчи), 2-3 - бронзовые наконечники копий (Верхний Гуниб)

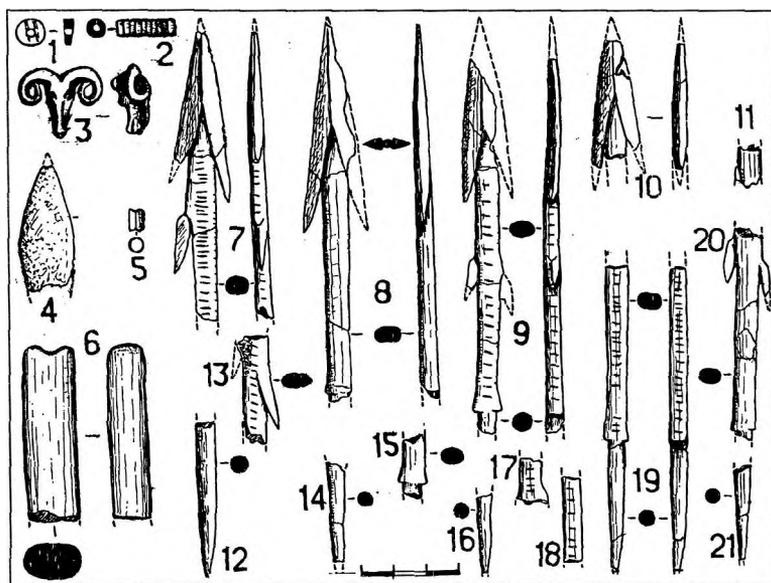

Рис. 108. Ирганайский могильник I. Находки из склепа № 5: 1 - бусина из раковины, пастовые бусина, 3 - бронзовая фигурка головы дикого барана-архара, 4 - бронзовый клинок, 5 - бронзовая бусина, 6 - каменный оселок, 7-21 - обломки костяных наконечников стрел.

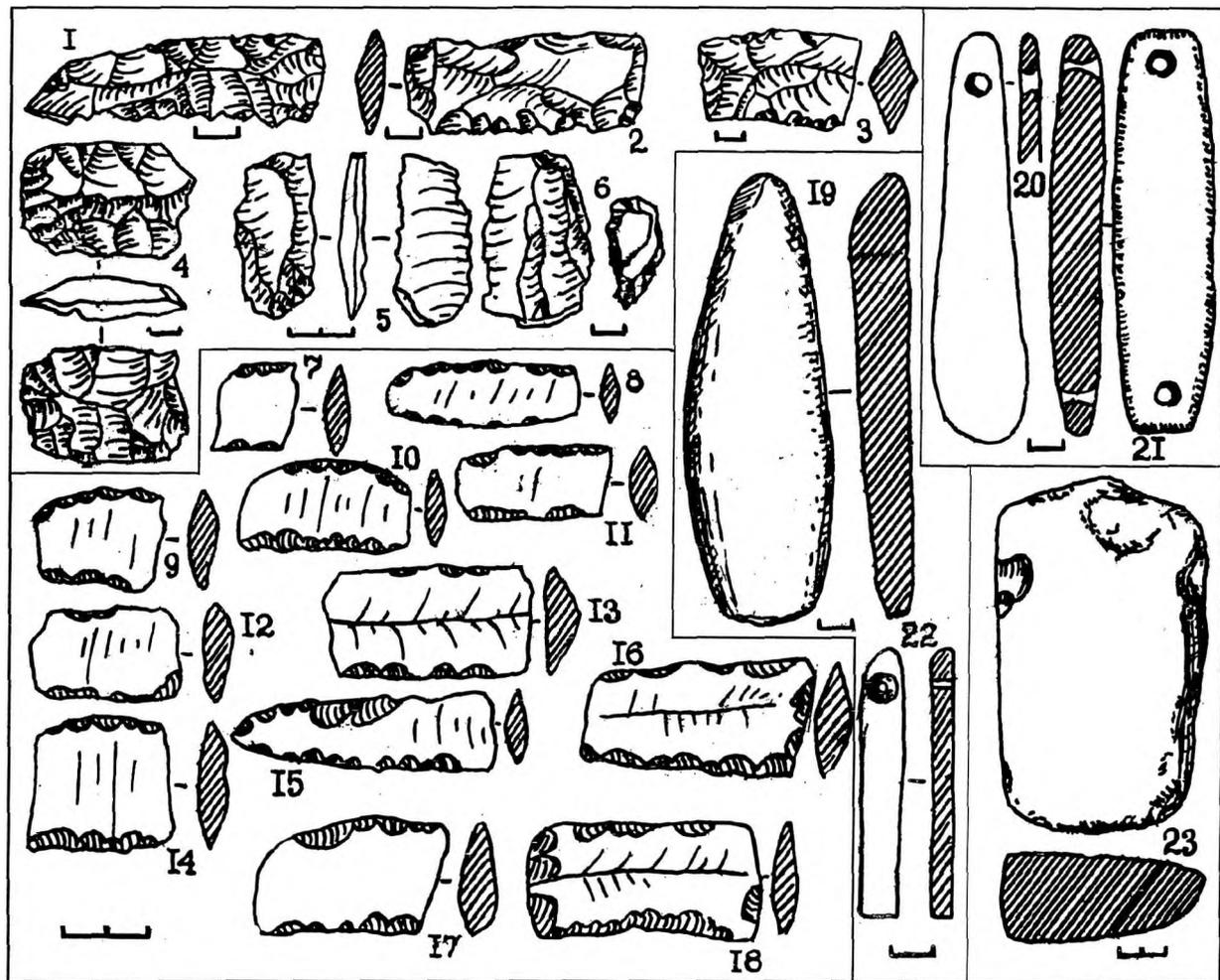

Рис. 109. Каменные изделия памятников Юго-Восточной Чечни: 1-18 - кремневые вкладыши, серпов пластины, 19 - орудие типа гладилки (?), 20-22 - каменные оселки, 23 - клиновидное орудие

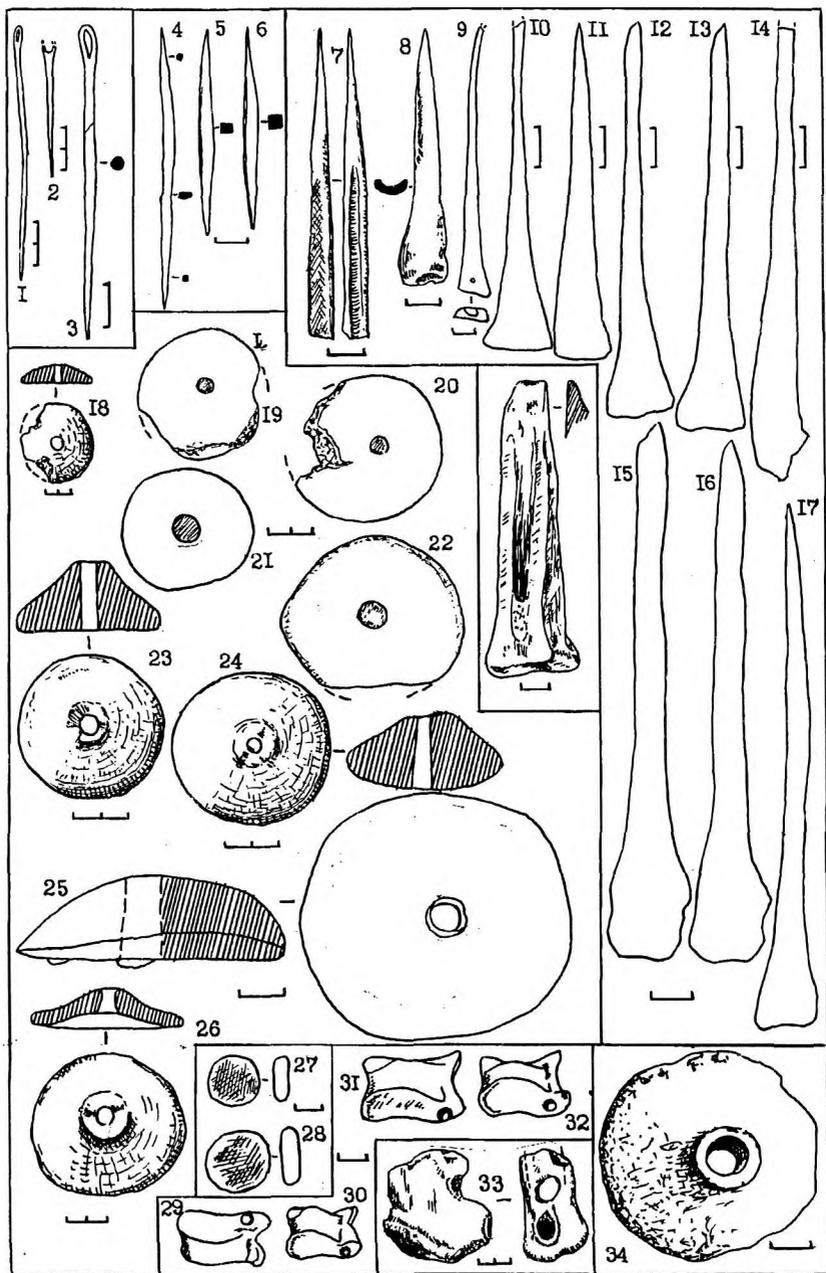

Рис. 110. Находки памятников Юго-Восточной Чечни: 1-3 - бронзовые иглы, 4-6 - бронзовые шилья, 7-17 - костяные шилья и проколки, 18-26 - костяные и керамические пряслица, 27-28 - глиняные шашечки, 30-32 - альчики, 33 - муфта из рога животного, 34 - костяная модель колеса

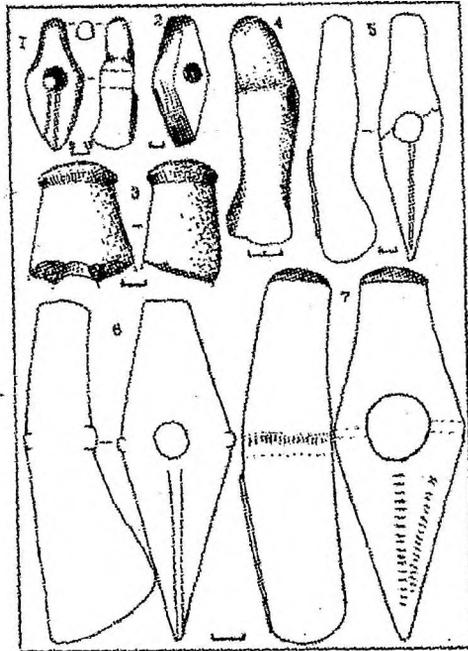

Рис. 111. Каменные топоры памятников Юго-Восточной Чечни

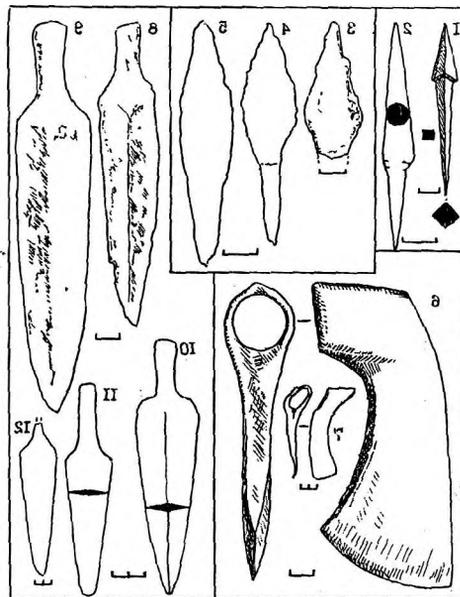

Рис. 112. Предметы вооружения памятников Юго-Восточной Чечни:

1-2 - наконечники стрел из бронзы (1) и кости (2), 3-5, 8-12 - бронзовые ножи - кинжалы - универсальные клинки, 6-7 - бронзовые топоры

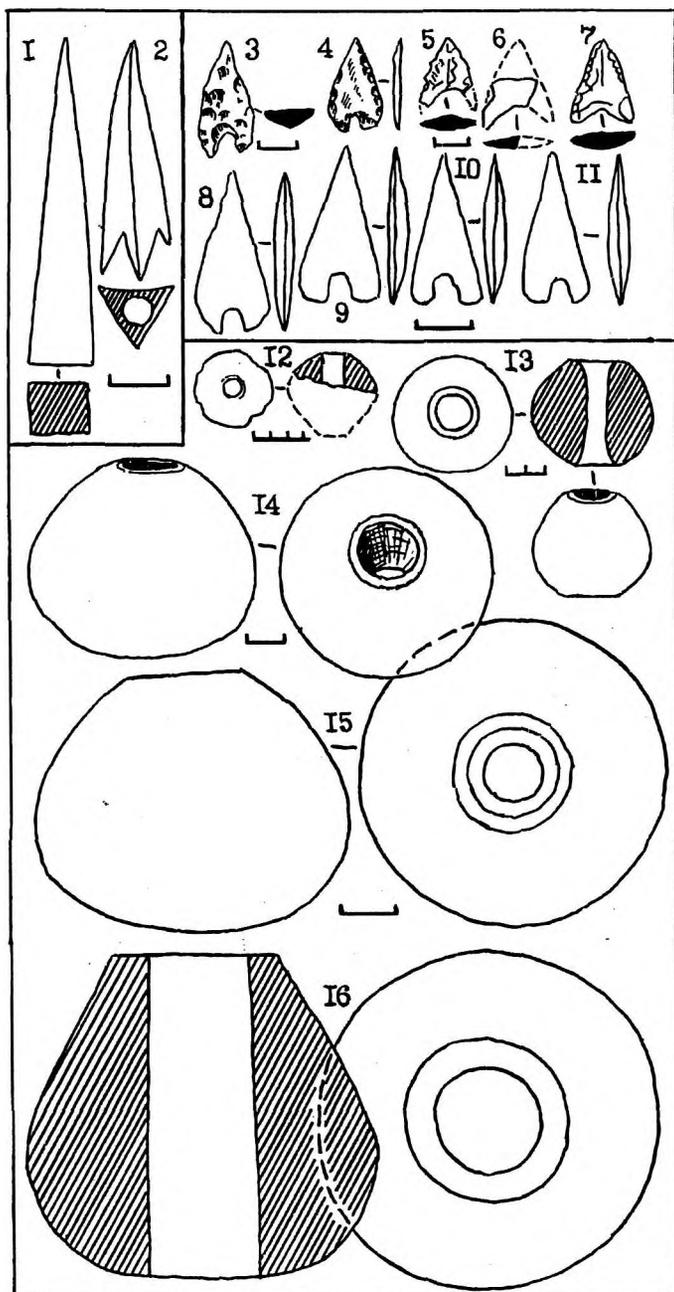

Рис. 113. Предметы вооружения памятников Юго-Восточной Чечни: 1-2 - костяные наконечники стрел, 3-11 - кремневые наконечники стрел, 12-16 - каменные навершия булав

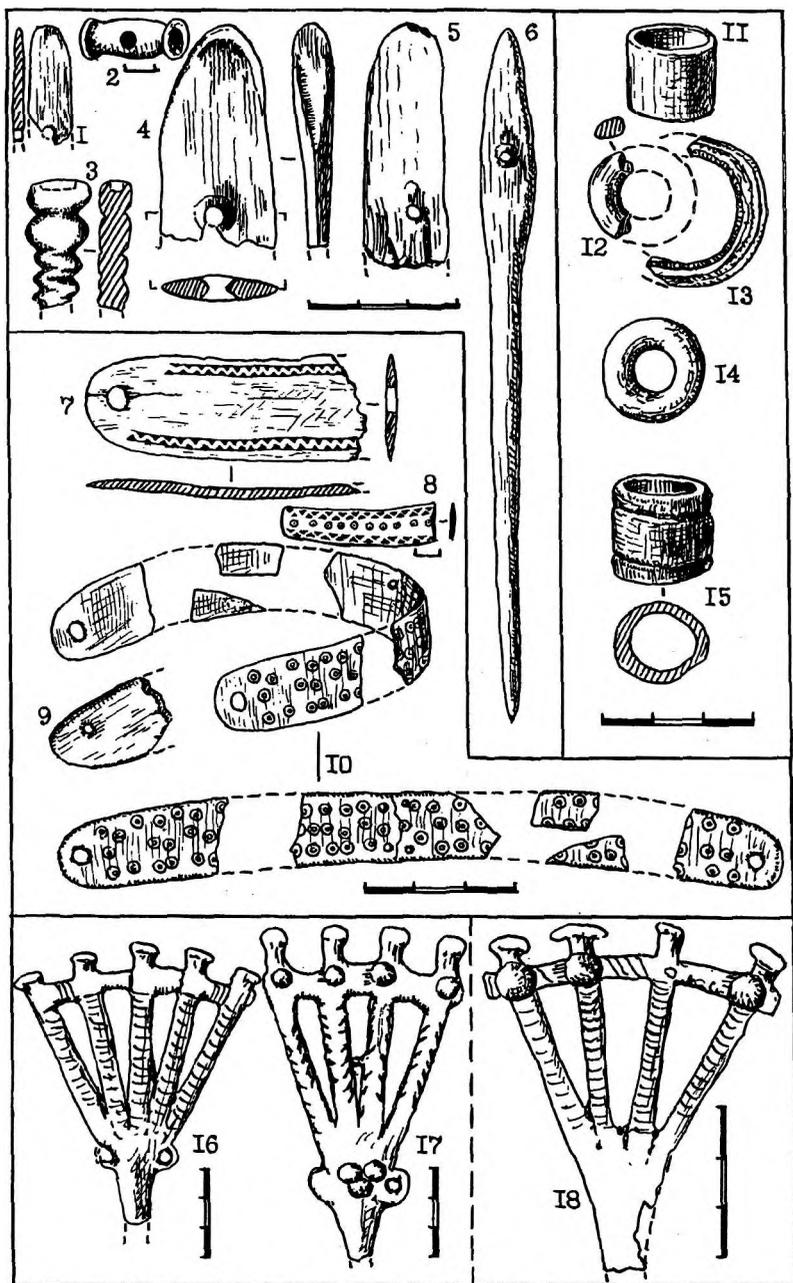

Рис. 114. Украшения и принадлежности костюма памятников Горного (1-10, 18) и Равнинного (16-17) Дагестана: 1-6 - костяные булавки и их обломки, 7-10 - обломки костяных браслетов, 11-15 - колечки из камня (12) и кости, 16-18 - навершия бронзовых булавок

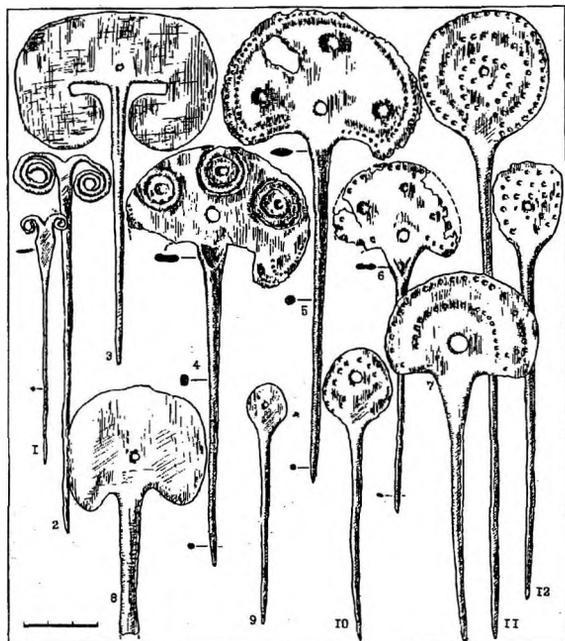

Рис. 115. Бронзовые булавки памятников Горного Дагестана

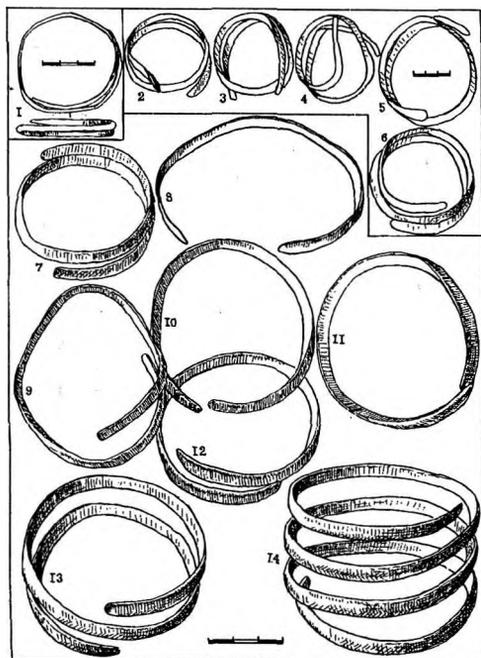

Рис. 116. Бронзовые браслеты памятников Горного Дагестана

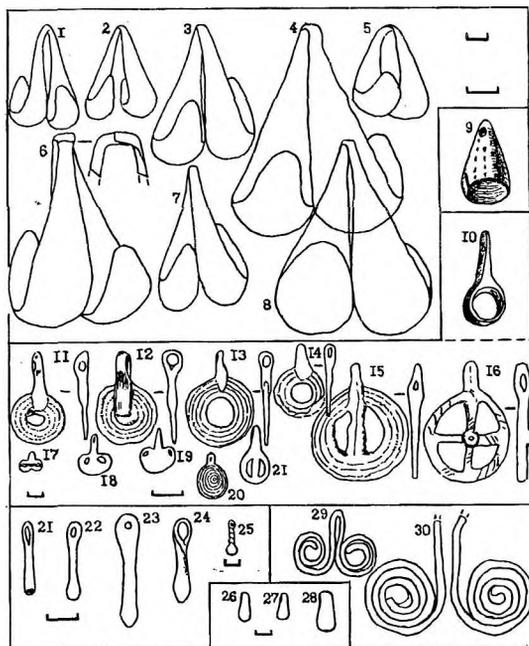

Рис. 117. Украшения из бронзы (1-9, 11-30) и кости (10) памятников Горного Дагестана

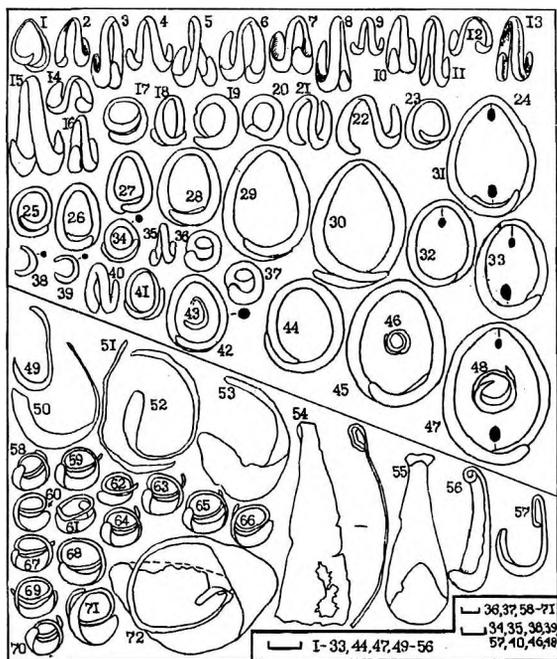

Рис. 118. Бронзовые украшения памятников Горного Дагестана

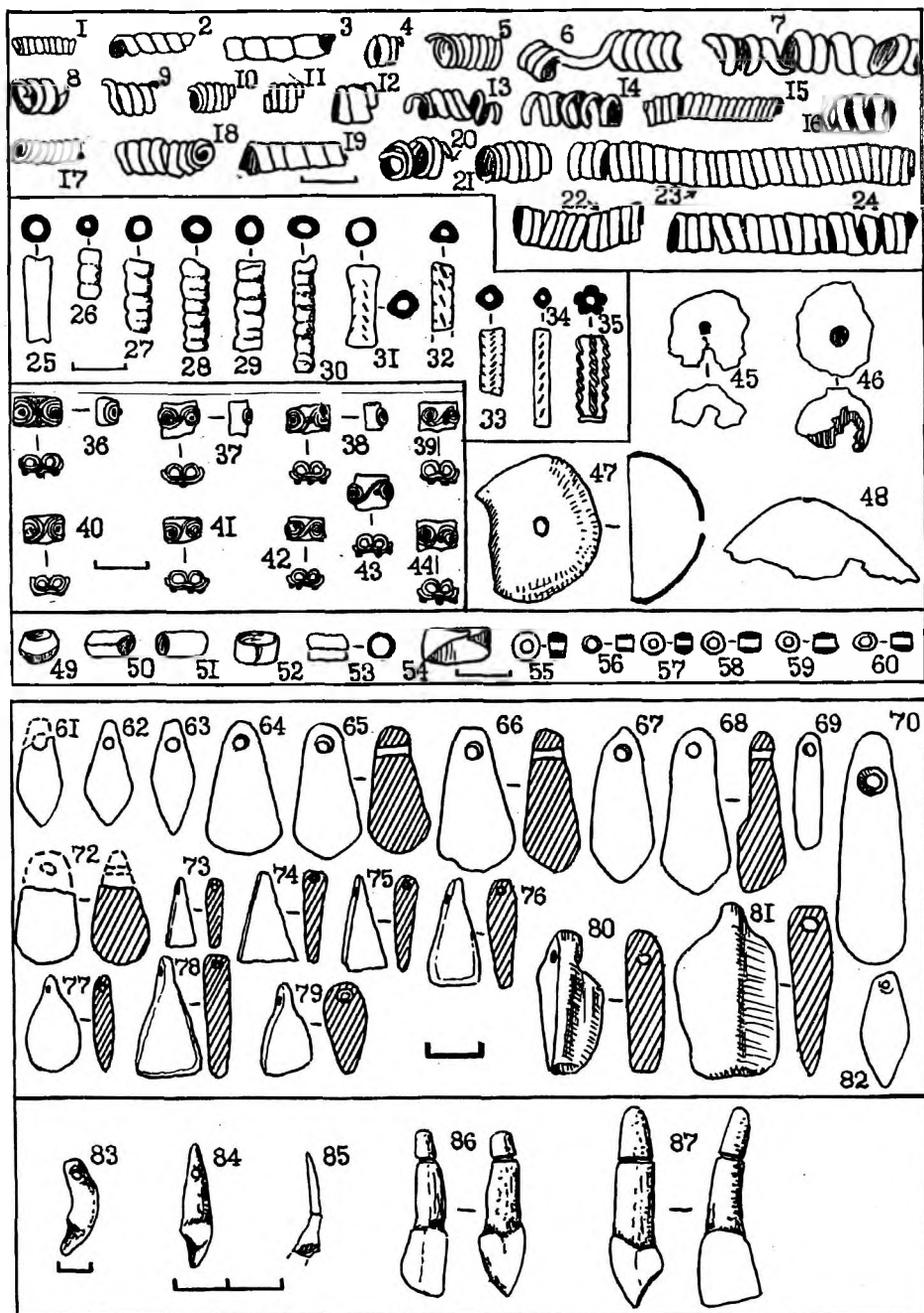

Рис. 119. Украшения из бронзы (1-60), камня (61-82)
и кости (83-87) памятников Горного Дагестана

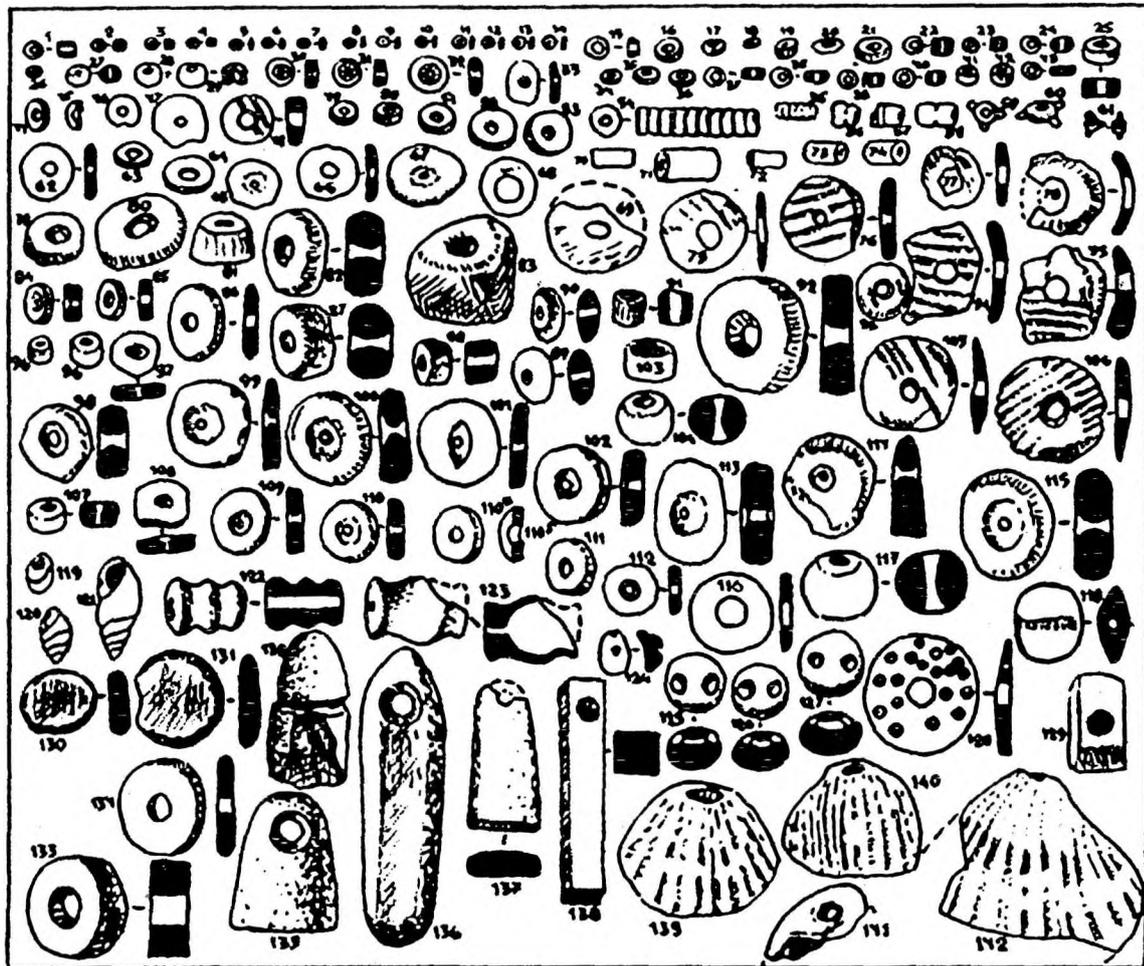

Рис. 120. Украшения из пасты (1-43), сердолика (96-102, 107-110), гагата (44-47, 79-92), горного хрусталя (11-112), раковины (48-53, 62, 75-78, 93-95, 105-106) и кости (72-74, 110а,б) памятников Горного Дагестана

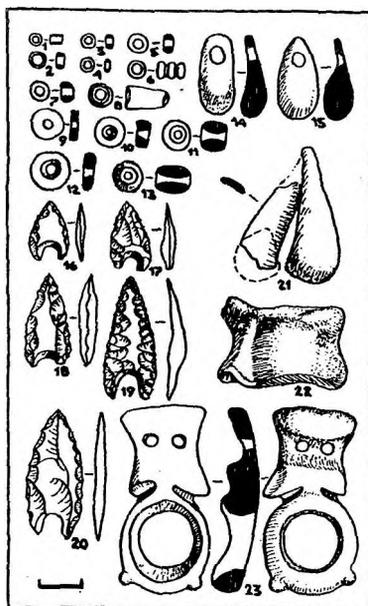

Рис. 121. Ирганайский могильник I. Подкурганый склеп: 1-13, 21 - бусы и подвески из пасты, сердолика, гагата, кости и бронзы; 16-20 - кремневые наконечники стрел; 22 - альчик; 23 - костяная пряжка

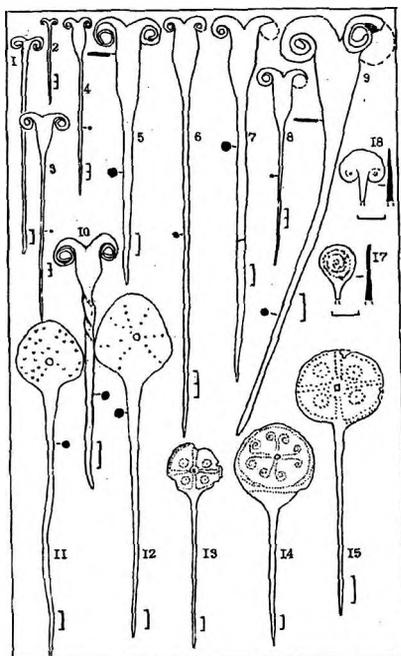

Рис. 122. Бронзовые булавки памятников Юго-Восточной Чечни

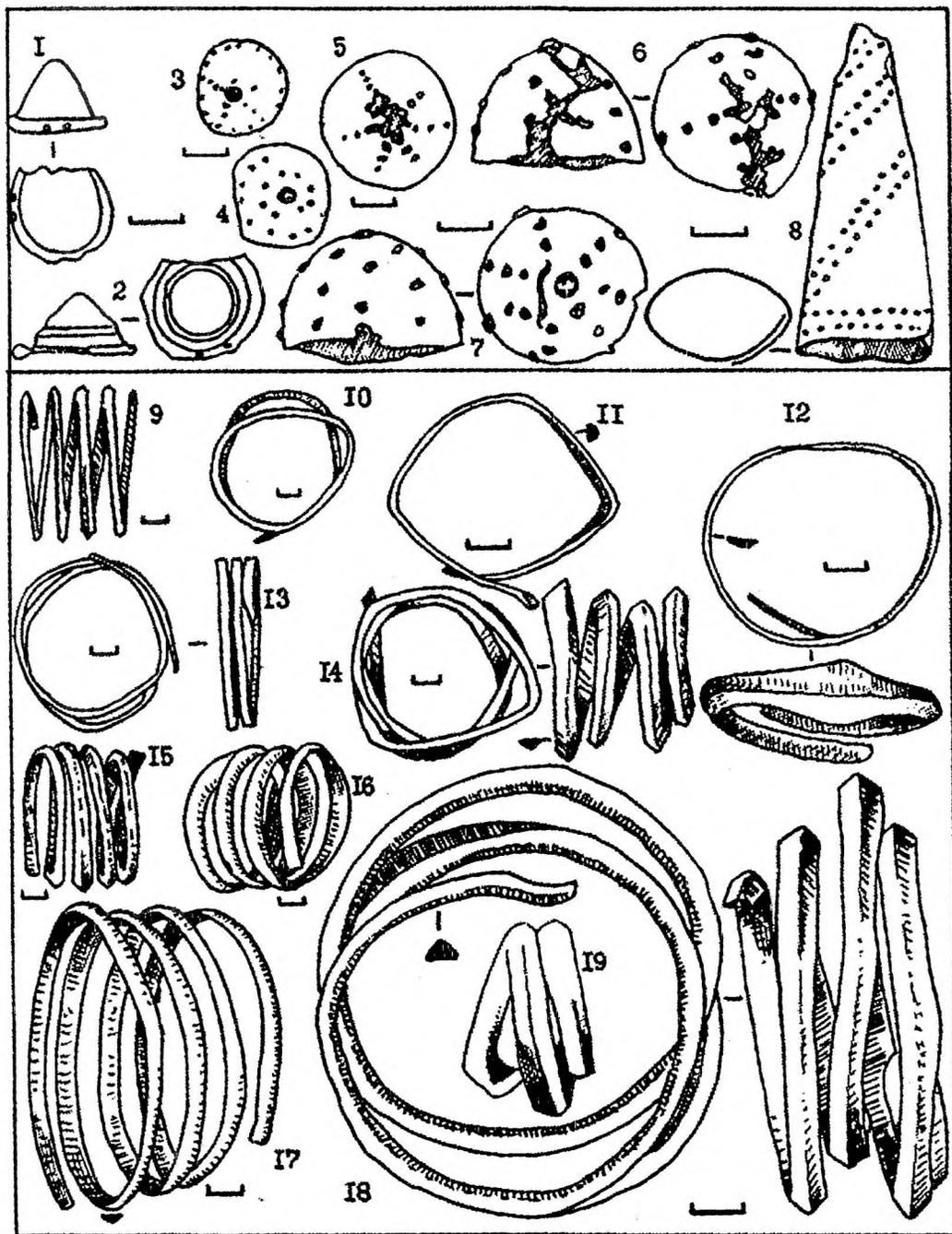

Рис. 123. Бронзовые украшения памятников Юго-Восточной Чечни:
1-8 - конусовидные колпачки, 9-19 - браслеты

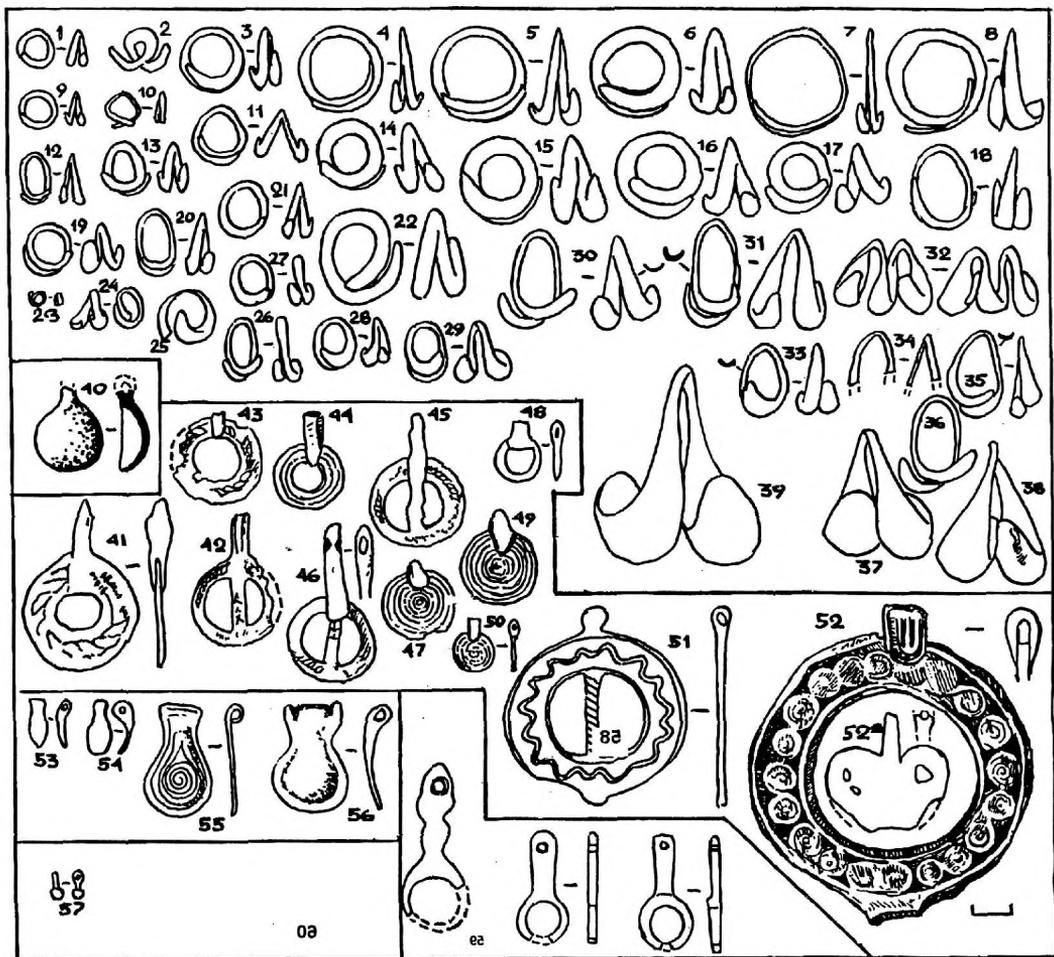

Рис. 124. Украшения из бронзы (1-57) и кости (58-60) памятников Юго-Восточной Чечни

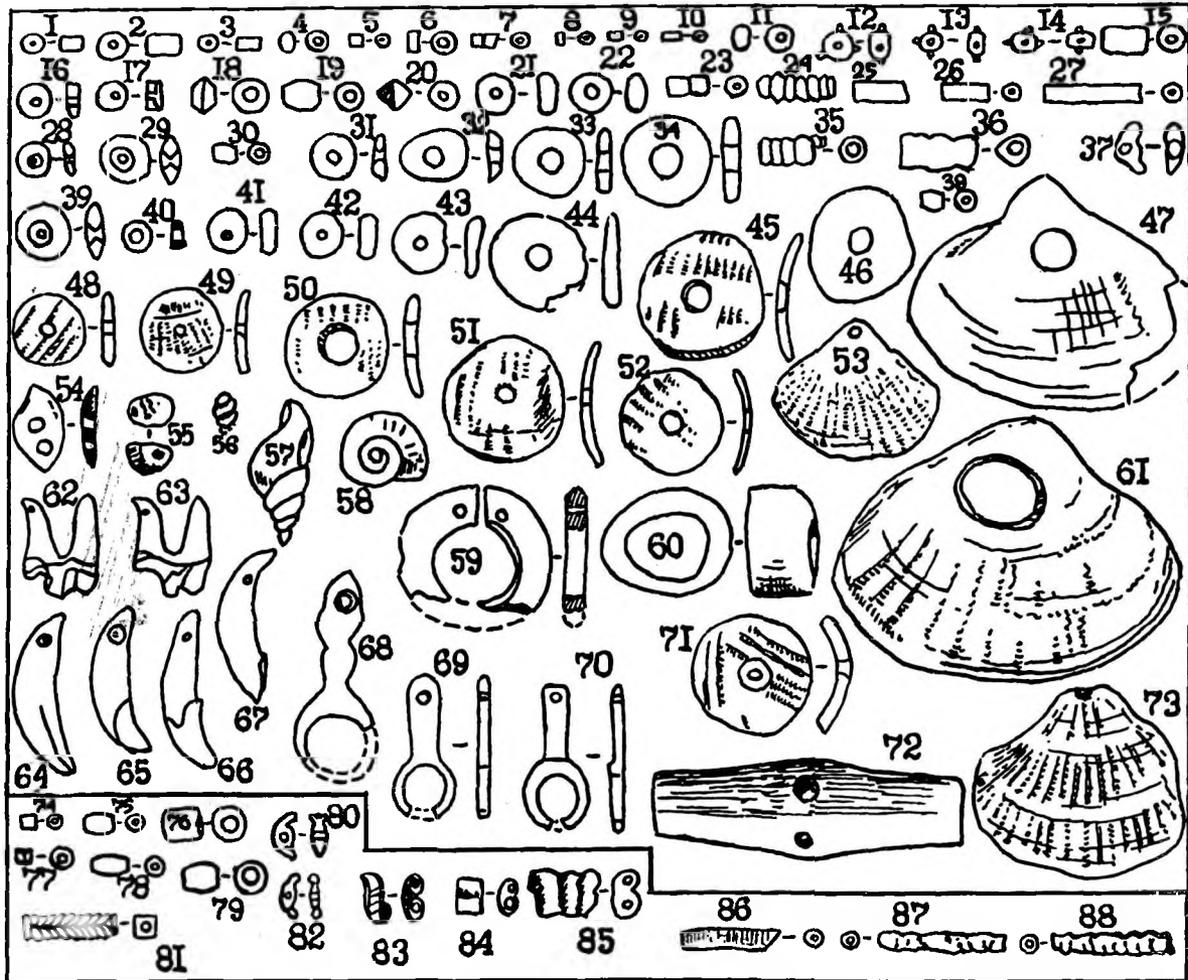

Рис. 125. Украшения из пасты (1-15, 18-27, 30, 35-38), сердолика (28-29, 39), гагата (16-17), камня (40), кости (31-34, 60, 62-70, 72) и раковины (40-59, 61, 71, 73) памятников Юго-Восточной Теччи

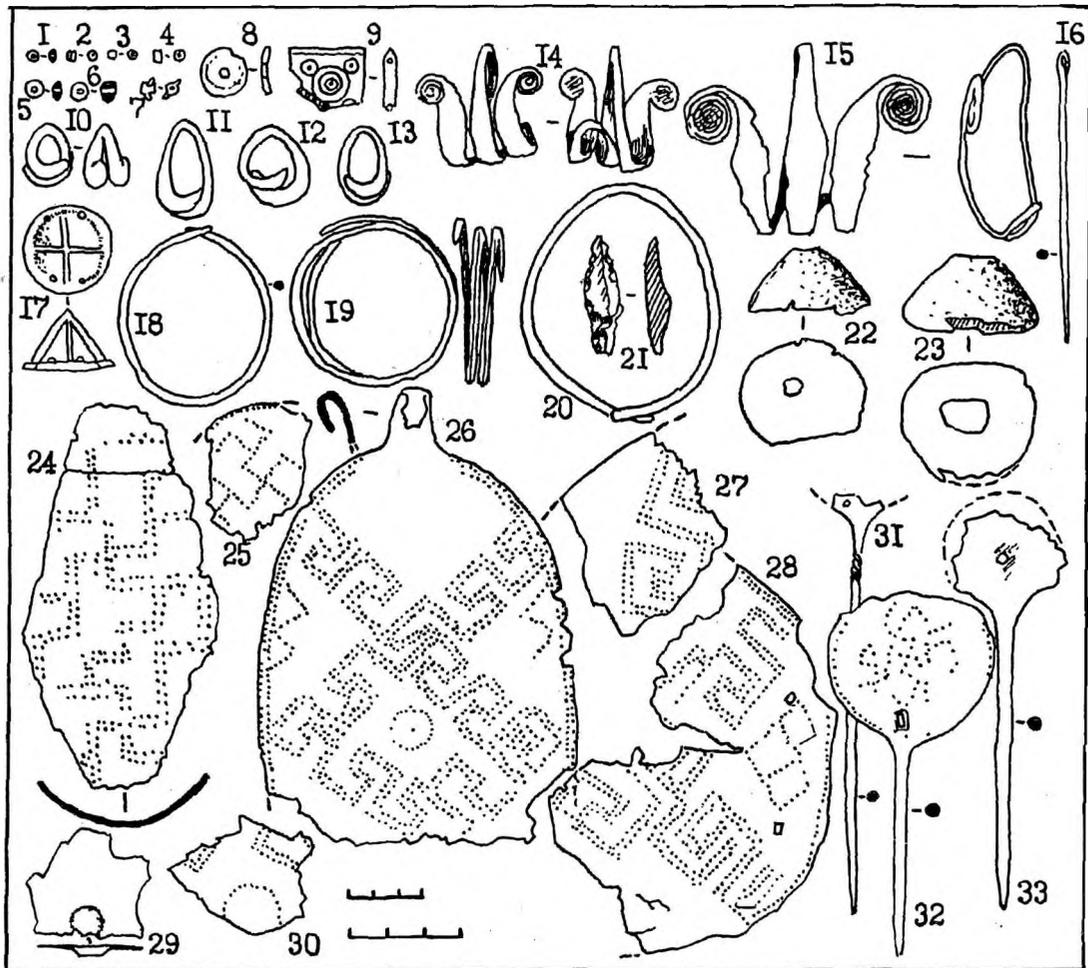

Рис. 126. Находки из эгикальских склепов (Ингушетия):
 1-9 - паста, 10-20, 22-23 - бронза, 21 - кремнь

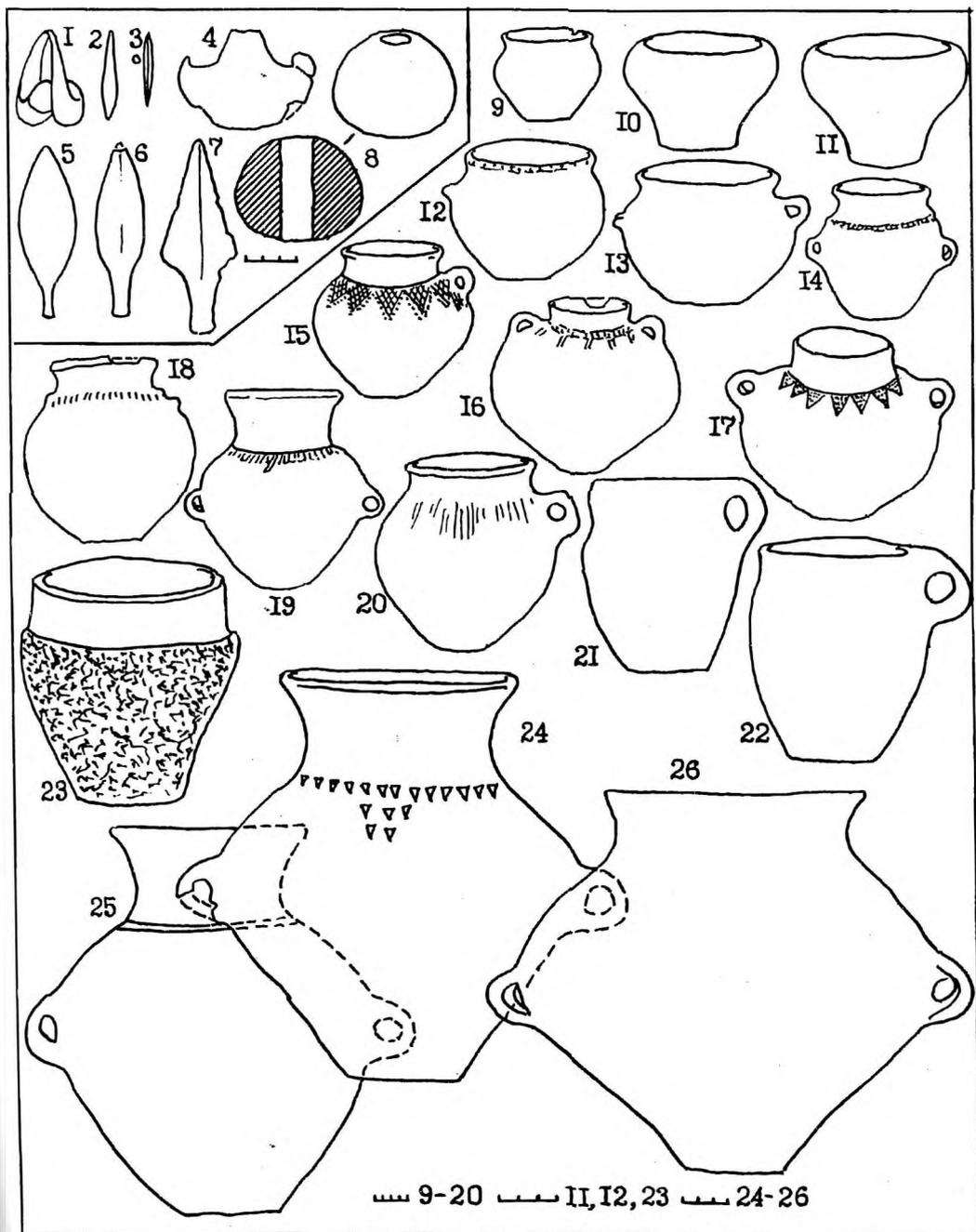

Рис. 127. Инвентарь, характерный для присулакской группы памятников (Чиркей): 1-7 - бронза, 8 - камень, 9-26 - керамика

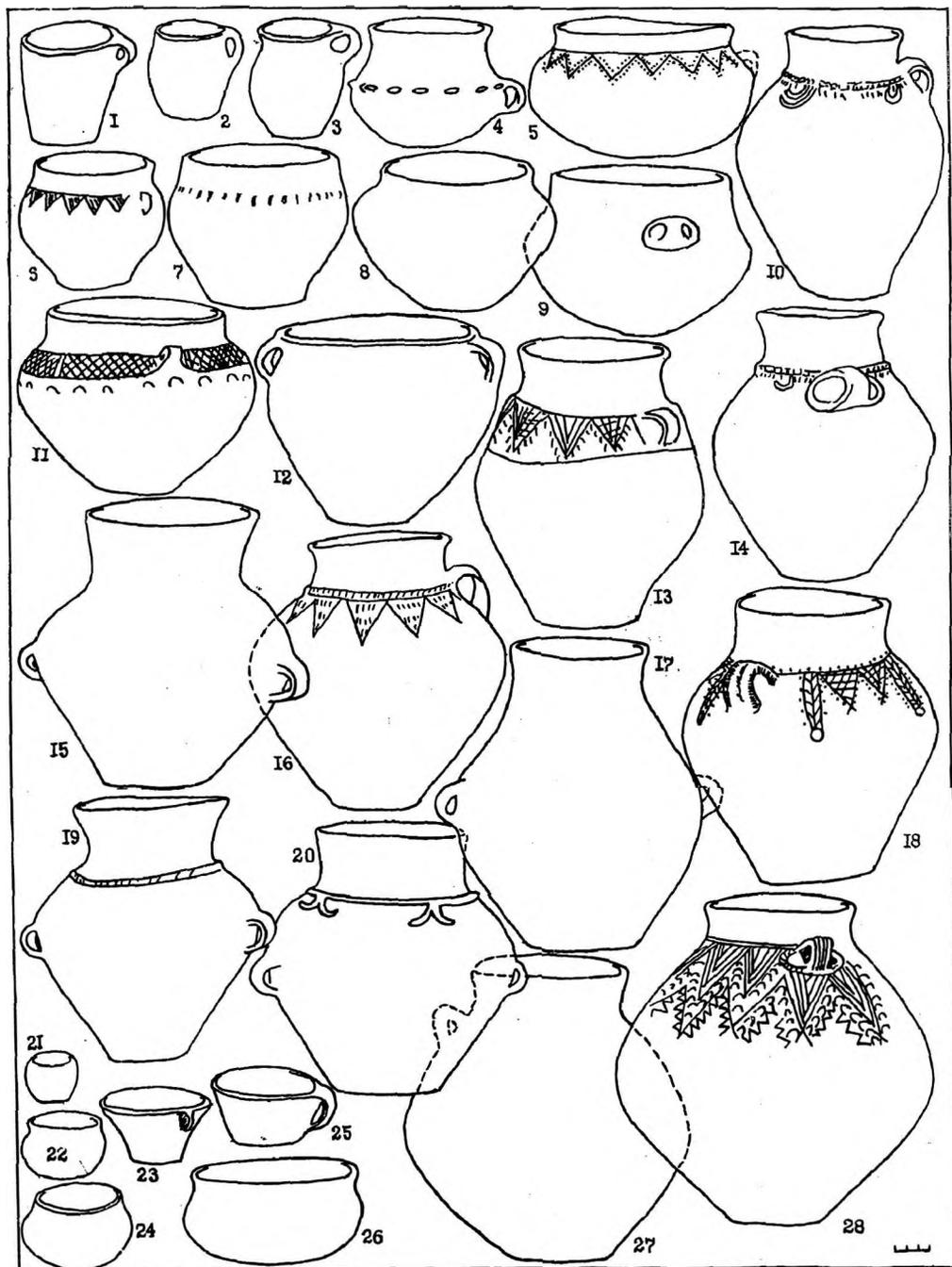

Рис. 128. Керамика присулакской группы памятников (Миатлы)

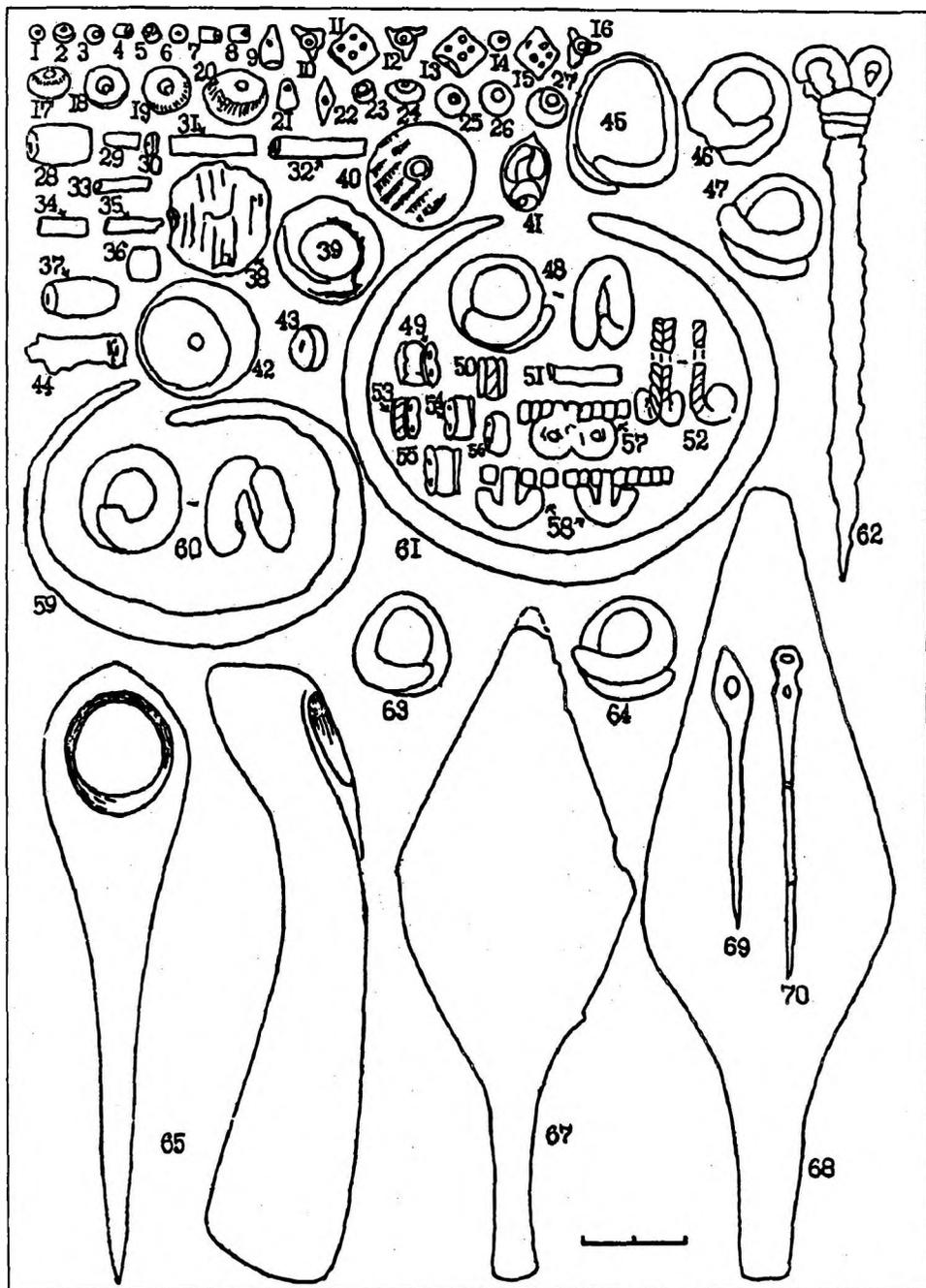

Рис. 129. Украшения (1-64, 69-70) и предметы вооружения (65-68) памятников присулакской группы памятников (Миатлы, Чиркей).

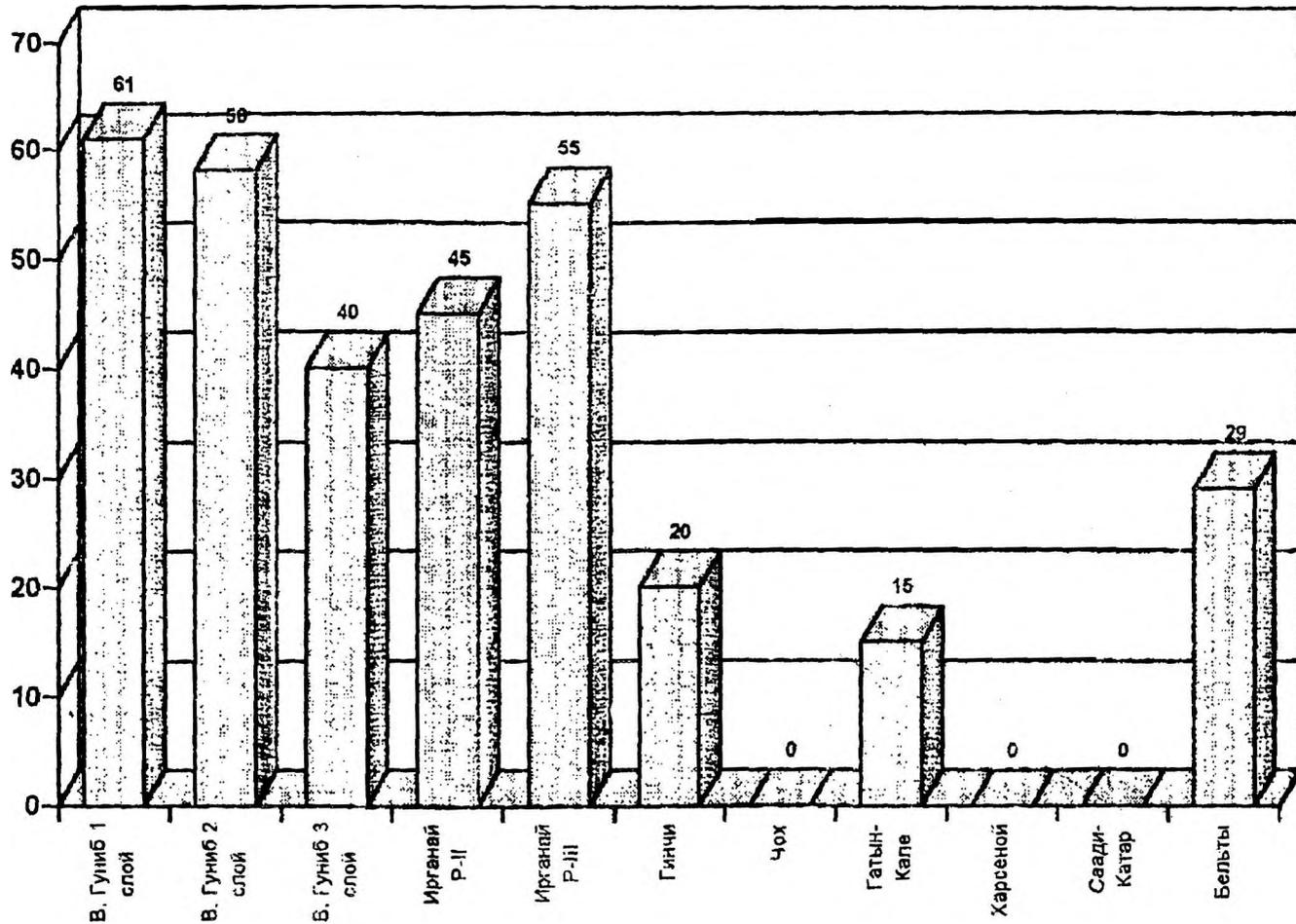

Рис. 131. Процент обожженной посуды в керамических коллекциях некоторых памятников Горного Дагестана и Юго-Восточной Чечни

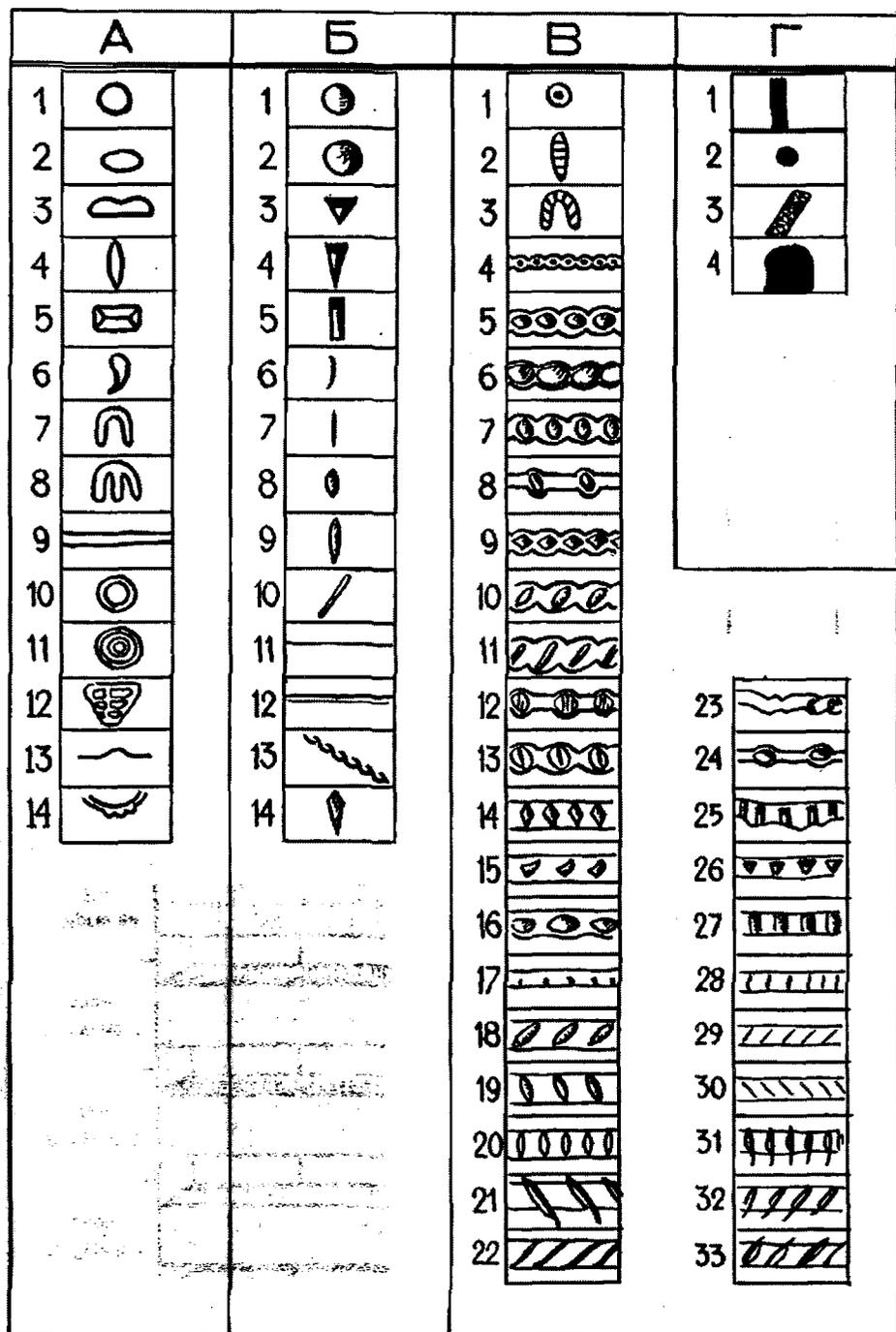

Рис. 132. Классификация орнаментальных мотивов на керамике гинчинской керамики.

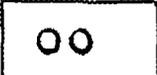
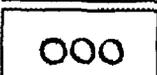
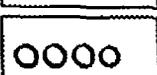
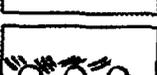
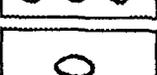
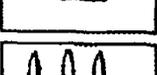
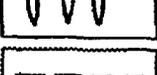
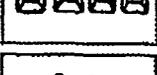
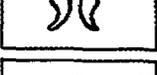
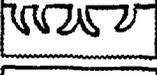
№	ОРНАМЕНТ. КОМПОЗИЦИИ		В.ГУНИБ	ГИНЧИ	ГИНЧИ	ИРТАНАЙ	ИРТАНАЙ	ИРТАНАЙ	ТАЛАЛАТИ	ТАЛАЛАТИ	ЧОХ	МУГИ	ИНГЕДАХ	ГОНО
1		A-1	■			■								
2		A-1	■	■		■								■
3		A-1	■	■		■								
4		A-1	■	■		■								
5		Б-7 A-1	■	■		■				■				
6		A-2	■					■						■
7		A-3	■											
8		A-4	■	■										
9		A-5	■	■						■				
10		A-6	■	■										
11		A-9 A-6	■	■						■				
12		A-10	■	■						■				
13		A-11	■	■										

Рис. 133. Классификация орнаментальных композиций на керамике Горного Дагестана

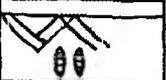
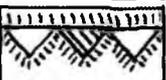
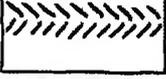
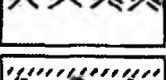
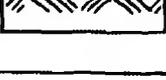

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
98		Б-18 Б-11		■										
99		Б-11 Б-2	■	■										
100		Б-11 Б-7		■										
101		Б-7 Б-11	■	■										
102		Б-11 Б-7	■	■										
103		Б-7	■	■										
104		Б-7	■	■										
105		Б-7	■	■										
106		Б-7	■	■										
107		Б-11 Б-7 Б-1		■										
108		Б-11 Б-7		■										
109		Б-7	■	■										
110		Б-7 Б-10		■										
111		Б-7 Б-11 Б-10		■							■			

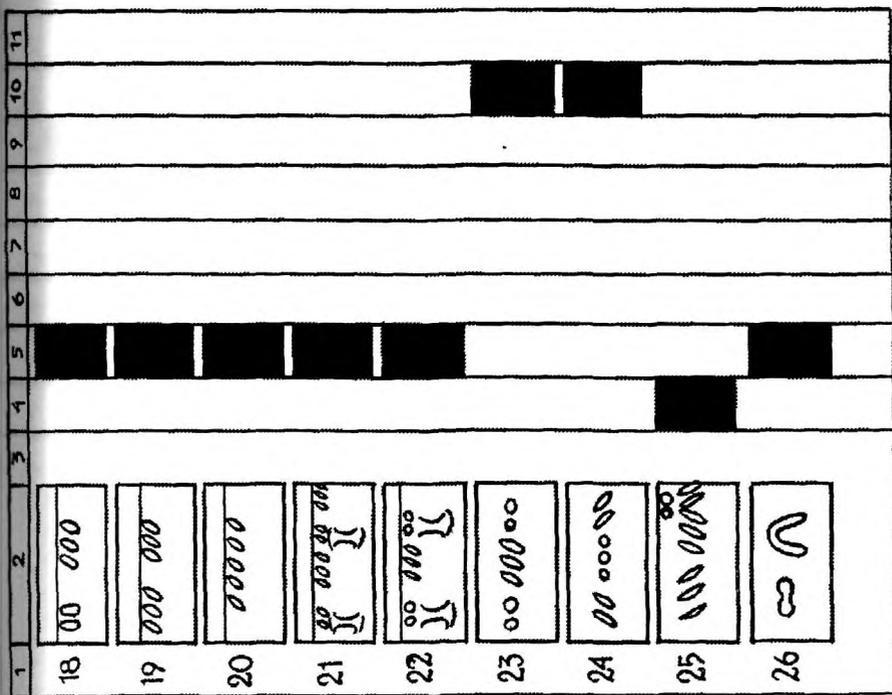
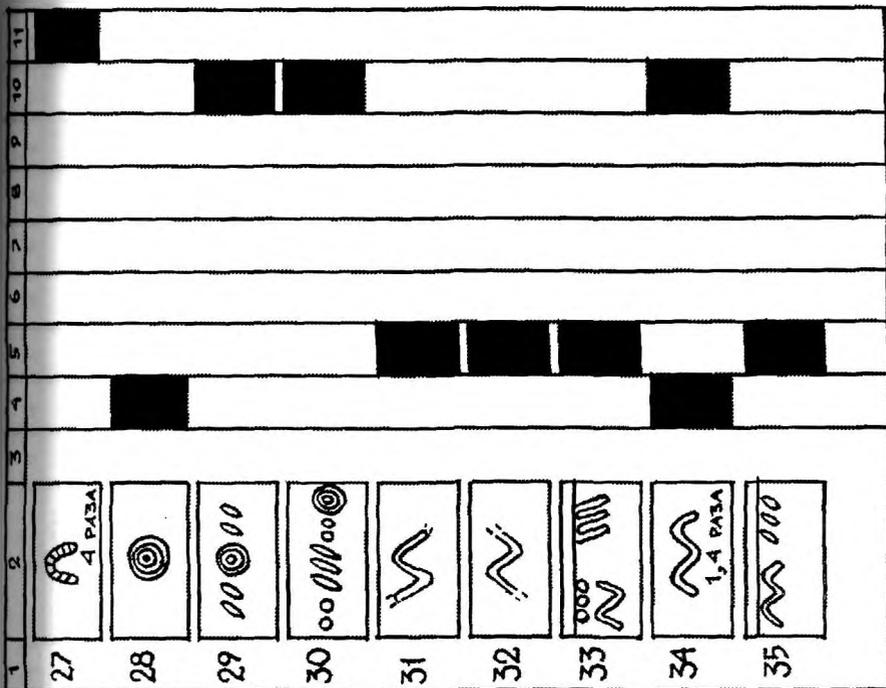

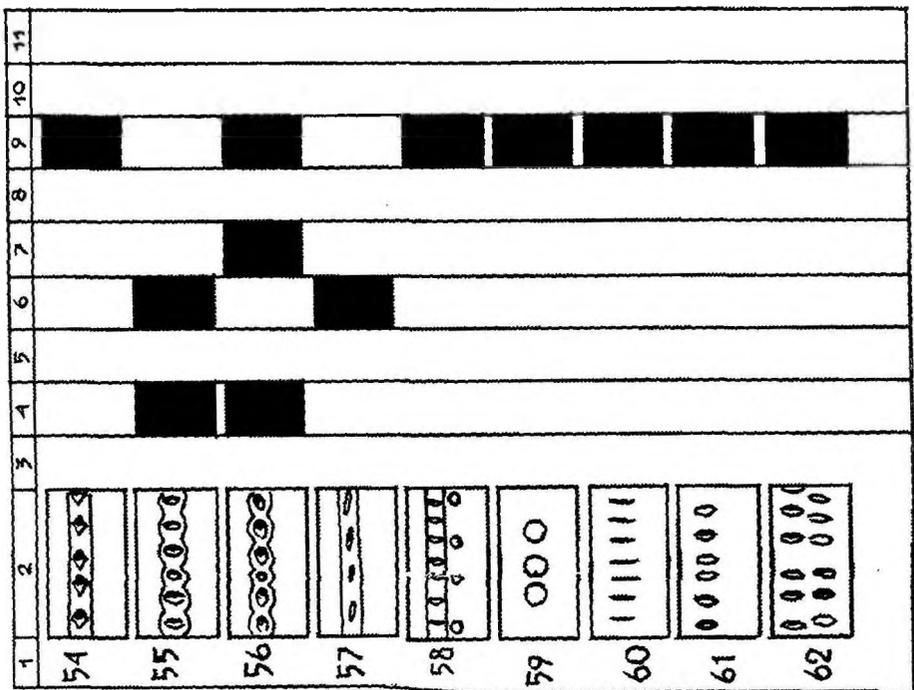
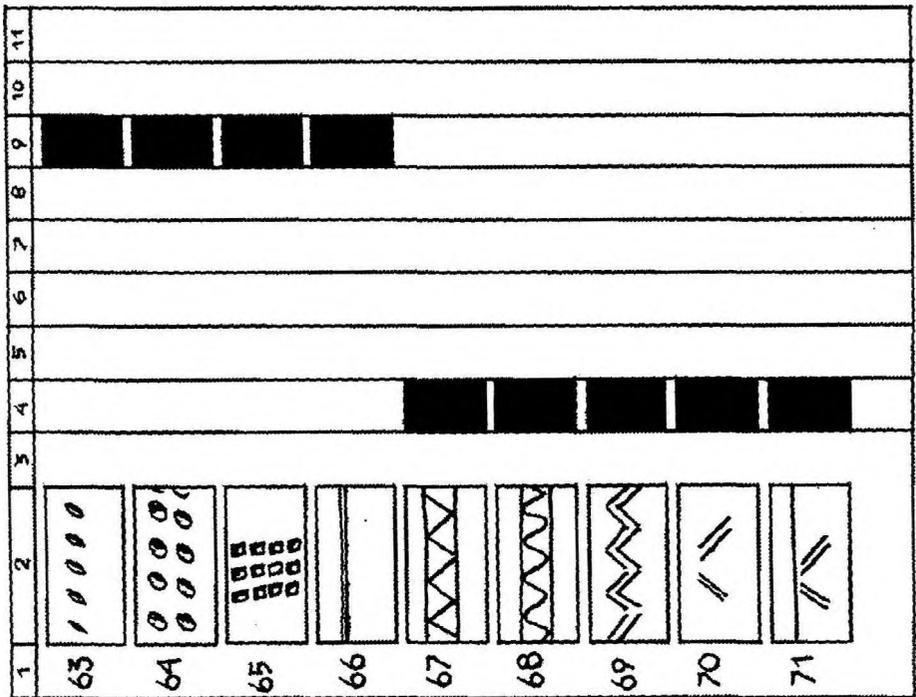

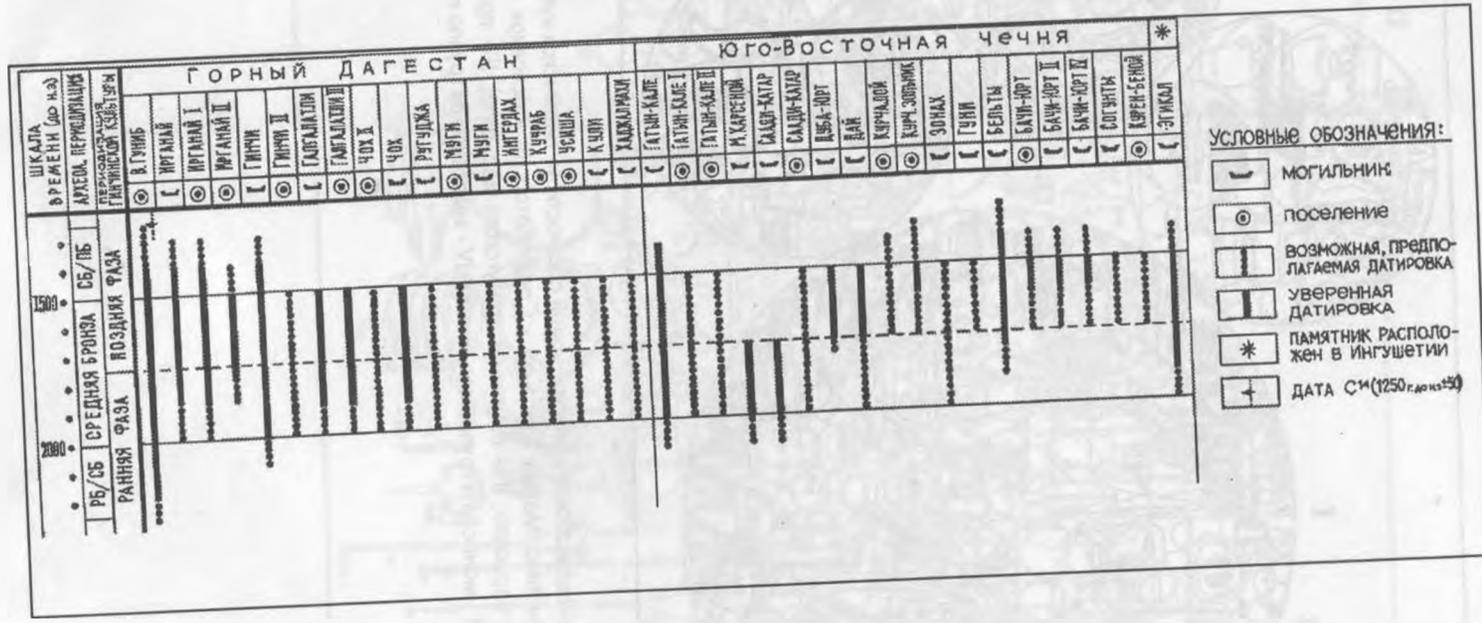

Рис. 135. Схема периодизации и хронологии гинчинской культуры.

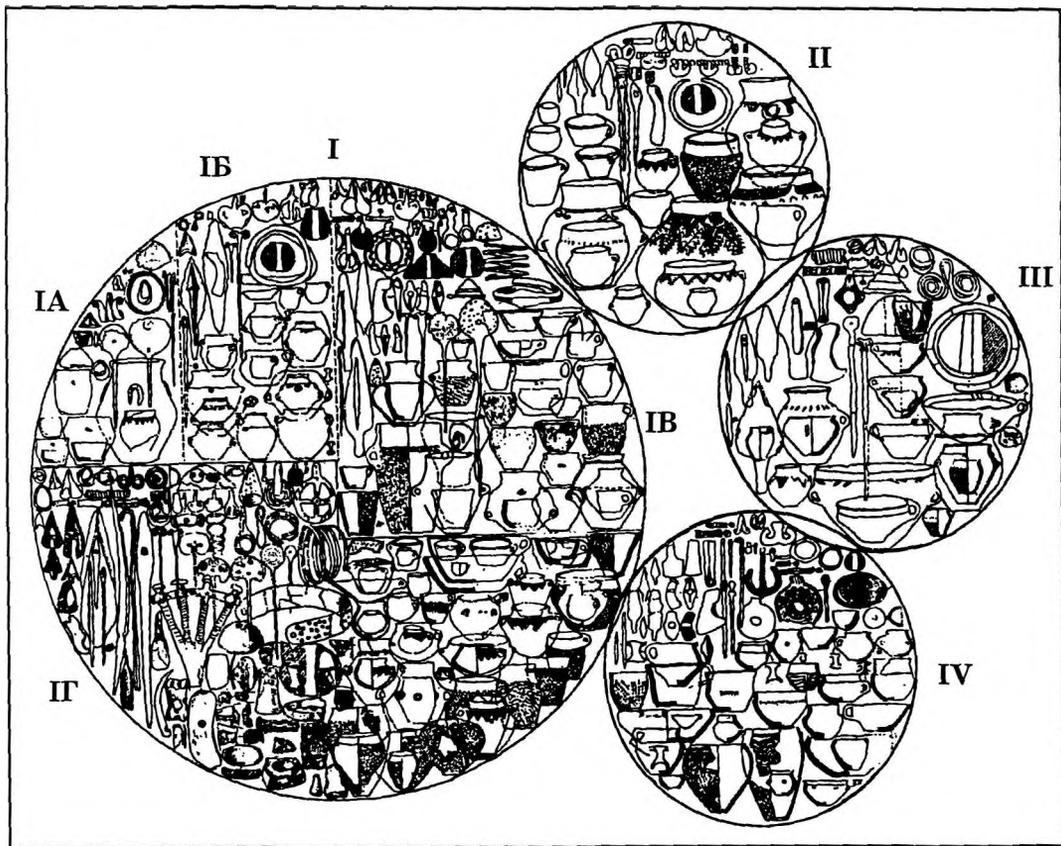
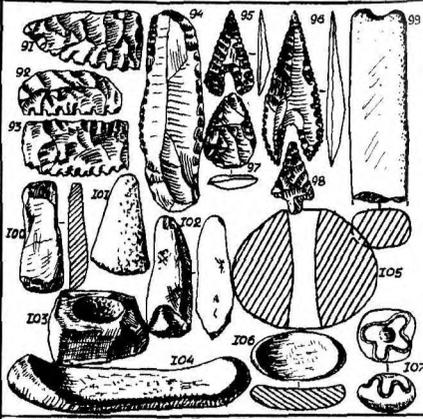
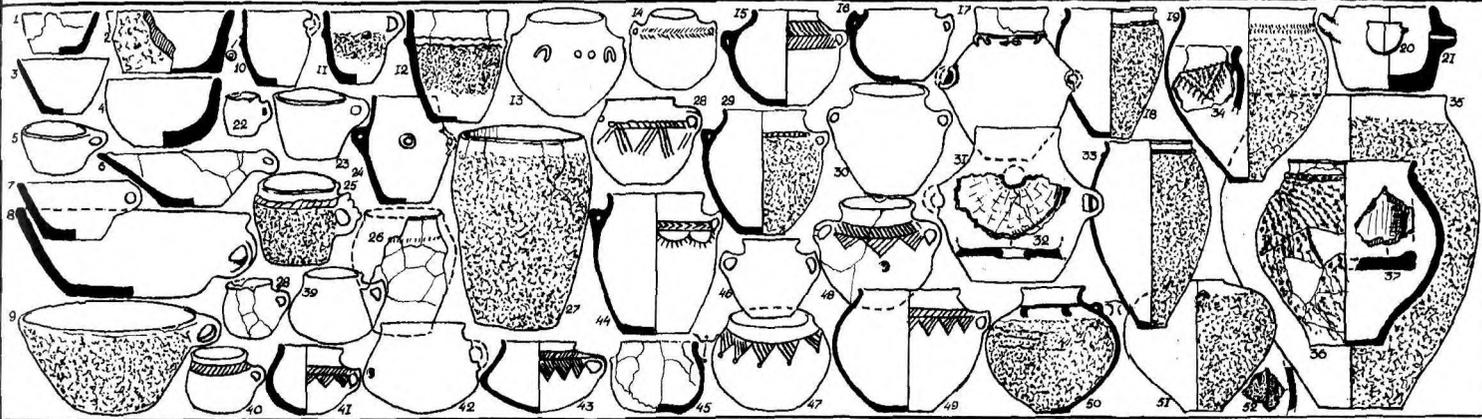

Рис. 137. Схема восточнокавказской метакультурной общности: I - гинчинская культура (IA - Эгикал, IB - памятники типа Малый Харсеной - Саади-Котар, IB - основная масса памятников ичкеринского варианта, II - памятники койсугского варианта), II - присулакская группа памятников, III - манасская группа памятников, IV - великентская группа памятников.

К Е Р А М И К А

О Р У Д И
К А М Е Н Ь

ГОРНЫЙ ДАГЕСТАН

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЧЕЧНЯ

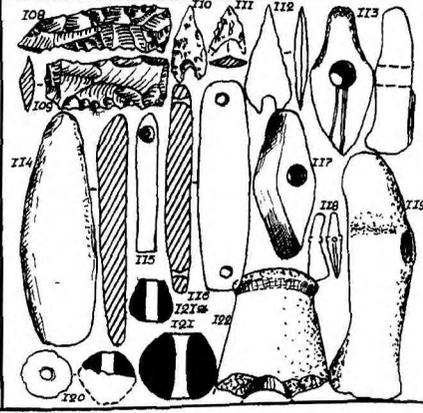
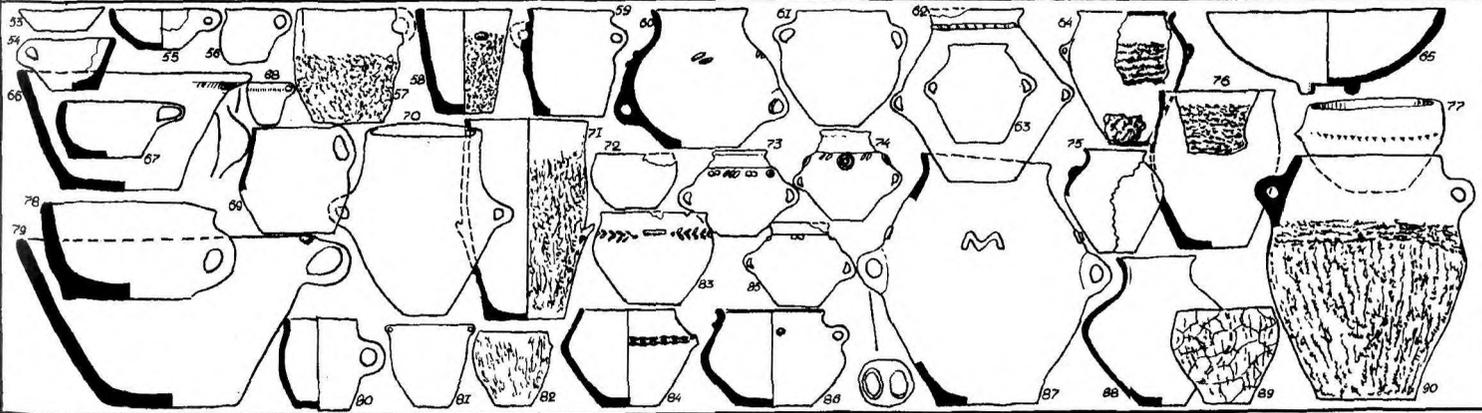
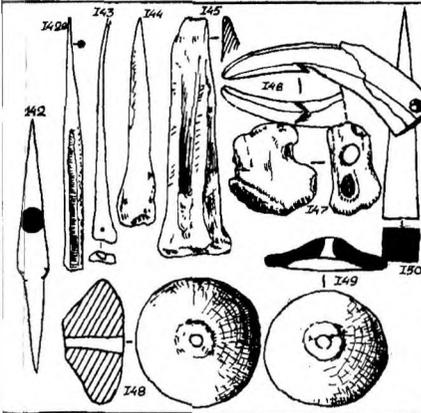
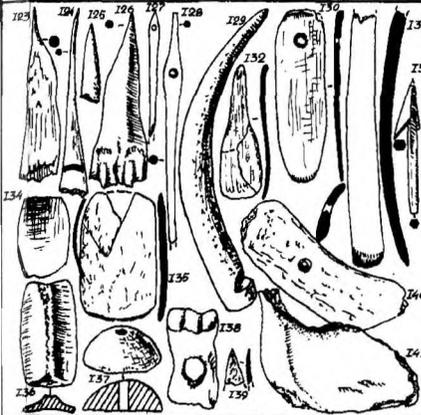

Рис. 136. Сводная таблица инвентаря гинчинской культуры

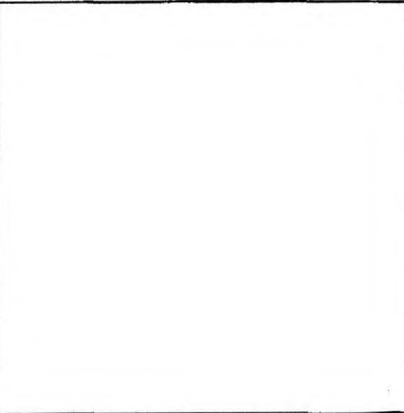
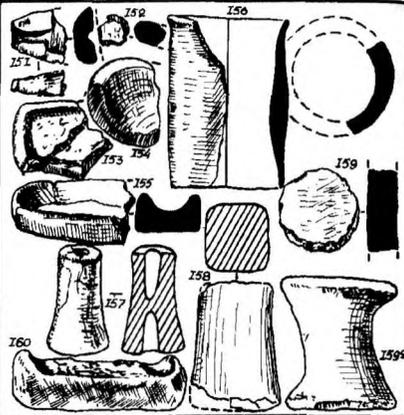
Я ТРУДА, ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ

УКРАШЕНИЯ, ПРИНАДЛЕЖНО

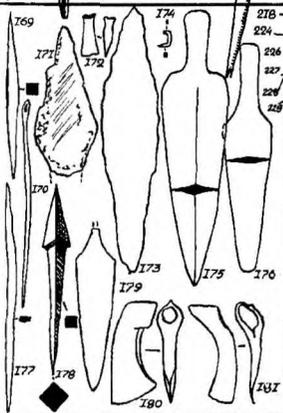
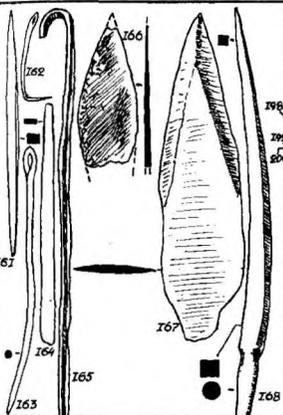
КОСТЬ

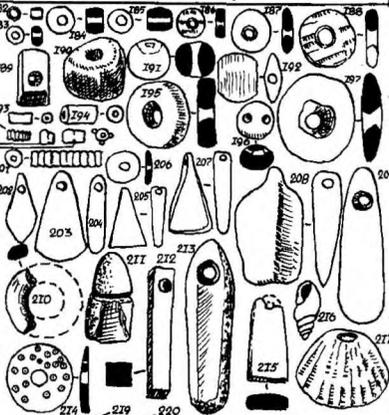
КЕРАМИКА

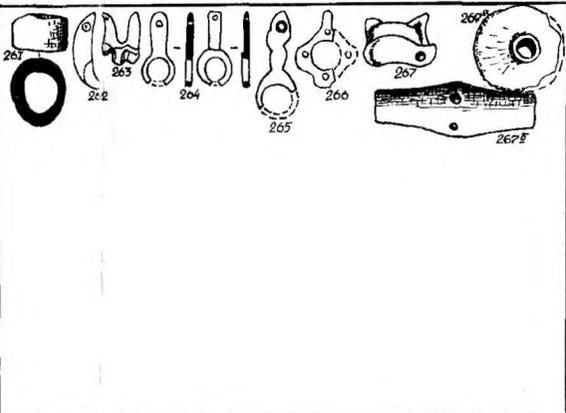
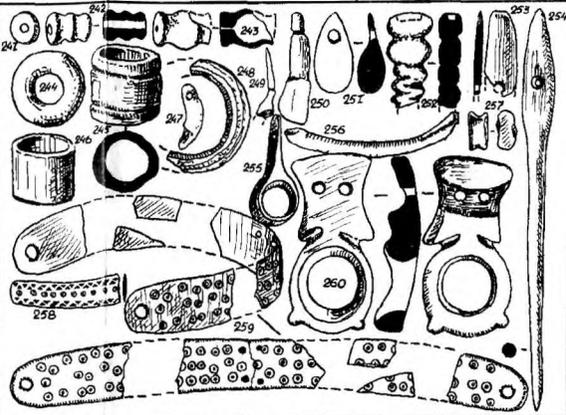
МЕТАЛЛ

ПАСТА, КАМЕНЬ, РАКОВИНА

КОСТЬ

Замеченные опечатки и исправления

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
6	6 св.	следователями	исследователями
17	23 св.	1964 г. озаменовался выходом также монографии....	1965 г. озаменовался выходом монографии ...
141	3-4 св.	рис. 120	рис. 132
142	5 св.	рис. 140	рис. 136
143	1 св.	рис. 140	рис. 136
160	4 св.	рис. 13	рис. 135
161	7 св.	рис. 136	рис. 137
162	14 св.	рис. 94 ₄ и др.	рис. 104 ₆₋₁₀
164	19 св.	рис. 107	рис. 118
164	5 св.	рис. 104	рис. 115
164	4 св.	рис. 104	рис. 115
164	3 св.	рис. 104	рис. 115
165	8 св.	рис. 24	рис. 22
165	19 св.	рис. 104	рис. 115
166	6 св.	рис. 107	рис. 118
166	17 св.	рис. 139	рис. 135
167	10 св.	рис. 72	рис. 75
167	20 св.	рис. 110	рис. 112
167	11 св.	рис. 101	рис. 112
168	8 св.	рис. 110	рис. 122
168	9 св.	рис. 104	рис. 115
168	19 св.	рис. 140	рис. 135
168	15 св.	рис. 110	рис. 122
168	15 св.	[После слов «...точечным узором (рис. 122 _{11,12}).» пропущено предложение]	Эти булавки идентичны булавкам, происходящим из самого раннего 5-го яруса круглопланового склепа №5 могильника Гинчи (рис. 122 _{10,11}).
168	12 св.	рис. 104	рис. 122
169	4 св.	рис. 110	рис. 122
169	9 св.	рис. 101	рис. 112
169	19 св.	рис. 100	рис. 111
172	10 св.	рис. 97	рис. 108
173	3 св.	рис. 140	рис. 137
176	4 св.	рис. 73	рис. 75
176	4 св.	рис. 97	рис. 108
176	3 св.	рис. 97	рис. 108
314	подпись под рис. 74	Местерух	Ингердах

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	
5	
ОТ РЕДАКТОРА	
6	
ВВЕДЕНИЕ	
8	
I. К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ	
11	
II. ПОСЕЛЕНИЯ	
37	
§ 1. Общая характеристика поселений.	
Топография. Планировка	
37	
§ 2. Строительное дело и архитектура	
43	
III. МОГИЛЬНИКИ	
54	
IV. АНАЛИЗ ИНВЕНТАРЯ	
71	
§ 1. К е р а м и к а	
71	
§ 2. Орудия труда и предметы вооружения	
102	
§ 3. Украшения, принадлежности костюма,	
предметы культа и искусства	
113	
V. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ	
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ	
132	
§ 1. Выделение гинчинской культуры.	
Ареал и локальные варианты	
132	
§ 2. Хронология и периодизация	
152	

§ 3. Гинчинская и каякентско-хорочоевская культуры:

Проблема преемственности

173

§ 4. К вопросу об этнокультурной ситуации

на Северо-Восточном Кавказе

в эпоху средней бронзы

185

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

185

ПРИЛОЖЕНИЕ

К вопросу о скотоводстве и охоте в древнем Дагестане

(по остеологическим материалам раскопок

Верхнегунибского и Ирганайского поселений

эпохи средней бронзы)

188

SUMMARY

195

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

211

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

244

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

246

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ

ПАМЯТНИКОВ И КУЛЬТУР

252

ИЛЛЮСТРАЦИИ

259

Научное издание

Рабадан Гаджиевич
Магомедов

ГИНЧИНСКАЯ КУЛЬТУРА

Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы

Утверждено к печати
Институтом истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН

Технический редактор *З.Г. Магомедова*
Художественный редактор *И.А. Хумаев*
Компьютерная верстка *Д.Х. Даибова*

Подписано в печать 15.12.1998 г.

Формат 72 x 104 ¹/₁₆

Бумага офсетная №1

Печать офсетная

Гарнитура Таймс

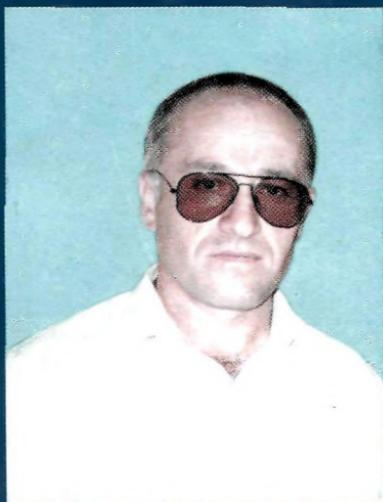
Усл. п.л. 27,6

Тип. заказ №270

Тираж 500 экз.

instituteofhistory.ru

МАГОМЕДОВ

Рабадан Гаджиевич

родился в 1957 г. в сел. Дуранги Буйнакского района Республики Дагестан. В 1981 г. окончил исторический факультет Ростовского госуниверситета. В настоящее время - старший научный сотрудник отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, кандидат исторических наук (1993 г.), занимается исследованиями в области первобытной археологии Северного Кавказа, автор 65 печатных трудов, лауреат Соросовской премии поддержки российских гуманитариев (1994 г.).